ВАДИМ ПАНОВ

suMpa

SHOUT
SHARE
IT

•

Вадим Панов Аркада. Эпизод второй. suMpa

Арка́да (фр. arcade) – ряд одинаковых по форме и размеру арок.

Арка́да (англ. arcadegame) – жанр компьютерных игр, характеризующийся коротким, но интенсивным игровым процессом.

Арка́да (таг. arcade) – проект исследования будущего Вадима Панова, не связанные между собой романы, описывающие варианты развития человечества к 2029 году н. э.

Все персонажи вымышленные, любые совпадения с реальными людьми и событиями, имевшими место в действительности, являются случайными.

© Панов В. Ю., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Мы крайне редко задумываемся над тем, в каком чудесном мире живем.

Мы построили удивительное общество, привыкли к нему, перестали радоваться достижениям, и в этом… И в этом, конечно же, нет ничего странного: восхищение прекрасным, каким бы сильным оно ни было, не может длиться вечно. Удивительное новшество превращается в обыденность, и мы воспринимаем его как часть повседневной действительности. И в какой-то миг никто уже не сможет убедить нас, что совсем недавно мир кардинально изменился.

А иногда бывает так, что мы не верим в факт изменения мира. Нам кажется, что он был таким всегда.

Потому что мир удивительно хорош.

– Прекрасный замок, – негромко произнес я, когда старый официант поставил передо мной кофе.

На открытой террасе было так ветрено, что слова улетали прочь, в сторону перевала, и даже я, отнюдь не неженка, с удовольствием завернулся в плед, но посетители знаменитого кафе «Moses Mozart» предпочитали именно террасу, дабы насладиться великолепным видом на огромный замок, занимающий всю вершину соседней горы. Его выстроили в классическом стиле во времена раннего Средневековья, но изрядно переделали в эпоху Возрождения, и архитекторы ухитрились органично дополнить неприступную крепость непривычным для нее изяществом, создав чудесный сплав красоты и силы.

– Замок особенно хорош при безоблачном закате, – улыбнулся в ответ старик, держа в руке блестящий серебряный поднос. – Солнце садится позади, окутывая стены и башни волшебным светом.

– Надеюсь, сегодня закат будет безоблачным? – спросил я.

– Хотите полюбоваться?

– Мне рассказывали об этом действе в самых восторженных тонах.

– Уверяю, вы не будете разочарованы, – пообещал официант. – Но я рекомендовал бы заказать столик. По вечерам у нас людно.

– В первом ряду, – распорядился я.

И спросил, когда начнется закат.

Через пару минут довольный официант ушел, я сделал глоток кофе – он оказался лучше, чем можно было ожидать в столь популярном у туристов заведении, – вернул тончайшую фарфоровую чашечку на столик и оглядел террасу. Время завтрака прошло, до обеда далеко, и на открытой площадке занято всего четыре столика. На правом краю, откуда хорошо просматривается не только замок, но и протекающая далеко внизу река, расположилась романтическая пара: высокий мужчина лет тридцати пяти, с классическим галльским профилем и гривой черных волос, и молодая блондинка, стиль одежды которой нарушал все известные мне парижские законы о нравственности и общественных приличиях. К счастью, мы находились далеко от центра шариатской моды, и красавица могла без опаски выставлять напоказ свои выдающиеся прелести, на радость богатому спутнику и на зависть окружающим. Во всяком случае, две крупные афроитальянки смотрели на блондинку с нескрываемым вожделением, вполголоса обсуждая, что бы они сделали с красивой девчушкой, окажись она в их власти. Однако приземистый «Porsche Sovereign» модного в этом сезоне цвета «золотая ваниль», на котором приехала парочка, делал шансы итальянок призрачными. Потому что «Porsche» был украшен малозаметной, но необычайно веской меткой «original». Последний столик занимали Гуффи и Плуто[1]*, яркие и весьма шумные. Они галдели у балюстрады, обнимались, целовались и позировали дрону: то на фоне замка, то просто так. Официанту отвечали веселым лаем, а в какой-то момент дружно завыли, вызвав у меня улыбку, а у афроитальянок – раздражение. Афроитальянок вообще все бесило, поскольку блондинка никак не реагировала на их намеки и, судя по всему, игнорировала запросы через ar/G*[2].

В конце концов итальянки ушли, громко, без стеснения обсуждая «шлюх, ложащихся под толстосумов», за ними последовали Гуффи и Плуто, полностью увлеченные друг другом, затем кафе покинула романтическая парочка. Я же просидел на террасе до обеда: в уютном кресле-качалке, закутавшись в плед и любуясь замком. На моих коленях лежала книга, в которую я изредка заглядывал, но в первую очередь я отдыхал, дышал горным

воздухом и никуда не торопился.

Что же касается вечернего шоу, официант не обманул: оно действительно потрясало. Замок был выстроен мастером своего дела, сумевшим расположить здания так, чтобы черепичные крыши домов и башен создавали неповторимый ансамбль с крепостными стенами, над которым горделиво возвышался мощный донжон. И безоблачное небо стало идеальным фоном для картины чарующей красоты: лучи постепенно опускающегося солнца мягко вырезали замок из нашего мира, превращая в олицетворение сказки. Терраса наполнилась восторженными возгласами, кто-то фотографировал, кто-то вел прямой эфир, вокруг летала стая дронов, а я сидел в первом ряду и молча ждал появления драконов. Двух чудесных крылатых красавцев, чей танец должен был стать украшением вечера.

И стал таким.

И я хочу сказать, что ни одно самодеятельное видео, ни один профессиональный фильм из тех, что я видел, не сумели передать поразившую меня симфонию красоты.

Я наблюдал за тем, как взлетевшие со стен драконы устремились вверх, к чистому небу, вытянув шеи и почти слившись в бесконечно быструю ракету; как они закружились в хороводе, спускаясь вниз по широкой спирали; как пролетели над зрителями, продемонстрировав светлую чешую животов и могучие когти на согнутых лапах; как улыбались, зависнув в воздухе напротив террасы, обрамляя замок, подобно геральдическим щитодержателям.

Затем солнце скрылось за горами, большая часть туристов покинула террасу, остальные приступили к ужину, а я плотнее закутался в плед и задумался над тем, в каком чудесном мире нам довелось жить.

Пусть он и фальшив чуть более, чем полностью.

Из дневника Бенджамина «Орка» Орсона

data set primus FERRUM VICTUS [3]

Франция, Париж ноябрь 2028

И снова осень.

Новая осень в старом Париже.

Снова ноябрь, и небо над головой нежное, как первая любовь, нежно-нежно-голубое, нежное до прозрачности, нежное до того, что щемит душу и не верится, что оно настоящее. Небо светлое, как глаза младенца, и такое же чистое. Не испачкалось в словах и страстях, что поднимаются к нему с площадей и переулков. Небо не может испачкаться, потому что не слушает слова, поднимающиеся с площадей и переулков, ведь оно не обязано. И оно никогда не являлось частью города, ведь небо – это иной мир, не имеющий отношения к застывшим камням. Небо выше, и небо равнодушно, потому что его тянет в такую даль, вообразить которую человек не в состоянии.

Небо всегда стремится прочь.

Небо – это ветер, а ветер – гость. Поэтому небо всегда чужое.

И Орсон не доверял небу, поскольку в его профессии из прозрачной синевы или плотных облаков частенько прилетала смерть: снаряды, ракеты, вертолеты и дроны – все они тащат свое зло по небу, приучая к мысли, что сверху падают лишь неприятности. Орсон привык, Орсон не доверял, однако хорошо запомнил слова Сары: «Самое красивое небо – в ноябре в Париже…» и сейчас, глядя в неестественную нежность голубого, вспомнил именно эту фразу умершей жены:

«Самое красивое небо – в ноябре в Париже…»

Может, Сара так решила, потому что была в городе влюбленных один-единственный раз – в ноябре? И ее слова стали эхом царящего в душе восторга? Потому что никак иначе не могла она выразить радость от путешествия, о котором мечтала всю свою жизнь.

«Самое красивое небо…»

Эти слова не значили для Орсона ничего, поскольку небу он не доверял, но, услышав их, Бен улыбнулся, нежно взял в руки ладони жены, наклонился и подышал на них, потому что пальцы Сары оказались холодными-холодными. Они стояли на набережной Сены, смотрели на Эйфелеву башню, жмурились на яркое солнце, но оно не грело, только светило, а налетавший ветер заставлял ежиться и сожалеть о позабытых в гостинице шарфах.

«Мне хорошо, – тихо сказала Сара. – Несмотря на то, что осень».

«Париж красивый, – глупо ответил Орсон. – Всех сюда тянет».

«Мне хорошо, потому что я с тобой, дурачок, – улыбнулась

Сара. – Париж – это всего лишь город. Он безразличен, как любой другой, и открывает душу только тем, кто приезжает с любовью».

«Как мы с тобой?»

«Да, Бен, как мы с тобой».

И прозвучавшие в осеннем городе слова сделали Орсона счастливым.

///

– Они едут, – громко произнес Толстый, отставляя коммуникатор. – Зона блокирована.

И вытер со лба пот.

Их было четверо: Толстый, Китаец, Длинный и Мегера. Они прятались в подземном убежище, в выложенной камнем комнате, отчаянно напоминающей склеп, и знали, что им не уйти.

– Может, не будем рисковать? – очень тихо спросил Китаец.

Толстый вновь вытер со лба пот. Длинный дернул плечом, но промолчал.

Мегера же улыбнулась и покинула кресло, в котором сидела до сих пор, держа на коленях раскрытую книгу.

Ей было лет двадцать пять, если и больше, то не намного, и девушка дышала молодостью и силой. И красотой. Она была хорошо сложена: высокая, стройная, но не худая, и вместе с тем – не набравшая лишних килограммов. Но впечатление об ее фигуре складывалось лишь из того, как Мегера двигалась, поскольку девушка предпочитала свободную мешковатую одежду, принятую среди радикалов outG и «прогрессивной» молодежи. Широкие штаны и кофта прятали фигуру, но не могли скрыть узкое лицо с высокими скулами, чистым лбом и небольшим подбородком. Аккуратный носик, пухлые губы, такие изящные, что казались ненастоящими, большие карие глаза… из Мегеры можно было сделать замечательную куколку, наряженную в дорогое платье и не знающую ничего, кроме вечеринок, но огонь в глазах отчетливо говорил, что девушка сама может сделать куклу из кого угодно.

Куклу вуду.

– Мы сильно рискуем, – протянул Китаец, глядя на Мегеру.

Девушка вновь улыбнулась и откинула упавшую на лицо прядь. Черные волосы она стригла коротко, но оставила длинную непослушную челку, которую любила поправлять привычным жестом.

– Нас могут убить.

– Да… – Мегера остановилась, оглядела друзей, еще раз подтвердила: – Да. – И раскрыла книгу, которую держала в руке. Старую книгу в потертой обложке. Судя по всему, Мегера знала ее содержание наизусть, но ей нравилось гладить пальцами

пожелтевшие от времени страницы.

Когда остыл в груди бессмысленный порыв,
Твоя рука легко черту подводит бою;
Когда ушел прилив и отшумел отлив
Страстей, огонь и пыл унесших за собою,
Ты, ты одна ведешь нас к вечному покою,
Движенье волн морских навек остановив.
К иным приходит жизнь в сияющем обличье,
И власть державную дает
Иной судьбе внезапный взлет,
И вся земля дрожит в лихом победном кличе —
Но только смерть дает верховное величье;
Резцом ваятеля она мягчит черты
И одевает все покровом красоты[4].

Она ни разу не сбилась, ни разу не заглянула в книгу, ее голос оставался абсолютно спокойным, и зачарованные мужчины еще долго молчали после того, как последние слова стихотворения коснулись старых стен комнаты, больше похожей на склеп.

И лишь затем красивая девушка в бесформенной одежде улыбнулась и негромко, но очень уверенно сказала:

– Бояться нечего.

///

– Полковник! – Голос прозвучал резко и даже грубовато, но в пределах допустимого. – Полковник!

– Мистер Маккинрой, – отозвался Орсон, не отворачиваясь от окна, за которым проплывал осенний Париж.

– Мне показалось, вы спите.

– С открытыми глазами?

Бен попытался поддеть навязанного отряду офицера, но безуспешно – тот оказался малым не промах.

– Вы не умеете спать с открытыми глазами? – притворно изумился Маккинрой.

Послышались сдержанные смешки: парни Орсона оценили быстрый и острый ответ Эрла.

– Умею, – рассмеялся в ответ Бен. – Но сейчас я задумался.

– Что-то личное?

– Как вы догадались?

– Вы улыбались.

Парни притихли, потому что знали, что последние месяцы полковник улыбался, лишь вспоминая жену.

– Да, – помолчав, признал Орсон. – Я вспоминал… одну старую поездку. Очень приятную.

– Извините, что отвлек, – неожиданно произнес Маккинрой.

– Ничего страшного. Вы что-то хотели?

– Вы не будете против, если я проведу последний инструктаж?

Эрл – если, конечно, это его настоящее имя, – официально руководил операцией, однако вел себя на удивление деликатно, подчеркивая, что командир он временный и ни в коем случае не покушается на власть Орсона. Откуда Эрл взялся, спецам не сказали, то ли из разведки, то ли из GS[5], но Бен и его ребята поняли, что Маккинрой – парень опытный, побывал во многих переделках и в тонкостях оперативной работы разбирается не хуже их.

А может, и лучше.

– Конечно, Эрл, – кивнул Орсон.

Микроавтобус приближался к месту назначения, и другой возможности провести инструктаж могло не представиться.

– Спасибо! – Маккинрой переключился на общий канал связи и уверенно произнес: – Джентльмены, напоминаю: наша основная цель – арест хакера, известного в Сети под ником «Мегера». Предположительно мы говорим о женщине, но возможны варианты…

– Сейчас возможны самые разные варианты, – едва слышно проворчал Дакота, и парни захихикали. – Если кто забыл: у нас восемьдесят четыре идентификации сексуального самоопределения, и это не считая еще не признанных.

Орсон думал, что Маккинрой вспылит, но тот прекрасно знал, что в любом отряде обязательно отыщется балагур с индульгенцией на ехидные замечания, терпеливо дождался, когда смешки стихнут, и вернулся к инструктажу:

– В убежище, в которое мы войдем, находятся Мегера и несколько ее ближайших помощников. Состав группы неизвестен, однако я абсолютно точно знаю, что среди них нет бойцов, только умники. Так что будьте вдвойне осторожнее.

Умниками на сленге спецов звали хакеров. Сами по себе они опасности не представляли, порой даже не различали, где у пистолета ствол, а где курок, но с электронными железяками обращались превосходно, при удаче могли влезть в чужие линии связи и перехватить управление устройствами военных, а потому опасность представляли немалую. Разумеется, коммуникации спецов были надежно защищены, но накладки случались, и никто не хотел повторения «московской катастрофы», когда ушлый хакер захватил контроль над роботизированным танком и положил восьмерых отличных парней.

– Командование хочет Мегеру живой, – продолжил Эрл. – Членов группы – по возможности. Работаем с этой установкой. Но

главное – не дать Мегере уйти, потому что никто не знает, когда ее предадут в следующий раз. Вопросы есть?

– Если не получится взять – валим? – негромко спросил Орсон.

Он знал ответ, но хотел, чтобы ребята получили приказ не от него, а от временного командира.

– Если не получится взять – валим, – спокойно подтвердил Маккинрой. – Неделю назад Мегера проникла в систему Центра стратегического управления, и возникла реальная угроза начала ядерной войны. К счастью, программисты министерства обороны справились с проблемой и заткнули дыры, через которые влезла Мегера, но, как вы понимаете, отпустить ее мы не имеем права. Центр стратегического управления неприкосновенен – это закон. За всю историю Центр взламывали три раза, и все преступники были пойманы или убиты. Нам велено продолжить традицию. Еще вопросы есть?

– Почему послали нас, а не спецов GS? – спросил Дакота.

– Потому что Центр стратегического управления – это головная боль министерства обороны, сынок, – рассмеялся Эрл. – А именно министерство обороны будет платить тебе пенсию.

– Если он доживет, – уточнил Линкольн.

– Министерство обороны проследит за тем, чтобы он дожил, – парировал Эрл. – Я читал в газетах, что их ругают за потери.

Бен отвернулся, скрывая улыбку.

– А разве армию можно использовать на территории страны? – вдруг спросил Линкольн.

А вот теперь заржали все, причем без всякого стеснения, и даже Маккинрой присоединился к дружному хохоту.

– Что не так? – озадаченно спросил покрасневший Линкольн. – Чего ржете? Я знаю, что у нас секретная миссия…

– Мы в другой стране, сынок, – отсмеявшись, сообщил Маккинрой. – Здесь парням из министерства обороны разрешено стрелять в кого угодно.

– Я видел в аэропорту надпись: «State of France», – припомнил Линкольн.

– Но это не тоже самое, что State of Virginia, например.

– Почему?

– Потому что в мире много разных стран, и когда-нибудь ты об этом узнаешь, – произнес Маккинрой, утирая выступившую слезу. – Я даже немного завидую тебе, сынок: у тебя впереди столько нового…

Вновь послышался смех, но Орсон перекрыл его громким:

– Приехали, орки, к оружию!

И спецы стряхнули с себя веселье.

///

Когда-то считалось, что воткнутые в головы чипы станут панацеей от преступности, – собственно, под этим соусом и продавливали их повсеместное внедрение. Умные люди: юристы и ученые, политики и психологи, полицейские и даже «вставшие на путь исправления» уголовники хором доказывали, что электронная система слежения станет непреодолимой преградой для бандитов. Согласитесь, глупо вырывать у проходящей дамы сумочку или влезать в чужое жилище, если вживленный чип постоянно определяется в Сети, хочешь ты этого или нет. Это не видеокамеры, которых всегда не хватает, не глобальная система распознавания лиц, которую легко обмануть с помощью «обложки»[6], созданной на продвинутом craft(art)[7]. Каждый чип привязан к DNA[8] владельца, работает только будучи вставленным в «гнездо», обмануть его невозможно, передать кому-то – нереально.

Твой чип – твой постоянный допуск в ar/G. Твой единственный документ, твоя единственная база данных.

Чип – это ты.

Умные люди добились постоянного подключения к Сети почти девяноста процентов населения, причем в крупных городах «балалайки»[9] стали обязательными, и благодаря им уличная преступность почти исчезла – отмороженные наркоманы, бросающиеся на всех подряд ради дозы, не в счет, а бандам, чтобы сохранить положение и оружие, пришлось превратиться в частные охранные предприятия. Однако уничтожить криминальный мир с помощью поголовного подключения не удалось: стараниями хакеров и радикалов в противовес ar/G возник outG – мир экранированных помещений, районов избирательно заглушенного сигнала и подземелий, до которых не добивали волны опутавшей планету ar/G. Преступники не исчезли, а вернулись туда, откуда вылезли в XX веке, – в темные углы, и теперь представлялись Орсону крысами: опасными и умными хищниками, способными выживать и охотиться в мире, который не сводит с тебя глаз.

Современным крысам кажется, что на нижних уровнях outG они в полной безопасности, но санитары больших городов давно научились вычищать зловонные норы – быстро и эффективно.

По протоколу первыми под землю отправлялись дроны-разведчики, целью которых было создание оперативной карты, вслед за ними летели ретрансляторы: зависая в узловых точках, на перекрестках и в коридорах, они обеспечивали устойчивый и мощный сигнал ar/G. И только после этого приходили дорогостоящие дроны огневой поддержки, оснащенные

пулеметами или ракетами, способные отстреливать газовые и светошумовые гранаты, создавать пронзительное ультразвуковое излучение… Существовало огромное количество модификаций боевых беспилотников, и, как показал опыт, при поддержке «железяк» – наземных боевых роботов, они могли зачистить подземелье любого размера. Но за дронами все равно шли спецы – потому что умники из outG могли перехватить управление над любым устройством, а вот парни с пушками им были не по зубам.

Если верить медиа, спецы представляли собой отважных, сильных, красивых, идеально мотивированных патриотов, стоящих на страже Добра. Если же верить тому, что видишь вокруг, то они оказывались простыми ребятами со своими проблемами и заморочками, хорошо умеющими делать работу. В том числе – грязную.

///

– Хаббл, это Орк, что у тебя?

– Вперед на сотню футов чисто, – доложил оператор, контролирующий поступающую с дронов информацию. – Движения нет, устройств нет.

– Люди?

– Нет.

– Дакота, веди свою группу параллельным коридором. Сотня футов.

– Принято, Орк.

– Выдвигаемся.

В бою время дорого, иногда – очень дорого, ценою в жизнь, поэтому никаких «господин полковник» или длинных имен – в эфире звучат исключительно позывные, которые члены отряда знают наизусть. Орсон – Орк, еще с академии, теперь он так называет подчиненных, Дакота – потому что из Дакоты, а зоркий оператор – Хаббл, в честь старого орбитального телескопа.

Спецы шли в боевых комплектах седьмого поколения, включающих кирасы из легчайшего пуленепробиваемого дюррилия, усиливающие экзонакладки и fullface-шлемы, на забрала которых выводилась текущая информация. Точнее, информацию можно транслировать или через забрало, или через установленные на глаза наноэкраны, но бойцы старой школы, к числу которых относилась почти вся команда Орсона, предпочитали оставлять взгляд чистым, а ориентироваться по забралу и командам оператора.

– Орк, впереди глушилка, – сообщил Хаббл. – Она заткнула двух разведчиков. Уровень потери сигнала – сто процентов.

– Нас ждут продвинутые умники, – пробормотал Орсон, жестом останавливая группу. – Эрл, что делать?

Полковник прекрасно знал, что делать, но с удовольствием позволил Маккинрою проявить себя.

– Хаббл, ты можешь удаленно накрыть глушилку?

– Нет, но я отправил дроны РЭБ[10], они будут у вас через четыре минуты и грохнут ее.

– Приказываю перейти в автономный режим, – подумав, распорядился Эрл.

«Правильно, – мысленно одобрил решение временного командира Орк. – Четыре минуты – слишком много, цель может уйти».

– Переходим на радио, парни, дальше работаем по-настоящему.

Дроны, Сеть, связь, интерактивная карта – современность осталась на границе действия глушилки, и теперь результат операции зависел исключительно от опыта и мастерства спецов.

– Люблю нашу работу, – пробормотал Дакота.

– Нравится рисковать головой?

– В тире стреляют только спортсмены.

– Поменьше кровожадности – Мегера нужна живой, – напомнил Маккинрой.

– Доставим в лучшем виде, – рассмеялся Дакота, но почти сразу оборвал смех. – Железяка!

– Вижу!

Через мгновение подал голос Эрл:

– Железяка!

А Орсон вскинул «зунду» и пустил в появившуюся машину реактивную гранату из подствольника, среагировав и на восклицание Маккинроя, и на движение в коридоре. Пустил гранату и тут же нырнул за угол, уходя от взрыва… От двух взрывов, поскольку выстрел получился удачным: от гранаты сдетонировал боезапас робота, и подземелье изрядно тряхнуло.

– Орк, ты супер!

– Не тормозить! – рявкнул Бен. Робот громыхнул еще раз – подорвался остававшийся в стволе снаряд, – и затих окончательно. – Вперед, орки, взять их!

Коридор оказался достаточно прочным, не обрушился, не перекрыл дорогу, и спецы помчались к убежищу хакеров.

– Железяка сдохла! – доложил Дакота. – Мы контролируем второй выход и направляемся к вам.

– Им не скрыться! – рассмеялся Эрл.

– Не торопись! – осадил временного командира Орсон, но про себя согласился: хакерам не уйти.

Дотошный Хаббл тщательно изучил подземелье и гарантировал, что выйти из него можно лишь по двум ныне

перекрытым коридорам. Хакеры в ловушке, но это обстоятельство смущало Орсона – слишком уж легко они в ней оказались. На инструктаже Мегеру описывали как опытную, умную и очень хитрую преступницу, которая не позволит заблокировать себя в вонючем подвале. Пусть даже и в результате предательства.

– Обе группы стоп. Хаббл, пусти разведчика в автономном режиме, – распорядился Орк. – Хочу посмотреть, что они там делают.

– Сигнал заглушен, – тут же ответил оператор. – Трансляция невозможна.

– Подождем возвращения дрона.

– Нельзя давать им время опомниться! – взревел Маккинрой.

– Лучший хакер планеты позволил себя заблокировать, а защищают его две неполноценные железяки? – попытался воззвать к голосу разума Орк. – Так не бывает.

Однако переубедить почуявшего кровь Эрла оказалось невозможно.

– Мегеру предали.

– Но…

– Обе группы – вперед! Резко, парни, я не шучу!

И временный командир бросился по коридору, показывая временным подчиненным личный пример.

Орсон выругался, однако оспаривать приказ не стал, утешив себя тем, что «герой» бежит первым, а значит, примет на себя все возможные сюрпризы.

И Эрл принял, столкнувшись со стаей миниатюрных дронов-камикадзе, вылетевших из вентиляционного отверстия. В Маккинроя врезалось пять или шесть устройств размером с мизинец, серия взрывов пробила дюррилиевую защиту и растерзала офицеру грудь. Он умер за несколько секунд до того, как присланные Хабблом дроны РЭБ придавили глушилку хакеров и мощным внешним сигналом заставили взорваться камикадзе.

– Работаем, парни! – рявкнул вернувший себе командование Орк. – Мы одни! Девку брать живой, остальных – как получится. Дакота?!

– Принято!

В следующий миг Бен вынес металлическую дверь выстрелом из «зунды».

Грохот взрыва и грохот рухнувшего стола, в который врезалась выбитая дверь, оглушили засевших в убежище хакеров. А еще их смутили пыль, резкий натиск и взрывы трех светошумовых гранат. Крики боли, крики ужаса, крики недоумения… Привычная музыка, поэтому Орк в нее не вслушивался, зато с удовольствием отметил, что штурм

развивается наилучшим образом: противник полностью деморализован и сопротивления не окажет. Да и кому оказывать? Умники сильны на расстоянии и легко плавятся, будучи прижатыми к стенке.

Напуганные…

Слабые…

Около стола корчится на полу китаец – не ранен, но его почему-то тошнит. Рядом сидит на корточках толстяк лет сорока: видимо, бросился на помощь другу, но, увидев спецов, предпочел остановиться, чтобы не попасть под шальную пулю. Он в грязно-серой футболке с едва различимыми буквами NF на левой стороне груди. NetFreedom, организация сетевых террористов, от которой остались лишь воспоминания – спасибо спецам GS. У стены – длинный шкаф с мощным оборудованием, дверцы полураскрыты, возле них растерянно стоит длинный рыжий оболтус в застиранной рубашке, рваных джинсах и низких кедах.

– Кто из вас Мегера?

– Fuck! – с чувством произносит Дакота, и Орсон понимает, что дело плохо: Дакота болтун, но ругается в крайних случаях.

Орсон смотрит налево и повторяет за заместителем:

– Fuck!

Потому что Мегера действительно оказывается женщиной. Девушкой. Довольно молодой, но, судя по взгляду, бешеной. Убежденной и не желающей сдаваться.

Мегера стоит у длинной стены, на равном расстоянии от Орка и Дакоты, и держит в руке пульт. И оба они, и Орк, и Дакота, одновременно понимают, что блефом тут не пахнет. И еще они понимают, почему Мегеру до сих пор не взяли: если она и крыса, то королева, не меньше.

А настоящие королевы не сдаются.

– Не подходить! – Она говорит громко, но голос не дрожит, ни одной фальшивой ноты. Она говорит громко и выставляет руку, чтобы оба, и Орк, и Дакота, видели работающий пульт.

– Тебе не уйти, – жестко говорит Бен.

– Только не думай, что сможешь отстрелить мне руку и забрать машинку, – улыбается Мегера. – Я запустила обратный отсчет.

Улыбается так, что Орк понимает, почему ее зовут Мегерой.

– Дакота, назад.

– Уверен? – шепчет заместитель.

– Да.

Толстый тихонько выдыхает и улыбается, у рыжего дрожат руки, китайца продолжает тошнить. Но никто из них не бежит. Не умоляет о пощаде. Они верят своей королеве. Хотя не могут не

знать, что оба коридора блокированы.

– Убирайтесь, – повторяет Мегера.

– Мы не собираемся никого убивать, – пытается увещевать Бен, но не получается.

– Мы не сдадимся. – Голос девушку не предает. Глаза горят фанатичным огнем. – А предателю скажите, что за нас отомстят.

Рыжий приседает и закрывает голову руками. Толстяк опускает глаза и крестится.

– Fuck! – повторяет Дакота и спиной отступает к двери. Остальные парни уже в коридоре.

– Уходим! – рявкает Орк.

Он выскакивает вон и прячется за стенкой, а за спиной грохочет мощный взрыв, превращая помещение в огненный ад.

* * *

Федеральная башня «Бендер» США, Нью-Йорк апрель 2029

Есть такая загадка: необходимо, но неприятно.

Правильных ответов на нее огромное количество, но для Карифы он звучал так: визит к гинекологу. Удовольствия от встреч с интимными докторами Карифа Амин не получала и походы к специалистам воспринимала как неизбежное зло. Причем ее не смущали ни вопросы – она легко говорила о своей сексуальной жизни, ни осмотр – Карифа понимала, что человек делает нужное дело, и доверяла без колебаний. Ее раздражало кресло. С самого первого взгляда. С того дня, когда юная Карифа впервые вошла в кабинет гинеколога, нервно представляя, как окажется перед незнакомым мужчиной с раздвинутыми ногами, увидела кресло, и все ее раздражение, весь страх и стыд, все плохое, что она чувствовала перед первым визитом, – все сосредоточилось на кресле, в котором ей предстояло оказаться.

С тех пор многое изменилось, многое осталось позади, в том числе юность, но неприязнь к гинекологическому креслу и, как следствие, к посещению врача никуда не делась.

А с недавних пор добавилась неприязнь к офтальмологам, но не ко всем, а исключительно к офтальмотехнологам знаменитой «Iris Inc.», монополисту на рынке напыляемых на глаза биотехнологических наноэкранов.

Сначала Карифа думала, что неприязнь вызвана необходимостью регулярных посещений специалиста, но вскоре поняла, что дело в кресле, в которое офтальмотехнологи усаживают пациента перед тем, как закрепить на его лице неприятную маску, фиксирующую веки в раскрытом положении. Кресло требовалось, чтобы человек не поддался инстинктивному желанию защитить глаза – руки посетителя привязывали к подлокотникам широкими ремнями. И лишь после этого к лицу

обездвиженного пациента приближалась машина, и глаза оказывались в полной власти специалиста «Iris Inc.».

В представлении Карифы кресло роднило офтальмотехнологов с гинекологами и напоминало орудие пытки.

– Как вы оцените свое зрение? – поинтересовался врач, изучая пришедший из машины отчет на большом настольном мониторе.

Врач оказался новеньким, последние три года в штаб-квартире GS работала Тесс Курни, но ее повысили, отправили руководить филиалом «Iris Inc.» в Монреале, а в «Бендер» прислали Шлипстера, неприятного, рано облысевшего коротышку, смахивающего на суслика-переростка.

– Вы меня слышите?

«Черт!» Амин задумалась и позабыла ответить.

– Слышу.

– Как вы оцените свое зрение?

– Процентов на восемьдесят, док.

– Компьютер показывает восемьдесят семь.

– Тогда у него и спрашивайте.

Шлипстер вздрогнул, видимо, не привык к подобному отношению, но сдержался, вернулся к монитору и с улыбкой поинтересовался:

– Вы всегда агрессивно настроены, специальный агент Амин? Не нравятся наноэкраны?

– Нравятся, – поразмыслив, ответила Карифа. – Они удобнее smartverre.

Умные очки, которое человечество носило на носу до изобретения «Iris Inc.», и в самом деле нравились девушке меньше наноэкранов – очень уж они были неудобны для энергичной работы специального агента.

– Именно! – Он выдержал паузу. – Но получается, вам не нравлюсь я?

Честно говоря, Карифу так и подмывало согласиться, поскольку низенький офтальмотехнолог ей абсолютно не импонировал, однако благоразумие взяло верх, и откровенничать агент не стала. Во-первых, неизвестно, надолго ли нового врача прислали в «Бендер», и глупо ссориться с тем, к кому придется обращаться за помощью следующие несколько лет; во-вторых, обидевшийся Шлипстер обязательно напишет донос в Отдел этики и равноправия, и придется отмазываться от обвинений в расовой дискриминации и вербальном насилии, за которые можно схлопотать не только временное отстранение, но даже позорное увольнение, если «нюхачам» удастся приплести наследственный шовинизм. Тут даже половина африканской

крови не спасет, скажут, что белые гены оказались сильнее, сколько мулатов на этом погорело… И совершенно точно придется таскаться к психиатру, изо всех сил доказывая, что не ощущаешь превосходства над коллегами.

Все эти резоны заставили Амин выбрать наиболее безопасный вариант ухода от ответа.

– Док, вы наверняка читали мой психологический профиль и знаете, что я из тех, кто с недоверием воспринимает новшества, – ровным голосом произнесла Карифа, стараясь вести себя в точном соответствии с правилами толерантности. – Мне было двадцать пять, когда началось массовое внедрение наноэкранов, и я не могу сказать, что окончательно к ним привыкла. Вот и нервничаю на приеме.

– Да, знаю, – вздохнул врач, постукивая пальцами по столешнице. Карифа догадалась, что понравилась офтальмотехнологу и он не прочь за ней приударить, но боится даже намекать на свидание, опасаясь встречных обвинений в домогательствах и попытке склонения к недостойному поведению. – Извините.

– Вы меня извините.

Вот и поговорили.

Что же касается специального агента Амин, она могла понравиться кому угодно.

Карифа была мулаткой, но с примесью восточной крови по линии отца и «коктейлем» национальностей и рас по линии матери. Результатом чудного смешения стала удивляющая своеобразной красотой женщина с прямыми черными волосами и кожей цвета какао с большим количеством молока. Волосы Карифа стригла под короткое, едва прикрывающее шею каре, которое придавало ей неподходящий сотруднику Оперативного отдела дразнящий вид. С другой стороны, Карифа часто работала под прикрытием, и то, что она не походила на сотрудника GS, являлось скорее плюсом. Лицо у девушки было вытянутым, его форма, а также выпуклый лоб и большие карие глаза достались агенту Амин от матери, а слегка приплюснутый нос и полные, чуть вывернутые губы – от отца. Фигура спортивная, как у всех оперативных сотрудников GS, но при этом женственная. Но если кто по глупости принимал агента Амин за слабую барышню, его ожидал большой сюрприз: хватка у нее была железной, а удары – крепкими.

Карифа знала, что производит впечатление на мужчин, не удивилась реакции доктора, но идти навстречу не собиралась, а предложи он свидание – отказала бы.

Впрочем, он не предложил.

– Сейчас перед глазами станет темно – я подключусь к чипу… – Амин вздрогнула, привычно представив, как врач влезает ей в голову. – Пять, четыре, три, два, один… – Резкая, как вспышка, тьма и резкий, как вспышка, свет. – Вот и все.

Карифа вновь обрела зрение, однако теперь картинку покрывала калибровочная сеть.

– Пожалуйста, назовите зоны неуверенного приема изображения, – попросил Шлипстер.

– 1B, 2B, 1C…

– Чуть медленнее, пожалуйста.

– 1C, 1D.

– Все?

– Да.

– Спасибо.

Сетка задрожала, а изображение поплыло – это означало, что офтальмотехнолог приступил к тонкой настройке наноэкрана, поднимая в указанных Амин квадратах качество сигнала, но при этом продолжил разговор:

– Вы были под огнем, специальный агент Амин?

– Это моя работа, док.

– Я имел в виду настоящий огонь: вам приходилось преодолевать открытое пламя без специальной защиты глаз?

– Приходилось, – кивнула девушка, мгновенно припомнив детали последней операции. – Дом, в котором засели террористы, загорелся, и чтобы остаться в живых, мне пришлось пробежать через пару комнат и прыгнуть в окно. Со второго этажа, если вам интересно.

– Почему вы оказались на операции без спецкостюма?

– Вы имеете в виду боевой комплект с fullface-шлемом?

– Да.

– Моя команда работает под прикрытием.

– А-а… Точно, у вас ведь расширенная страховка.

– Верно.

– Я недавно в GS и еще не запомнил все нюансы.

– Ничего страшного, док.

– «Iris Inc.» официально рекомендует защищать наноэкраны от открытого огня, даже простые очки способны стать надежной преградой для…

– В следующий раз возьму вас с собой, – оборвала врача Карифа. – Подадите защитные очки, когда они понадобятся.

– Почему бы не надеть простые?

– Потому что их давно никто не носит.

– Ах, черт… – Калибровочная сеть дернулась, изображение резко сместилось вправо. – Я тоже никак не привыкну, что очки

стали бесполезны.

Весьма полезный эффект наноэкранов: проблемы со зрением остались в прошлом. «Единица» стала стандартом.

– Вы были офтальмологом, – догадалась Карифа.

– И хорошим, – грустно подтвердил Шлипстер. – Извините, что полез с советами.

– Я знаю, как нужно обращаться с глазами от «Iris Inc.», но не всегда могу делать то, что нужно, – вежливо ответила девушка. – Специфика работы, док, которая компенсируется расширенной страховкой.

– Извините.

Врач вновь замолчал и в следующий раз подал голос примерно через пять минут:

– Теперь как?

– Все в порядке, – отозвалась заскучавшая Амин, быстро проверив поврежденные сектора. – Прекрасно.

– Компьютер показывает стопроцентный уровень сигнала.

– Сейчас я с ним, пожалуй, соглашусь.

– Тогда я отключаюсь. Пять, четыре, три…

Затем последовало мгновение темноты, после которого Шлипстер отодвинул аппарат, убрал ремни, помог Карифе подняться с кресла и перейти на кушетку. Помог прилечь, после чего капнул в глаза успокаивающим раствором, снял маску и велел приходить в себя.

– Спасибо.

– Не за что.

Врач вновь замолчал, судя по звукам – занимался своей большой загадочной машиной, а затем стал щелкать по клавиатуре – заносил в базу результаты осмотра, и лишь закончив, поинтересовался:

– Система восстановилась?

– Да.

Наноэкран был активен и при закрытых глазах: рабочий стол с иконками приложений находился в доступе постоянно, отключаясь лишь распоряжением «Спать». Лежащая на кушетке Амин дождалась перезагрузки чипа, затем бездумно погоняла курсор с помощью вживленной в подушечку указательного пальца «мышки», легким двойным ударом открыла почтовое приложение, убедилась, что работа системы полностью восстановлена, и поднялась с кушетки. Капли подействовали: потревоженные глаза успокоились и вернулись в нормальный, рабочий ритм. Задерживаться в кабинете не имело смысла.

– Еще раз спасибо, док.

– Это моя работа.

– Вы сделали ее очень хорошо.

«Суслик-перероcток» справился со своей задачей гораздо лучше болтливой, но не слишком внимательной Тесс.

– И все же… – Он откинулся на спинку кресла. – Агент Амин, мне действительно интересно, почему вам не нравятся наноэкраны?

– Они… – Карифа помолчала, раздумывая, стоит ли откровенничать с коротышкой, решила: «Почему нет?» и как-то по-детски уточнила: – Смеяться не будете?

– Ни в коем случае, – очень серьезно ответил врач.

И девушка ответила:

– С тех пор как появились наноэкраны, я перестала замечать настоящие взгляды.

– Что вы вкладываете в понятие «настоящие»? – не понял офтальмотехнолог.

– Нынешние слегка туманны, размыты, будто собеседник смотрит не на тебя, а внутрь себя, – ответила Карифа. – Полагаю, таков эффект экрана.

– В действительности нанопокрытие никак не проявляется внешне – для этого оно слишком тонкое, – не согласился Шлипстер. – Тончайшее.

– Мы оба знаем, что я имела в виду, – улыбнулась девушка. – Эффект экрана в том, что люди смотрят в него, а не на мир.

– В него и на мир, – уточнил врач.

– Он встал между миром и человеком.

– Да вы философ, агент Амин, – протянул удивленный Шлипстер. – Не ожидал, признаться… не ожидал.

– Мне часто приходится устраивать сюрпризы, док, это часть моей работы.

– Вы в этом поднаторели… – Было видно, что бывший офтальмолог хочет оставить последнее слово за собой и старательно подыскивает аргументы. – Теперь наноэкраны стали нормой, они есть почти у всех жителей Земли, поэтому нынешние взгляды и есть настоящие, агент Амин. Других не будет.

– Не согласна, – качнула головой Карифа. – Они превратятся в настоящие тогда, когда люди станут рождаться с наноэкранами на глазах.

Сказала и поняла, что задела «суслика» за живое. Он поднял брови, словно услышал нечто такое, чего никак не мог произнести специальный агент GS, помолчал, так же, как и Карифа несколько секунд назад, обдумывая, стоит ли откровенничать, решил, что стоит, и сообщил:

– Возможно, будут рождаться, агент Амин, – после чего еще больше понизил голос. – То, что я сейчас расскажу, не скрывается,

но и не афишируется: в «Iris Inc.» целое подразделение работает над этой проблемой.

– Зачем? – поинтересовалась обескураженная девушка. – Какой в этом смысл?

– Мистер Паркер считает, что наноэкраны должны стать частью человека будущего, – объяснил Шлипстер. – Разве это не естественно?

С ответом Карифа не нашлась.

* * *

Форт Кэмпбелл США, Кентукки апрель, 2029

До прошлого, 2028 года полковник Сил специального назначения Бенджамин Орсон не задумывался над своей отставкой: ни над тем, что она когда-нибудь случится, ни над тем, как он ее встретит и что будет делать дальше. Понимая, что рано или поздно погоны придется снять, Орк признавался себе, что плевать хотел на то, как пройдет процедура, и был уверен в одном: после положенных чествований, прослушав правильные речи и аплодисменты, он обязательно отправится с друзьями и бывшими подчиненными в ближайший бар, как следует напьется и на следующий день проснется с больной головой.

Никому не нужным.

Орсон понимал, что так будет… Точнее, он знал, что будет именно так, но до прошлого года над своей отставкой не задумывался, поскольку планировал служить еще пару десятков лет. Однако 2028 год врезал по нему, как мул копытом. И не только по нему: 2028 врезал по всей цивилизации.

Удар получился не смертельным, но чудовищно сильным: 22 января 2028 года крупный метеорит стер с лица земли русский город Воронеж.

Столкновение не изменило климат, не вызвало грандиозных пылевых облаков, о которых предупреждали ученые, не столкнуло планету с орбиты. Зато убило огромное количество людей, вызвало землетрясение, и ударная волна семь раз обежала вокруг Земли. Человечество впервые столкнулось с настоящей космической катастрофой, и в те дни журналисты и блогеры много говорили о том, что Воронежский метеорит изменил жизнь всего мира.

Однако в те дни никто и не подозревал, как сильно метеорит изменил жизнь мира.

Во время удара и вызванных им техногенных аварий погибли около миллиона человек, однако настоящая катастрофа разразилась чуть позже, когда выяснилось, что Воронежский метеорит принес на Землю suMpa, неизвестный доселе вирус, который с ужасающей стремительностью распространялся по

планете, заражая всех, от младенцев до стариков, но при этом никак себя не проявляя. До сорока двух лет. Да и после сорока двух можно было остаться нормальным и прожить долгую жизнь. А можно было «взорваться» под действием suMpa и превратиться в одержимого жаждой убийств сумасшедшего. Человек, достигший возраста сорока двух лет, становился бомбой с часовым механизмом, и чтобы это показать, в ar/G над его головой появлялись красные цифры с реальным возрастом: «42» или больше.

Именно благодаря suMpa в армейской бюрократии родилось хитрое юридическое понятие «положительная досрочная отставка», означающее, что тебя не выгоняют со службы, а прекращают сотрудничество из лучших побуждений. Потому что ты официально признан непредсказуемым и никто не хочет с тобой служить: старые друзья отводят взгляды, подчиненные пишут рапорты о переводе в другие подразделения, а в сети ar/G над твоей головой появляются несмываемые красные цифры.

Красные цифры означают, что ты теперь олдбаг[11] и обязан довольствоваться «положительной досрочной отставкой» и нищенской усеченной пенсией.

Добро пожаловать в эпоху suMpa.

Которая будет продолжаться до тех пор, пока ученые не справятся с вирусом.

///

– Полковник.

– Генерал, – Бенджамин вытянулся и щелкнул каблуками.

– Проходи.

– Спасибо, сэр.

Орсон закрыл за собой дверь и подошел к столу.

– Присаживайся.

– Спасибо, сэр.

– И перестань называть меня сэр, – вздохнул старший офицер, над головой которого краснели цифры «59». – Мы одни.

Орсон кивнул и улыбнулся.

Генерал Стюарт был сух, невысок и на его фоне плечистый Бенджамин выглядел настоящим гигантом, хотя в действительности выдающимися размерами не отличался. И даже мужественной внешностью похвастаться не мог: русоволосый и круглолицый полковник походил на слегка располневшего спортсмена, которому до окончательной потери формы осталось не более трех пивных вечеринок. Бенджамин казался добродушным, совершенно неопасным увальнем, но под мягкой оболочкой прятался стальной каркас, который позволил Орсону стать одним из лучших офицеров сил Специального назначения.

– Орк, мы часто встречались в этом кабинете, но я впервые не знаю, что сказать, – произнес генерал, глядя Бенджамину в глаза. – Мне жаль. Ты даже не представляешь, как мне жаль. Я понимаю, что мир необратимо изменился, но до сих пор этого не принял. Не могу принять, потому что теряю лучших офицеров… Это не лесть и не лицемерие: ты и твои ровесники действительно лучшие. Вы опытные. Вы умелые. Вы должны натаскивать молодых и готовиться сменить меня в этом пыльном кресле, а вместо этого огребаете усеченную пенсию и пинок, мать его, под зад.

– Мир изменился, – повторил слова генерала Орсон. – Мы ничего не можем поделать.

– И это настоящее безумие.

– Безумие в том, что мир изменился?

– Безумие в том, что мы, такие крутые, вынуждены признавать собственное бессилие.

Стюарта это все еще задевало, Бенджамина – нет, привык.

Смирился.

Они оба понимали, что Орк смирился, но не собирались произносить это вслух. Да и какая разница, в конце концов? Смирился ты или нет, ты ни черта не можешь поделать с тем дерьмом, в котором вымазал планету Воронежский метеорит.

– Если WHO[12] не отыщет вакцину, мы с тобой увидим новый, абсолютно не похожий на привычный нам мир.

– Надеюсь, отыщут, – коротко отозвался Орсон.

– Я тоже надеюсь, – кивнул Стюарт.

Еще несколько месяцев назад кабинет украшала коллекция настоящих, в рабочем состоянии «кольтов»: «Патерсон», «Уокер», «Драгун», «Миротворец» и «1911», бывших предметом гордости генерала, объектом его любви и заботы. Теперь они исчезли, «отправлены на хранение», как того требовал протокол Каплан, разработанный одним из самых известных психиатров мира и регламентирующий прохождение службы после сорока двух лет. Военные и политики прекрасно понимали, что армия не в состоянии отказаться от опытнейших старших офицеров, во всяком случае, в ближайшее время, и выработали особые правила их пребывания на службе. Орсон категорически отказался подписывать унизительный протокол, а вот Стюарт уйти не смог. И до сих пор не оставил надежду удержать своего лучшего офицера.

– Я был уверен, что ты согласишься на штабную должность.

– Не люблю чувствовать ствол у затылка, – спокойно ответил Бен, намекая на то, что протокол Каплан ставил во главу угла абсолютное недоверие к тем, кто решился его соблюдать.

– Думаешь, на гражданке будет иначе?

– Думаю, да.

– Не ври себе, – поморщился генерал. – После сорока двух все под прицелом: и военные, и штатские. Тебя будут сторониться. И тебя будут опасаться.

– Я потерплю.

– Посмотрим, как долго ты продержишься.

– К чему наш разговор? – поднял брови Бенджамин.

– К тому, что я могу все изменить, – твердо ответил Стюарт.

– Зачем?

– Затем, что армия – единственная семья, которая у тебя осталась, Орк, тебе нечего делать за воротами базы.

Фраза прозвучала жестко, даже жестоко, если вспомнить историю Бена, но не покоробила его, потому что была правдой: никого больше у Орка не осталось. И Стюарт в роли приемного отца был далеко не самым плохим вариантом… Но соглашаться на него полковник не хотел.

– Придумаю что-нибудь, – ответил он. – Пришло время измениться.

– Здесь твоя жизнь.

– Была.

– Верно, была, – не стал спорить генерал. – Но там, за воротами, ее никогда не было. Ты не знаешь той жизни, ты не найдешь себя в ней, и поэтому я прошу тебя еще раз: подумай.

– Я все-таки рискну, – тихо ответил Орсон, понимая, что настойчивость старика вызвана исключительно заботой. – Я долго думал, что делать, принял решение и не собираюсь отступать.

– Ты всегда был твердым, – улыбнулся Стюарт.

– Спасибо.

– А я всегда был упорным.

– Знаю…

Генерал поднял руку, призывая Бенджамина к тишине, и продолжил:

– Поэтому я договорился с нашими бюрократами и выбил для тебя месяц на размышление. Ты выходишь в отставку, Орк, но в твоем личном деле значится, что ты имеешь право на подписание протокола Каплан в течение следующих четырех недель. Если ты воспользуешься этим правом, четыре недели будут считаться оплачиваемым отпуском, после которого ты спокойно продолжишь службу.

Это было щедро, даже грандиозно щедро, учитывая тот бедлам, который творился в армии после появления suMpa. Бен понимал, что генерал надавил на все рычаги, на которые мог, и даже слегка устыдился тому, что не может принять предложение.

Во всяком случае – сейчас. Он действительно хотел что-то поменять и готов был рискнуть, погрузиться в неведомую жизнь гражданского лица. А что будет дальше… Впрочем, четырех недель вполне достаточно, чтобы разобраться, нравится ему быть «досрочным пенсионером» или нужно вернуться домой и подписать проклятую бумажку.

– Вы так сильно хотите меня оставить?

– Я хочу сохранить армию, – жестко ответил Стюарт. – А ты – одна из опор, на которых она держится. Ты мне нужен, Орк, поэтому я дам тебе время на размышление.

– Спасибо.

– Вот и хорошо, – улыбнулся генерал. – Тогда давай разберемся с нынешними документами, ведь независимо от того, примешь ты мое предложение или нет, с действующей службы ты уходишь.

Поскольку военные, подписавшие протокол Каплан, становились советниками без права ношения оружия.

Стюарт вытащил на монитор личное дело Орсона и рассмеялся:

– Смотри, каким забавным ты был после академии.

Бен внимательно посмотрел на старое фото и хмыкнул:

– С тех пор многое изменилось.

– Меньше, чем тебе кажется.

– Не уверен.

– Если не уверен – просто слушай то, что я говорю.

И в этом был весь Стюарт.

А в следующий миг его тон внезапно стал официальным:

– Полковник Орсон, имею честь официально сообщить вам о выходе в положительную досрочную отставку с назначением положенной пенсии. Пожалуйста, приложите к сканеру большой палец правой руки. – Орк подчинился. – Затем нужно проверить сетчатку… поставить подпись… – Бенджамин проделал обе операции. – …и теперь вы официально стали гражданским лицом.

– Довольно быстро, – прокомментировал Орсон.

– А смысл затягивать? – ответил Стюарт, заканчивая бюрократические формальности. В последнее время ему приходилось часто увольнять офицеров, поэтому он ставил нужные отметки почти машинально. – Я могу внести в документы любые изменения, но ты всегда останешься военным, Орк, что бы с тобой ни случилось.

– Я знаю.

– И я надеюсь, что ты примешь мое предложение.

Возвращаться к этой теме Бен не хотел и попытался перевести разговор в другое русло:

– Сегодня будет мероприятие, я проставляюсь парням…

– Я не смогу быть в баре, Орк, повеселитесь без меня.

– Я знал, что вы откажете, – улыбнулся Бенджамин. – Поэтому принес небольшой подарок.

Он наклонился, достал из сумки бутылку виски в деревянном футляре и выставил перед генералом.

– «Ledaig» восемнадцати лет? – прищурился Стюарт. – Неплохо, Орк, весьма неплохо.

– Ровно столько я служил под вашим началом, сэр.

Сейчас генерал его не поправил, потому что здесь слово «сэр» должно было прозвучать.

– Открой.

Орсон послушно распечатал бутылку, сходил к бару за стаканами и наполнил их на два пальца каждый.

– За тебя, Орк, – произнес генерал, глядя ему в глаза. – Тебе многое пришлось пережить, и я рад, что ты не сломался.

– Во многом благодаря вам, сэр.

– Сейчас это не важно, потому что во время испытаний мы, друзья, можем только помочь, но не можем тянуть груз за тебя, – Стюарт помолчал. – А ты свой груз вытянул.

– Да, – Бен сделал маленький глоток. – Вытянул…

– И еще я хочу сказать то, о чем никогда не писал в твоем личном деле и ни с кем не обсуждал: ты умен и свободолюбив, ты слишком умен и свободолюбив. Эти восемнадцать лет ты подчинялся не потому, что так требует Устав, а потому что уважал меня. И верил мне. Я тебя не подводил, и только поэтому ты ни разу не проявил свой норов и не оказался под трибуналом за бунт и неподчинение. Но там, на воле, ты будешь сам себе хозяин, и я не знаю, Орк, куда приведут тебя страсти. Возможно, в бездну.

– Я постараюсь не потерять голову, – тихо произнес Бен.

– Надеюсь, – в тон ему ответил Стюарт.

– Вы мне не верите?

– Я слишком хорошо тебя знаю…

– Вы мне не верите?

– …и поэтому хочу, чтобы ты вернулся. Здесь за тобой приглядывают и направляют твою ярость в нужное русло.

– Я должен был стать генералом, – вдруг сказал Орк. – Года через четыре.

– Ты должен был сменить меня, – подтвердил Стюарт.

– Поэтому я не вернусь.

Некоторое время они молчали, обдумывая и переживая прозвучавшие слова, после чего генерал вздохнул и подвел итог:

– У тебя есть время все обдумать, Орк. А пока налей нам еще

по стаканчику и давай вспомним что-нибудь хорошее.

* * *

США, Редвуд-Сити апрель 2029

Масштабные презентации ведущих компаний Силиконовой долины традиционно собирали огромное количество зрителей, и хотя подавляющее большинство из них наблюдали за происходящим удаленно, подключившись к прямой трансляции на корпоративном сайте или через новостные каналы, которые сопровождали картинку своими комментариями, иногда ехидными, живых людей шоу собирали изрядно. Фанаты и безумные изобретатели, карьеристы и мошенники, настоящие специалисты и сетевые «аналитики», журналисты, обозреватели, пиарщики, маркетологи – они слетались на большие презентации, как мухи на мед. Однако настоящую истерию вызывали шоу корпораций, нацеленных на работу с конечными пользователями: конкурирующие производители «балалаек» и другого «железа» для головы, разработчики приложений и социальных сетей собирали гигантский трафик и огромные залы, а вот ATQ, безусловный мировой лидер в создании имплантов и протезов, разослал приглашения всего трем сотням гостей и отказался от трансляции. Впрочем, желающих посетить презентацию было в десять раз больше, но боссы ATQ предпочитали хвастаться только перед действительно важными людьми: министрами, генералами, владельцами крупнейших больниц и медицинских сетей и, разумеется, перед теми стратегическими инвесторами, чьи финансовые интересы были связаны со здоровьем.

Вереница лимузинов у главного крыльца, частные вертолеты, приземляющиеся каждые четыре минуты и взлетающие, едва высадив очень важных пассажиров, чтобы не создавать в воздушном пространстве банальную пробку, дамы в коктейльных платьях – так требовал стиль планирующейся вечеринки, кавалеры в смокингах… Разумеется, никаких «обложек»: в этом кругу не было принято прятать себя под продукцией дешевых приложений. И никаких репортеров: для новостей и обзорных программ пресс-служба ATQ подготовила замечательный релиз, собственно же действо их не касалось.

По традиции, на сцене солировал генеральный директор – Чарли Скотт, облаченный, опять же по традиции, в демократичные потертые джинсы, кеды и водолазку. Дресс-код ведущих не менялся двадцать с лишним лет и сформировал в массовом сознании образ успешного ученого, точно так же, как в начале XX века обязательными аксессуарами для них считались пенсне, академическая бородка клинышком и портфель. Начал Скотт с «простых» новостей, разогрел публику

модернизированным протезом стопы, идеально копирующим ее сложнейшее устройство, затем показал давно обещанный «вечный» коленный сустав, чем вызвал экстаз у сплоченной группы военных с правой стороны партера и сдержанное неудовольствие у промышленников, и лишь затем перешел к главной «бомбе» вечера: комплексному протезу нижнего отдела позвоночника и ног, оставляющему в прошлом проблему паралича.

Для начала Скотт рассказал трагическую историю двадцатилетнего юноши, лишившегося таза в результате страшной железнодорожной аварии, очень подробно описал диагноз, не забыв продемонстрировать рентгеновские снимки, подтверждающие, что кости несчастного превратились в кашу, а затем вызвал парня на сцену и сорвал овации.

Заслуженные овации, однако один из гостей отнесся к происходящему с неуместной иронией.

– Чарли все больше становится похожим на бродячего проповедника, излечивающего страждущих словом Божьим, – рассмеялся сидящий в отдельной ложе А2.

– Словом Божьим и наукой человеческой, – уточнил Филип Паркер, великий CEO «Iris Inc.». – Чарли и в самом деле увлечен.

– Он с детства тащился от скелетов. – А2 сделал маленький глоток шампанского, брезгливо посмотрел на бокал и поморщился: – Кто-нибудь знает, виски этот старый скряга припас или придется послать гонца в ближайший бар?

– Чарли распорядился подавать во время презентации исключительно шампанское, – подал голос третий находящийся в ложе мужчина – Арнольд Митчелл, директор всесильной GS.

– Боялся, что мы напьемся со скуки?

– Наверное… – Митчелл выдержал коротенькую паузу и улыбнулся: – Не думал увидеть тебя здесь, А2, насколько я знаю, область твоих интересов лежит далеко от протезов.

И услышал спокойный ответ:

– Меня интересуют передовые технологии, Арнольд, не важно, в какой области. Кто-то ведь должен объединять разрозненные достижения в единую систему.

– В смысле? – не понял Митчелл.

– В прямом… – Поскольку Скотт перешел к техническим подробностям, которые можно было изучить позже, А2 сделал еще глоток шампанского, поставил бокал на стол и принялся сворачивать самокрутку с настоящим табаком. Паркер ухмыльнулся из соседнего кресла, а Митчелл привычно сделал вид, что не заметил дерзкого нарушения федерального законодательства. – Все началось в Древней Греции, когда

эллинам досталось удивительно богатое египетское наследство. Они его изрядно приумножили и развили, они вообще были большими молодцами и первыми задумались над тем, на кой ляд все это нужно.

– Что нужно?

– Все, – А2 небрежно повел рукой, после чего затянулся и выдохнул дым на Паркера. Тот отвернулся, но промолчал. – Эллины задумались над тем, за каким хреном нужно поклоняться богам, строить храмы и чудеса света, торговать оловом и рабами, плодить детей… В общем, делать все, что мы с вами, друзья, делаем до сих пор.

– Задумались о смысле жизни, – пояснил Филип Митчеллу. CEO «Iris Inc.» был старым другом А2 и слышал эти рассуждения не в первый раз.

– Греки поставили перед собой ряд неудобных вопросов и, чтобы отыскать ответы, придумали науку наук – философию. Науку мудрецов и мыслителей. Философия должна была связать все направления в единую сеть, выражаясь современным языком, заставить их обогащать друг друга, а главное – должна была определять направление движения общества. И какое-то время философия работала так, как задумывалось.

– Видимо, потому что система была маленькой? – предположил Митчелл, чем вызвал одобрительный взгляд А2.

– Спасибо за замечание, Арнольд, оно показало, что ты меня слушаешь.

– Естественно, я тебя слушаю.

– Иногда ты делаешь вид.

– Тебя я слушаю всегда.

– В любом случае, мне приятно, Арнольд, – не стал скрывать А2. Однако он так хорошо управлял своими эмоциями, что никто не мог догадаться, когда А2 лжет, а когда искренен. – В чем-то ты прав: наука эллинов не отличалась гигантскими размерами, благодаря чему философы и справлялись со своими обязанностями, но по мере усложнения системы оставалось все меньше людей, способных понять и обдумать достижения разных наук, а главное – связать их между собой. Философы погрузились в дебри абстрактных рассуждений, занялись исключительно социумом, по глупости решив, что исследование общества настолько просто, что поддастся их замусоренным мозгам, и в итоге мы имеем сборище кривляющихся политтехнологов, которые называют друг друга умниками и не способны делать то, ради чего эллины придумали науку наук. И мне противно видеть на их визитках надпись «философ», твою мать.

– И ты решил взвалить на себя их ношу?

– Он взвалил на себя их ношу, – пробурчал Паркер, довольный тем, что его друг наконец-то докурил, бросил самокрутку в бокал с шампанским и перестал выдыхать в его сторону дым. Пусть и ароматный.

– А кто еще, Арнольд? – рассмеялся A2. – Ты знаешь среди наших современников кого-нибудь, кто не только способен решить эту задачу, но хотя бы в состоянии поставить ее перед собой?

– Нет, – поразмыслив, ответил Митчелл. – Только у тебя хватит на это безумия.

– Вот именно.

– Я тебе не льщу.

– Знаю.

Александр Адам Феллер, которого за глаза все называли A2, а в лицо – только избранные друзья, предпочитал свободную одежду, но в отличие от Скотта, который влезал в джинсы и водолазку лишь для выступлений и фотосессий, не выглядел в ней скованным, носил с изяществом человека, способного с легкостью поменять джинсы на классический костюм. На презентацию A2 заявился в черных кроссовках, черных брюках-карго и черной футболке с короткими рукавами, выставив напоказ многочисленные татуировки на мускулистых руках. По-настоящему мускулистых: A2 был крепким не только на вид, сложением и повадками походил на быстрого и опасного боксера среднего веса. Темные волосы стриг не по моде – коротко, и короткой же оставлял бороду, причем именно бороду, а не неопрятную удлиненную щетину, вошедшую в моду у мажоров и их подражателей. Темные глаза Феллера смотрели живо и внимательно, выдавая глубокий, цепкий ум, которым должен обладать человек, входящий в крайне ограниченный, на двести человек, не более, клуб стратегических инвесторов – людей, семьи которых контролировали экономику планеты. Несмотря на относительную молодость – он еще не разменял пятьдесят, – A2 был патриархом клана Феллеров и лично руководил грандиозной «Iris Inc.», которую сам придумал и создал, превратив разработчика прорывной технологии наноэкранов в компанию № 1.

– Если ты считаешь себя представителем классического, изначального направления философии, то почему занялся зрением, а не создал объединяющий стартап? – с искренним интересом осведомился Митчелл.

– Потому что зрение и есть объединяющий стартап, – серьезно ответил A2. – Что бы мы ни придумали, что бы ни разработали – все будет упираться в зрение, в то, чтобы наше

изобретение увидели. Ты ведь знаешь, Арнольд, что мозг тратит на обработку визуальной информации большую часть мощности, мы познаем мир глазами, наша жизнь – это то, что мы видим, то есть – зрение… – Феллер выдержал короткую паузу: – Оно и есть объединяющий стартап.

– Так просто?

– А зачем усложнять? – пожал плечами Паркер.

Ответить директор GS не успел – A2 вновь вернул себе слово.

– Человеку можно рассказать о чем угодно, но поверит он только после того, как увидит собственными глазами. Поэтому наши предки были вынуждены строить грандиозные, опережающие время храмы, поэтому поднимали к небу Notre Dame de Paris в то время, когда подавляющее большинство населения ютилось в жалких лачугах, а то и вовсе в ямах, наскоро прикрытых досками: глядя на невероятный собор, необразованные бедняки понимали, что Бог есть. И слушали тех, кто нес Его слово.

– Сейчас бедняки не удивляются даже километровым небоскребам, – заметил Митчелл.

– Потому что сейчас мы не ставим перед собой задачу удивлять их строительными проектами, – махнул рукой A2. – Потребуется – сделаем. Сейчас же мы изо всех сил убеждаем людей, что они резко отличаются от полудиких предков, но достаточно посмотреть, что они ищут в Сети, на что тратят время и с каким вниманием выслушивают «медицинские» советы полуграмотных блогеров, становится понятно, что обезьяна, некогда сообразившая взяться за палку, гораздо креативнее подавляющего большинства наших современников.

– Не все должны быть креативными, – заметил Паркер.

– Не все должны быть креативными во всем сразу – это удел гениев, – парировал A2. – Остальные должны выбрать свою стезю и развиваться.

– Они стараются, – подал голос Митчелл.

– Не лги себе и мне, Арнольд. У большинства из них стезя – это развлечения, на которые приходится зарабатывать.

– Результат последовательной работы, – обронил Филип.

На этот раз не успел ответить Феллер.

– Мне, признаться, интересны ваши рассуждения, но я до сих пор не понял, почему ты сосредоточился именно на зрении? – произнес Митчелл.

Несколько секунд в ложе царила тишина, при этом A2 разглядывал директора GS с таким видом, будто силился понять, как такой идиот сумел добраться до столь высокого поста, но поскольку Феллер периодически позволял себе подобные

выходки, Митчелл в очередной раз не обратил внимания на выражение его лица.

– Арнольд, скажи, чем мы, по-твоему, занимаемся? – примерно через минуту поинтересовался A2.

– Экономикой, – твердо ответил директор GS.

– Это в прошлом, – махнул рукой Феллер. – Кланы стратегических инвесторов накопили такое богатство, что оно потеряло всякий смысл. Нас невозможно разорить и у нас невозможно ничего отобрать, потому что именно мы финансируем армии и спецслужбы, то есть тех, кто мог бы у нас отобрать, включая политиков.

– Экологией? – поразмыслив предположил Митчелл.

– Это в будущем, – махнул рукой Феллер.

– Почему в будущем? Насколько я знаю, у нас назревают серьезные экологические проблемы.

– Проблема не в том, что некоторые территории слишком загрязнены, а в том, почему они загрязнены, – объяснил A2. – Нам нужно переформатировать общество, а для этого необходима абсолютно эффективная система управления, исключающая развитие неконтролируемых процессов… Ты следишь за моей мыслью?

– Да. – Митчелл увидел поднятые брови Феллера и добавил: – Стараюсь.

– Мы стоим на пороге перемен, которых требует логика развития общества. Предыдущая версия цивилизации выполнила свое главное предназначение: сформировала элиту, которая взяла под контроль богатство и опыт человечества. Дело за малым: пойти дальше.

– И повести за собой стадо, – буркнул Паркер, допивая шампанское. В отличие от друга, Филип плохо переносил крепкий алкоголь, отдавая предпочтение винам.

– А для стада я предлагаю идеальный, вызывающий полное доверие поводок, – закончил A2. – В основе которого лежит воздействие на зрение.

– И тебе повезло встретить Паркера…

– Я искал Филипа, так как знал, что именно мне потребуется, – оборвал Митчелла Феллер. – Я понял это в тот момент, когда начались первые игры с дополненной реальностью.

– То есть ты предвидел?

– Видишь, какой я умный, Арнольд, – неожиданно рассмеялся A2. – А с такими умниками лучше дружить, чем связываться.

Фраза прозвучала намеком, но Митчелл предпочел сделать вид, что не понял его. Впрочем, Феллер не настаивал.

– Зрение имеет определяющее влияние на нашу жизнь, –

неожиданно подал голос скромный Филип. И кивнул на сцену: – Рано или поздно Скотт обязательно создаст полноценный искусственный скелет, в который можно будет помещать нервную систему человека, а мы дадим ему глаза, и с этого начнется массовое производство искусственных людей.

– Ты этого хочешь? – изумился Митчелл.

– Андроиды пригодятся в разных областях, в том числе – в GS.

– Могут пригодиться, – поразмыслив, кивнул директор Службы.

– А еще мы научимся питать нервную систему какой-нибудь смесью, изобретенной… ну допустим, в «Clisanto», – поддержал друга Феллер. – Получим полноценного робота и запустим его на Луну, Марс и далее по списку, здорово сэкономив на системах жизнеобеспечения.

– Зачем связываться с человеческой нервной системой? – быстро спросил Митчелл. – Почему не использовать ИИ? Ты ведь финансировал его разработку.

– Финансировал, – не стал отрицать Феллер.

– И?

– Получил действующий образец.

– И? – заинтересовался директор GS.

– Он оказался глупее меня. Пришлось стереть.

Паркер хмыкнул, но комментировать ответ A2 не стал. Митчелл некоторое время обдумывал услышанное, после чего прищурился и улыбнулся:

– А что будет, если появится ИИ умнее тебя?

– Зачем такой нужен? – хладнокровно осведомился Феллер.

– Логично, – кивнул Митчелл.

– Пойду в холл, – сказал Паркер, поднимаясь. – Начинается светская часть, нужно поздравить Чарльза с отличным шоу.

Презентация закончилась, и гости стали покидать зал.

– Я скоро присоединюсь, – лениво протянул A2. А когда дверь за Филипом закрылась, негромко спросил: – Она здесь?

– Да, – подтвердил директор GS.

– Удивлена?

– Разумеется. Догадывается, что ее ожидает серьезный разговор, но пока не знает о чем.

– Это хорошо.

– Почему?

– Неожиданные предложения вызывают естественную реакцию, – объяснил Феллер. – Искреннюю. Мы увидим, что она думает на самом деле.

– Но не получим ответ.

– Возможно, он не понадобится.

– Тебе виднее, – пожал плечами директор GS.

– Вызови ее, – распорядился A2. – А заодно прикажи сменить бутылку шампанского и подать свежую икру.

– Конечно.

Арнольд Митчелл возглавлял самую мощную специальную службу мира, имеющую право вести расследования почти во всех странах, в его подчинении находились десятки тысяч вооруженных людей, но он не мог отказать A2 в «мелкой» просьбе, и эта «мелочь» отчетливо демонстрировала разделяющую мужчин пропасть. «Orchid» – инвестиционный фонд клана Феллеров – контролировал примерно пять процентов мировой экономики, и это положение не изменится, что бы ни случилось. А потерять высочайшую должность директора GS легко. Достаточно крепко поссориться с кем-нибудь из стратегических инвесторов.

В результате требования A2 были исполнены через две минуты, а еще через тридцать секунд раздался тихий, но не робкий стук в дверь.

– Мы ждем вас, агент Амин, – громко произнес Митчелл, и в ложу вошла спортивного сложения мулатка в элегантном платье. Мягкая ткань идеально подчеркивала замечательные формы молодой женщины, но чувствовалось, что Карифе в платье не слишком комфортно. Примерно так же, как Чарли Скотту в джинсах и водолазке.

– Директор Митчелл, – поприветствовала Арнольда Карифа.

– Прошу, агент, располагайтесь.

Девушка закрыла за собой дверь, поколебалась, но все-таки уселась в указанное кресло.

– Позвольте вам представить Александра Адама Феллера, владельца компании «Iris Inc.»…

– Называйте меня A2, Карифа, – мягко перебил директора Феллер. – Вы ведь позволите называть вас по имени?

– Да.

– Очень хорошо. – Красивая мулатка явно понравилась Александру. Он поднялся с кресла, наполнил девушке бокал и лишь затем осведомился: – Выпьете?

– Нет, спасибо.

– Не пьете?

– Не во время серьезного разговора.

– Боитесь потерять над собой контроль после одного-единственного бокала?

– Контроль заключается еще и в том, чтобы следовать принятым решениям.

– Вы всегда следуете принятым решениям?

– Да, – быстро ответила Амин и тут же добавила: – Если не изменится приказ.

– То есть вас контролирует начальство?

– Я давала присягу.

– Очень хорошо, Карифа, но от шампанского не отказывайтесь, оно прекрасно оттеняет вкус черной икры. Прошу вас.

Амин выдержала коротенькую паузу и взяла бокал. А2 с удовлетворением отметил, что на Митчелла девушка не посмотрела.

– Прекрасно… – Феллер вернулся в кресло и взял в руку свой новый бокал. Тот, в который он бросил окурок, убрали. – Карифа, я с удовольствием поднимаю тост за наше знакомство. Уверен, оно окажется долгим.

Девушка сделала маленький глоток и осведомилась:

– Мне для этого приказали сюда явиться?

– Вас пригласили на прием.

– Ради знакомства с вами?

– Для многих людей в знакомстве со мной заключается смысл жизни, – улыбнулся А2. – Надеюсь, вы понимаете, что я не хвастаюсь.

– Понимаю.

– Агент Амин, то, что я вам расскажу, не является официальной информацией, – взял слово директор Митчелл. – Я не смогу подтвердить свои слова документально, так что вам придется поверить… или не поверить.

Карифа сдержанно кивнула.

– Хорошо, – Митчелл откинулся на спинку кресла. – Агент Амин, вы слышали легенды об отряде «Sputnik»?

– Да, – тихо ответила Карифа, едва не поперхнувшись икрой.

Свежайшей русской икрой, доставленной из России на самолете.

– Так вот, это не легенды. В структуре GS действительно существует подразделение, офицеры которого обеспечивают безопасность VIP-персон. Не всех, конечно же, а лишь тех, кто входит в избранный круг, имеющий огромное влияние на всю нашу цивилизацию. И одна из этих персон в настоящий момент находится перед вами, агент Амин.

Девушка посмотрела на Феллера.

– Вам нужен телохранитель?

– Нет, меня достаточно охраняют, – качнул головой А2. – Я остро нуждаюсь в человеке решительном, смелом, опытном и энергичном, который будет вести мои дела по всему земному

шару. Я остро нуждаюсь в вас, специальный агент Амин.

– Что я должна буду делать?

– Все, что я прикажу, – ответил Феллер, глядя девушке в глаза.

– Оставаясь в рамках закона?

– Действуя в интересах общества.

– То есть нет?

– Вас что-то смущает?

Карифа покачала головой, показывая, что очень удивлена ответом, и перевела взгляд на Митчелла:

– Директор?

– Агент Амин, А2 прекрасно осведомлен о вашем послужном списке, и если бы мы хоть на мгновение подумали, что предложение вас шокирует, мы бы его не сделали, – ровным голосом произнес Митчелл. – Вам неоднократно приходилось нарушать закон, действуя в интересах общества.

– Именно так, директор: в интересах общества, – с нажимом произнесла девушка.

– Я и есть общество, – вдруг сказал А2. – Я его квинтэссенция, Карифа, и когда вы нарушали закон, вы действовали в моих интересах, только на низком уровне. Теперь я предлагаю вам перепрыгнуть через несколько ступенек и попробовать себя в другой лиге.

– Несмотря на могущество, вы не в силах отказаться от грязных дел? – Она явно хотела вывести Феллера из себя, но чтобы пробить его хладнокровие, требовалось нечто более серьезное.

– Я ищу не разбойника, а специалиста, которому предоставлю широчайшие полномочия, необходимые для достижения моих целей, – спокойно объяснил А2. – Мне нужен человек, который будет играть вместе со мной.

– В вашей свите, – уточнила девушка.

– Совершенно верно.

– Но с широкими полномочиями?

– С широчайшими полномочиями, Карифа, и очень интересными поручениями.

– Такие предложения делаются не часто, агент Амин, – вставил свое слово Митчелл. – В отряд «Sputnik» отбирают самых лучших.

– Вы еще скажите, что за мной следили.

– Мы следим за всеми, агент Амин.

Ответ прозвучал настолько буднично, что девушка слегка покраснела. И чтобы скрыть смущение, спросила:

– У меня будет время подумать?

– Немного, – быстро ответил Митчелл. – Один день.

– То есть вам срочно нужен помощник… – Амин вновь посмотрела на Феллера. – Что случилось с предыдущим?

– Я предупреждал, что она умна, – шутливо напомнил директор GS.

– Но это же прекрасно, – рассмеялся А2, не сводя с девушки глаз. – Долгое время на меня работал человек по имени Эрл Маккинрой. К сожалению, несколько месяцев назад Эрл погиб, и я до сих пор не могу подыскать ему достойную замену.

– У вас несколько месяцев нет специалиста по грязным делам? – прищурилась Амин.

– Теперь вы понимаете глубину моего отчаяния, Карифа, – продолжил посмеиваться Феллер. – Дела копятся, а человека все нет и нет.

– У меня есть один день, – Амин поднялась и не прощаясь вышла из ложи.

– Я ее беру, – выдохнул Феллер, швыряя бокал в угол. – Арнольд, ты отыскал настоящую жемчужину!

– Она еще не согласилась, – заметил Митчелл.

– Согласится.

– Не уверен, она слишком горда, чтобы променять службу в GS на служение одному человеку.

– И это тоже, – после короткой паузы согласился А2. – Но я читал психологический профиль нашей красавицы и знаю, что нужно сделать, чтобы Карифа приняла предложение. – Он поднялся, потянулся, рассеянно оглядел опустевший зал и закончил: – У каждого человека есть включатель, надавив на который можно получить все, что захочешь. Я знаю, чего хочу от агента Амин, и знаю, как этого добиться.

* * *

Бруклин США, Нью-Йорк апрель 2029

– Ты зверь! Ты бешеный зверь! Ты монстр!

Женщина кричала так, что в какой-то момент Орсон ей поверил, ненадолго решил, что она кричит по-настоящему. Потому что чувствует… Потому что он ей нравится… Впрочем, почему в «какой-то момент»? Орк умел обращаться с женщинами, умел и доставить удовольствие, и получить его, он был крепок, силен и уверен в себе, никогда не сомневался в искренности стонов и криков, но сейчас с ним была профессионалка, и в этом случае недоверие становится обязательным фоном. Ведь профессионалки не любят, а оказывают услуги. И никогда не знаешь, что они чувствуют на самом деле.

Если, конечно, задумываться о такой ерунде, как чувства профессионалки.

– Мне хорошо! Не останавливайся! Еще! Еще!

Орсон подцепил женщину в баре, в обычном, кстати, не из тех, где ищут платных спутниц на ночь или час. Женщина сидела в углу, ни к кому не приставала, не делала знаков, даже не глядела на посетителей, но Бен сразу понял, чем занимается рыжая: он ведь военный, последний год – одинокий военный, и обладал наметанным взглядом. Орсон предложил свою компанию, завязал непринужденный разговор, убедился, что не ошибся, и пригласил отправиться к нему. Двойной ценник, разумеется, потому что над его головой краснели цифры «42» и нужно доплатить за риск.

По дороге попросил не использовать во время секса дешевых фраз, но, видимо, у женщины сработала давным-давно заученная программа, она знала, что должна не только стонать, но и кричать, и кричала то, что привыкла.

Дешевые и пошлые фразы.

– Сделай меня! Сильнее! Мне нравится! Мне нравится!

Но закричала она не сразу, а ближе к финалу, когда Орку, если честно, стало все равно. Бен завелся – неожиданно для себя – и пропускал пошлые вопли мимо ушей. А завелся, потому что женщина напомнила ему Сару. Собственно, поэтому Орк и обратил на проститутку внимание. Келли – это имя она назвала – так сильно походила на Сару, что могла оказаться ее младшей сестрой: прямые рыжие волосы, зеленые глаза, полные губы, стройная фигура… Глаза, правда, усталые, несмотря на искусственный блеск наноэкрана, но такова плата за общение с профессионалками: их глаза всегда усталые, потому что видели слишком много.

В финале Келли закричала. Орсон – тоже. Заорал, как в юности, когда эмоции еще не притупились, заорал не стесняясь, в голос, а потом долго лежал на спине, бездумно глядя на светлый потолок и прислушиваясь к прерывистому, постепенно успокаивающемуся дыханию женщины.

– Ты не против? – отдышавшись, Келли достала из сумочки «steamsmoker» и портсигар с капсулами.

«Хороший портсигар, – машинально отметил Бенджамин, – не пластиковая дешевка, а из настоящего дерева».

– Только не кури наркотики, – попросил он, подкладывая под спину подушку и забрасывая левую руку за голову.

– Боишься, что мне снесет крышу? – улыбнулась она, выбирая розовую капсулу.

– Не люблю, когда при мне принимают наркоту.

– Как же ты живешь? – хихикнула Келли. – Все принимают наркоту… – А в следующий миг ойкнула и добавила: –

Разрешенную, разумеется. – И посмотрела на Орка виновато: – Ты полицейский?

– Нет, военный. – Он помолчал и добавил: – Бывший. – Хотя мог бы и не объяснять – красные цифры «42» над его головой говорили о том, что впредь этому человеку государство оружие не доверит, и не важно, кем он был: полицейским или военным. Цифры накладывала глобальная OS[13], которая знала о каждом чипе все, и стереть или замаскировать их не было никакой возможности: если ты в ar/G и достиг возраста suMpa, над тобой всегда будут цифры. А ты в ar/G всегда.

– Мне странно видеть, что здесь почти все под кайфом.

Не совсем все, конечно: полицейские, как успел заметить Орк, даже разрешенными наркотиками не злоупотребляли, а вот обычные граждане сполна наслаждались правами, обретенными по федеральному закону «О профилактике психических расстройств».

– В армии не так?

– В армии по-разному, – не стал врать Бен. – Но там ты идешь в бой, тебя хотят убить, и многие парни принимают наркоту, чтобы не сойти с ума.

– Тебя везде хотят убить, – неожиданно резко бросила Келли. – Весь этот чертов мир хочет тебя убить, и если ты справляешься без наркоты, то ты настоящий, мать его, герой, правда, я таких не видела. А вояки, ты уж извини, глотают дурь, как не в себя.

– Но я говорил о своем подразделении, – кротко ответил Орк, уходя от спора. Он прекрасно понимал, о чем говорит женщина, и не собирался защищать всех солдат мира.

– У тебя было свое подразделение? – Келли глубоко затянулась и пустила к потолку облако пахнущего вишней дыма.

– Да.

– Офицер?

– Да.

Говорить о своем прошлом и уж тем более об отставке Орк не хотел, но обрывать разговор не стал – ему нравилось общаться с этой женщиной, поэтому решил сменить тему:

– Келли, ответишь на вопрос? Только мне нужен честный ответ.

– Я могу сначала услышать вопрос?

«Она не дура…»

Бен уже понял, что проститутка ему досталась необычная, слишком умная для профессии, причем именно умная, а не набравшаяся опыта и житейской хитрости. Такие женщины выходили на панель только в результате очень страшных, ломающих жизнь обстоятельств.

– Я вижу твое лицо или «обложку»?

Высококлассное военное приложение, позволяющее смотреть сквозь дополненную реальность, у Орсона стерли после увольнения, а гражданские версии не отличались особым качеством и «вскрывали» далеко не все наложения. А Бен привык к правде.

– В действительности у меня чуть больше морщин, чем ты видишь, спасибо продвинутому craft(art), но лицо – мое, – спокойно ответила женщина. – Оно мне нравится.

– Мне тоже.

Келли улыбнулась, и у Бена защемило в груди: он узнал манеру чуть поднимать уголки губ, не улыбаться, а лишь обозначать улыбку, чтобы она – тень улыбки – освещала лицо. Так когда-то улыбалась Сара.

– Кого я тебе напомнила? – неожиданно спросила проститутка.

Настолько неожиданно, настолько точно выбрав момент, что Орсон вздрогнул и сбился.

«А ты умеешь влезть в душу…»

– Почему ты решила, что напомнила мне кого-то? – ровно поинтересовался Бен, взяв себя в руки.

Но чтобы успокоиться, ему потребовалось почти десять секунд, и они стали ответом на вопрос.

– Я не первый год в бизнесе и вижу клиентов насквозь.

– Меня тоже?

– Разве я ошиблась?

– Ты напомнила мне жену, – выдохнул Орк, сняв с языка

ругательство, которым почти собрался оскорбить женщину.

– Она умерла, – с прежней проницательностью продолжила Келли. – Сочувствую.

– Я уже свыкся с тем, что ее нет.

– Почему никого не завел?

– Видишь цифры над моей головой? – улыбнулся Бен. – Кто захочет что-нибудь со мной заводить?

– Те, у кого над головой такие же цифры.

– Мы боимся друг друга.

И понял, что сказал нечто для Келли новое, нечто такое, что никогда не приходило ей в голову.

– Я об этом не думала, – призналась женщина, пыхнув своей химической курительницей. – Хотя предположение логичное и многое объясняет.

– Что именно?

– Почему олдбаги держатся особняком.

– Не в каждом олдбаге взрывается suMpa.

– Но каждый олдбаг думает о том, что в нем может взорваться suMpa, – резанула Келли, и ее глаза блеснули. По-настоящему блеснули. – И постепенно превращается в параноика.

– Да, – помолчав, признал Бен. – Все так. Точнее, возможно.

Они помолчали, стараясь не смотреть друг на друга, затем Келли убрала «steamsmoker» и спросила:

– У тебя есть душ?

– Да.

Квартира у Орсона была небольшой: спальня да кухня-гостиная, но уютной и очень хорошо оборудованной. В свое время, еще до того, как Бруклин превратился в то, что он представлял собой сейчас, Сара мечтала провести на этой тихой улочке остаток жизни и позаботилась о том, чтобы в гнездышке появилось все необходимое для комфортной жизни.

– Можно я приму душ? Или ты собираешься продолжить?

– Прими, – разрешил Орк.

Спать с ней после этого разговора Бену не хотелось. Во всяком случае – пока.

Он проводил проститутку взглядом, поднялся с кровати и подошел к окну, напротив которого сверкал рекламный монитор.

«Наноботы «Crystal» – лучший выбор для вашей «обложки». Простое использование – великолепный результат. Наноботы «Crystal» – универсальны для любого craft(art)!»

Видео нехитрого ролика демонстрировало еще более нехитрые правила использования наноботов: женщина вскрывала упаковку баллончика, программировала содержимое на свой чип, щедро обрызгивала наноботами дешевую майку, которая через

пару мгновений превращалась в модную в этом сезоне футболку знаменитого бренда. То же самое можно проделать с часами, машиной, собой – с чем угодно. Облей наноботами поверхность, выбери для них обложку из craft (art), и ar/G покажет окружающим то, что ты хочешь показать.

А не то, что есть на самом деле.

Впрочем, реклама Орсона не заинтересовала. Сейчас его мучил гораздо более важный вопрос:

«Я становлюсь параноиком?»

В отличие от подавляющего большинства людей, достигших зловещего возраста suMpa, Бен не боялся того, что однажды отправится убивать. И, соответственно, будет убит. В конце концов, взорвет тебя вирус или нет – это лотерея, одним везет, другие берутся за оружие. Но слова Келли заставили его задуматься над тем, не существует ли связи между ожиданием и агрессией?

«Вдруг с ума сводит не вирус, а мысли о нем? Депрессия, порожденная существованием на кончике ножа: заболею я сегодня или обойдется? Что на самом деле происходит, когда глаза заливает мерцающая ртуть?»

Никто не знал, как именно и с какой вероятностью взрывается вирус, никто не знал, какой у него инкубационный период – WHO давала на эти вопросы весьма расплывчатые ответы, и до сих пор suMpa просто ходил по миру, поражая людей по своему желанию. И каждый, кто отпраздновал сорок второй день рождения, оказывался под прицелом.

И ждал…

Или перерезал себе вены, не в силах вынести сводящего с ума ожидания.

Орк знал, что он не такой, что он выдержит и не рехнется, но Келли была права: о вирусе он думал постоянно.

Когда женщина вышла из душа, Бен как раз заварил чай. Спросил через плечо:

– Будешь?

Она тихо ответила:

– Да. – А потом подошла сзади и крепко прижалась, обхватив его руками за грудь. – Ты не против?

– Нет, – помолчав, ответил Орк. – Я… Мне… Ко мне давно так никто не прикасался… – И едва не выронил чайник, потому что у него задрожали руки. – Я не против.

И закусил губу.

Она его прочитала. Легко или нет – не важно, Келли прочитала Орсона и дала ему то, в чем он действительно нуждался: тепло. Дала очень мягко, естественно, одним-

единственным жестом, и теперь могла вить из Орка веревки.

Но не стала.

– Чай пахнет очень вкусно, – прошептала женщина, продолжая прижиматься к его спине.

– Я люблю хорошие чаи, – очень тихо ответил Бен. – Давно пристрастился.

– А еще?

– Виски.

– Бурбон?

– Скотч.

– Односолодовый?

– Только.

– Грубый?

– Жесткий.

– Хорошо… – Она не отпускала Орка, а он не вырывался. Хотя знал, что пойман, что оказался в психологической ловушке, но не вырывался. Келли дала ему тепло, и Бен с жадностью впитывал его, отогревая замерзшую душу.

– Почему не остался в армии?

– Не представляю себя без оружия.

– Любишь убивать?

– Воевать, – уточнил Бен. – Защищать. Я умею сражаться голыми руками, но с оружием получается эффективнее, а тем, кто достиг возраста suMpa, оружия не полагается. У моего руководителя забрали коллекцию старых «кольтов». Пришли и сняли со стены стволы, которые он собирал всю жизнь. Это… наверное, правильно, но унизительно.

– Ты слишком гордый для этого мира.

– Таким меня воспитали.

– Не жалеешь?

– Иногда, – не стал скрывать Орсон. – Но не настолько, чтобы меняться.

– Кем считаешь меня?

– Я видел много и давно перестал осуждать.

– А презирать?

– Это несправедливо.

– Презирать?

– Презирать за то, что не повезло, – объяснил Бен. Он поставил чайник и накрыл руки женщины ладонями. На тот случай, если она захочет разорвать объятия. – Мир несправедлив, вот он достоин презрения, а тебе просто не повезло, я знаю.

– Откуда?

– Я вижу, что ты чужая своей профессии.

Женщина резко выдохнула и сильнее прижалась к Орсону.

Долго, почти минуту они стояли и молчали, боясь нарушить возникшую связь, а затем Келли тихо-тихо спросила:

– Разве не мы построили несправедливый мир?

– Мы, – ответил Бен. – Однако мы – всего лишь орки: строители и военные, ученые и разбойники, шлюхи и праведники. Мы – муравьи мира, он стоит на нашем прахе. Мы умирали, строя железную дорогу, но не мы решали, куда она пойдет.

– Все это очень сложно, – прошептала женщина, но по ее голосу Орк догадался, что Келли его прекрасно поняла, и улыбнулся. Однако промолчал, потому что женщина продолжила: – Мне очень приятно, что ты так сказал… обо мне. Спасибо, – она потерлась щекой об его спину. – Обычно люди стыдятся говорить мне приятные слова… те люди, которым я по глупости задавала этот вопрос.

– Мне приходилось делать такие вещи, что стыд давно потерял для меня смысл, – спокойно ответил Бен, лаская сомкнутые пальцы Келли.

– Неприятные вещи?

– Ужасные.

– Во имя страны?

– Я поклялся ее защищать.

– А она требовала грязи?

– Требовала окунаться в нее с головой.

– Как же ты справляешься?

– Я научился оставлять сделанное в прошлом. И никогда к нему не возвращаюсь.

– И оно ни разу тебя не настигало?

– Я хорошо умею закапывать то, от чего нужно избавиться.

Они вновь помолчали… Эти мгновения – объятий в тишине – очень им нравились, а затем Келли тихо продолжила:

– Я играла на виолончели, занималась в настоящей музыкальной школе у очень хорошего педагога. Это может показаться глупым, кому нужна виолончель, когда есть электронные импровизаторы, с помощью которых можно синтезировать любую композицию в любом стиле, но до сих пор существуют симфонические оркестры, которые играют на настоящих инструментах. Попасть в них сложно, требуется пройти большой конкурс, ведь оркестры играют для подлинных ценителей.

– Не для орков, – понял Бен.

– Нет.

– Ты хорошо играла?

– Очень, – без ложной скромности ответила Келли. – Мне нравилось играть, я старалась, у меня получалось. Говорили, что

у меня талант.

– Что с тобой случилось? – глухо спросил Орк.

Хотя догадывался, какую историю услышит.

– Отец потерял работу и не смог найти новую – такого же уровня. Некоторое время мы держались за счет сбережений, потом они закончились, и жизнь рухнула. Новая работа отца не была ни престижной, ни доходной, мы переехали в другой район, но не сразу поняли, чем он отличается от прежнего, безопасного… Я по привычке ходила в школу одна, без сопровождения, и где-то через неделю меня изнасиловали. Они затащили меня в арку и… – Бен почувствовал, что Келли задрожала. – Их было четверо – крепкие парни из старшего класса. Когда они поняли, что для меня это… что я делала это в первый раз, они развеселились окончательно. Отвели меня в какой-то подвал и не отпускали три часа. А на прощанье сказали, что убьют, если я кому-нибудь расскажу.

– И ты не рассказала? – спросил Орк, чувствуя, как у него сводит скулы от бешенства.

– Вернувшись домой, я разбила виолончель. Даже в душ не стала заходить: вошла в квартиру, вытащила ее из шкафа, поднялась на крышу и разбила. Она стала ненужной, потому что к этому моменту я уже оставила музыкальную школу. Мое будущее изменилось… – Келли тихонько всхлипнула. – Сейчас я принадлежу одному из тех хулиганов. Он стал в Бруклине весьма авторитетным человеком.

– Как его зовут?

– Какая разница?

– Интересно.

– Просто интересно?

– Я – военный в отставке, – напомнил Орк. – Я обладаю большим боевым опытом и за две недели, что живу в Нью-Йорке, познакомился с десятком, если не больше, авторитетных парней.

– Всем нужен бывший военный?

– Я не хотел, чтобы обо мне знали, но кто-то слил информацию, и предложения сыплются как из рога изобилия.

– Его зовут Сечеле Дога, – помолчав, ответила Келли.

– По прозвищу Крокодил?

– Знаешь его?

– Он сделал щедрое предложение.

– Значит, может получиться так, что в следующий раз я обслужу тебя бесплатно.

Орк резко повернулся, взял лицо женщины в руки и заглянул в ее полные слез глаза. И почувствовал, как защемило душу: то ли от жалости, то ли от бешенства.

– Зачем ты все это рассказала?

Келли слабо улыбнулась.

– Зачем?

– Тебе было нужно тепло?

Он понял, о чем спрашивает женщина, и кивнул:

– Да.

– Мне тоже. – Из ее глаз потекли слезы, но Келли улыбалась. Улыбалась по-настоящему, искренне. – Я была счастлива встретить мужчину, который выслушал мою историю и отнесся к ней серьезно. В конце концов, ничего, кроме этой истории, у меня не осталось.

///

«Была счастлива… была… была… была…»

Утром Орк предложил ей остаться, но Келли отказалась. Он решил, что не был понят, и уточнил: «Совсем», она поцеловала его в щеку и ответила: «Я не могу». Тогда он сглупил и сказал, что договорится с Крокодилом, но уже заканчивая фразу понял, что произносить ее не следовало.

– Я не искала спасения, – ответила Келли.

– Но почему?

– Не нужно все портить.

– Мы только встретились.

– Лучше, чем сейчас, уже не будет. – Ее руки обвили шею Бена, а дыхание обжигало грудь. – Счастье может быть только мимолетным. А с тобой я была счастлива.

– Прошу, останься.

– Я разбила виолончель, ее не склеить.

– Ты этого не знаешь.

– Знаю… знаю… знаю… – И снова – сводящая с ума тень улыбки. И зеленые глаза… Только взгляд больше не усталый, взгляд умиротворенный. – Я не верила, что такие мужчины еще есть, но я тебя нашла, Орк, и умоляю: не порть нашу встречу. Пожалуйста…

Он понимал, что не должен ее отпускать, но был уверен, что легко отыщет. Она выскользнула из квартиры, когда Орк отправился под душ. Открыла и закрыла дверь очень аккуратно, бесшумно, однако стоящий под струями воды Бен почувствовал сквозняк. Он пожал плечами, сказав себе, что обязательно ее отыщет, но через мгновение вспомнил ее новый, умиротворенный взгляд, сообразил, что будет, громко выругался, торопливо вытерся, натянул штаны, рубашку и выскочил из квартиры. Бросился к лифту, спустился на первый этаж, надеясь догнать Келли до того, как она исчезнет за углом, но не успел. Выбегая из подъезда, увидел собирающуюся на улице толпу, остановился –

потому что все понял, закрыл глаза, мысленно досчитал до десяти, подошел к одному из зевак и тихо спросил:

– Что случилось?

– Шлюха с крыши сиганула, – небрежно ответил тот.

И Орк до конца жизни удивлялся своей выдержке, не позволившей ему свернуть болтуну шею. Он глубоко вздохнул и спросил:

– Почему?

– А кто ее знает? Прыгнула, и все. Не она первая, не она последняя.

– Это Келли, одна из давалок Сечеле, – поведал темнокожий крепыш с пакетиком орешков в руке. – Небось наркоты перебрала.

– Она вроде не торчала.

– Они все торчат. Шлюхи ведь.

– Ножки у нее были отличные, длинные…

Рыжая девушка лежала посреди улицы в нелепой позе. Но при этом, как ни странно, на ее губах застыла тень мимолетной улыбки, лишь обозначенной, еще не состоявшейся, но обворожительной до безумия. Вокруг растекалась кровь. Зеваки бурно обсуждали короткую и не слишком радостную жизнь Келли, сосредотачиваясь на ее сексуальных способностях. Полицейский дрон фотографировал. Из-за угла выехала серая труповозка. А окаменевший Орк стоял и думал о том, что, когда он служил в армии, страна, которую он защищал, казалась намного лучше.

* * *

Говорят, что suMpa есть ярость, агрессия, злоба и ненависть.

Наверное, правильно говорят, потому что инопланетный вирус вызывает у людей нечто вроде бешенства, резкую, как взрыв, вспышку абсолютно немотивированной агрессии, во время которой человек начинает убивать. Не крушить все вокруг, а целенаправленно убивать, стараясь, чтобы жертв оказалось как можно больше. Убивать людей, не животных. Известны случаи, когда олдбаги уезжали с фермы, оставляя в целости коров, свиней, овец, собак и прочую живность, добирались до ближайшего бара и устраивали кровавое побоище, отправляя на тот свет пять, десять, двадцать человек… А животных не трогали. Как будто инопланетный вирус требует убивать исключительно разумных.

Как будто сам вирус разумен.

Как будто suMpa не болезнь, а оружие.

Ученые спорят, был ли вирус таким изначально; или изменился во время путешествия по Вселенной, подвергаясь воздействию космического излучения; или стал таким, оказавшись на Земле, под влиянием нашей атмосферы, стратосферы, блогосферы и прочего

дерьма, которым мы окутали планету; или становится таким, попадая в наши клетки. Ученые спорят, порождая бесчисленные научные статьи, простые люди проклинают Воронежский метеорит, а вирус продолжает шествовать по планете.

Если над твоей головой краснеют цифры «42» или больше, ты в любой момент можешь взяться за оружие.

Ты этого боишься и ждешь. Люди вокруг боятся этого и ждут. Мы начинаем смотреть друг на друга, как на врагов, и готовиться к неизбежному. К тому, что мы называем неизбежным, – к смерти. Мир поделился на олдбагов и тех, кто еще не достиг их возраста, и мир останется таким до тех пор, пока не придумают вакцину.

Мир окутала suMpa.

Но иногда мне кажется, что вирус не делает нас агрессивными и злобными, а всего лишь включает. Иногда мне кажется, что suMpa – это и есть наш мир. Наш настоящий мир: не втиснутый в рамки законов, не приглаженный этикой и моралью, не отретушированный лицемерием – мир, где не вырваться из переполненных наркотиками гетто, где можешь рассчитывать только на себя, где разобьешь виолончель потому, что переехал в другой район. Мир, пытающийся спрятаться за «обложками», но их фиговые листки делают его еще более реальным.

Мир, в котором за все надо платить…

Из дневника Бенджамина «Орка» Орсона

* * *

Бруклин США, Нью-Йорк апрель 2029

Сечеле Дога по прозвищу Крокодил должен умереть.

Решение Орсон принял, едва увидев бездыханную Келли. Решение окончательное, не подлежащее пересмотру. При этом Бен отдавал себе отчет в том, что готовится совершить преступление, но та его часть, в которой еще теплилось уважение к закону, даже не пикнула, лишь печально вздохнула, признавая право на месть. Право той части, которая отвечала за проведение незаконных специальных операций на территориях независимых государств, которая безжалостно истребляла террористов и работорговцев и ставила понятие справедливости много выше буквы закона. Право той части, которую история Келли привела в лютое бешенство, сменившееся холодной, расчетливой злобой.

Сечеле Дога по прозвищу Крокодил должен умереть.

И полковник Сил специального назначения Бенджамин Орсон, известный сослуживцам под позывным Орк, поклялся использовать все свои умения, чтобы Дога не ушел безнаказанным. Чтобы он вообще не ушел.

Но что может сделать один человек, пусть даже прекрасно

подготовленный, против сплоченной вооруженной группы? Правильный ответ – ничего. С другой стороны, Орк и не собирался истреблять всю банду, держащую в страхе едва ли не треть Бруклина, ему было достаточно крови Крокодила, то есть предстоял не штурм, а диверсионный акт и быстрый отход – такая задача вполне по силам одному специалисту, и Бен взялся за дело.

Сначала – разведка, определение приблизительного состава банды, оценка личного состава и выбор места проведения операции. Понаблюдав за Сечеле три дня, Орсон отказался от мысли устроить засаду и решить вопрос снайперским выстрелом: осторожный Дога перемещался по району бессистемно и старался не показываться на открытых местах. Для организации засады пришлось бы следить за Крокодилом не менее двух недель, а Орк не был настроен ждать и потому решил взять Догу в логове, в подвале, который Крокодил считал неприступным и проводил в нем ночи. Тщательно изучив инженерные схемы, Орсон отыскал слабое место в крепости банды и разработал план проникновения, требующий от исполнителя лишь решительности и необходимого снаряжения.

И того, и другого у Бенджамина было в избытке.

До 2028 года Орсон даже в мыслях не мог допустить, что однажды ему придется пойти против системы. Он вел законопослушную жизнь незаконопослушного специалиста в сфере государственной безопасности, но все преступное оставлял на работе и за пределами страны. Он знал, что делает грязную работу, но воспринимал себя частью огромного организма, ассенизатором цивилизации, помогающим обществу нормально жить и развиваться. В сущности, так оно и было, но Воронежский метеорит, suMpa и смерть Сары все изменили. Орсон спросил себя, что будет, если в нем взорвется вирус, и ответил спокойно: он сойдет с ума, и его убьют. Но будучи человеком военным, Бен привык рассматривать все возможные варианты развития событий и поставил перед собой следующий вопрос: что будет, если случится эпидемия suMpa, а он останется здоров? При таком развитии событий будущее оказывалось непредсказуемым, непредсказуемость всегда приводит к крови, и Бен по привычке принялся готовиться к войне.

И именно тогда перестал быть законопослушным не только по долгу службы.

Профессия обеспечивала ему широчайший доступ к оружию и снаряжению, а положение командира – к отчетам и другим документам, помогающим скрыть следы банального воровства: Бен списывал нужные устройства как утерянные в бою или не

вносил в перечень захваченные трофеи. При этом не жадничал и не торопился, брал осторожно и понемногу, внимательно следил за тем, чтобы у проверяющих не появилось сомнений, и постепенно стал обладателем прекрасной, со вкусом подобранной коллекции, призванной облегчить жизнь человеку в условиях апокалипсиса: оружие, боеприпасы, снаряжение, одежда, медикаменты, пища и даже сотня золотых монет, которую Бен ухитрился украсть в логове одного из наркобаронов.

Схрон был оборудован в Бруклине, поскольку Бен собирался доживать свой век в их с Сарой квартире, и теперь впервые пригодился.

Разработав план вторжения в крепость Крокодила, Орсон спустился в подвал, через него проник в одну из веток муниципальной канализации и быстрым шагом добрался до заброшенного тупичка, в котором оборудовал убежище, – на весь путь ему потребовалось двенадцать минут. Убедился, что за ним никто не следит, а «балалайка» давно потеряла связь с сетью, открыл профессионально замаскированную дверь, скользнул внутрь, включил свет и улыбнулся, разглядывая стоящие в помещении ящики.

Свое богатство.

За несколько месяцев обкрадывания армии Орк обзавелся полным боевым комплектом, включающим запасные энергетические элементы к нему и экзонакладкам; штурмовым огневым комплексом «зундра», разработанным по заказу Сил специального назначения и запрещенным к продаже гражданским даже в облегченной версии; большим количеством боеприпасов и десятком дронов различного предназначения, которые Бенджамин перепрограммировал на работу с новым приложением, загруженным в чип после выхода в отставку. Приложение предназначалось для управления охотничьими дронами и потому умело управляться с оружием.

Однако главным сокровищем Орка, безусловно, являлся армейский «глухарь» – fullface-шлем, полностью блокирующий исходящий сигнал «балалайки». Преступники и террористы охотно использовали для своих целей возможности ar/G, причем иногда не менее эффективно, чем военные. Они устанавливали вокруг убежищ линии наблюдения, в том числе скрытые, которые не могли обнаружить, снять или заглушить армейские программисты, и после нескольких проваленных операций для спецов разработали особые шлемы, в которых они становились невидимыми в Сети. А значит – для любых систем обнаружения. Недостаток заключался в том, что приходилось пользоваться радиосвязью и отдавать все дроны под командование оператора,

зато «глухари» позволяли вплотную подобраться к противнику и преподнести неприятный сюрприз.

А в случае с Орком – еще и остаться неузнанным: подвал Сечеле был надежно экранирован, но по дороге обязательно встретятся и датчики, и зоны действия ar/G, а Бенджамин не хотел, чтобы дружки Крокодила узнали, кто его прикончил.

Отобрав нужное снаряжение и облачившись в боевой комплект, Орсон вернулся в городскую канализацию, запустил закрепленный на левой руке пульт управления дронами, получил отчет от оставленного рядом с крепостью разведчика – Сечеле вернулся и находится внутри – и неспешно отправился в путь. По поверхности ему пришлось бы преодолеть всего семь кварталов, но под землей дорога длиннее, и Орк затратил на нее два часа. Шел неспешно, осторожно, тщательно следя за тем, чтобы ни с кем не встретиться, и оказался у крепости незамеченным. Добравшись, вновь проверил отчет разведчика, убедился, что Крокодил не покидал подвал, и приступил к штурму.

То есть к проникновению.

Днем ранее Орсон просканировал электронную защиту крепости и понял, что неразрешимых задач бандиты перед ним не поставили. Датчики движения под землей они почти не применяли, чтобы не отвлекаться на крыс и собак, а инфракрасные камеры включали только в случае тревоги, сделав ставку на сканеры чипов и тепловые детекторы, поскольку объект размером с человека спрятать трудно. И то, и другое Орк легко обходил с помощью военного комбинезона и «глухаря», но самое главное заключалось в том, что он подошел к цели, находясь на один подземный уровень ниже подвала, откуда бандиты вторжения не ждали и, соответственно, оставили массу дыр в электронной защите. Изучая схему коммуникаций, Бен обнаружил, что один из вентиляционных каналов спускается еще на три уровня вниз, во время разведки увидел, что бандиты не залили его бетоном, как следовало, а заминировали, и освободил проход всего за четырнадцать минут, после чего неспешно и бесшумно поднялся в крепость и оказался в туалете.

По ночам в бункере Сечеле оставалось не более семи-восьми боевиков, составляющих его свиту и личную охрану, а с таким количеством противников Орк мог справиться без особого труда. Нужно было лишь сделать так, чтобы их количество не увеличивалось, то есть чтобы никто не вызвал подмогу, и один из бандитов по-дружески помог Бену, войдя в туалет в тот самый момент, когда Орк собирался его покинуть. Вошел – и напоролся на нож, уменьшив тем самым число защитников на одну единицу.

Отсчет начался.

Прикончив боевика, Бен сменил нож на пистолет с глушителем, отправился к входной двери и застрелил охранников. Заблокировал дверь – теперь подмога не явится слишком быстро, оставил у входа два боевых дрона с приказом открывать огонь по любой движущейся цели, заглянул в «казарму», застрелил трех спящих боевиков, а затем ворвался в комнату отдыха, где шла азартная и шумная игра в карты. За столом собрались пять человек, но немой сцены не последовало: Орк взял с собой автоматический пистолет; перед тем как ворваться, снял глушитель и поставил увеличенный магазин, и открыл огонь, как только выбил дверь, – так его учили. Комната оказалась не очень большой, поэтому огонь получился плотным и прицельным. А значит – экономичным. Загруженное в «глухарь» приложение не только указывало на первоочередные цели, но молниеносно оценивало результаты стрельбы, анализировало причиненный ущерб и давало рекомендации: перенести огонь на другую цель или добить предыдущую. На уничтожение пятерых человек Орсон потратил семь секунд и семнадцать патронов.

А затем вломился в спальню, и вломился вовремя: вскочивший с кровати Сечеле как раз потянулся за оружием.

– Нет, – негромко произнес Бен, и Крокодил послушно замер. Он был жестоким бандитом, но не дураком, и знал, когда следует подчиниться.

Медленно выпрямился, повернулся, показал ладони и прищурился:

– Ты пришел за деньгами?

Бенджамин промолчал. Посмотрел на дрожащую на кровати девушку и понял, что она не представляет угрозы.

– Кто ты? – продолжил Сечеле, явно стараясь потянуть время.

– Мы не знакомы.

– Ты пришел за деньгами?

– У тебя есть золото?

– Отпустишь меня? – тут же спросил Крокодил. И добавил: – У меня есть золото. Сто полновесных монет в сейфе.

– Не много.

– Здесь мне больше не нужно, – пожал плечами бандит. – Так, на текущие расходы.

И сделал малюсенький шаг к столу, на котором лежал пистолет. Настолько малюсенький, что распознать его глазом было практически нереально, но шлем считал его без труда.

– Еще одно движение – и я стреляю, – равнодушно произнес Орк.

– Армейская кастрюля с армейскими программами, – вздохнул бандит. – Мы договорились насчет золота?

– За сто монет я не стану тебя мучить, – пообещал Бен.

– То есть убьешь меня в любом случае? – поднял брови Сечеле.

– Да.

– Тебя наняли?

– Помнишь Келли?

– Какую Келли? – нахмурился Крокодил, явно не ожидавший услышать женское имя.

– Рыжую Келли, одну из твоих девочек, – уточнил Орсон. – Она прыгнула с крыши несколько дней назад.

– Ах, эту… – Дога неожиданно стал серьезным. – Ты пришел из-за Келли? Из-за прыгнувшей шлюхи?

– Расскажи мне о ней, – попросил Бен. – Она действительно играла на виолончели?

Сечеле вздрогнул. Однако ответить попытался твердо:

– Зачем тебе это знать?

– Ты действительно изнасиловал ее, когда она была школьницей?

– Зачем тебе это знать? – повторил Крокодил, но голос предательски дрогнул, показав, что страх, которого дожидался Орк, наконец-то овладел бандитом.

И Бен без колебаний выстрелил Сечеле в ногу. Чуть выше колена.

– Черт! – завизжал бандит, падая на пол. – Черт! Черт! Не надо! Не стреляй – я все скажу! Я ее изнасиловал, да! А чего ты хотел? Не я, так другой, это было неизбежно!

– Ты ей жизнь сломал, – тихо сказал Орк. – Ты сделал из нее проститутку.

– А кем бы она здесь стала? – проревел Крокодил, зажимая рану рукой. – Оглянись, придурок, и подумай, какое другое будущее ее здесь поджидало? Принц на белом коне? Колледж и Принстон? Кем, по-твоему, она могла вырасти в Бруклине?

– Она играла на виолончели, – еще тише произнес Орк и прострелил бандиту голову.

Бен был полностью согласен с услышанным, знал, что Крокодил прав и здесь, в Бруклине, нищая белая девочка не могла ни на что рассчитывать. И еще знал, что на месте Сечеле мог оказаться кто угодно, потому что злобный Крокодил, чьи стекленеющие глаза тупо таращились в потолок, стал просто инструментом судьбы, точнее, мира, который построили орки под чутким руководством хозяев. Сечеле не был ни плохим, ни хорошим – эти категории не имело смысла использовать в отношении инструмента, но Орк все равно его сломал.

Потому что инструмент судьбы по имени Сечеле Дога был

неотъемлемой частью того мира, который Орк начал ненавидеть.

Покончив с Крокодилом, Бен несколько секунд стоял над телом, не разглядывая его, а в последний раз прощаясь с Келли, прежде чем зарыть это прошлое, и лишь затем повернулся к замершей на кровати девушке.

– Одевайся и уходи.

– Ты меня отпустишь? – удивилась она.

– Я пришел не за тобой.

Девушка помолчала, после чего со страхом произнесла:

– Я расскажу им все, что видела.

– Ты не видела моего лица.

– Все так… – Она вздохнула и продолжила чуть более уверенным тоном: – Келли действительно играла на виолончели.

Теперь вздрогнул Орк.

– Однажды мы разговорились, и Келли показала старую запись своего выступления. Она хорошо играла. – Девушка выдержала еще одну паузу. – Я не скажу, что ты отомстил за нее. Но за это ты прострелишь мне левую руку.

– Останется шрам.

– Иначе меня убьют.

– Ты можешь уехать.

– Мне некуда ехать.

Бруклин – это болото, из которого невозможно вырваться. Это мир, в котором нет места виолончели.

– Если я покажу, где сейф, ты сможешь его вскрыть? – деловым тоном спросила девушка.

– Меня этому учили, – ответил Орк, улыбнувшись. Но только потому, что «глухарь» полностью скрывал лицо.

– Поделишься со мной?

– Заберешь половину того, что мы найдем.

Если Сечеле не соврал, девчонке достанутся пятьдесят золотых, а за такой приз можно вытерпеть и пулю в руку.

– Ты пообещал.

– Я держу слово.

Девушка кивнула, отбросила простыню, поднялась и стала быстро одеваться, совершенно не смущаясь Орка. Один раз бросила на него быстрый взгляд, не увидела ничего сквозь забрало шлема и спросила:

– Почему Келли прыгнула?

Сначала Бен не хотел отвечать, но нужные слова неожиданно пришли, и он ответил:

– Она вспомнила.

– Она обо всем забыла, – вдруг сказала девушка, перестав одеваться.

– Всего не забудешь, – жестко сказал Бен.

– Я знаю точно: Келли отпустила прошлое и выживала, как все вокруг.

Девушка сильно рисковала, говоря эти слова, и понимала, что рискует. Ей было страшно. Ей было очень страшно стоять перед убийцей, лица которого она не видела, но девушка все равно сказала то, что думала.

Она захотела знать правду, и она ее услышала.

– Я виноват, – угрюмо признал Орк. – Наша встреча оказалась для Келли слишком тяжелой. Она вспомнила.

– Келли увидела в тебе то, чего у нее никогда не было, – поняла девушка. – Но могло быть.

– Да.

– Я не спрашивала.

– Все равно: да.

– Ты убил Крокодила, чтобы смыть свою вину.

– Да.

Они помолчали.

– Келли была хорошей, – вздохнула девушка. И повернулась к висящей на стене картине. – Ты будешь смеяться, но сейф спрятан за ней.

* * *

Башня «АРЕХ» США, Сан-Франциско апрель 2029

Когда-то давно, разглядывая чертежи готовящейся к постройке башни в одном из центральных районов Сан-Франциско, А2 распорядился превратить ее крышу в удивительной красоты сад, которым восхищались даже те, для кого слово «роскошь» являлось синонимом обыденности. Плодородная почва, система полива, система защиты от ветра – сад был оборудован по последнему слову техники, и собранные в нем растения, в том числе – экзотические, с легкостью выдерживали переменчивый климат Сан-Франциско. По саду были проложены дорожки, в уютных уголках прятались скамейки и кресла, в нем можно было отрешиться от всех дел и позабыть, что находишься в центре огромного города, но… Но А2 редко в него выходил.

Из панорамных окон пентхауса открывались великолепные виды и на город, и на залив, башня располагалась так, что из нее можно было наблюдать за китами, но… Но А2 редко стоял у окон.

Он любил сидеть у зажженного камина и смотреть на огонь. Особенно в дождь. Иногда, в те минуты, когда вода и водяная пыль скрывали от мира и город, и море, А2 подходил к окну и смотрел на туманную мглу, мысленно рисуя поверх нее свой новый мир.

Мир, полный тайн и чудес.

Мир невиданной красоты.

Мир, который может создать только он…

А когда дождь закончился, А2 распорядился распахнуть стеклянные двери в сад, чтобы пустить внутрь сырость, которую он называл свежестью, плюхнулся на диван, положив ноги на низенький столик, забросил руки за голову и громко спросил:

– Гунни, ты умеешь читать?

Гунни – Олаф Гуннарсон, мощный афрошвед под два метра ростом, исполняющий при Феллере обязанности телохранителя, промолчал, но на его крупном лице дернулось несколько отвечающих за мимику мышц, из чего наблюдательный А2 сделал вывод, что здоровяк заинтересовался, и продолжил:

– Я догадываюсь, что ты умеешь складывать буквы в слова, но доводилось ли тебе читать что-нибудь сложнее устава? – Афрошвед привел в движение нижнюю челюсть, но Феллер поднял руку: – Нет, не отвечай, мне безразлично. К тому же я знаю, что услышу… Вот я, как ты наверняка заметил, ведь ты у нас внимательный… я много читаю. В основном, конечно, файлы, но поскольку я ходил в школу еще до полной оцифровки информационного поля, то люблю почитать настоящие книги. Сделанные из бумаги… Ты, наверное, не знаешь, что это такое…

– Знаю.

– Кто разрешил тебе подавать голос? – рявкнул А2, и Гуннарсон поджал губы. Впрочем, Феллер так часто издевался над своим постоянным спутником, что досада давно вошла в список привычных состояний здоровяка. Что же касается А2, то он отнюдь не разозлился, а рявкнув, продолжил разговор с прежним спокойствием: – Я предпочитаю бумажные книги и даже, случается, специально распечатываю наиболее интересные и важные для меня документы. Сейчас, к примеру, я просматриваю личное дело агента Амин, – Феллер прикоснулся к раскрытой папке. – Здесь ее биография, награды, достижения, характеристики от разных руководителей, доносы от коллег, психологический профиль… Очень забавный, кстати, профиль, поскольку из него следует, что агент Амин с вероятностью девяносто процентов отвергнет мое предложение, и старине Арнольду придется устроить красивой мулатке некрасивую автомобильную катастрофу, ведь существование отряда «Sputnik» должно оставаться легендой… Меня предупреждали о таком развитии событий и предлагали более покладистые кандидатуры, но я решил, что, поскольку по остальным характеристикам агент Амин подходит идеально, нужно постараться убедить девушку принять предложение, и вернулся к изучению ее

психологического профиля… Я не слишком быстро говорю?

Афрошвед оставил вопрос без ответа.

– У Карифы очень забавный профиль, – повторил А2 после недлинной паузы, затем взял из папки один из листов и задумчиво пробежал глазами по тексту. – Мне потребовалось всего два часа, чтобы понять, что нужно сделать, чтобы агент Амин приняла предложение с вероятностью девяносто семь процентов. Потом я позвонил старине Моргану, и он подтвердил мои выводы. А психологи GS в Карифе разобраться не сумели. Или испугались предложить мне этот вариант… – Он хмыкнул. – Надеюсь, что испугались: не хочется думать, что психологи крупнейшей мировой спецслужбы являются полными импотентами в профессии. Что скажешь?

По тону Гуннарсон понял, что Феллер действительно хочет слышать его мнение, и хрипло произнес:

– Вы – самый умный человек из всех, кого я видел.

– Ну, поскольку умных людей ты видел немного, лесть получилась так себе, – с деланой печалью ответил А2.

Афрошвед хотел добавить, что, помимо ума, Феллер – самый сволочной тип из всех, кого он видел, но промолчал. Потому что Феллер и об этом знал.

А2 поднялся с дивана, взял папку и бросил в камин. Бумага весело вспыхнула. Некоторое время мужчины смотрели на огонь, после чего Феллер сказал:

– Сейчас она позвонит.

Гуннарсону пришел вызов, и он негромко доложил:

– Агент Амин на первом этаже, просит разрешения подняться.

– Я приму ее здесь, – медленно произнес А2, глядя на догорающие в камине бумаги.

– Да, сэр.

– А ты убирайся, она не должна тебя видеть. Я сам ее встречу.

– Да, сэр. – Афрошвед помялся, но все-таки рискнул и ляпнул: – Она вас презирает, сэр. Не вас лично, а всех очень богатых людей. Это я понял.

– Знаю, что понял, и знаю, что презирает, – отозвался А2, продолжая смотреть на огонь. – Убирайся, и если рискнешь подслушать или подсмотреть то, что здесь произойдет, – живым закопаю.

Пентхаус был надежно экранирован, к ar/G подключался по кабелю, и разузнать, что происходит в апартаментах Феллера, можно было лишь старинными методами. И А2 не сомневался, что, несмотря на запрет, Гуннарсон приложит все силы, чтобы не пропустить предстоящее событие.

///

Волновалась ли она? Безусловно. Три последних дня, с того мгновения, как Карифа Амин получила письмо от директора Митчелла с указанием явиться в аэропорт JFK[14], чтобы отправиться в Калифорнию – причем без всяких объяснений! – она была как на иголках. В Сан-Франциско ее встретили, отвезли в гостиницу, причесали, сделали стильный макияж, нарядили в дорогое платье и отправили на светский прием высочайшего уровня, напутствовав словами: «Вас позовут».

Позвали…

Знакомство с Александром Адамом Феллером и сделанное им предложение Карифа переживала до сих пор и потому на эту встречу, как она надеялась – последнюю, собиралась с особенным настроением. Тщательно продумала возможное развитие разговора, заготовила ответы, проговорила их, стоя перед зеркалом, а главное – отказалась от предложенного элегантного брючного костюма, выбрав вещи, в которых прилетела из Нью-Йорка.

К башне А2 ее доставили в лимузине с настоящим, живым шофером, а не в дорогой роботизированной игрушке, двери распахнул настоящий швейцар, в кабине, разумеется, работал лифтер. Обилие людей производило впечатление: эксцентричный Феллер окружал себя живыми слугами, что по нынешним временам выглядело анахронизмом. К тому же – безумно дорогим анахронизмом.

Но при этом А2 жил в пентхаусе, чем несколько разочаровал Карифу, нарисовавшую в своем воображении роскошный особняк в центре города. И Феллер, словно прочитав ее мысли, начал разговор неожиданно.

– Я не люблю дома, – произнес он, глядя на остановившуюся в центре гостиной девушку. Улыбнулся, кивнул на раздвижную дверь и вслед за Карифой вышел в сад. – У меня есть большое фамильное поместье на Лонг-Айленде, но я не люблю в нем бывать.

– Что так? – набравшись смелости, осведомилась Амин.

– Оно слишком пустое и тем напоминает, что у меня нет детей.

– Здесь тоже полно места, – сказала Карифа только для того, чтобы хоть что-то сказать. Она не готовилась к подобному началу и несколько растерялась.

– Я редко выхожу в сад, он предназначен для вечеринок, – Феллер знал, что сбивает девушку с толку, но ничем этого не показывал. – При нашей первой встрече я понял, что вы не любите шампанское. Что предпочитаете?

– Неужели вы не читали мое досье? – попыталась огрызнуться

Амин.

– У меня случайно оказалась под рукой бутылка розового итальянского. – Столик прятался совсем рядом. А2 наполнил бокалы и протянул один Карифе. – Ваше здоровье.

– Очень вкусно, – оценила Амин, сделав маленький глоток.

Вино и в самом деле оказалось великолепным.

– Мне принадлежит пара виноградников в Кротоне[15]. Купил, когда понял, что очарован местными винами.

– Вам ведь нравится виски, – заметила девушка.

– Откуда вы знаете? – поднял брови Феллер.

– Я не дура.

– Тогда почему вы ответили отказом на мое предложение? – быстро спросил А2. – Я был так изумлен, что решил не отпускать вас без еще одной встречи.

– Вам, наверное, редко отказывают?

– Хочу услышать от вас другой ответ.

– Ценю ваш интерес, но, увы, не могу изменить решение, – замирая от страха, сказала Амин. И вернула бокал с великолепным вином на столик.

– Почему?

– Оно далось мне очень тяжело.

– Вы ведь знаете, от чего отказываетесь?

– Догадываюсь.

– Возможно, ваш выбор обусловлен недостатком информации? – предположил Феллер.

– Как только я узнала, что отряд «Sputnik» существует, я поверила во все связанные с ним легенды. – Девушка натянуто улыбнулась.

– У вас есть превосходная возможность подняться над законом, Карифа.

– Чтобы делать грязную работу?

– Чтобы принять участие в самой большой игре, которая идет на планете.

– Вы даете мне второй шанс, хотя, как я понимаю, это не в ваших правилах.

– Не в моих, – подтвердил А2. И легко взял Карифу за локоть: – Давайте вернемся в дом – собирается дождь.

В саду действительно стало прохладно.

– Почему вы решили дать мне второй шанс? – повторила Амин.

– А как думаете вы? – поднял брови Феллер.

– Потому что я – хороший профессионал?

– В GS много специалистов вашего уровня.

Он закрыл дверь и несколько мгновений стоял, разглядывая

небо и не поворачиваясь к девушке.

– Потому что я… не простой исполнитель? – сделала она следующее предположение.

– Вы склонны к импровизации и творчески подходите к работе, – признал А2. – Однако и это обстоятельство не стало для меня главным фактором.

– Тогда что?

– Вам не нравится существующая система, – отчетливо ответил Феллер, повернулся и посмотрел девушке в глаза.

– Другой все равно нет, – очень спокойно произнесла Амин.

– Отличный ответ, Карифа, – одобрил А2. – Ты, как и я, понимаешь, что система несовершенна, осознаешь свое бессилие, смирилась с ним, но обязательно заинтересуешься, услышав, что кое-кто собирается систему менять.

– Зачем? – вырвалось у девушки.

– Затем, что жизнь – это вечное обновление, и если оно прекратится – все рассыплется. Ты это понимаешь, во всяком случае интуитивно, и мне не придется тратить время на долгие объяснения.

Он остановился перед камином и замер, то ли потирая, то ли разминая руки и глядя на почти погасший огонь.

– Что именно вы хотите мне объяснить? – окончательно запуталась Карифа.

– Что я – тот самый парень, которому пришлось взяться за обновление системы.

– Зачем?

– Чтобы ничего не рухнуло, – терпеливо объяснил Феллер. Однако следующая фраза показала, что его терпение было наигранным: – И чтобы даже такая тупая овца, как ты, смогла нормально жить и даже, возможно, выпустить из себя личинку следующей овцы.

– Как вы меня назвали? – Карифа почувствовала, что краснеет от злости.

– Овцой, – свободно ответил Феллер и удивленно осведомился: – В чем проблема?

– Я ухожу, – решительно ответила девушка.

Но прежде чем она сделала шаг, А2 продолжил:

– Могу добавить: трусливой овцой. А вовсе не стервой, каковой ты себя считаешь.

– Ты пользуешься своим положением, урод, – не выдержала Амин. – Знаешь, что можешь говорить что угодно, а я буду стоять и слушать.

– Не нравится правда, сучка?

– Пошел в задницу, козел.

– Сопли подбери, тупая дура.

– Скотина!

Карифа сделала шаг к двери, он резко схватил ее за руку и развернул.

И тут ему «прилетело» справа.

Разъяренная девушка врезала Феллеру кулаком в скулу, молниеносно добавила под вздох, хотела закончить «крюком» справа, но А2 успел разорвать дистанцию и ответить прямым левой в челюсть. Было видно, что он ошарашен натиском, но не потерял ни ориентации, ни хладнокровия. Ответил, но остановить Карифу не смог. Она продолжила бешеную, но отлично продуманную, очень быструю, профессиональную атаку. Удар в висок – уклонение, удар в коленную чашечку – уход, удар по нервным окончаниям, удар, удар… Могло показаться, что отступающий Феллер вот-вот скроется под ударами, однако опытный человек видел, что А2 прекрасно держится и ни один выпад Карифы, кроме самого первого, не достиг цели. Феллер терпеливо выжидал и перешел в контратаку, как только поймал нужный момент. Резкий встречный в голову, Амин уклонилась, но А2 провел подсечку, отправив зазевавшуюся Карифу на пол, и безжалостно врезал девушке ногой. Это был нокдаун. В голове агента зашумело, перед глазами поплыло, а руки стали ватными. А2 ударил ее еще несколько раз, а затем Карифа почувствовала, что он перевернул ее на спину и принялся расстегивать брюки.

– Нет…

Проклятый шум в голове не позволял сопротивляться, сделал слабой, неподвижной, а пуговицы быстро сдались – и Феллер буквально вытряхнул девушку из брюк и трусов.

– Нет, пожалуйста, нет… – заплакала Карифа и вскрикнула, когда он вошел. Грубо. Жестко. – Тварь! Не трогай…

– Смотри на меня! – рявкнул А2.

– Нет…

Амин попыталась отвернуться, но он крепко взял ее за подбородок и так резко повернул голову, что едва не сломал шею.

– Смотри на меня!

И хотя изображение плыло, девушка видела его лицо, видела отчетливо.

– Я тебя…

Хотела сказать «убью», хотела пообещать, зная, что вряд ли исполнит угрозу и скорее всего будет наказана, но с ужасом поняла, что на нее стали накатывать волны удовольствия – ведь все это время Феллер не останавливался.

– Смотри на меня!

– …ненавижу…

– Смотри на меня!

Карифа застонала. И закрыла глаза, чтобы не видеть улыбающегося А2. И снова застонала… тяжело задышала, послушно отзываясь на его движения… И «улетела». Взорвалась внезапно и бурно, неожиданно для себя и так сладко, что затряслась от наслаждения. Взорвалась, как никогда раньше: с криком, царапая мужчину ногтями, взорвалась, едва не потеряв сознание.

А2 сбавил напор. Остался в девушке, но перестал действовать агрессивно. Выдержал короткую паузу, затем наклонился, неспешно расстегнул блузку, провел рукой по ее шее, спустил бретельки лифчика с плеч и освободил полные груди с крупными, почти черными сосками. Улыбнулся, поласкав их, затем стер кровь со своей разбитой губы и заставил Карифу облизать палец. Стянул с себя рубашку, не расстегивая, через голову, обнажив мускулистый торс, и Карифа увидела висящую на его груди серебряную монету на тонкой черной веревочке.

Придя в себя, она не отрываясь смотрела на Феллера.

– Мне продолжить?

– Да, – прошептала девушка. Проклиная себя. Надеясь, что мужчина не остановится.

– Скажи громче, – велел А2.

– Продолжай… пожалуйста…

Карифа крепко сжала его предплечье.

– Хорошо.

Он вышел, вызвав у девушки недовольный стон, уверенным жестом перевернул Карифу на живот, поставил на четвереньки и вошел сзади. Начал двигаться – неспешно, по-хозяйски, снял с Амин блузку, расстегнул и отбросил в сторону лифчик. Потом велел:

– Посмотри направо.

Девушка послушно повернула голову и увидела себя, точнее – их. Увидела мужчину, только что унизившего ее, как никогда в жизни, и подарившего невероятное наслаждение, увидела себя, потную, послушную, уже довольную и ожидающую большего, и замерла, услышав:

– Ты очень красива.

И улыбнулась.

А через несколько мгновений вновь «улетела», и вновь – неожиданно для себя, потому что никогда раньше ей не удавалось так быстро повторить оргазм. И не только «улетела», но, кажется, на некоторое время потеряла сознание, потому что следующее, что Карифа запомнила, была фраза:

– Пойдем в душ.

A2 взял ее за руку, помог подняться и отвел в душ, и там, под мощными струями, взял ее в третий раз, наконец-то разрядившись и доведя Карифу до очередного оргазма.

Потом они помыли друг друга, потом он вытер девушку мягким полотенцем, набросил на нее халат и отнес в спальню, где их ожидало холодное вино – розовое, из Кротоне, и легкие закуски. И в каждом жесте, в каждом движении A2 Карифа чувствовала нежность и заботу. Он усадил ее на подушки и подал бокал с холодным розовым, а когда она выпила – жадно, в три глотка, – наполнил бокал повторно. После чего уселся рядом, скрутил и раскурил сигарету.

– Это табак? – спросила Амин, принюхиваясь к растекшемуся по комнате аромату.

– Да, – ответил Феллер, всем видом давая понять, что федеральный закон «О некоторых видах растительного яда» его никоим образом не касается.

– Можно попробовать?

– Попробуй, – он сделал затяжку, после чего поднес сигарету к губам девушки.

– Крепкая, – она закашлялась.

– Не советую привыкать.

– А ты привык?

– Да.

Амин помолчала, а затем неожиданно спросила:

– Можно я докурю?

Он молча отдал ей сигарету, подвинул ближе пепельницу и принялся сворачивать вторую самокрутку.

– Наедине можешь называть меня по имени или A2. На людях – только мистер Феллер.

Она кивнула, не зная, что на это можно ответить.

– Твое имя пока менять не станем. Во-первых, мне очень нравится, как звучит Карифа, оно тебе подходит. Во-вторых, в ближайшие месяцы ты останешься в официальной структуре GS, но одновременно будешь числиться офицером отряда «Sputnik», что даст тебе больше возможностей для маневра.

– Зачем я тебе? – Огонек обжег пальцы, и Карифа бросила окурок в пепельницу.

– Я собираюсь поставить на уши планету и подбираю команду, – ответил Феллер. – Работы будет много, а сегодня тебе придется много услышать и много запомнить.

– Ты мне уже доверяешь? – Амин постаралась, чтобы в голосе было слышно удивление.

– Ты скажи, могу я тебе доверять или нет? – предложил A2, глубоко затягиваясь самокруткой. Табак у него был крепким, но

ароматным, Карифе он нравился. – И?

Она помолчала, а затем коротко кивнула.

Он улыбнулся, обнял девушку за шею и притянул к себе.

* * *

Бруклин США, Нью-Йорк апрель 2029

– Комиссар Абура подтвердил, что следователи NYPD[16] считают субботний расстрел результатом противостояния банд и что его целью было устранение известного гангстера Сечеле Дога по кличке Крокодил. Однако по нашим данным, смерть Крокодила стала полной неожиданностью для его конкурентов и, наоборот, спровоцировала уличные бои, идущие сейчас по всему Проспект Хайтс…

На большом экране настенного коммуникатора появилось свежее видео из зоны столкновений: горящие машины – легковые, грузовые и автобусы, разбитые окна и витрины, валяющиеся на мостовой вещи – мародеры занялись грабежами после первого же выстрела, – и, конечно же, трупы. Боевики Крокодила отчаянно защищали владения банды, но на их территорию вошли сразу три конкурирующие группировки, а поскольку полиция предпочла не вмешиваться, все понимали, что сражение не затянется.

– …в настоящее время остатки банды Сечеле с трудом удерживают свой последний квартал, штурм которого задерживается из-за вспыхнувших между победителями разборок.

Конкуренты были заинтересованы в захвате как можно большей освободившейся территории и затеяли грызню, даже не добив людей Крокодила.

На коммуникаторе вновь появились кадры горящего района, и сидящие в баре люди одновременно поморщились: война развернулась всего в нескольких кварталах к востоку и грозила захватить их дома. А вместе с ними поморщился и Бен, который никак не ожидал, что его месть взорвет размеренную жизнь нью-йоркских гангстеров. Тем не менее Орк ни о чем не жалел: он сделал то, что решил, и так, как решил. Он расплатился. И остался безнаказанным.

– Наш источник в департаменте полиции предполагает, что для устранения Крокодила конкуренты наняли высококлассного профессионала, использовавшего современное военное оборудование…

– Надоело на это смотреть! – подал голос сидящий в углу мужик в красной бейсболке. – Будто в окно пялюсь.

– Кому нужна эта прямая трансляция? – поддержал его сосед, чей истинный облик скрывала высококлассная «обложка» мультяшного гнома: курносого крепыша с длинной, завязанной косичками бородой. Парень выдерживал образ полностью, даже в

одежде, показывая окружающим классическое одеяние гномов, но наноботы на левой ноге истерлись, и вместо черного сапога с массивной золотой пряжкой окружающие видели потертый кроссовок.

– Давайте посмотрим что-нибудь другое!

Остальные посетители поддержали «гнома» и «бейсболку», Орсон решил не выделяться и обратился к оказавшемуся рядом бармену:

– Включи спортивный канал.

– Который?

– Гоночный.

– Хочешь посмотреть GA1000[17]?

– Через десять минут начнется Гран-при Индии.

– На кого поставил? – заинтересовался бармен.

– На Крауча, – ответил Бен.

– Разобьется, – произнес красная бейсболка с такой уверенностью, что заставил Орка изумленно вскинуть брови:

– Почему?

– Мой попугай сегодня произнес «Крауч», а это верный знак, что он разобьется, – убежденно объяснил мужик. – Попугай перед каждым стартом называет тех, чьи кости будут валяться на трассе. Ни разу не ошибся, стервец.

– Лучше бы он называл имена победителей, – проворчал «гном».

«Бейсболка» и сидящие вокруг мужики громко засмеялись.

Несколько лет назад большие автомобильные гонки начали стремительно терять популярность и, как следствие, рекламодателей. Всемирно известный бизнес умирал на глазах, но владельцы поставили у руля GA1000 гениального Джимми Беккербаума и угадали. Рецепт спасения оказался прост. Во-первых, Джимми начал проводить гонки каждое воскресенье, оставив без шоу только рождественские каникулы. А во-вторых, намного снизил требования к безопасности, выкинув из машин роботизированные системы управления, продвинутые компьютеры, а самое главное – блоки технической безопасности и спасения пилотов. И люди, которым надоело наблюдать за развлекающимися миллионерами, вновь прильнули к экранам: потому что теперь миллионеры имели все шансы разбиться насмерть. В гонки вернулся дух опасности, за руль болидов – настоящие сорвиголовы, готовые погибнуть ради победы, и медийный рейтинг GA1000 вновь стал соперничать с Олимпиадой и Чемпионатом мира по футболу.

– Крауч не разобьется, – твердо произнес Орсон, делая большой глоток пива. – Он хороший гонщик.

– Крауч грязно катается, – не согласился бармен.

– Там все такие.

– Грязно!

– Из-за Крауча разбился аль-Сакаби, – подал голос «красная бейсболка».

– Это гонка, – пожал плечами Орсон.

– Одно дело кататься агрессивно, и совсем другое – грязно, – выдал «гном».

Бармен и мужики были готовы спорить до хрипоты, доказывая Бену, что самый очевидный претендент на чемпионство идет к своей цели по головам соперников, но кто-то крикнул:

– Начинается! – И в баре установилась тишина.

Болиды выстроились на старте, дождались зеленого сигнала и рванули так, словно за ними гнались налоговые инспекторы. За славой и богатством. На огромной скорости, несмотря на то что их пилоты знали, что могут не добраться до финиша.

– Парни, я поставил сотню на Назимуддина и готов поддержать пари.

– Первым будет Сахим!

– А я поддержу: Назимуддин должен сегодня победить!

В баре сформировался мини-тотализатор. Орк улыбнулся, слушая горячие речи болельщиков, и сделал еще один глоток пива.

Ему здесь нравилось. Хотя… Не надо лгать: Орсону доводилось бывать в барах и получше, но с недавних пор они для Бена закрылись, а на дверях «AllSport For Oldbug» отсутствовала табличка:

«No Country For Oldbug!»

…которая стала весьма популярной в последнее время. И которую не считали дискриминационной, согласно закону о праве на безопасность личного пространства.

Все дело в красных цифрах «42» над головой.

В проклятых красных цифрах…

– Крауч не разобьется, – неожиданно произнес подошедший к стойке мужчина. Перехватил удивленный взгляд Орсона и объяснил: – Я краем уха слышал ваш спор.

И присел на соседний табурет.

– Крауч слишком хорош, – помолчав, ответил Орк.

– Но сегодня ему не выиграть, – продолжил мужчина и тут же, без всякой паузы, протянул руку: – Меня зовут Фрэнк Лейка.

Он производил приятное впечатление: высокий, светловолосый, с открытым взглядом, явно воспитанный и знающий, как вести себя в обществе. И казался бы очень

успешным, не будь над его головой двух красных цифр: «44». Но при этом Фрэнк лучился искренней доброжелательностью, и отвергнуть протянутую руку было невозможно.

– Очень приятно, Бен.

– От Бенджамин?

– А какие могут быть варианты?

Лейка смущенно улыбнулся:

– Пожалуй.

В нем все было хорошо, кроме одежды – слишком дорогой для бара «AllSport For Oldbug». На всех его шмотках стояла малозаметная, но веская метка «original», Лейка покупал их в солидных магазинах для верхнего эшелона среднего класса, а значит, скорее всего был адвокатом или врачом. А таким людям нечего делать в дешевом бруклинском заведении, неподалеку от которого идет война банд.

Бармен подал кружку темного пива, Фрэнк поднял ее и, глядя Орку в глаза, произнес:

– За знакомство.

– За знакомство, – кивнул Бен, делая глоток. Он предпочитал светлое.

– Ты, похоже, совсем недавно отпраздновал свой самый главный день рождения?

– Это который suMpa? – уточнил Орсон.

– Да.

– Недавно. – Сделал еще глоток и улыбнулся: – Заметно?

Лидером гонки, к огромному изумлению зрителей, оказался Сахим, искусно подрезавший на старте Крауча, но поскольку только-только начался четвертый круг, получалось, что вся борьба впереди, и Орк решил, что может отвлечься на разговор.

– Видно, что ты еще не привык к новому положению, – ответил Фрэнк.

– А ты?

– Мне сорок четыре. Как видишь, держусь. – Лейка сделал паузу и с неожиданной угрюмостью добавил: – Во всех смыслах.

Подразумевая и противостояние с миром, и то, что до сих пор не взорвался.

– Поздравляю, – буркнул Бен, не зная, что еще сказать.

Крауч шел третьим, он проиграл старт, уступив еще и Назимуддину, и только теперь принялся искать возможность для атаки.

– Мы здесь надолго?

К Лейке подошла стройная темноволосая девушка, одетая в элегантную блузку, джинсы и, неожиданно, туфли на высоком каблуке. Волосы у девушки были густыми и довольно длинными,

до плеч, но не черными, как изначально подумал Орк, а темно-каштановыми; глаза – зелеными… ну, возможно, зелеными, во времена наноэкранов подлинный цвет всегда остается загадкой, но глаза у девушки были красивыми и казались настоящими. Лет ей, навскидку, было не больше двадцати пяти.

– Хочешь досмотреть гонку здесь? – Красавица слегка растягивала слова, что выдавало уроженку южных штатов.

– Почему нет? – улыбнулся Лейка, кивая на пиво. – Здесь весело.

– Тогда я посижу в Сети.

– Сколько угодно.

Девушка вернулась за столик – за ней, без преувеличения, наблюдал весь бар, – и лишь затем Бен поинтересовался:

– Подруга?

– А если скажу, что дочь?

– Дочь такого возраста ты отвел бы в ресторан, а не в дешевый бар.

– Над моей головой две красные цифры: «4» и «4», – напомнил Лейка. – Разве такая красавица согласится стать моей подругой?

– Может, ей нравится рисковать?

– Гм… – Фрэнк помолчал, сделал еще глоток пива, посмотрел на экран: у Крауча по-прежнему ничего не получалось с атакой, и ответил: – Беатрис – дочь моих старых друзей. Она недавно в городе, вот и показываю ей, что к чему.

– Она не боится ходить с тобой?

– Она знает, что должна убежать при первых признаках suMpa.

– Смелая, – оценил Орк. – Меня не всякие проститутки обслуживают, а знакомые женщины перестали отвечать на звонки.

– Известная история.

Кажется, Лейка хотел поделиться личным опытом, но не успел.

– Что тебе от меня нужно? – резко спросил Бен. Одновременно он бросил на собеседника быстрый взгляд, увидел то, что ожидал, – мгновенную растерянность на лице, подтвердившую его подозрения, и улыбнулся.

– Ничего, – ответил Фрэнк.

– То есть мне показалось?

– Просто решил тебя поддержать.

– У тебя получилось, – с прежней резкостью бросил Бен и отвернулся.

Показывая, что в таком случае разговор окончен.

– Черт… – Лейка хлебнул пива.

Прошло с полминуты. Орсон продолжал молчать, спокойно глядя на коммуникатор, и Фрэнку ничего не оставалось, как продолжить разговор:

– У меня действительно есть дело.

– Тебе удалось меня удивить, – саркастически отозвался Бен.

– Неужели я настолько плохой актер?

– «Оскар» тебе не светит.

– Не надеялся, но все равно грустно, – Френк снова умолк, но на этот раз пить не стал. Повертел кружку по стойке, подобрал нужные слова и негромко произнес: – Парни говорят, что ты – бывший военный.

– Раньше я не видел тебя в этом баре.

– Мне позвонили.

– Кто?

– Какая разница? – Он вздохнул и наконец-то перешел к делу, ради которого явился в дешевый бар. – Ты не считаешь, что олдбагам имеет смысл держаться вместе?

– Зачем?

– Чтобы чувствовать себя нормальными, – развел руками Лейка. – С кем еще, если не со своими?

– Хочешь организовать профсоюз?

– Профсоюз, лигу, партию – не важно. Важно то, что нас выбрасывают на помойку, а мне это не нравится… – Орсон хотел вклиниться в речь собеседника, но тот не позволил себя перебить. Возможно, он действительно был адвокатом: – …важно то, что нас назвали опасными и постепенно лишают законных прав. А самое важное то, что нам даже не рассказывают о suMpa.

– Это вирус, – пожал плечами Орк. – Чего тебе еще нужно знать?

– Подробности.

– Какие?

– Ты действительно не понимаешь?

– Ты еще ничего не сказал.

– Говорить я буду потом, а сегодня хочу, чтобы ты по-настоящему задумался над происходящим.

– Меня уволили, – жестко бросил Орсон. – И сейчас я должен по-настоящему думать о том, как прожить остаток дней, потому что на усеченную пенсию особо не разгуляешься. – Он повернулся к стойке: – Еще кружку…

И, договаривая последнее слово, увидел на лице бармена страх.

«Черт!»

Потому что с таким страхом на него могли смотреть только

по одной причине. По одной-единственной гребаной причине – он взорвался.

«Вот и все…»

Быстрый взгляд в зеркало подтвердил опасение: глаза Бенджамина залила мерцающая ртуть.

«Но почему я не чувствую агрессии?»

– Его накрыла suMpa! – рявкнул бармен.

Фрэнк метнулся прочь, а Крауч как раз собрался атаковать идущего вторым Назимуддина. На индийской трассе назревала интереснейшая схватка.

В баре «AllSport For Oldbug» – тоже.

– Со мной все в порядке! – громко произнес Орк, разворачиваясь к залу.

– Мы так не думаем, – отозвался «красная бейсболка».

– Но ведь он не стреляет, – заметил «гном».

– У него нет оружия.

– Почему он не бросается на нас?

– Возможно, вирус еще не подействовал.

– А глаза?

– Я никому не хочу зла, – Бенджамин постарался, чтобы его голос прозвучал спокойно и проникновенно. – Я не чувствую агрессии, я хочу уйти.

– Куда?

– Не знаю, – честно ответил Орсон. – Сейчас я просто хочу уйти.

Посетители молчали. Почти все они были олдбагами, понимали, что могут в любой момент оказаться на месте Орка, и не хотели атаковать своего… Да, именно своего. Посетители ждали, что атакует он, и оказались смущены неожиданным спокойствием Орсона.

Бен сделал шаг к двери, боком, не выпуская из поля зрения застывших олдбагов, услышал, что Крауч начал атаковать Назимуддина, а в следующий миг – шорох за стойкой: бармен полез за оружием.

«А может, так будет лучше?»

Он пропустит шорох мимо ушей, не повернется, бармен достанет дробовик, и все закончится. Он последует по привычной для взорвавшихся олдбагов дорожке и наконец-то встретится с Сарой, которая безусловно простит его за все, что он успел натворить, и они…

Крауч протискивается мимо Назимуддина, обходит его на полкорпуса и рвется к Сахиму.

Слабость длится недолго – доли мгновения, потом привычка сражаться, а точнее – неумение сдаваться, берет верх и не

позволяет принять поражение. Орк резко поворачивается, перепрыгивает через стойку и бросается к наклонившемуся бармену – тот действительно вытаскивает дробовик. Три быстрых шага, бармен начинает поднимать оружие, но не успевает: Бен «помогает» ему продолжить движение, стремительно ведет дробовик вверх, выворачивая из рук бармена, а самого его бьет ногой в живот.

На все – меньше трех секунд.

Назимуддин раздосадован и взбешен, он прибавляет, желая вернуть утраченное преимущество, и слишком резко входит в поворот, где уже ведут борьбу Крауч и Сахим.

Орк разворачивается, стреляет в воздух, и те двое, что бросились на помощь бармену, застывают, не добежав до стойки. А остальные и не двигались.

Кто-то шепчет:

– Теперь у него оружие.

И в баре сгущается атмосфера страха. Теперь они по-настоящему напуганы и ждут, когда начнется стрельба.

– Я все еще себя контролирую! – кричит Орк.

– Отпусти нас.

– Не убивай!

Снаружи воет полицейская сирена.

А на индийской трассе – жуткое столкновение. Великий Крауч почти проскочил Сахима, но раздосадованный и горячий Назимуддин решает воспользоваться моментом и подрезает бывшего лидера. Сахим изо всех сил старался избежать столкновения, но физика неумолима: размеры болидов, ширина трассы, скорость, вектор… Машины сталкиваются, болид Сахима закручивается и бьет почти проскочившего Крауча. Назимуддин врезается в отбойник и взрывается, идущий четвертым Хуссейн не успевает отвернуть, бьет Сахима, а затем летит в костер Назимуддина. Крауч выпрыгивает из покореженного болида и бежит прочь. К нему присоединяется Сахим. Появляются пожарные. Зрители в экстазе…

– Убирайтесь! – хмуро приказывает Бен.

Посетители наперегонки мчатся к двери, за ними торопится прихрамывающий, держащийся за живот бармен, Орсон вынимает из-под стойки коробку с патронами, распихивает их по карманам и слышит с улицы:

– Это полиция! Выходите с поднятыми руками!

Резко вскидывает оружие и стреляет в залетевший дрон. Раздается негромкий взрыв, а с улицы – отборная брань: полицейские забыли отключить мегафон.

Орк знает, что у него тридцать, может, сорок секунд, после

чего насядут подоспевшие дроны, и бежит на кухню. Единственный шанс – задняя дверь, затем в переулок, затем под землю, в outG, туда, где нет проклятой всевидящей ar/G. Домой нельзя: Сеть мгновенно считывает взорвавшихся олдбагов, и он уже объявлен опасным.

«Хорошо, что ничего ценного я в квартире не хранил…»

Он потеряет только пенсию и возможность выходить на поверхность.

«Ладно, разберемся! Главное, что я до сих пор сохраняю рассудок!»

Факт действительно казался невероятным, но в те мгновения Бен о нем особенно не задумывался – он спасался.

Кухня, затем задняя дверь, затем грязный переулок, заставленный вонючими мусорными баками, тонкая гниющая кишка, в которую заведения сбрасывают все, что не пригодилось. Дверь в подвал, которую Бенджамин подобрал на случай бегства, находится справа, он поворачивается, делает шаг и оказывается в поле зрения полицейского дрона. И вновь успевает первым: выстрел из дробовика сбивает машину до того, как оружие дрона заговорило.

– Сюда! – В двери, но не той, которую он приметил для бегства, а в ближайшей, которую он в свое время не сумел открыть, стоит девчонка в элегантной блузке, джинсах и дурацких туфлях. – Сюда! Скорее!

Орк понимает, что через пару секунд в переулок залетит следующий дрон, но не может не спросить:

– Зачем?

– Я помогу!

– Я взорвался!

– Поэтому и помогу! – Девчонка начинает злиться. – Скорее, кретин!

И Бенджамин идет на риск: ныряет в незнакомую дверь, которая оказывается мощной, стальной и с грохотом захлопывается за его спиной, затем спускается по темной лестнице, быстро проходит футов тридцать по коридору и вновь начинает спускаться. Все это – вслед за девчонкой с густыми темно-каштановыми волосами.

Через минуту они оказываются там, куда не добивает ar/G, еще через пятнадцать – двумя уровнями ниже и в паре кварталов севернее. Там запыхавшаяся девчонка останавливается, знаком давая понять, что ей нужно отдохнуть, несколько секунд молчит, приводя дыхание в порядок, а затем говорит:

– Меня зовут Беатрис.

Протягивает руку и улыбается.

* * *

Федеральная башня «Бендер» США, Нью-Йорк апрель 2029

Мир не стоит на месте, не засыпает и не ждет опоздавших. Мир все время движется, и абсолютно каждое событие меняет мир, делает его другим: варишь ли ты утренний кофе, изобретаешь лекарство от рака или взрываешь поезд с невинными людьми во имя целей, которые станут смешными через пару лет, – абсолютно каждое событие делает мир иным. Только одни из них остаются незаметными мазками на общей картине, а другие расплываются в центре холста гигантским пятном. Которое вскоре скроется под другим пятном или бесчисленными мазками. Колесо Времен неумолимо, оно споткнулось только раз – на Пирамидах, но больше осечек не давало, сминая в пыль все, что не могло бежать впереди него: империи и цивилизации уходили в небытие, чтобы на их обломках возникали новые, полные огня и жизни. Мир не стоит на месте, не засыпает и не ждет опоздавших, и Карифе Амин повезло узнать, что за перемена случится с ним в ближайшее время, какая часть мира обратится в пыль и что возникнет на ее месте.

Карифа Амин оказалась в числе тех, кто толкает мчащуюся перед Колесом Времен тележку.

Она вернулась в Нью-Йорк на личном самолете Феллера, но вернулась одна, А2 срочно отправился в Гонконг – на другом своем самолете. Впрочем, Карифа была этому рада, поскольку

отчаянно нуждалась в нескольких часах одиночества для приведения мыслей в порядок. Чтобы до конца осознать, во что она влипла, как изменился привычный мир и как сильно ему еще предстоит измениться.

В JFK ее встречали помощники А2: забрали багаж, отдали ключи от черного, как настоящий дракон, и совершенно сумасшедшего «Mustang 5000» с форсированным двигателем и отключаемым роботом, позволяющим переходить на ручное управление. Карифа мечтала о такой машине всю жизнь, но могла себе позволить только симулятор в «балалайку» и едва не сошла с ума от счастья, услышав, что «Mustang 5000» оформлен на одну из компаний Феллера, и она может распоряжаться великолепной машиной по своему усмотрению. Помощники сообщили, что в «Бендере» ее ожидает директор Митчелл; Амин поняла, что лучший способ проверить автомобиль в деле – домчаться до штаб-квартиры GS как можно быстрее, и поставила рекорд скорости, одновременно собрав сумму штрафов, равную годовому бюджету какой-нибудь восточнославянской страны.

В небоскреб Карифа вошла счастливая, как школьница, с ошалелой улыбкой, которую сумела стереть с лица лишь перед дверями кабинета.

– Позвольте поздравить вас с повышением, специальный агент Амин, – произнес Митчелл, когда Карифа расположилась в предложенном кресле.

– Благодарю за оказанное доверие, директор…

Она хотела вежливо закончить фразу, но второй находящийся в кабинете мужчина – высокий худой англичанин с аккуратно уложенными волосами и породистым лошадиным лицом – неожиданно спросил:

– Вы всегда столь официальны?

И девушка запнулась. Вопросительно посмотрела на Митчелла, тот улыбнулся, давая понять, что можно отвечать, и лишь после этого произнесла:

– Нет, – сухим, официальным тоном.

Мужчина коротко рассмеялся. Он был одет в элегантный костюм, белоснежную сорочку, клубный галстук… другими словами, выглядел так, словно только что сошел с рекламного плаката роскошной жизни. И по тому, как он держался, стало ясно, что Митчелл ему не ровня.

– Девушка смущена, – последним участником совещания оказалась красивая светловолосая женщина в строгом черном костюме. Она сидела в кресле директора, буквально утонув в нем, рассчитанном на крупного мужчину, и Карифа не сразу ее заметила. Но на фразу среагировала:

– С чего вы взяли?

– Вижу, – незнакомка умела отвечать коротко, но при этом законченно.

Мужчины заулыбались, Карифа поняла, что продолжать спор бессмысленно, и честно ответила:

– Не уверена, что меня повысили.

И поняла, что угадала: женщина чуть склонила голову, показав, что довольна услышанным, после чего посмотрела на мужчин и тихо спросила:

– Она еще не знает?

– Получается, нет, – сообщил дорогой костюм.

– О чем я не знаю? – настороженно поинтересовалась Карифа, медленно оглядывая собеседников.

– Прежде чем я расскажу, агент Амин, позвольте вам представить Ларису Томази и мистера Арчера, – медленно произнес Митчелл, по очереди указывая на женщину и дорогой костюм. – Как вы наверняка догадались, перед вами коллеги мистера Феллера по сложному делу стратегического инвестирования в экономику Земли.

Люди, богатство которых позволяло вкладывать средства не в отдельные предприятия, а в целые отрасли, развивать новые направления экономики и оказывать влияние на всю цивилизацию.

– Что же касается того, о чем вы не знаете, агент Амин, то дело в следующем: достигнутая с мистером Феллером договоренность включает ваше назначение на должность специального заместителя директора GS.

– Поздравляю, – улыбнулась Лариса.

Мистер Арчер промолчал.

Столь стремительный карьерный взлет не способен оставить равнодушным даже самого выдержанного человека, однако реакция на него следует разная: одни теряют голову от счастья, другие ищут в происходящем подвох. Карифа относилась ко второй группе.

– Что это означает? – поинтересовалась она, глядя директору в глаза.

– Вы будете курировать проект «Elysium» со стороны GS, как того хочет мистер Феллер. – Многозначительная пауза. – Под моим личным руководством.

Митчелл обошелся намеками, но Карифа прекрасно поняла, что он имеет в виду и что делают стратегические инвесторы в наглухо экранированном кабинете директора GS. Интриги, о которых предупреждал A2, начались: девушку взяли в оборот.

– Услышав ваше предложение… еще там, в Калифорнии,

которое затем было подтверждено мистером Феллером, я сразу задумалась над тем, с чем я останусь по завершении проекта «Elysium»… – протянула Карифа, продолжая смотреть Митчеллу в глаза. – Я перейду в отряд «Sputnik»?

– Вам бы этого хотелось? – поднял брови директор.

– Не уверена, что это мой потолок, – честно ответила девушка.

– Она мне нравится, Арнольд, и я понимаю, чем она понравилась Феллеру, – рассмеялся мистер Арчер. – Дерзкая и не дура.

Лариса на этот раз промолчала.

– А какой потолок вы считаете своим, агент Амин? – вкрадчиво осведомился Митчелл.

– Будем откровенны, господин директор, перед офицерами отряда «Sputnik» стоят весьма специфические задачи, для решения которых требуется не только ум, но и сила, – ровным голосом ответила девушка. – И не будем забывать о возрасте suMpa, которого я рано или поздно достигну. Меня ждет ранняя отставка, и я хочу покинуть службу с высокой жердочки.

– Например?

– Первый заместитель директора GS.

– Почему вы решили, что мы можем предложить вам этот пост?

– Вы уже подняли меня на этот уровень в силу заключенной договоренности, но подняли временно, – ответила Карифа. – При этом хотите, чтобы я предала Феллера.

Митчелл улыбнулся, но ничего не сказал, косвенно подтвердив, что Амин правильно поняла намек.

– Я назвала цену, – закончила Карифа.

– Я ведь сказал: не дура, – громко произнес Арчер.

– A2 не терпит рядом с собой дураков, – отозвалась из кресла Томази.

Однако на этом комментарии прекратились. Сотрудники GS продолжили буравить друг друга взглядами, а вот Арчер поднялся, сходил к бару и принес бокал белого вина Ларисе. Но только ей.

– Агент Амин, поскольку в настоящее время вы уже являетесь действующим офицером отряда «Sputnik», ваше назначение специальным заместителем стало возможным в результате долгого торга между заинтересованными сторонами, – рассказал Митчелл. – По существующим правилам, близкие помощники стратегических инвесторов не имеют права занимать руководящие посты в GS.

– После разговора с A2 вы наверняка осознали важность

проекта «Elysium» для всей планеты, – подал голос мистер Арчер. – A2 придумал «Elysium», A2 его ведет, поэтому вправе рассчитывать на некоторые поблажки, необходимые для оперативной поддержки проекта. Но мы должны контролировать людей, которых контролирует A2.

Лариса сделала глоток вина и улыбнулась:

– Видишь, как все запутано?

– Но зачем вам контролировать людей, которых контролирует Феллер? – слегка наивно поинтересовалась Амин.

– Затем, что проект «Elysium» обещает абсолютную власть и не может принадлежать одному человеку. Проект «Elysium» – собственность всех стратегических инвесторов, – объяснил Арчер. – Мы тщательно следим за его развитием и не допустим усиления Феллера.

– Тогда почему вы согласились сделать меня заместителем директора?

– Потому что в настоящий момент A2 относительно безопасен, – легко ответила Томази. – Он рассказал тебе, что является последним представителем клана?

– Мы об этом не говорили, – обронила Карифа, поняв, что собеседникам прекрасно известно, чем они с A2 занимались в пентхаусе помимо работы.

– Родственники у него есть, но прямые наследники отсутствуют, – продолжила Лариса. – A2 не женится и не использует замороженный материал.

– Я могу узнать, что с ним случилось?

– Зачем? – хрюкнул Арчер.

Но Томази почему-то решила ответить на вопрос. Она показала Митчеллу, что в ее бокал следует долить вина, и продолжила:

– Феллеру принадлежит один из островов Сейшельского архипелага, и когда-то он представлял собой великолепное поместье. Иногда A2 бросал все дела и улетал в свой далекий дом на пару дней или неделю – просто провести время. Он обожал тот остров… – Лариса дождалась, пока директор GS добавит вина, кивком поблагодарила его и сделала маленький глоток. – Однажды A2 собрал в своем любимом доме всю семью, чтобы отпраздновать день рождения старшей дочери – наследницы, в которой он души не чаял, и именно в тот день случилось Дикое Цунами… Помнишь его?

– Семь лет назад, – кивнула Карифа.

– В тот день погиб весь клан Феллеров: отец A2, жена, две дочери, сын, брат с женой, племянница… Сам A2 едва спасся и до сих пор не может себе этого простить, – Лариса медленно провела

пальцем по подлокотнику кресла. – Вот так.

– Почему я ничего не слышала об этой истории? – растерянно спросила Амин.

– Потому что информация о стратегических инвесторах не просачивается в открытый доступ, – хмуро ответил Митчелл. – Публике предназначены сексуальные и коррупционные скандалы и прочий информационный мусор, который плодят медийные персоны. Да и кому интересна личная жизнь владельца инвестиционного фонда с неброским названием?

– Но A2 известен, он владеет «Iris Inc.».

– Тогда корпорация не была столь знаменита.

– Вы удовлетворили свое любопытство? – осведомился мистер Арчер.

– Еще один вопрос, – попросила Карифа. – Если можно – к вам.

– Да?

– Почему вы так сильно не любите Феллера?

Митчелл вздрогнул, Лариса беззвучно произнесла: «Вау!» и улыбнулась, а мистер Арчер, к безмерному удивлению девушки, слегка покраснел и дернул щекой. Но тем не менее ответил:

– Как вы знаете, агент Амин, управление толпой можно условно разделить на две части: вы, то есть GS, армия, полиция и все остальные силовые структуры, плюс юстиция, налоговая, система исполнения наказаний и прочий аппарат подавления. Вторая категория – пропаганда. То есть воздействие на ум людей, что в подавляющем большинстве случаев работает куда эффективнее насилия. Моя семья исторически владеет инвестиционным фондом «Violet», в котором сосредоточены основные активы изрядной части мировых медийных корпораций, и до недавнего времени именно я осуществлял управление толпой в интересах инвестиционных фондов. A2 перехватил мои обязанности, точнее, он не покушается на медийные активы, но проект «Elysium» выводит управление толпой на принципиально иной уровень. A2 изменяет мир, в результате этих изменений я теряю позиции.

– И хотите забрать у Феллера «Iris Inc.»?

– Мне не позволят, – спокойно ответил мистер Арчер, покосившись на Ларису. – Но я хочу занять место во главе проекта «Elysium», а не в дальнем конце стола.

– Я сто раз говорила, что медиа сохранят свои позиции, – негромко произнесла Томази. – Пропаганда нужна при любой системе управления.

Но Арчер не ответил. И коротко кивнул директору GS, давая, как через секунду поняла Карифа, ответ на ее вопрос.

– Ваше предложение сочтено разумным, агент Амин, – ровным голосом произнес Митчелл. – После запуска проекта «Elysium» вы покинете отряд «Sputnik» и станете моим первым заместителем. Нам в любом случае придется обновлять штат руководящих сотрудников.

– То есть я могу рассчитывать и на ваше кресло?

– Скорее всего я уйду в сенат, – кивнул Митчелл. – Так что да, агент Амин, вы можете рассчитывать на мое кресло.

– Но до этого далеко, – заметила Томази. – Хотя не скрою: впечатление вы производите отличное.

– Где гарантии, что вы сдержите слово?

– Вам придется рискнуть, агент Амин.

– Не совсем так… – поморщился мистер Арчер. – Карифа, ваша гарантия – это возраст suMpa, который рано или поздно заставит нас перетряхнуть руководство GS. Если вакцина не будет найдена, а между нами говоря, нет никакой надежды на ее появление в ближайший год, нам придется провести перестановку во всех структурах, в том числе – в GS, и вы, как человек верный, преданный закону и отличный профессионал, сможете рассчитывать на высокое кресло. Я даю слово, что вы точно станете первым заместителем директора GS. Насчет остального пока не будем торопиться: я надеюсь уговорить Арнольда пробыть на посту еще пару лет.

– А где гарантия, что я буду честна с вами?

Лариса достала из сумочки портсигар, вытащила тоненькую черную сигарету и щелкнула зажигалкой. По кабинету поплыл запах ароматного табака. Мужчины переглянулись, после чего Митчелл тихо сказал:

– Мы знаем, что A2 с тобой сделал.

Амин густо покраснела.

– A2 любит доминировать, но в этот раз он ошибся и напрасно решил превратить тебя в послушную, забитую девочку, – проникновенно произнес Митчелл. – Ты никогда не простишь ему унижения.

Карифа отвернулась, несколько секунд молчала, затем негромко, но достаточно твердым голосом произнесла:

– Проект «Elysium» даст вам абсолютную власть, но вам все равно потребуются преданные слуги. Если вы поднимите меня так высоко, как обещаете, я буду грызть Феллера так, как его никто никогда не грыз. Я буду рвать его на части к вашему вящему удовольствию. И к своему.

Арчер кивнул и протянул агенту Амин руку. Митчелл широко улыбнулся. Лариса глубоко затянулась сигаретой и с безразличным видом стряхнула пепел на пол.

///

Их было четверо, как и положено в стандартной оперативной группе GS. Три агента в поле: Карифа, Рейган, Захар и отвечающий за техническое обеспечение Конелли. Таких подразделений в GS насчитывалось множество, однако группа Амин входила в структуру Оперативного отдела центрального офиса Службы и действовала по всему миру, являя собой личный инструмент директора Митчелла. Если у GS возникали проблемы с особенно дерзкими преступниками, знающими, как оставаться безнаказанными даже в условиях всевидящего ar/G, Митчелл вызывал Карифу или командира другой подобной группы и с глазу на глаз отдавал устное распоряжение. После чего спецы «решали вопрос».

В небоскребе «Бендер» Оперативному отделу принадлежало двенадцать этажей и шесть подземных уровней, и именно внизу, в небольшой совещательной комнате рядом с тиром, Карифа любила собирать отряд.

– Всем привет! Вижу, короткий отпуск пошел на пользу.

Командировка агента Амин в Сан-Франциско могла закончиться или ее смертью, или повышением, группу Карифы в любом случае ожидали перемены, и Митчелл распорядился дать сотрудникам время на отдых.

– Я хоть выспался, – честно ответил Конелли, поглаживая лысую голову. – А то с нашей службой не всегда получается.

– Не всегда – это как?

– В прошлый раз мне удалось нормально поспать два года назад.

– Ты тогда тоже был в отпуске, – припомнила Карифа.

– Именно.

Конелли, итальянец с примесью ирландской крови, благодаря которой обрел звучную фамилию, был невысоким, подвижным, пухленьким и веселым. В молодости он мог похвастаться густыми кудрявыми волосами, но те времена давно канули в Лету, и теперь остатки шевелюры наблюдались только за ушами и на затылке, а большая голова итальянца была гладкой и блестящей, как бильярдный шар. В бой Конелли не ходил и считался одним из лучших боевых операторов GS.

– Как можно столько спать одному? – шутливо поинтересовался Захар.

– Доживешь до моих лет – узнаешь.

– Надеюсь, не доживу.

– Тьфу, придурок, не каркай.

– Ты ведь знаешь, что я не суеверен.

А еще Захар был отчаянно смел, но при этом удачлив – и

отмахивался, когда говорили, что удача имеет свойство заканчиваться. Его считали сорвиголовой, и мало кто задумывался над тем, что удача Захара – результат расчетливой осторожности, которую он прятал под маской блестящего, победоносного мачо, способного свести с ума любую женщину. Высокий, плечистый Захар действовал на дам убийственно и – по слухам – переспал со всеми красавицами штаб-квартиры GS.

– Было скучно, – скупо произнесла Рейган, глядя на Карифу в упор.

Амин едва заметно пожала плечами и пообещала:

– Теперь не будет.

– Надеюсь.

Зеленоволосая Рейган отличалась невысоким ростом и крепким сложением, которое она подчеркивала плотно облегающими футболками. Еще она любила татуировки – единственная из всего отряда – и вне службы отличалась дерзким поведением, частенько приводившим к дракам в барах. Из которых мощная Рейган, как правило, выходила победителем.

– Что нас ждет?

– Начиная с этого момента, группа работает только по личным приказам директора Митчелла, обеспечивая оперативное сопровождение сверхсекретного проекта, – рассказала Амин, присаживаясь на краешек стола. – А для того чтобы нам никто не мешал, я получила должность специального заместителя.

Это сообщение вызвало ожидаемую реакцию:

– Поздравляю! – присвистнул Захар.

Конелли выразительно похлопал в ладоши, а зеленоволосая округлила глаза.

– Должность временная, – прохладным тоном сказала Карифа, давая понять, что перебивать ее не нужно. – Продолжаю: у нас наивысший приоритет и неограниченные средства на расходы.

– Где нужно устроить переворот? – поднял брови итальянец.

– Звучит серьезно, – рассудительно произнесла Рейган. – Теперь скажи, на что ты подписалась?

– Сейчас я не могу раскрыть суть самого проекта, поскольку он засекречен на самом верху, – ответила Амин. – Но полномочия у нас будут широчайшие.

– Что нужно делать?

– Все, что прикажут, – уточнила Карифа, намекая на то, что действовать, возможно, придется без оглядки на закон.

Впрочем, этим она никого не удивила.

– И все? – прищурилась Рейган. – Больше ничего не скажешь?

– Мы будем работать в тесном взаимодействии с «Iris Inc.».

– Ого! – вновь не сдержался Захар. – Проект ведут они?

– Да.

– И он, разумеется, глобальный? – едва слышно осведомилась зеленоволосая.

Амин кивнула, подтвердив, что на ерунду самая известная и самая большая корпорация планеты не разменивается.

– Если проявим себя как следует, они возьмут нас в свою службу безопасности? – продолжил расспросы Захар.

– Тебе разонравилось в GS? – притворно удивилась Карифа, обрадованная тем, что здоровяк прервал Рейган.

– Стать директором мне не грозит, а досрочная пенсия слишком мала.

– Тогда считай, что ты уже в службе безопасности «Iris Inc.».

– Ты серьезно? – растерялся Захар.

– Если нами останутся довольны, мы получим очень хорошие бонусы, – сообщила Карифа, в упор глядя на мрачную Рейган. – Так что начинайте загадывать желания.

– Ты им веришь? – тихо спросил Конелли.

– Да.

– Тогда я в деле.

– Я тоже, – кивнул Захар.

– И я, – после не очень длинной, но хорошо заметной паузы подтвердила Рейган.

– Спасибо, друзья, – с чувством произнесла Карифа. – Я рада, что вы меня не оставили. Тем более что у нас уже есть первая проблема.

– У проблемы есть имя? – немедленно осведомился Захар.

– Бенджамин Орсон, – внятно ответила Амин. – Позывной – «Орк».

* * *

Бруклин outG США, Нью-Йорк апрель, 2029

Каждый охотник хоть раз в жизни задумывался над тем, как поведет себя, став дичью, по следу которой идут бывшие коллеги, опытные спецы, которым приказано догнать и убить… Каждый охотник задумывался над этим хоть раз в жизни, не каждый сумел отыскать ответ, и Орсон искренне радовался тому, что полицейские не успели или не захотели успеть добраться до него, и стрелять пришлось в дронов. Он нанес ущерб муниципальной собственности, но не пролил кровь, и совесть его чиста.

Пока чиста.

Пока…

Орк ожидал, что по дороге Беатрис будет много болтать: во-первых, потому что женщина, во-вторых, потому что молодая женщина, в-третьих, потому что ситуация располагала, – но

спутница удивила. Представившись и бросив: «За мной!», она повела Бенджамина в дебри подземных коммуникаций и не завела разговор, даже когда они пошли рядом по относительно сухому коридору. Беатрис его победила, молчала до тех пор, пока Орсону не надоело, и он, кашлянув, поинтересовался:

– Ноги не стерла?

– Что? – не поняла девушка.

– В туфлях не очень удобно бегать по подвалам.

– А-а… – Беатрис улыбнулась, но при этом, как обратил внимание Орк, не бросила машинальный взгляд на ноги, хотя большинство людей поступило бы именно так. – Привыкла.

– Хорошая подготовка, – оценил Бен.

– Что ты имеешь в виду?

– Только то, что сказал: чтобы бегать и прыгать, как бегаешь и прыгаешь ты, да еще и на каблуках, нужно быть в хорошей форме.

– Я не спортсменка, если ты об этом, просто еще молода.

Она не занималась профессионально – в этом Орк был уверен, однако следила за собой, поддерживая хорошую форму. Но по каким-то причинам не хотела об этом говорить.

– Где Фрэнк? – резко спросил Бен, однако смутить девушку, как надеялся, не сумел.

– Отправился вперед.

– Куда вперед?

– Туда, куда мы идем.

– А куда мы идем?

– Ты ведь военный, Орк, ты должен понимать, что информацией следует делиться дозированно, – рассмеялась Беатрис. – На каждом этапе сотрудник знает только то, что ему положено знать.

– Ты военная? – прищурился Бен.

– Стараюсь поступать логично, – ответила девушка. – А сейчас логично ничего тебе не говорить.

– Откуда ты знаешь мой позывной?

– Из ar/G, – пожала плечами Беатрис. – Система мгновенно сообщает гражданам о каждом взорванном олдбаге. Я приняла сообщение перед тем, как спуститься под землю.

– Меня ищут?

– Беглецов suMpa очень мало, и их всех убивают в течение первых двенадцати часов.

– Полиция будет тщательно прочесывать подземелья.

– Мы знаем, как пустить их по ложному следу, – обронила Беатрис.

– Ты и Фрэнк?

– Да.

– И как? – заинтересовался Орсон.

– Есть способы.

Он понял, что уточнений не последует, молча прошагал еще с десяток футов, после чего осведомился:

– Не боишься, что я тебя убью?

– А ты собираешься? – в тон ему отозвалась Беатрис, поправляя съехавшую на плечо кофту.

– Все олдбаги – убийцы, – напомнил Бен, машинально отметив отсутствие бретельки лифчика.

– Об этом говорили в новостях?

– Да.

– Как видишь, не все, – с коротким смехом парировала девушка. – Ни в баре, ни сейчас ты ни разу не проявил признаков агрессии. Ты бил и стрелял, защищаясь.

– Откуда ты знаешь про бар? – немедленно уточнил Орк, поскольку видел, что Фрэнк и Беатрис покинули заведение в числе первых.

– Режиссеры FakeNews подключились к внутренним камерам и вели прямую трансляцию, – сообщила девушка. – Они любят проделывать подобные штуки. – Помолчала и добавила: – Ты отлично стреляешь.

– Меня учили.

– Тебя хорошо учили.

– Спасибо.

– И я вижу, что, несмотря на ртуть в глазах, ты не собираешься меня убивать.

Орсон молча кивнул.

И подумал о том, что его спутница прекрасно знает хитрости подземной жизни, чувствует себя здесь как дома, возможно, ей даже доводилось есть крыс, но внешне выглядит абсолютно чужой миру outG. Слишком красива и элегантна, с идеальной прической и ухоженными ногтями, ухитрилась не запачкать одежду во время путешествия и один-единственный раз сама открыла дверь – когда встречала Орка, во всех остальных случаях не мешала Бенджамину идти впереди.

Беатрис была леди и была загадкой, однако обдумать мысль как следует Орк не успел – они добрались до цели путешествия.

Свернули в узкий, очень сырой проход, живо напомнивший вонючий переулок, только без далекого неба над головой, прошли с десяток шагов, остановились, и в тот же миг часть стены сдвинулась, открыв проход в большой, ярко освещенный зал. Все произошло настолько быстро, что Бенджамин на мгновение потерял ориентацию. Через секунду наноэкран отрегулировал

зрение, выставив необходимый фильтр, но эту секунду Орк пребывал без защиты.

Однако атаки не последовало.

– Добро пожаловать в клинику, мистер Орсон, – громко и жизнерадостно произнес вышедший навстречу Фрэнк. – Уверен, вам у нас понравится.

– А говорил, что тебе от меня ничего не нужно, – ворчливо припомнил Бен, опуская вскинутый во время временной слепоты дробовик.

– Я обманул, – рассмеялся Лейка. – Но ведь вы все поняли, мистер Орсон, не так ли?

– Догадался, – уточнил Бен. – Точнее, догадался, что ты подсел ко мне не просто так, но до сих пор не понимаю, чего тебе от меня нужно.

– Это легко объяснить, – Фрэнк сделал шаг назад и указал рукой на стену. – Мистер Орсон, прошу вас, посмотрите на себя.

Беатрис встала рядом с Лейкой, и Бену ничего не оставалось, как кивнуть, приблизиться и посмотреться в зеркало.

– Что скажете? – поинтересовался Фрэнк таким тоном, словно залившая глаза Орка ртуть не была достаточным ответом.

– Я покойник.

– Не будем торопиться.

– Почему?

– Потому что, мистер Орсон, нам нужно познакомиться еще раз, – с прежней жизнерадостностью продолжил Фрэнк. – Меня зовут Фрэнк Лейка, по профессии я врач-вирусолог, а замечательная девушка Беатрис ла Мар – мой спонсор. И сейчас вы находитесь в нашей клинике, хоть и подпольной, но оснащенной по последнему слову техники. Уж поверьте на слово.

Бенджамин вопросительно посмотрел на девушку, и Беатрис рассказала:

– Мои родители оказались в числе первых жертв suMpa. Они оставили хорошее наследство, и я решила потратить деньги на поиск лекарства. В память о них.

Чем медленнее она говорила, тем сильнее чувствовалась южная манера.

– Лекарство ищет весь мир, – заметил Орк.

– Не весь мир, а «Clisanto», которой WHO выдало лицензию на работу с вирусом, – немедленно поправил его Лейка.

– Хочешь превзойти «Clisanto»? – Бенджамин по-прежнему смотрел только на Беатрис.

– Утереть им нос, – дерзко уточнила девушка.

– В первую очередь мы хотим получить ответы, – добавил Лейка.

– Какие? – поинтересовался Орсон. Но взгляд на Фрэнка не перевел. Беатрис это поняла и едва заметно улыбнулась. Кончиками губ.

– Например, почему родственникам не выдают тела?

– Чтобы предотвратить заражение.

– Почему олдбаги агрессивны?

– Потому что вирус воздействует на мозг.

– Почему не агрессивен ты?

Бенджамин осекся. А Лейка и Беатрис переглянулись с довольным видом: они не только подловили гостя, но сделали это самым простым и очевидным образом.

– Федеральный закон запрещает вести исследования suMpa без соответствующего разрешения и устанавливает уголовную ответственность за распространение содержащих вирус материалов, – медленно продолжил Фрэнк. – Мы его нарушаем. Мы рискуем провести остаток дней в тюрьме ради возможности изучить частички крови, собранной с места преступлений олдбагов, остатков кожи, слюны… Скажу честно: до недавнего времени мы занимались ерундой, копались в мусоре, и ваше появление, мистер Орсон, стало подарком небес.

– Хочешь сделать из меня подопытную крысу? – осведомился Бен.

В ответ Лейка лишь развел руками:

– Мы можем расстаться прямо сейчас, мистер Орсон, вы вольны уйти, если не хотите считать себя подопытной крысой, но все мы понимаем, что в течение двенадцати часов вы станете мертвой подопытной крысой.

– Я неплохо обучен, у меня есть снаряжение, и я сумею продержаться, – с уверенностью, которой у него в действительности не было, ответил Бен.

– Несмотря на замечательную подготовку, долго вам не прожить, мистер Орсон, – спокойно ответил Лейка. – Если, конечно, вы не согласитесь до конца дней ползать по самым нижним уровням outG, питаясь тараканами и плесенью.

Ответить на это заявление Бенджамин не успел.

– Орк, мы хорошо заплатим за роль подопытной крысы, – громко произнесла Беатрис.

– На нижних уровнях золото без надобности, – буркнул Орсон.

– Я заплачу новой «балалайкой».

И эта фраза заставила Бена задуматься. Он тяжело посмотрел на девушку – она не отвела взгляд, – кивнул, показывая, что услышал и впечатлен, после чего спросил:

– Зачем она мне?

– Мерцающую ртуть можно скрыть под очками, – взвешенно и очень по-взрослому, неожиданно для столь молодой девушки, произнесла Беатрис. – Твоя главная проблема – ar/G. Система знает, что ты заражен, и укажет на тебя, стоит вернуться в онлайн. Чтобы спрятаться, тебе нужен новый чип, Орк, новое имя и, возможно, новая внешность. Хотя мне нравится, как ты выглядишь сейчас.

Лейка приоткрыл рот, явно собираясь что-то сказать, и так же явно передумал.

– На самом деле я выгляжу еще лучше, – медленно ответил Бен, выигрывая время на размышление. – Просто не побрился утром.

– Здесь вам будет предоставлена отдельная комната и собственный санузел, мистер Орсон, – сообщил Фрэнк. – Брейтесь сколько угодно.

Секунд пятнадцать Бенджамин пристально смотрел на него, удерживая на лице отстраненно-равнодушное выражение, после чего поинтересовался:

– Кто победил?

– Крауч, – очень спокойно, словно ждал вопроса, сообщил Лейка. – После аварии он пересел в машину второго номера команды, вернулся на трассу последним, но приехал первым.

– Господи, мужчины… – Беатрис закатила глаза, но было видно, что она играет.

– Крауч хорош, да?

– Крауч – великий гонщик, – кивнул Фрэнк.

– А ты хочешь стать великим врачом?

– Нам с Беатрис нужны ответы.

– Да, конечно. – Теперь Орк смотрел на девушку. – То есть, если я пописаю в баночку, ты купишь мне новый чип?

– Писать придется много, – деловито ответила Беатрис. – И разумеется, потребуются другие образцы. Придется пройти тесты и дождаться результатов.

– Сколько?

– Дней пять, не меньше.

– Я хочу получить однозначный ответ.

– Неделя, – подал голос Лейка. – Не больше.

– Договорились, – кивнул Орк. – Я остаюсь с вами на семь дней, после чего ты, красавица, покупаешь мне новую «балалайку».

– Не называй меня красавицей, – попросила девушка.

– А кто ты?

– Просто Беатрис.

– Для просто Беатрис ты слишком красива, – качнул головой

Орк и протянул руку. – Мы договорились?

– Да, – и в его ладони оказалась тоненькая кисть девушки.

* * *

Вы когда-нибудь встречали женщин, которые не лгут? То есть – совсем не лгут, не имеют такой привычки. Я – встречал. Но категорически не понимал, как себя с ними вести. О чем говорить? Какие темы поднимать? Что им может быть интересно, а что – совсем нет?

Но самое главное – я им не верил.

Флирт, интриги и обман естественны для женщин, нравится это мужчинам или нет. Мне, кстати, нравится, потому что в интригах и лжи наши красавицы органичны. И гармоничны. Их внутреннее полностью совпадает с внешним, и образ чудесной женщины обретает поразительную законченность, восхищая ценителей и смущая даже опытных мужчин.

Женщины намного лучше понимают идею лжи, и нет ничего удивительного в том, что именно они первыми оценили достоинства приложений craft(art), популярность которых с развитием ar/G, появлением наноэкранов и «балалаек» взлетела на невообразимую высоту и держится на ней до сих пор. Возьмите top-10 самых скачиваемых приложений за день, неделю, месяц или год, и вы обязательно увидите не менее трех craft(art). Не менее трех приложений, которые делают людей не похожими на себя, помогают выглядеть не так, как на самом деле, и увеличивают количество лжи на нашей планете. Пользуются ими по-разному: одни исправляют мелочи вроде морщин, родинок, жидких волос или пары лишних килограммов; другие натягивают на себя чужие лица – одно время на улице стало не протолкнуться от Мэрилин Монро, потом – от мультяшных супергероев; третьи покупают мощные, хорошо проработанные редакторы и создают законченные «обложки», скрывая и лица, и фигуры. Я помню, как самая модная студия craft(art) разработала особое приложение для феминисток, среди ее трафаретов была «обложка» лысой немытой бабы в грязной одежде… для него еще выпустили дезодорант с запахом пота.

Из-за развития craft(art) рухнули продажи косметических и парфюмерных корпораций. Зачем покупать средство по уходу за кожей, если можно закрасить лишай с помощью приложения? Побрызгал на себя наноботами из баллончика, запустил приложение – и через пару минут ты снова красив…

Правда, лишай все равно останется.

Настоящее всегда остается, как его ни прячь, но мало кто об этом думает.

Приложения craft(art) захватили рынок. Женщины отыскали

новую игрушку, и женщинам новая игрушка понравилась. Они пользовались приложениями так же часто, как раньше губной помадой, следили за обновлениями и новинками, предпочитая те, сквозь «обложки» которых нельзя увидеть правду с помощью расплодившихся приложений lookTrue, и я предполагал, что прецедент, о котором сейчас поведаю, будет связан с именем какой-нибудь умной и настойчивой особы, но ошибся.

Впрочем, учитывая обстоятельства, ошибся я не сильно.

Кажется, это случилось в Солт-Лейк-Сити, но я не уверен, поскольку не запоминал специально. Ведь история выглядела анекдотом… да, по сути, и была им… и осталась… Анекдотом в современном понимании, как смешная, забавная история, из которой не делают выводов, потому что мало кто способен осознать глубинный смысл рядового события до того, как оно начнет влиять на жизнь общества, тем более если это событие кажется анекдотом.

Но по порядку: федеральная судья Малик отказала мистеру Циммерману в аннулировании брака с мистером Брауном-Цельсом.

Джентльменская свадьба получилась скоропалительной, как говорится – по любви и страсти, но в полном соответствии с законом о внезапных браках, и проведенный экспресс-анализ не выявил в крови влюбленных следов наркотиков, как разрешенных, так и запрещенных, только алкоголь в допустимых для свершения таинства количествах. Знаменательное событие было официально зарегистрировано, и счастливые новобрачные отправились в свадебное путешествие в ближайший мотель. А уже в следующий полдень мистер Циммерман явился в суд с требованием аннулировать брак на том основании, что мистер Браун-Цельс оказался активным пользователем craft(art) и сознательно ввел жениха в заблуждение относительно своей внешности. Когда наведенная «обложка» заглючила, мистер Циммерман с ужасом разглядел у своего почти идеального партнера жидкие волосы, бородавку и близко посаженные глазки. Вместо записного красавца в постели джентльмена оказался уродец, напоминающий крошку Цахеса. Мистер Браун-Цельс, в свою очередь, был не против развода, но настаивал на крупной разовой выплате за разбитое сердце и алиментах в течение десяти последующих лет. Тут следует добавить, что мистер Циммерман был неприлично богат.

Дело вызвало огромный резонанс, вы наверняка о нем слышали и наверняка мысленно заняли чью-то сторону. Одни жалели романтичного Циммермана, оказавшегося в цепких лапах охотника за богатством, другие желали успеха Брауну-Цельсу, сумевшему дотянуться до кошелька миллионера. И никто не задумывался над тем, какое влияние окажет процесс на мир.

Да, я не оговорился: на весь мир.

Судья Малик приняла сторону мистера Брауна-Цельса, и вскоре ее решение было подтверждено Верховным Судом, до которого ухитрились дойти адвокаты мистера Циммермана. Возник прецедент Циммермана – Брауна-Цельса, и ложь перестала быть достаточной причиной для развода.

«Обложки» стали частью жизни, приложения craft(art) обрели статус реальности, всемирная судебная система признала, что нарисованное имеет силу настоящего.

Из дневника Бенджамина «Орка» Орсона

* * *

Манхэттен США, Нью-Йорк апрель 2029

Нежность…

Вот что всегда искала Карифа в отношениях. Удовольствие и удовлетворение, упоительные в своей сладости вершины, на которые ее возносили любовники, блаженная усталость, наступающая на этих вершинах, опустошение, когда уходили те, кто особенно дорог, приятная расслабленность, когда переставали звонить надоевшие, – Карифа воспринимала отношения во всех проявлениях, находя в них отдушину от жесткой рутины профессии, но в первую очередь искала нежность.

Мягкие прикосновения.

Тихие ласки.

Шепот и обжигающе горячее дыхание.

Невозможно приятные слова…

Поиск нежности начался не сразу. В юности и молодости Карифа обожала жесткий, неистовый секс, не отказывалась от экспериментов, даже искала их, иногда выжигала себя дотла, иногда пачкалась в грязи, часто плакала потом, в очередной раз оставшись одна, плакала от того, что снова не нашла то, что искала.

А не находила, так как не понимала, что ищет.

Не понимала до тех пор, пока однажды, еще в Академии, незадолго до выпуска, после особенно яростно спарринга, из которого вышла победительницей, на волне куража и нежелания окунаться в привычное «веселье», оказалась в постели с соседкой по комнате. Карифа не чуралась экспериментов, впервые побывала с женщиной еще в последнем классе, но не получила и десятой доли той нежности, которой одарила ее подруга. Карифа не сделала окончательного выбора в пользу чего-то одного, не отказалась от мужчин, но встречаться с женщинами стала много чаще, а последний год и вовсе провела в объятиях агента Рейган.

Ну, так получилось.

Получилось, несмотря на то что отношения между сотрудниками, тем более – оперативной службы, тем более – из одной группы, – в GS были строжайше запрещены.

Так получилось…

– Тебе хорошо?

– Мне замечательно, – прошептала лежащая на спине Карифа. – Ты даже не представляешь, как мне хорошо.

– Представляю, – улыбнулась Рейган, нежно покусывая соски любовницы.

– Нет…

– Да…

Удивительная Рейган, колючая и грубоватая на службе, жестокая в бою и… и такая ласковая в постели. Причем зеленоволосая не только искала нежности, как Карифа, но обожала дарить ее, стремясь отдать то, чем не могла поделиться в обычной жизни.

Ведь в обычной жизни ей приходилось убивать и ломать кости.

Да к черту обычную жизнь!

– Сейчас будет совсем хорошо, – пообещала Рейган.

– Знаю, – едва слышно отозвалась Карифа, судорожно комкая простыню.

И закричала, не в силах сдержать накативший оргазм. Засучила ногами, застонала, заколотила Рейган по спине, счастливо смеясь, отдаваясь и радуясь этому.

А потом долго лежала, с наслаждением впитывая ласковые поглаживания подруги.

Нежность…

– Мне хорошо с тобой, – прошептала Рейган, прижимаясь щекой к плоскому животу любовницы.

– А мне с тобой великолепно.

– Я не шучу.

– Я тоже.

– Ты ведь знаешь, что я перестала встречаться с другими женщинами?

– А ты знаешь, что мы не давали обещаний, – отозвалась Карифа. – Во всяком случае, пока.

– Я это принимаю, – признала зеленоволосая, поглаживая бедра любовницы. – Как и твои приключения.

Всегда принимала. Злилась, но принимала, и Карифу это устраивало, потому что она свой выбор еще не сделала. Амин догадывалась, что любовь заставляет Рейган принимать ее приключения, терпеть, возвращаться к ней, делая вид, что все в порядке, но ничего не могла поделать – Карифе нравилось бывать

с мужчинами.

А теперь – с одним мужчиной.

Карифа все понимала, никак не реагировала на грусть в голосе Рейган, но сегодня в прозвучавшей фразе отчетливо послышались новые нотки, которые заставили Амин поинтересоваться:

– Почему ты заговорила об этом?

– Ты отдаляешься, – почти сразу ответила зеленоволосая. Она ждала вопроса.

– Нет.

– Из этой чертовой поездки ты вернулась совершенно другой.

– Рейган…

Однако любовница не позволила себя перебить.

– Я не прошу и уж тем более не требую от тебя отчета, Карифа, мне известен предел наших отношений, и я… если я когда-нибудь и мечтала о чем-то большем, то это были только мечты. Я никогда не стану на тебя давить. Но я боюсь за тебя.

– Из-за нашего задания? – удивилась Амин.

– Потому что ты изменилась, – твердо повторила Рейган.

– Не понимаю.

Зеленоволосая привстала на локтях и посмотрела любовнице в глаза:

– Мы не всегда действуем по букве закона, потому что такова наша работа: когда возникает неустранимая проблема, мы приходим и устраняем ее. Ни я, ни ты – никто из нас не испытывает по этому поводу восторга, но такова игра. В нее играют с того дня, как появился первый закон, потому что люди, которые хранят закон, не всегда могут хранить его, играя по правилам.

– Это прописная истина, – мягко отозвалась Карифа.

– Но теперь ты стала нервной. Не ведешь себя, как раньше.

– Из-за высоких ставок.

– В нашей игре ставка одна – жизнь, выше некуда, – тихо сказала зеленоволосая.

Четко давая понять, что не удовлетворена ответом и ей не нравится скрытность подруги.

– Я привыкла рисковать, но сейчас мне предложен такой приз, что я не хочу проигрывать, – призналась Амин.

– Какой приз?

– Не могу сказать.

– Ты взлетишь настолько высоко, что перестанешь нас видеть? – догадалась зеленоволосая.

– Мы все взлетим, – пообещала Карифа. – Плата будет щедрой, никто не уйдет обиженным.

Рейган прикоснулась губами к полной груди подруги, с наслаждением вдохнув запах ее тела и показав, что этим словам верит, помолчала, после чего продолжила:

– То, о чем я тебя сейчас спрошу… Это неправильно. И ты можешь на меня обидеться или просто не ответить – я пойму. Но я не могу не спросить… – Она вновь выдержала паузу. – С кем ты провела эти дни?

Зеленоволосая действительно не могла не задать этот вопрос, но и Амин не могла воспользоваться ни одним из предложенных путей отхода. Обидеться? Обижаться не на что. Промолчать? Стыдно и некрасиво по отношению не только к любовнице, но к верному другу, которым Рейган безусловно была. Ответить честно?

Другого выхода не оставалось.

– С мужчиной, – предельно спокойно сказала Амин.

– Тебе понравилось?

– Он умеет произвести впечатление.

– Тебе понравилось? – с нажимом повторила зеленоволосая.

– Я сейчас с тобой, потому что хочу быть с тобой сейчас, – Карифа привстала на локтях и посмотрела Рейган в глаза. – Когда я захочу быть с ним – я буду с ним.

– А ты захочешь?

– Да.

И короткое слово ножом ударило зеленоволосой в душу, потому что весь последний год на такие вопросы Карифа отвечала: «Может быть».

– Я помню: он произвел впечатление, – криво улыбнулась Рейган.

– Не только в постели, – медленно ответила Амин, припоминая А2: бешеную, отвратительную агрессию… которая сменилась искренней нежностью… которая сменилась демонстрацией потрясающего мастерства.

– Что ты с ним делала?

– Ничего такого, о чем можно было бы пожалеть.

– Ладно. – Зеленоволосая поднялась с кровати. – Я хочу красного.

– Спасибо, что предложила.

– Конечно.

На самом деле Рейган не хотела пить, ей нужно было уйти, и как можно скорее, а еще – повернуться спиной к Карифе, потому что ей было невыносимо видеть легкую неконтролируемую улыбку, что появилась на губах Амин при упоминании мужчины.

Карифа была влюблена. Причем по уши.

– Каковы наши ближайшие планы? – осведомилась Рейган,

подходя к кухонному уголку.

– Ты правда хочешь говорить о делах?

– Почему нет?

– Ну… не знаю… – протянула Амин, разглядывая плотную подругу: широкие плечи, крепкие ноги, подтянутый зад. У Рейган отсутствовала ярко выраженная талия, но когда она приседала, как сейчас – к холодильнику, – ее фигура приобретала приятную женственность. – Мы ведь не закончили?

– Нет, – улыбнулась Рейган, наполняя красным один бокал – они всегда пили из одного. – Конечно, продолжим… – И выругалась, услышав, что Карифа отвечает на входящий вызов: – Тебе обязательно принимать звонок?

– Конелли поставил высший приоритет, – объяснила Амин и подключила оператора: – Что случилось?

– Привет! Я не слишком поздно?

– Скорее, слишком рано, – съязвила Карифа, бросив взгляд на часы.

– Извини, босс, но у меня появилась зацепка.

– Если она не сработает, мне придется тебя убить, – произнесла Амин, продолжая разглядывать обнаженную Рейган.

Та пригубила вина и согласно кивнула.

– Зацепка обязательно должна сработать, – пообещал Конелли. – Я уверен, что могу вычислить местонахождение Орсона.

* * *

Бруклин outG США, Нью-Йорк апрель 2029

Орсон так и не понял, что за комплекс захватили под свои нужды Лейка и Беатрис. Подземелье оказалось большим: девять или десять комнат, включая просторную главную залу; хорошо отремонтированным: стены и полы выложены плиткой, потолки чистые, двери новые; комплекс прекрасно проветривался, снабжался электричеством и водой. Возможно, некогда эти помещения принадлежали городским службам, или метрополитену, или военным, но по каким-то причинам их забросили, и они оказались в outG. Орк не знал, в каком состоянии нашли комплекс Беатрис и Лейка, но судя по качеству ремонта и оснащению, использовать его планировали долго.

В большом зале Фрэнк разместил невероятное для незаконной клиники количество медицинских аппаратов и устройств, превратив его в высококлассную современную лабораторию, позволяющую проводить исследования любой сложности. Об этом свидетельствовал еще и тот факт, что в первый день пребывания в клинике Орк сдал столько тестов и анализов, сколько не сдавал за всю жизнь. Впрочем, он никогда

не жаловался на здоровье и к врачам заглядывал редко, а раны и травмы обходили его стороной. Затем последовала пауза: Фрэнк занялся обработкой данных, и у Бена появилось время тщательно обдумать происходящее, уделяя особое внимание непонятному и непредсказуемому будущему, поскольку размышлять, почему его не тянет совершить запоминающееся массовое убийство, ему надоело. Пусть Фрэнк разбирается.

Итак, будущее.

Допустим, Беатрис сдержит слово, он получит новый чип и новое имя, хакеры сумеют влезть во все базы данных и привязать его DNA к новой личности, и он сможет жить в ar/G. Допустим. Что дальше? Уехать в глушь, в одну из тех заброшенных, никому не интересных стран, которые еще остаются на планете? Затеряться среди бесчисленных островов Тихого океана? Затаиться в каком-нибудь мегаполисе? У каждого варианта были свои достоинства и недостатки, но главная проблема заключалась в том, что Орк никак не мог решить, чего хочет: прожить долгую жизнь под чужой личиной, шарахаясь от каждой тени? Получить пулю в голову на пляже, напившись в компании податливых красоток и случайно сняв темные очки? Каким он видит свое будущее?

Как выбрать?

Что важнее? Что интереснее?

И что делать, если выяснится, что его не тянет убивать не просто так, а в силу иммунитета к suMpa? Ведь в этом случае нужно сдаваться и становиться национальным героем, подопытной крысой, которой удивительно повезло.

Все эти размышления Орку не нравились, но выкинуть их из головы он не мог.

Однако были и хорошие новости: благодаря свободному времени у Бена появилась возможность плотного общения с Беатрис. Причем, к его глубокому удивлению, именно девушка сделала первый шаг: явилась в комнату, где Бен отдыхал после утомительного дня, позвала в «гостиную», познакомила с командой – помимо них с Лейкой, в клинике работали еще три человека, – и завязала разговор ни о чем, позволяя Орку расслабиться и почувствовать себя среди своих. На следующий день играли в карты, обсуждали новости, посмеивались над унылыми полицейскими, вынужденными признать, что до сих пор не смогли уничтожить сбежавшего больного, и предположившими, что «полковник Орсон умер, забившись в какую-то дыру».

Во время разговоров Бен изредка ловил на себе взгляды собеседников, но видел в них не страх, а интерес: ребята не могли

поверить, что взорвавшийся олдбаг ведет себя, как самый обыкновенный человек, не проявляя общеизвестной агрессии.

Что же касается Беатрис, она не позволяла себе даже таких взглядов, давала понять, что считает Орка абсолютно здоровым человеком, и от этого Бену становилось особенно тепло.

И еще от того, что после первого визита в комнату девушка стала посвящать ему все свое свободное время.

///

– Терпеть не могу внезапные рейды, – проворчала Рейган, поправляя «глухарь». – Собираемся наспех, план разрабатываем на коленке, прикрытия – ноль…

– Зато есть эффект внезапности, – с улыбкой отозвалась Карифа. Она прекрасно знала, что услышит от поднятой по тревоге подруги, и ответила привычно: – Нельзя терять время.

– Ради чего?

– Как обычно, – вклинился в разговор Захар. – Служим, защищаем, храним закон, наказываем злодеев…

Но произнес свои слова таким же недовольным тоном, каким ворчала Рейган, дав понять командиру, что тоже не прочь получить объяснения: ради чего им велели явиться на тайную базу GS в порту, облачили в полные боевые комплекты, включающие «зунды» и «глухари», посадили в фургон «Скорой помощи» и теперь везут в неизвестном направлении. То есть все понимали, «ради чего» и что придется делать, но хотелось бы знать конкретную цель.

– Есть высокая вероятность накрыть полковника Орсона и тех, кто ему помогает, – сообщила Амин и почувствовала, как подобрались агенты. – Предполагается, что мы выйдем на крупную группу радикалов outG.

– Правда? – поднял брови Захар.

– Правда.

– Кто дал наводку? – осведомилась Рейган. – И зачем радикалам понадобился взорвавшийся олдбаг?

– Ответ на второй вопрос я надеюсь получить по окончании операции. Что же касается первого… Конелли, рассказывай, – распорядилась Карифа, и оператор с удовольствием взял слово:

– Как вы знаете, поимка беглеца объявлена наивысшим приоритетом, вокруг Нью-Йорка сформировано кольцо безопасности, полицейские и наши ребята уже четверо суток лазают по outG, проверяют каждое судно, каждый самолет и поезд…

– Господи, какой же ты нудный! – выдохнула зеленоволосая.

– …и пока все бегали по кругу, демонстрируя похвальное рвение и отсутствие результата, я решил проверить ученых,

способных заняться исследованием suMpa, – торжественно закончил итальянец.

– Зачем? – изумился Захар.

– Я пришел к выводу, что мы не можем найти Орсона потому, что его кто-то прячет, – самодовольно сообщил оператор. – А спрятать его мог только чокнутый ученый, одержимый поиском вакцины против suMpa. Кому еще может понадобиться взорвавшийся олдбаг?

– При этом неизвестному ученому повезло оказаться рядом с Орсоном во время проявления болезни, – кисло произнес опомнившийся Захар, показывая, что скептически относится к словам Конелли.

– При этом неизвестному ученому повезло оказаться рядом с Орсоном во время проявления болезни, – подтвердил оператор. – И знаешь что, Захар? Я его нашел. Я тщательно проверил всех, кто находился в баре, и обнаружил парня с подходящим образованием: доктор Фрэнк Лейка, вирусолог, если тебе о чем-нибудь говорит этот набор букв.

Рейган коротко рассмеялась и заставила Захара огрызнуться:

– Заткнись.

В ответ Захар увидел средний палец, но промолчал, потому что понял, что Конелли его умыл.

– Я поднял данные на доктора Лейку и – о чудо! – обнаружил, что последние две недели доктор Лейка частенько исчезал в outG, – продолжил итальянец. – И вот уже четыре дня не появлялся ни дома, ни на работе.

– Где он работает? – спросила Амин.

– В университете.

– Как объяснил отсутствие?

– Выпросил недельный отпуск, сказав, что хочет уехать в глушь и отдохнуть от городского шума, но соврал: Нью-Йорк Лейка не покидал, отправился в Бруклин и скрылся в outG.

– И это все? – осведомился Захар. Красавчик пришел в себя после полученного удара, был готов накидать кучу саркастических замечаний, но Карифа не позволила устроить словесную перепалку.

– Захар, меня работа Конелли устраивает, он молодец.

Боец ответил невнятным бурчанием, зеленоволосая усмехнулась, но вновь промолчала, а итальянец выдержал паузу, наслаждаясь победой, и стал рассказывать дальше:

– Затем я изучил перемещения Лейки за последние два месяца и выяснил, что доктор часто исчезает в Бруклине, правда, всякий раз в разных районах, но данных для анализа было вполне достаточно, и, проведя необходимые расчеты, я сузил зону поиска

до четырех кварталов, отправил под землю стаю разведывательных дронов и позвонил вам.

– А если ты ошибся? – осведомилась Рейган.

– Значит, мы зря прокатаемся, – ответила за Конелли Амин. – Первый раз, что ли?

///

Комната, в которой его поселили, произвела на Орсона благоприятное впечатление. Небольшая, но чистая, не обремененная лишней мебелью: кровать, стул, кресло, шкаф и книжная полка. На стене – монитор коммуникатора, естественно, без выхода в Сеть, слева от шкафа – дверь в крошечный санузел, в котором с трудом помещались унитаз и раковина, а благодаря сливу в полу он одновременно служил и душевой кабиной. Комната – или камера? – оказалась аккуратной и прагматично организованной, Орку она понравилась, напомнила офицерскую капсулу в казарме одной туземной базы, в которой он прослужил два года после выпуска из академии.

Однако принимать гостей в капсуле было затруднительно, и их с Беатрис беседы проходили в гостиной, где можно было выпить кофе или чай, а по вечерам, когда Лейка открывал бар, и что-нибудь покрепче.

Фрэнк и его ребята в гостиную заходили нечасто, пропадали в лаборатории, и комната на весь день оказывалась в распоряжении Орка и Беатрис.

– Как тебе в клинике?

– Скучно, дни ничем не отличаются друг от друга, – отозвался Бен, запуская кофеварку; он уже знал, что девушка любит латте. – Проснулся, оделся, пришел к тебе.

– В первый день ты был очень занят, – заметила Беатрис, принимая чашку.

– Значит, его из перечня исключаем, – улыбнулся Орк, принимаясь заваривать чай. – А в остальном – скучно.

Вечером первого дня он обнаружил в гостиной лишь пакетики с «чем-то странным и, возможно, незаконным», – так он обозвал их содержимое, – потребовал у Лейки доставить в клинику настоящий чай, и уже на следующий день с удовлетворением увидел на столике баночки с тремя сортами черного. Жизнь наладилась.

– Тебе скучно? – уточнила удивленная девушка.

– Да.

– Почему? – Беатрис устроилась на диване, боком к расположившемуся в кресле Орку, облокотилась на мягкую спинку, подперев голову рукой, и не отрываясь смотрела на мужчину. Это была очень выигрышная, очень «женская» поза: с

одной стороны, вполне пристойная, с другой – девушка изящно изогнулась, ненавязчиво демонстрируя достоинства фигуры.

– Почему я не могу заскучать? – пожал плечами Бен, отметив, что ему нравится смотреть на Беатрис, и она это знает.

– Потому что ты здесь прячешься от самой совершенной системы слежения в истории человечества и должен…

– Радоваться? Благодарить вас с Фрэнком? Бояться, что в один прекрасный момент ваша маскировка даст сбой и меня найдут? – Он пожал плечами, показывая, что все перечисленное не способно пробудить в нем интерес, и закончил: – Мне скучно.

– Нужно было увезти тебя из Нью-Йорка.

– У тебя есть другая клиника?

– Придумала бы что-нибудь.

– На самом деле я подумываю остаться в городе, – спокойно сообщил Орк.

– Серьезно?

– Почему нет?

– Но… – Чувствовалось, что Бен сумел ошарашить девушку. – Тебя же ищут.

– Среди людей легче прятаться.

Эта простая мысль ей в голову не приходила.

– Э-э… пожалуй.

– Но я еще ничего не решил, – закончил Орк и сделал маленький глоток обжигающе горячего чая.

– Что же тебя смущает?

– Вдруг я все-таки свихнусь и начну убивать?

– Ах… – Беатрис вздрогнула, но быстро взяла себя в руки. – Но ведь пока ты себя контролируешь?

– Полностью, – подтвердил Бен. – Но как долго я буду сохранять здравомыслие? – И сделал еще один глоток, который обеспечил ему многозначительную паузу. – Я благодарен тебе и Фрэнку за выдержку, за то, что вы обращаетесь со мной, как с нормальным человеком, но мы все понимаем, что я взорвался и теперь в любой момент могу начать убивать. Я – бомба с часовым механизмом.

– Мы с Фрэнком предполагаем, что у тебя иммунитет или частичный иммунитет к suMpa, – произнесла Беатрис, глядя Бену в глаза. – Он просил пока не говорить, боится спугнуть удачу, но другого объяснения твоей нормальности у нас нет.

Орк не был идиотом и, размышляя над причиной своего удивительного миролюбия, осторожно предполагал наличие иммунитета. И крепко обрадовался, услышав предварительное подтверждение из уст девушки.

Однако тон Беатрис ему не понравился.

– Не слышу в твоем голосе уверенности.

– Есть проблема, – вздохнула Беатрис.

– Вы не знаете, как определить, есть у меня иммунитет или нет?

– Мы до сих пор не выделили вирус.

– Что это значит? – нахмурился Орсон.

– Возможно, только то, что у нас не хватает квалификации, – ответила девушка. И непонятно добавила: – А может, мы узнали, почему до сих пор не найдена вакцина.

///

И опять outG: грязные коридоры, низкие потолки, отсутствие привычных каналов связи и взгляд на мир сквозь прибор ночного видения. Карифа, как и любой другой агент GS, часто спускалась под землю, умела выковыривать преступников из темных углов, но бывать в outG не любила, лезла вниз без страха, но и без удовольствия. Как на работу. А вот, к примеру, Захар чувствовал себя под землей гораздо увереннее, чем на поверхности, и не упускал возможности по-дружески поддеть Рейган, которая не скрывала отвращения к подвалам.

– Увидишь здоровенную крысу – не стреляй, говорят, корпорациям они нужны для опытов.

– Хотят скрестить их с тобой?

– Ищут новый источник белка. Говядины, даже искусственной, на всех не хватает.

– Ты готов есть крыс? – удивился оператор.

– А кто меня спросит?

– Просто тыкай пальцем в другую строчку меню, – предложила Рейган.

– Откуда ты знаешь, из чего на самом деле сделана твоя котлета?

– Хочешь сказать, что мы едим крыс?

– Хочу сказать, что натуральный белок много лучше искусственного.

– Тьфу!

– Потише, – велела Карифа разговорившимся подчиненным. – Конелли, что у тебя?

Операция началась с запуска под землю сотни миниатюрных автономных разведчиков, которые тщательно исследовали все уровни в определенной Конелли зоне, вернулись в ar/G и сбросили оператору собранную информацию. На ее основании Конелли составил подробную карту подземелья и определил цель:

– Я знаю, где они сидят.

– Где?

– В заброшенном коммуникационном узле подземки.

– С чего ты взял?

– Туда подведены электричество и вода, – ответил оператор. – Причем электричества эти руины потребляют довольно много.

– И их никто не видит? – удивилась зеленоволосая.

– Хакеры взломали подземку и размазывают расход электричества и воды по их точкам. – Пауза. – Очень хорошая работа, кстати, я обнаружил взлом только потому, что знал, что он есть.

– Сможешь проделать подобное с моей квартирой? – тут же поинтересовалась Рейган. – А то в последнее время счета вгоняют меня в депрессию.

– Смотря что ты предложишь взамен.

– В outG не любят долговременные убежища, – хмуро заметил Захар, и его замечание заставило итальянца и Рейган смолкнуть.

– Что косвенно подтверждает предположение Конелли о секретной лаборатории, – ответила Карифа и вновь обратилась к оператору: – Сможешь провести нас внутрь?

– Через дверь – нет, она хорошо защищена, придется взрывать стену. – Итальянец выдержал короткую паузу. – Но необходимое снаряжение у меня есть.

– Отлично! – повеселела Карифа. – Конелли, я тебя люблю.

– Не забудь об этом, когда поднимешься на поверхность.

– Как брата.

– Черт!

Агенты засмеялись, но тут же смолкли.

– Ребята, – жестко произнесла Амин. – Если наши подозрения верны и полковника Орсона действительно прячет доктор Лейка, это означает, что мы наткнулись на лабораторию, в которой проводят запрещенные исследования suMpa.

– Всегда хотел узнать, зачем они это делают?

– Возможно, хотят разработать боевой вирус, – предположила Рейган. – Чтобы сводить с ума не только олдбагов, но людей всех возрастов.

– Возможно, – не стала спорить Карифа. – В любом случае, мы имеем дело с террористами. Это всем понятно?

– Конечно.

– Разумеется.

– Учитывая вышесказанное, мы имеем право стрелять на поражение, а поскольку внутри находится полковник Орсон, двадцать лет прослуживший в Силах специального назначения, я приказываю вам стрелять первыми.

Карифа знала, что за этой фразой последует пауза, и не ошиблась. Агенты помолчали, а затем Захар негромко выразил

общее мнение:

– Жаль парня.

И эту фразу Карифа тоже предвидела, поэтому ответила и быстро, и уверенно:

– Поверьте, ребята, я сочувствую полковнику от всей души, на него навалилось очень много, но в первую очередь мы обязаны думать о людях. И обязаны выполнить приказ. Полковник Орсон – герой, но сейчас он на той стороне, и как бы нам ни было жаль – он на той стороне. Он заражен, он представляет угрозу, мы не должны его упустить, и я приказываю стрелять первыми.

///

– Что меня ожидает сегодня? – осведомился Бен, входя в главный зал. – Привет, ребята.

– Привет, – отозвался Лейка, и Орк отметил про себя, что никогда раньше, кроме самого первого дня, Фрэнк не отвечал на приветствия. Его помощники здоровались обязательно и сегодня отозвались, а вот Лейка никогда раньше его не баловал. А раз ответил, значит, ему что-то нужно.

– Приготовил неприятный сюрприз?

– С чего ты взял? – растерялся Фрэнк.

– С того, что ты два дня не отвечал Бену, – ответила Беатрис. – После первой встречи – как отрезало.

И ответила, как обратил внимание Орк, довольно жестко, словно она два дня просила доктора здороваться, а тот ее просьбы игнорировал.

– Не отвечал, значит, был занят, – огрызнулся Лейка. – И ничего неприятного в первый день не было.

– Мне было скучно лежать в аппарате МРТ, – заметил Орсон.

– На МРТ скучно, но не больно.

– Фрэнк, ты обещал! – вырвалось у Беатрис, и Орк понял, что слышит очень искреннее восклицание: девушка за него переживала. – Не надо!

– У меня нет выхода, – развел руками Лейка.

– Ты же не собираешься меня свежевать? – попытался пошутить Бен, однако не преуспел.

– У меня нет другого выхода, – угрюмо повторил Фрэнк, отводя взгляд.

– То есть собираешься?

– Хочу взять пункцию спинного мозга.

– Не смей этого делать, – резанула девушка.

– Подожди, – намерено негромко произнес Орк и с удовлетворением отметил, что Беатрис мгновенно замолчала. И с еще большим удовлетворением перехватил удивленный взгляд Лейки – врача изумила покладистость девушки. – Зачем делать

пункцию?

– Беатрис не говорила? – вопросом на вопрос ответил врач.

– О чем?

– Я не успела, – бросила девушка, но было видно, что она лжет.

– Я не знаю, как еще искать вирус, – признался Фрэнк. – Исследования ни черта не дали, мы не сумели его выделить, но глаза однозначно говорят, что ты заражен: мерцающая ртуть – уникальный признак suMpa. Вот я и подумал, что нужно покопаться в спинном мозге.

– Это очень больно, – мрачно сказала Беатрис, прикасаясь к руке Бена.

– Я понимаю, что будет больно, но если другого выхода нет, пункцию нужно сделать, – произнес Орк и мягко ответил на прикосновение, взяв руку девушки.

– Ты будешь мучиться! – На ее глазах выступили слезы, а руку… руку она не вырвала.

– Я здесь для того, чтобы помочь вам разработать вакцину, – ответил Орк, глядя Беатрис в глаза. – Так мы договорились.

– Можем сделать пункцию прямо сейчас, – вставил свое слово Лейка. – Пока все согласны.

И вот тогда Бен разглядел в глазах Беатрис нечто новое – злость. Она посмотрела на врача взглядом, каким недовольная хозяйка смотрит на грязного спаниеля, явившегося в гостиную прямиком из ближайшей лужи, и жестко приказала:

– Дай нам поговорить.

И их показное равноправие мгновенно испарилось. Лейка обронил:

– Извините.

И отошел.

А Бенджамин спросил:

– Беатрис, почему?

– Не хочу, чтобы ты мучился, – ответила девушка, глядя на руку, которую по-прежнему держал Орк.

– Мы заключили договор на любые тесты, даже болезненные.

– Нет.

– Да, – Бенджамину была невероятно приятна ее забота, ее беспокойство, ее искреннее нежелание подвергать его мучениям, но он дал слово и не мог отступить. Не собирался отступать, зная, как важно для девушки происходящее. – Мы оба хотим найти этот чертов вирус и выкинуть его из реальности. Для меня это будет означать возвращение к нормальной жизни и даже, возможно, в армию. А ты станешь героиней планетарного масштаба и попадешь в учебник истории. Цена всего – немного болезненных

неудобств, как по мне – цена адекватная.

Несколько секунд Беатрис пронзительно смотрела на Орка, словно не веря услышанному, после чего прошептала:

– А вдруг все напрасно? Мы ведь пытаемся обыграть лучшую медицинскую команду в истории человечества, в распоряжении которой весь потенциал WHO. Кто мы, а кто они?

– Мы те, кто решил сделать. Остальное не важно.

– Ты правда так думаешь?

– Остальное не важно.

Она кивнула, потянулась и поцеловала Орка в губы. Крепко поцеловала, по-настоящему. А когда отстранилась, несколько секунд смотрела на мужчину с легкой, едва различимой в уголках губ улыбкой и застенчиво прошептала:

– Я не знаю, что еще сказать.

– Ничего говорить не надо, – Орк нежно прикоснулся к щеке Беатрис, а затем повернулся к Фрэнку. – У тебя все готово?

И в этот момент один из помощников Лейки поднял голову и крикнул:

– Нарушение периметра!

А затем раздался взрыв.

///

Человек неграмотный мог решить, что в подземелье действуют призраки: только что кругом царила тишина, датчики молчали, давая понять, что беспокоиться не о чем, а затем враг в буквальном смысле слова материализовался из воздуха, обрушился как снег на голову, навевая мысли о потусторонних силах, но… Но так мог решить только неграмотный человек.

В действительности успех операции определило техническое превосходство: специалисты GS давно разработали схему прохождения охранных систем любой сложности, и после анализа окружающих клинику датчиков Конелли оставалось лишь направить в нужное место дроны определенной модели. Четыре машины поставили помехи, на несколько секунд создав в коридоре прорыва «мертвую зону», в которую влетел дрон-камикадзе, снаряженный разрушительным зарядом взрывчатки, вцепился в стену и запустил обратный отсчет. На последней секунде помехи исчезли, датчики слежения заметили камикадзе, но было слишком поздно: взрыв снес старую кирпичную стену, и в образовавшийся пролом ворвались агенты и боевые дроны. А еще через десять секунд с другой стороны в клинику вошла вторая штурмовая группа, отрезая оказавшимся в ловушке преступникам путь к отступлению.

///

– Они здесь!

Еще один взрыв – с другой стороны. И сразу – грохот осыпавшейся стены.

– Что случилось? – закричала Беатрис.

Если бы просто закричала – ерунда, в таких обстоятельствах кричать нормально. Но девушка кричала и смотрела на Орсона своими прекрасными глазами, в которых не было ничего, кроме страха.

– Что происходит?

В отличие от нее, Бен сразу понял, что враги действуют по стандартному протоколу, явились в клинику двумя группами, и ответил с опережением:

– Нас берут в клещи.

– Что?

– Остановите их! – завопил Фрэнк.

И тем заставил Бена грубо выругаться.

Орсон догадывался, что при появлении спецов гражданские впадут в панику, но не ожидал, что все будет настолько плохо. Своим спокойным, хладнокровным поведением в баре и затем, во время исследований, Лейка сумел завоевать доверие полковника, и разочаровываться в нем было горько.

– За мной! – Бен схватил Беатрис за руку и потащил в жилой коридор.

– Куда?!

– Там есть вентиляция!

– Откуда ты знаешь?

– Я здесь уже несколько дней! Скорее!

Он догадывался, какой приказ получили спецы, и торопился изо всех сил.

– А как же другие? – на бегу спросила девушка.

Гражданская… хорошая девушка, которую научили думать не только о себе. Точнее, ей не привили мысль, что иногда обстоятельства складываются так, что решение нужно принимать очень быстро и думать только о собственной шкуре.

Потому что на войне не шутят.

– Там остались ребята!

– Им не помочь! – рявкнул Бен, не сбавляя скорости.

– Подождите!

Это был Фрэнк. Доктор Лейка сумел справиться с паникой и принял единственное разумное в данных обстоятельствах решение: помчался вслед за Орком. К сожалению, оно оказалось последним в его жизни: когда Бен обернулся, дрон как раз прострелил несчастному доктору голову.

– Проклятье!

– Что там?

Перед тем как обернуться, Бен втолкнул Беатрис в комнату, и она не увидела смерти врача.

– Дроны! – отрывисто ответил Орк, рывком захлопывая дверь.

– А как же Фрэнк?

– Он не успел!

Бен выхватил из шкафа дробовик, вбежал в санузел и с убойного расстояния вмазал по вентиляционной решетке. Беатрис вновь закричала и закрыла уши руками. Из коридора донесся грохот: дрон расстреливал замок. Орк выстрелил еще, расширил отверстие прикладом, заглянул внутрь, оценил размеры воздуховода и повернулся к девушке:

– Нужно прыгать.

– Там глубоко?

– Понятия не имею.

Выстрелы стихли, и в коридоре послышался топот ног.

– Ты со мной?

– Да, – кивнула Беатрис. – Помоги мне забраться внутрь.

И они прыгнули.

* * *

Особняк семейства Феллер США, Лонг-Айленд апрель, 2029

Слушать шум прибоя…

Из лучших районов Лонг-Айленда давно исчезли миллионеры. Не смогли отказаться от предложений, которые им делали миллиардеры, продавали дома и уезжали, радуясь выгодной сделке. Оставляли землю тем, кому она действительно была нужна. И вот так, постепенно, дом за домом, поместье за поместьем, акр за акром Лонг-Айленд стал принадлежать самым богатым людям планеты, которые высоко ценили не только роскошь, но и покой. С моря сон владельцев охраняло особое подразделение береговой охраны, на суше – специальный отряд GS, замаскированный под частное охранное предприятие. Его же вертолеты постоянно контролировали воздушное пространство, а операторы РЭБ закрывали небо даже от самых современных дронов.

Лонг-Айленд стал островком подлинного покоя среди шумного, суетливого мира, и ничто не мешало его обитателям…

слушать шум прибоя…

сидя в шезлонге…

касаясь руки женщины…

и разглядывать звезды…

Апрель в этом году выдался необыкновенно теплым, даже ночью температура не опускалась ниже плюс двадцати по Цельсию, и романтическая прогулка удалась на славу.

– Это единственное, что примиряет меня с загородными

домами, – негромко произнес А2, лаская руку сидящей в соседнем шезлонге девушки.

– Море? – уточнила Карифа.

– Звезды.

– Из пентхауса их тоже видно.

– Здесь они настоящие.

– В чем разница?

– Не мешает пентхаус.

– Я не всегда тебя понимаю, – призналась Амин.

– Если бы ты всегда меня понимала, то была бы мной. И нам быстро наскучило бы общество друг друга, – А2 поднял валяющийся на песке кисет и принялся сворачивать самокрутку.

– Почему запретили табак? – вдруг спросила Карифа, продолжая разглядывать звезды.

– Чтобы не появилось много похожих на меня людей, – рассмеялся мужчина.

– Таких же сумасшедших?

– Таких же умных.

– Курение делает умным? – лениво удивилась девушка.

– Не доказано, – он чиркнул зажигалкой, раскурил самокрутку и глубоко затянулся. – Но рисковать они не хотят.

– А если серьезно? – продолжила Амин, ее внезапно заинтересовала тема. – Почему запретили табак?

– Почему ты назвала меня сумасшедшим? – поинтересовался Феллер, вновь прикасаясь к руке любовницы. Говорить о табаке он не хотел.

– Ты не такой? – улыбнулась Карифа.

– Частично, – не стал отнекиваться А2.

– Разве можно быть частично сумасшедшим? – растерялась девушка.

– Можно, конечно, – пожал плечами мужчина. – Это будет означать, что я умен, хладнокровен, расчетлив, хитер, целеустремлен, но ставлю перед собой безумную с точки зрения большинства цель. Ты ведь изучала в академии GS серийных убийц?

– Ты – серийный убийца?

– Я привел пример частично сумасшедших людей.

– Я поняла, что ты имел в виду, – помолчав, кивнула Карифа.

– Я не удивлен.

– Мне приятно, что ты считаешь меня умной.

– Мы еще не обсуждали принцип неопределенности Гейзенберга.

– Ты невыносим.

– Не расстраивайся, на свете есть много слов, значения

которых ты не знаешь, но жизнь со мной позволит расширить кругозор.

– Почему ты называешь это жизнью?

Они были знакомы меньше двух недель, но Карифа уже знала, как следует говорить с А2 и чем его можно удивить.

Феллер повернулся и посмотрел девушке в глаза. Она наконец-то перестала разглядывать звезды и ответила на взгляд. Затем притянула любовника к себе и крепко, до крови, поцеловала в губы.

– Мне нравится, что ты начинаешь сходить с ума, – промурлыкал А2, проведя рукой по щеке любовницы.

– Не боишься? – в тон ему отозвалась Амин.

– Если бы я хоть чего-нибудь боялся, то еще в детстве перерезал себе вены.

– Такие, как ты, боятся за кого-то. И твой ответ означает, что в твоей жизни не было дорогого человека.

– Пытаешься меня переделать?

– Но ведь ты меня переделываешь.

У него раздулись ноздри. Она рассмеялась, поправила медальон любовника, так, чтобы серебряная монетка висела в самом центре груди, вернулась в шезлонг и попросила:

– Сделай мне сигарету.

Ей нравился ароматный табак Феллера, и во время их встреч Амин, случалось, курила. Но только во время встреч.

И когда А2 послушно взялся крутить сигарету, Карифа спросила:

– Ты убил прошлого спутника?

– Нет, но был близок к этому, – честно ответил Феллер.

Она не удивилась ответу.

– Почему?

– Эрл Маккинрой испугался того, что я собираюсь сделать, причем настолько испугался, что стал ненадежен. Поняв это, я решил от него избавиться, но Эрл опередил меня и глупо подставился под пулю. В общем, ситуация разрешилась без лишних движений.

– Давно?

– В прошлом ноябре. И с тех пор я как без рук.

– Искал меня?

– Умница.

– Потому что понял, что можешь свести меня с ума?

Феллер раскурил самокрутку, отдал ее девушке и отрицательно покачал головой:

– Чувствуй себя спокойно, Карифа: псих из нас двоих я, а тебе просто интересно. Ты увлечена проектом.

– Возможно, увлечение проектом означает, что я действительно рехнулась, – предположила Амин.

– Я буду оберегать твой разум, поскольку один из нас должен сохранять ясность рассудка и твердо стоять на ногах.

– Чтобы тебя не занесло?

– Именно.

– Но я… – Девушка улыбнулась. – С тобой я готова на все, даже сойти с ума.

И шум прибоя мягко подтвердил ее слова.

Впервые в жизни Карифа не задавалась вопросами: «Что будет дальше?», «Для чего все это нужно?», не строила планов, а плыла по течению, полностью доверившись находящемуся рядом человеку: грубому, сильному и, кажется, напрочь сумасшедшему мужчине. Зверю, который сумел ее приручить. Впервые в жизни ей было плевать на все, кроме отношений.

Со зверем.

Она понимала, что утонула в чувствах с головой, но ей было все равно. Точнее, ей это нравилось.

А2 дождался, когда она докурит, взял валявшийся у шезлонга коммуникатор и запустил видеофайл:

– Помнишь, где это?

На экране появилось изображение небольшой уборной, в одной из стен которой зияла большая, грубо проделанная дыра. В дыру прыгает молодая темноволосая девушка – это единственный путь к спасению, а прикрывает бегство широкоплечий мужчина со светлыми русыми волосами, добрым округлым лицом и залитыми мерцающей ртутью глазами. И дробовиком в руках. Съемка велась с дрона, и как только мужчина его заметил, то вскинул оружие и выстрелил.

Видео закончилось.

– Я знаю, что облажалась и упустила преступника, – вздохнула Карифа. – Его ищут.

– В том, что ты его упустила, нет ничего позорного, – спокойно ответил А2, продолжая смотреть на застывшее изображение светловолосого мужчины. – Полковник Орсон считался одним из лучших офицеров Сил специального назначения.

– Мне известны его заслуги, – грубовато отозвалась Карифа. – Почему ты им заинтересовался?

– Полковник Орсон заразился suMpa.

– Я видела его глаза.

– Помещение, которое вы разгромили, было отлично оборудовано, нет сомнений, что доктор Лейка проводил в нем исследования вируса, а полковник играл роль подопытной крысы.

– Мне это известно.

– К сожалению, кто-то из преступников успел запустить систему самоуничтожения и стереть все записи о проведенных исследованиях, а образцы…

– Я все это знаю!

– …а образцы погибли в возникшем пожаре, – спокойно закончил А2.

Иногда он вел себя невыносимо. Нет, иногда он вел себя особенно невыносимо.

– Что я упустила? – повысила голос Амин.

– Попробуй догадаться, – предложил Феллер.

Объяснять он ничего не собирался, и оставалось одно: думать. Что привлекло внимание А2? Почему поиск беглого олдбага получил максимальный приоритет? Чем интересен или страшен Орк? Что с ним не так?

А в следующий миг Карифа догадалась.

И мысленно обругала себя за невнимательность, потому что ответ все время лежал на поверхности.

– Орк не впадает в ярость, – произнесла она, глядя Феллеру в глаза.

– Во-от, – с улыбкой протянул А2 и поднял указательный палец. – Полковник взорвался в баре. Замкнутое пространство, много расслабленных, пьяных посетителей, увлеченных трансляцией гонки, добавляем к перечисленному высочайшую боевую подготовку и делаем вывод, что Орсон должен был перебить всех окружающих. Но многочисленные свидетели уверяют, что полковник повел себя спокойно. Неестественно спокойно для взорвавшегося олдбага.

– Понятно, – пробормотала Амин.

– Правда? – удивился Феллер. – А вот мне – совсем непонятно. – Карифа в очередной раз почувствовала себя дурой и обругала за длинный язык. – Но я знаю, что ты должна бросить все силы на поиск полковника. Отныне Орсон – твоя первоочередная цель.

– Нужно взять его живым?

– По возможности.

– Я поняла.

Он улыбнулся, нежно поцеловал девушку в щеку и распорядился:

– Тогда пойдем в дом.

В больший из трех особняков в викторианском стиле, которые образовывали поместье. В главный дом, в котором крайне редко оставляли на ночь гостей (для них предназначались другие особняки) и где Карифе приготовили комнату. Однако до нее

девушка не добралась, потому что в гостиной А2 взял Карифу за руку и отвел наверх, в спальню, из которой она вышла лишь в седьмом часу утра: растрепанная, невыспавшаяся, но безумно довольная. Быстро приняла душ, переоделась, спустилась вниз – кто-то из слуг должен был отвезти ее на электрокаре к вертолету, – и увидела стоящего у дверей Гуннарсона. Кто он, девушка знала, однако говорить с афрошведом ей до сих пор не доводилось.

И сегодня не собиралась: Карифа торопилась на вертолет и хотела ограничиться коротким «Доброе утро», но не успела, неожиданно услышав:

– Получала инструкции?

И разглядела на губах здоровяка блудливую усмешку. И мгновенно вспыхнула, прекрасно понимая, что за ней прячется. И высокомерно протянула:

– Надо же: оно, оказывается, разговаривает.

– Что? – растерялся не ожидавший наглого ответа Гуннарсон.

– То, что слышал, – резко продолжила девушка. – Твоя обязанность двери открывать, а не пасть, понял?

Афрошвед посерел, сжал кулаки, но пока сдержался, ограничился презрительной фразой:

– Ты не первая его подстилка.

– Завидуешь? – издевательски осведомилась Амин.

Гуннарсон скривился… и тут же получил по голове. Неожиданно, потому что Карифа специально остановилась, вытянула руку, якобы натягивая короткую куртку, схватила со столика тяжелый бронзовый подсвечник и обратным движением ударила здоровяка в голову. Ударила и сильно, и точно – увесистый подсвечник успел набрать достаточную скорость. Гуннарсон повалился на пол, и девушка несколько раз пнула его ногой и остановилась лишь услышав веселое:

– Только не убивай.

Отступила, увидела спускающегося по лестнице А2, облаченного в небрежно запахнутый халат, и качнула головой:

– Не знала, что в вашем доме завелась говорящая тумбочка, мистер Феллер.

– Не уследил, – притворно покаялся А2.

– Я должна за ремонт? – осведомилась девушка, разглядывая окровавленного, пребывающего без сознания афрошведа.

– Эта мебель самовосстанавливающаяся, – Феллер подошел к Карифе, поправил ей волосы и негромко сказал: – Ты у меня не первая, далеко не первая, но бесится он потому, что я привез тебя сюда. Ни одна «подстилка» такой чести не удостаивалась.

* * *

Бруклин outG США, Нью-Йорк апрель, 2029

Шансов выбраться у них не было никаких.

Отправляясь в вентиляционный короб, Орк разглядел в коридоре тени – агенты были в нескольких шагах от двери в комнату, – и тихонько выругался, понимая, что либо ему на голову свалится граната, либо прилетит боевой дрон, а за ним последуют тренированные ребята с большими пушками. Запас времени не позволял даже надеяться на отрыв от преследователей, и вопрос стоял просто: либо пропадает он один, либо оба.

Поэтому, шмякнувшись на землю, Бен тут же вскочил, нашел взглядом Беатрис и приказал:

– Уходи!

– А ты?

– Дам тебе время.

– Нет!

– Просто уходи, – повторил он, напряженно прислушиваясь к доносящимся из короба звукам: кажется, в него залетел дрон.

– Мы можем выиграть время другим способом, – ответила девушка и кивнула на висящий на стене пульт дистанционного управления с короткой, но многозначительной наклейкой: «Нажми меня!»

Многие врачи, которых встречал Бен, были склонны к дурацким шуткам, так что надпись соответствовала.

– Это то, что я думаю?

– Да, – кивнула девушка. – Но я не знаю, где находится мина.

Возможно, прямо над их головами, но учитывая обстоятельства, любой риск был оправдан, поэтому Орк включил пульт, отошел на несколько шагов в сторону, нажал на кнопку и удовлетворенно улыбнулся, услышав прогремевший уровнем выше взрыв. Причем заряд был заложен настолько умело, что не обрушил короб, а завалил его, отрезав преследователей от беглецов.

– Я забыла про этот путь, – тихо сказала Беатрис. – Мы его приготовили на крайний случай, но я забыла.

– Какому дураку пришло в голову оставить пульт управления в свободном доступе? Да еще снабдить дурацкой надписью?

– В тот момент мне это показалось забавной идеей, – Беатрис невинно улыбнулась и едва заметно передернула плечами. – Но ведь сработало.

– Черт… – Бен улыбнулся, отбросил ставшую ненужной коробочку и посмотрел девушке в глаза: – Куда теперь?

Беатрис кивнула и уверено двинулась во тьму коридора. Кажется, на юг. И следующие сорок минут они молчали: меняли

уровни, пересекали подземные коммуникации или шли по ним, проплыли немного по почти полной трубе канализации, а оторвавшись от преследователей, остановились отдохнуть и только тут девушку накрыла истерика. Все накопленные эмоции: страх и боль, отчаяние и тоска по погибшим друзьям, растерянность и уныние – все они вырвались наружу, заставив Беатрис закричать и заколотить кулачками по стене.

– Это я виновата! Я! Я!

– Не надо! – Орк знал, что вспышка обязательно случится, но ждал ее раньше, по дороге, и потому эмоциональный взрыв застал его врасплох. – Остановись!

– Я виновата!

– Нет!

– Они погибли из-за меня! Они все! Они погибли! Их убили!

Беатрис завыла, Бен крепко схватил девушку, выдержав град ударов, не позволил вырваться, прижал к груди, шепча на ухо что-то ободряющее, и постепенно успокоил. Но не отпустил, продолжая обнимать.

– Ты ни в чем не виновата.

– Они умерли, Орк, – прорыдала Беатрис, уткнувшись лицом в грудь мужчины. – Их убили: Фрэнка, Стива…

– Ты не виновата, – в тысячный, наверное, раз повторил Бен. – Убийцы шли за мной. Я – suMpa, а они не имеют права оставлять на свободе взорвавшегося олдбага.

– Ты никак не связан с клиникой и не появлялся в ar/G, – ответила девушка. – Получается, они искали нас. А искали, потому что я придумала исследовать вирус… – Она помолчала. – Нелицензированное изучение suMpa является федеральным преступлением, минимальное наказание – десять лет.

– Вы же хотели отыскать лекарство, – растерянно протянул Орсон. Бен прекрасно знал об этом законе, но сейчас, после разгрома клиники и убийства врачей, он казался не просто глупым, а каким-то… омерзительным. Минимум десять лет за поиск лекарства. Понятно, что федеральное правительство боится, что из инопланетного вируса сделают биологическое оружие, но убивать врачей – это чересчур.

– Лекарство разрешено искать только «Clisanto».

– Почему?

– Заткнись, пожалуйста, – попросила Беатрис. – Мне и так хреново.

Она явно успокоилась, но не сделала попытки высвободиться из его объятий, продолжала стоять, тесно прижавшись к Орку и пряча лицо на его груди.

Несколько секунд они молчали, даря друг другу тепло, после

чего Бенджамин осторожно спросил:

– Ты готовилась к бегству?

– Почему спрашиваешь?

– Я – готовился, у меня есть деньги и снаряжение, и я окажу тебе любую помощь. Все, что будет нужно. Я вывезу тебя из города, и…

– Спасибо, – Беатрис тихонько передохнула и прошептала: – Я готовилась.

– Хорошо, – отозвался Орк и мягко продолжил: – В этом случае тебе лучше держаться от меня подальше.

– Почему? – Она отстранилась, но не разорвала объятия и удивленно посмотрела на мужчину. – Почему мы должны расстаться?

– Потому что я взорвался и потому что, едва мой чип определится в ar/G, на меня налетит куча боевых дронов, – напомнил Орк. – Ты ведь не хочешь провести остаток дней в канализации, питаясь тараканами и плесенью?

– Я договорилась о замене «балалайки» и уже оплатила операцию.

– В этом мире нельзя платить вперед.

– Этот человек меня не обманет.

– Даже теперь? – удивился Бен.

– Теперь – тем более, – тихонько рассмеялась девушка. – Ведь теперь у меня есть ты, а ты, похоже, знаешь, что нужно делать, чтобы никто не обманул бедную девушку.

– Я всего лишь отставной солдат, – спокойно ответил Орк.

– Расскажи об этом Крокодилу.

Он не вздрогнул, ухитрился сдержать изумленный возглас и лишь поднял брови:

– Как ты догадалась?

– В outG внимательно следят за происходящим, ведь в этом – залог нашего выживания. И я точно знаю, что конкуренты Крокодила не трогали, но голову ему оторвали профессионально… – Беатрис вновь выдала невинную улыбку, сделавшую ее похожей на девочку. – Я ведь не ошиблась?

– Нет, – не стал врать Орк.

– Крокодил наступил тебе на ногу?

– Можно сказать и так.

– Вот я и подумала, что если кто-нибудь наступит на ногу мне, ты ему этого не спустишь.

– Не спущу, – ответил Орк, понимая, что девчонка его опутывает.

– Вот и хорошо.

И Бенджамин вдруг понял, что Беатрис права – хорошо. Они

только что оторвались от преследования, они едва не погибли под пулями, прошли по грязным коридорам и вымокли в вонючей канализации. Они в розыске, во всяком случае, он. Их будущее туманно, но они смотрят друг другу в глаза, держат друг друга в объятиях, и им хорошо.

Потому что только это – настоящее.

И пусть она его опутывает, потому что это тоже хорошо. Лучше быть опутанным умной девчонкой, чем оставаться одному. Он слишком долго был один.

– Тебе тоже нужен чип, – сказал Орк. – Они могли найти твой DNA в клинике и объявить в розыск.

– Мы это выясним, когда доберемся до Гарибальди, – уверенно ответила Беатрис. – Освальд наверняка в курсе текущих новостей и точно знает, ищут меня или нет.

Бен помолчал, словно обдумывая ответ, а затем задал самый важный вопрос:

– Что будем делать потом?

– С новой «балалайкой» ты сможешь отправиться куда угодно.

– А ты?

– Я… – Беатрис отвела взгляд, и по ее губам скользнула грустная улыбка. – Я мечтала отыскать вакцину против suMpa. Не для того, чтобы прославиться и разбогатеть… хотя… – улыбка стала чуть шире. – Орк, не стану врать: конечно, я была не против прославиться и разбогатеть, но в первую очередь я мечтала спасти людей. В память о моих родителях, которым не повезло. В память о твоих родных. В память о всех, кого накрыла suMpa. Я хотела помочь, но из-за моей мечты погибли хорошие люди. И я не могу не думать о том, что их кровь на моих руках, что Фрэнка и других ребят убила моя мечта. – Беатрис выдержала коротенькую паузу. – Я не знаю, что делать дальше.

– Давай спрячемся, – тихо предложил Бен.

– Просто спрячемся?

– Уедем в дикую глушь и проведем там остаток дней.

– Вместе?

– Да.

– На берегу моря?

– Иначе не считается.

– Бросить этот чокнутый мир?

– Пусть он валится в тартарары.

– Давай сначала поставим тебе новый чип и… – Ее тонкая рука скользнула по шее Бена. – И если все получится, купим билеты в один конец.

– Это значит «да»? – очень тихо спросил он.

– Это значит «да», – очень тихо ответила она.

И тогда Орк поцеловал Беатрис.

Впервые – по-настоящему.

* * *

Лос-Гатос США, Калифорния апрель 2029

– Не затягивайся, Филип, ну какой же ты идиот, – весело произнес А2, услышав громкий кашель. И повернулся к другу: – Я ведь объяснял: сигарами не затягиваются.

– Забыл, – пробормотал Паркер, утирая выступившие слезы. – Опять забыл… Перепутал, потому что, когда ты учил меня курить самокрутки, ты говорил, что нужно затягиваться.

– Филип, иногда я сильно сомневаюсь в том, что именно ты разработал наноэкран, – рассмеялся Феллер. – Как это тебе удалось?

Шутка была не новой, в том или ином виде А2 повторял ее тысячу раз, и Паркер давно придумал отговорку:

– На работе я делаю массу записей.

– Так запиши, что сигарами не затягиваются.

– Обязательно.

Филип наконец-то откашлялся и взял со столика стакан с виски:

– Твое здоровье!

Мужчины улыбнулись друг другу и выпили.

Они знали друг друга больше двадцати лет, с тех пор, как молодой наследник империи Феллеров заинтересовался статьей молодого ученого, в которой тот представил свои первые, весьма робкие изыскания в биотехнологии. А2 познакомился с Филипом, внимательно выслушал и предложил грант на исследования. Затем еще один, затем еще… Через десять лет Паркер зарегистрировал небольшую компанию, о которой затем узнала вся планета, – «Iris Inc.», мировой лидер в создании и нанесении наноэкранов. Официальный мировой монополист, получивший этот титул на специальном заседании ООН и всего на десять лет, по истечении которых А2 обязался разделить «Iris Inc.» или поделиться технологией.

Пока же у них с Паркером конкурентов не наблюдалось.

Феллер сделал Филипа миллиардером, однако тот по-прежнему проводил большую часть времени в исследовательском центре и оставался застенчивым недотепой в повседневной жизни. Поместье Паркера располагалось неподалеку от штаб-квартиры компании; прилетая в Долину, А2 частенько останавливался у него, и в первый вечер они обязательно сидели допоздна, болтая о делах и разной ерунде и просто наслаждаясь возможностью провести время в своей маленькой компании.

– Надолго к нам?

– Завтра, сразу после совещания, полечу в Вегас, – отозвался Феллер, делая глоток виски.

– Играть?

– Не только… Вечером буду играть, в «Bellagio» соберется отличная компания для покера, а послезавтра в пустыне пройдут гонки на одноместных дронах… «Облако самоубийц», слышал?

– Эллен не одобряет подобные развлечения, – рассказал Филип. – И я с ней согласен: они очень опасны.

– Да, конечно, она у тебя весьма прагматичная. – В свое время A2 тайно позаботился о том, чтобы его скромный, застенчивый, но безусловно гениальный друг обрел счастье в личной жизни, и знал о супруге Паркера намного больше, чем Филип. Несмотря на это, а может – благодаря этому, семейная жизнь у Паркера получилась замечательной, и ничто не отвлекало его от работы. – Смертность в «Облаке» стабильно превышает тридцать процентов – от погоды зависит.

– Почему они этим занимаются? – вдруг спросил Филип.

– Гонщики? – переспросил A2.

– Да, – подтвердил Паркер. – Ради денег?

– И ради них тоже, – поразмыслив, ответил Феллер. – В конце концов, этот мотив ничем не хуже других.

– Хочешь сказать, среди них есть те, кто рискует головой просто так?!

– Почему нет? – пожал плечами A2.

– Но зачем?

Объяснить Паркеру причины, по которым люди могут пойти на экстремальный риск, было примерно так же легко, как описать слепому радугу, но A2 решил попробовать.

– Помнишь, три года назад случился крупный скандал с космическими туристами?

– Которые перепились в орбитальном отеле и запустили спускаемые аппараты?

– Мы с Джулианом не перепились, а обдолбались: пить на орбите неудобно – невесомость мешает, – рассказал Феллер. – Но в целом верно: мы были конкретно на взводе.

– Так это был ты?! – Филип изумленно вытаращился на друга. – Почему не рассказал?

– Даже мы с трудом замяли скандал, если честно. Инвесторы, которые контролируют космос, были очень раздражены нашей выходкой.

– Но почему ты не рассказал мне? – обиженно уточнил Паркер.

– Пообещал никому не рассказывать и сейчас, кстати, нарушаю данное слово, – усмехнулся A2. – В общем, мы с

Джулианом обдолбались, поспорили, кто первым доберется до Земли, забрались в спускаемые самолеты…

– В газетах писали, что вы угнали самолеты.

– Не совсем так, – покачал головой Феллер. – Угнать самолеты нереально, поэтому мы заплатили одному парню, и он объяснил, что и как нужно сделать, чтобы стартовать.

– Вы оставили станцию без средств спасения.

– Тоже мне, друг, называется, лучше бы подумал о том, что я едва не сгорел при входе в плотные слои атмосферы, – почти искренне возмутился А2. – Я нанюхался до бровей и едва соображал, что делаю.

– Вы пошли на риск по собственной инициативе!

– Вот и ответ на твой вопрос, брат.

Несколько секунд Паркер молча смотрел на А2, а затем спросил:

– Нравится рисковать?

– Нужно рисковать, – поправил его Феллер. – Не чтобы прославиться и даже не ради победы, а чтобы рискнуть. Кстати, я пришел первым.

– Поздравляю.

– Спасибо.

– Много выиграл?

– Серебряный доллар 1804 года. Я его у Джулиана тридцать лет выпрашивал.

– Это он? – Филип кивнул на монету, что висела на груди А2.

– Да. Ношу на удачу, – Феллер машинально прикоснулся к монете, улыбнулся, помолчал, после чего сделал еще глоток виски и продолжил: – Мы с Джулианом были самыми старыми туристами в том полете, нам было далеко за сорок, а всем остальным – меньше тридцати. И они смотрели на нас, как на идиотов. В них совершенно нет…

А2 пошевелил пальцами.

– Безумия? – подсказал Паркер.

– Знал, что ты выберешь это слово.

– Ты всегда все знаешь, – пробурчал Филип, разглядывая погасшую сигару. – Безумие должно быть?

– Не во всех, – тут же уточнил Феллер.

– В тебе и Джулиане оно было.

– А в следующем поколении – нет.

– А зачем оно?

– Чтобы творить безумные победы и придумывать безумные вещи, – неспешно ответил А2, доливая в стаканы виски. – Как наноэкран, например.

– Хочешь сказать, что я – псих?

– Только тихий.

– Я – ученый, – гордо заявил Филип.

– Тихий ученый псих, – уточнил Феллер. – Ты верил в то, чего не было и во что никто не верил.

И сделал большой глоток.

– Кроме тебя, – заметил Паркер, следуя примеру друга.

– Со мной все понятно, я давно прошел стадию отрицания, а вот ты сопротивляешься.

– Я не псих!

A2 улыбнулся и вновь поднял стакан:

– Я шутил, брат, ты ведь знаешь. – Сделал глоток и другим, серьезным тоном поинтересовался: – Как развивается проект?

Показав, что настало время поговорить о делах.

– Замена оборудования ar/G идет строго по графику, инвесторы и присланные ими контролеры не проявляют беспокойства, – Филип подобрался, но, заканчивая фразу, не удержался от шутки: – Мы с ними работаем… душа в душу.

– Инвесторам очень нравится проект «Elysium», – обронил Феллер.

– Да, я заметил.

– Они делают на него большую ставку.

– Есть основания.

– Когда мы сможем продемонстрировать работу на тестовой территории?

– Точно в срок.

– Хорошо, – кивнул Феллер. – Что с основным оборудованием?

– К августу замена полностью закончится, и система будет готова к новой OS.

– И это хорошо… Значит, все идет по плану.

– Который мне не очень нравится, – ровным голосом продолжил Паркер.

– Другого у нас нет, – с необычной для него грустью ответил Феллер. – А без плана будет только хуже.

Филип не в первый раз сомневался в их замысле, и отвечая, A2 даже не посмотрел на друга. Ответил и глотнул виски.

– Да, – помолчав, согласился Паркер. – Будет еще хуже. Но неужели мы обречены всегда выбирать меньшее зло?

– В этом суть человеческой природы.

– Не замечать хорошее?

– Превращать хорошее в зло, – жестко ответил Феллер. – Вспомни, брат: все сделанные открытия в какой-то момент превращаются в свою противоположность, договоренности летят в мусорную корзину, любая цивилизация вырождается, идеи

становятся токсичными. Мы прикладываем гигантские усилия, чтобы построить что-то работающее или просто хорошее, но рано или поздно оно приходит в негодность. В этом нет ничего странного: колесо крутится, добро обращается злом и наоборот. Это не хорошо и не плохо – так есть. И возможно, создав плохое, мы обретем лучшее.

– Надолго? – уныло осведомился Паркер.

– Нет, – спокойно отозвался А2, прихлебывая виски. – Но и другого выхода у нас нет.

Он всегда говорил эти слова, когда Паркером овладевали сомнения, и тот знал свой ответ:

– Ты же знаешь, что я не подведу.

– Знаю, – А2 поставил опустевший стакан на столик и взялся за бутылку. – А теперь, брат, я тебе скажу то, что ты не любишь слышать, но вынужден. Перед отъездом я инспектировал Институт перспективной психиатрии нашего недоброго друга доктора Моргана Каплан и хочу сказать, что, несмотря на обилие тараканов в голове, доктор Каплан отлично работает и почти на сто процентов готов к следующему шагу реализации проекта.

– Да, я не люблю слышать о Каплан, – отозвался Паркер.

– Я знаю, брат, но мы по уши в грязи и не можем презирать того, кто сидит рядом с нами, – вздохнул Феллер, передавая Филипу стакан с виски. – А раз у Моргана все готово, ускоряй работы по созданию тестовой области: в конце июня я должен представить инвесторам пилотную зону проекта «Elysium».

* * *

Бруклин outG США, Нью-Йорк апрель 2029

– Ты ведь военный и должен понимать, что даже под землей трудно остаться незамеченным. Современные люди не в состоянии обойтись без электронных приборов, да и «балалайки» в наших головах создают излучение, которое можно засечь.

– Их излучение очень трудно обнаружить, – проворчал Орк. – В outG чип едва фонит, разведывательный дрон видит его всего с тридцати метров.

– Тем не менее – фонит, – продолжила гнуть свое Беатрис. – Излучение, даже слабое, может выдать убежище, и Гарибальди нашел изумительный способ маскировки: он прячется под станцией муниципальных роботов.

– Разве это не опасно? – удивился Бен. – Я имею в виду: разве муниципалы не проверяют подземные зоны, которые примыкают к их объектам?

– Зачем им проверять? – пожала плечами девушка. – К тому же Освальд расположился не прямо под станцией, а метрах в сорока ниже, но постоянные сигналы и переговоры, которые идут

из диспетчерской, наглухо закрывают его от поиска. В ar/G Гарибальди не выходит, но любые приборы в своем логове включает без опаски.

– Молодец, – одобрил Орк.

– Он умный, – закончила девушка. – Один из самых умных парней, с которыми я знакома.

– Почему же он не работает на тебя?

– Поэтому и не работает, – грустно ответила Беатрис, и Бен прикусил язык, сообразив, что девушка еще не пришла в себя после гибели друзей.

До логова Гарибальди они добрались не быстро, зато без приключений. Шли по outG с осторожной медлительностью, избегая ненужных встреч, поскольку и Орк, и Беатрис хорошо знали, что слухи о сплоченности подземных жителей сильно преувеличены, и любой «борец с системой» не задумываясь сдаст их полиции, соблазнившись крупной наградой. В результате в дороге провели шесть часов, но за разговорами она не показалась длинной. А говорили они обо всем, начиная с юношеских лет, кто где родился и учился, и заканчивая событиями последнего года, который у них, как у всех жителей Земли, получился насыщенным.

И горьким.

Бен узнал, что Беатрис родилась в Техасе, впрочем, это было понятно по южному выговору; окончила частную школу и Принстон – эхо классического образования звучало в каждом слове девушки; некоторое время путешествовала, затем пробовала себя в разных профессиях, а затем настала эпоха suMpa, и все изменилось. Родители Беатрис погибли в числе первых, были расстреляны в Остине, и полученное наследство позволило заняться созданием незаконной клиники.

История Орка выглядела не менее обыденно: учился, служил, воевал, потерял все, теперь почти потерял себя…

Они пересказывали друг другу жизни, делились воспоминаниями, смешными историями, наблюдениями и не думали, зачем это делают. Они знакомились.

Иногда, когда ширина коридора позволяла, они шли рядом, и Орк держал девушку за руку.

И даже слегка расстроился, когда Беатрис уверенно указала на узкий темный проход:

– Нам сюда. – Прошла по нему, свернула направо, потом еще направо и остановилась у металлической двери старого лифта, затейливо украшенной гравировкой и бронзовыми накладками.

– Как он здесь оказался? – изумился Бен.

– Ты знаешь, что это такое? – изумилась Беатрис. – До сих пор

всем приходилось объяснять.

– Я очень старый.

– Но не настолько! – Подавляющее большинство современных лифтов закрывалось раздвижными створками, и, увидев перед собой красивую, но непонятную, открывающуюся нажимной ручкой дверь, спутники Беатрис терялись. И девушка расстроилась, что одна из любимых шуток сорвалась в последний момент.

– В некоторых парижских домах до сих пор работают такие лифты, – объяснил свою осведомленность Орк. – Но откуда он взялся в бруклинском outG?

– В свое время здесь начали строить комфортабельное убежище для сверхбогатых людей, – рассказала девушка. – Первоклассный «Хилтон» на случай ядерной войны…

– Убежища нужно строить в горах, – перебил девушку Бен.

– А если война начнется внезапно и застанет в Нью-Йорке? – парировала Беатрис.

– Тоже верно, – поразмыслив, согласился Орк. – Война любит случаться вдруг.

– Строительство довольно быстро остановили, решили не тратить деньги на сомнительную затею, так что от задуманного великолепия остались только лифт да один недостроенный уровень, которым пользуется Гарибальди.

– О нем никто не знает?

– О нем все забыли.

– Почему?

– Потому что он оказался никому не нужен, – наставительно ответила девушка. – То, что никому не нужно, исчезает в забвении. Таков закон.

Орк закрыл дверь, Беатрис нажала вторую кнопку снизу, и кабина мягко пришла в движение.

– Гарибальди ворует электричество и воду у метро, но он хороший хакер и ловко заметает следы.

– Ты ему доверяешь?

– В наших обстоятельствах нам больше некому доверять.

– А если серьезно?

– Если серьезно, Гарибальди является идейным противником нынешнего общества и ни разу меня не подводил.

Но несмотря на лестную характеристику, хакер встретил гостей неласково.

– Привет! – громко произнесла Беатрис, подойдя к бронированной двери и вставая так, чтобы гарантированно оказаться в зоне обзора установленной на потолке видеокамеры. – Я знаю, что ты меня видишь.

– Кто ты? – раздался голос из невидимого динамика.

– Уже не узнаешь? – язвительно спросила девушка.

– Ходили слухи, что тебя убили.

– Значит, я воскресла.

– Или ты – зомби. А я боюсь мертвецов.

– Гарибальди, не валяй дурака.

– Уходи, – попросил хакер.

– Ты мне должен.

– Забудь об этом и уходи.

– Гарибальди!

– Девушка, я вас не знаю.

Беатрис растерянно посмотрела на Орсона:

– Не думала, что он так себя поведет.

– Ерунда, – улыбнулся Бен. – Наш близкий друг Освальд просто растерялся от радости.

– От какой радости? – не поняла девушка.

– Это речевой оборот.

– «Наш близкий друг» тоже?

– Ага, – Орк выдержал короткую паузу и негромко, зато очень отчетливо, чтобы исключить неправильное толкование, произнес: – Пацан, сейчас я расскажу, как все будет, а ты сам решишь, надо тебе это или мы договоримся.

– Просто уходите, – прошелестел в ответ хакер. – Этого достаточно.

Но Бен его не услышал.

– Итак, я начну с того, что запру тебя. В коридоре валяется подходящая арматура, а меня учили блокировать любые двери, в том числе – столь надежные, как у тебя. Ты знаешь, кто я и какую подготовку прошел?

– Ты там, а я – здесь, – самодовольно сообщил Освальд. – И плевать на подготовку.

– Я заблокирую дверь механически, и твоя способность вскрывать электронные замки не будет стоить даже выеденного яйца. Это первое, – размеренно продолжил Орк. – Затем я проделаю в твоей норе дыру…

– Это бронированное убежище, дебил, – вновь перебил его Гарибальди.

– Полностью бронированное?

– Полностью! Его строили на случай ядерной войны. Здесь один вход!

– Или ты не нашел второй.

Беатрис подняла брови и закрыла рот рукой, скрывая улыбку – она поняла, куда клонит Орсон.

– Я искал… видимо, второй выход не успели выкопать, –

рассказал Гарибальди, все еще пребывая в уверенности, что полностью контролирует ситуацию.

– Спасибо за то, что облегчил мне задачу, – усмехнулся Бен. – Итак, мы остановились на том, что я заблокирую дверь…

– У меня полно жратвы.

– …и позвоню в полицию. Мы расскажем, что за птица сидит в бронированной клетке, и они с удовольствием тебя примут. Ты, кстати, в розыске?

– Нет, – чуть менее уверенно, чем минуту назад, ответил Освальд.

– Поверю на слово, – не стал спорить Бен. – Но сожрать орудия преступления ты вряд ли успеешь. А Беатрис сыграет роль законопослушной гражданки и анонимно расскажет полицейским все, что о тебе знает. Получится, думаю, лет на десять-пятнадцать федеральной тюрьмы строгого режима.

– То, что обо мне знает Беатрис, потянет от двадцати пяти до пожизненного, – мрачно проворчал хакер, сообразивший наконец, что угрожает устроить Орсон.

– Я люблю момент, когда между людьми устанавливается дружеское взаимопонимание, – прежним тоном продолжил Орк. – Как у нас с тобой сейчас.

– Кто ты такой?

– Я тот, для кого Беатрис купила «балалайку».

– Судя по всему, тебе не пришлось ее долго уговаривать, – ворчливо произнес Гарибальди. – Ты обладаешь даром убеждения.

– Ты еще не видел меня на работе.

В этот миг Беатрис не сдержалась и громко рассмеялась.

– Надеюсь, не увижу, – вздохнул Освальд.

– Меня уволили, – печально сообщил Орк.

– Вряд ли ты будешь долго сидеть без дела.

Тяжеленная дверь заскрипела, медленно отворилась, и перед гостями предстал хозяин логова: длинный тощий тип с копной темно-русых волос и редкой бороденкой. Он был одет в красную клетчатую рубашку, потертые черные джинсы и низкие черные кеды.

И широко улыбался.

Потому что ничего другого Освальду Гарибальди не оставалось.

– Беатрис, дорогая, не узнал тебя сразу.

– Я сделала новую прическу, – язвительно произнесла девушка.

– Она тебе идет.

– Почему тебя зовут Гарибальди? – спросил Орк, проходя

внутрь.

– Да, пожалуйста, не стесняйся. – Хакер посторонился. – Чувствуй себя, как в гостях.

– Почему? – «не расслышал» Бен.

– Фамилия как фамилия, – нахохлился Гарибальди. – Что не так?

– Просто спросил.

Беатрис едва заметно улыбнулась.

Логово оказалось неожиданно роскошным – по меркам подземелья, конечно, и внутреннее убранство действительно походило на дворец: высокие потолки, лепнина, резные двери, дорогая штукатурка и мраморный пол – продуманное сочетание производило впечатление даже сейчас, оставшись кусочком чужеродной роскоши среди канализационных коллекторов и тоннелей метро, так и не превратившись в «подземный «Хилтон», и можно было лишь догадываться, каким бункер класса «люкс» мог стать, если бы строительство довели до конца.

– Здесь планировался парадный холл, – рассказал Гарибальди, увидев изумление Орка. – Для собраний и балов.

– На самом деле для балов?

– Я читал, они называли эти мероприятия балами.

– Собирались танцевать, пока на поверхности будут взрываться ядерные боеголовки? – покачал головой Бен. – Театр абсурда.

– Почему нет? – пожал плечами Освальд. – Могут себе позволить.

– Когда ты проверял списки разыскиваемых? – громко спросила Беатрис, догадавшись, что беседа может затянуться.

– Тебя в них нет, – тут же ответил хакер, нажимая на кнопку закрытия двери.

– Когда?

– Час назад.

– Хорошо. – Беатрис убедилась, что дверь закрылась, и продолжила: – Когда ты сможешь заняться Орком?

– Да хоть сейчас, – Гарибальди без восторга покосился на Бена. – Ложись.

– Сейчас? – глупо переспросил Орсон.

– А ты когда хотел? Завтра? Вот и приходил бы завтра. Может, меня не оказалось бы дома.

– Разве тебе не нужно готовиться? – опомнился Орк.

– Самая главная часть подготовки давно закончилась: я добыл чип и придумал тебе новую личность, включающую имя, фамилию, легенду и даже небольшой счет в солидном банке. – Закрыв дверь, Гарибальди направился в рабочую зону – гости

последовали за ним. Он извлек из тумбочки рабочего стола прозрачную пластиковую капсулу с треугольным черным чипом и с гордостью ее продемонстрировал. – Даю слово: ни одна проверка не определит, что чип – поддельный, я использую только оригинальные заводские заготовки с подлинными серийными номерами.

– Откуда взялся этот? – быстро спросил Орсон. – Из России?

– Из России пришло название – «балалайка», – ответил хакер. – Она тоже треугольная и все время звенит, вот какой-то шутник и назвал… А современных производств там нет.

– Откуда чип? Из Китая?

– Из Малайзии. И поверь: он абсолютно чист.

– А что с DNA?

– Эталонные коды DNA хранятся в хранилище GS, взломать которое невозможно в принципе, – честно ответил Освальд. – Поэтому заинтересованные люди щедро платят жадным сотрудникам GS, и те вносят в базу данных малюсенькие изменения. И, как ни жаль признавать, моя основная ценность для клиентов заключается не в виртуозном мастерстве программиста, а в наличии крепкой дружбы с жадными людьми. Чип и его внедрение в ar/G обошлись твоей подружке в двести золотых, а смена записи DNA – в восемьсот. Надеюсь, ты стоишь этих денег.

– Тысяча золотых? – Бен ошарашенно уставился на девушку.

– Ты стоишь больше, – спокойно ответила Беатрис.

И посмотрела на него, как тогда, в подземелье, когда Орк понял, что у них все хорошо. И Бен сделал маленький шаг, но…

Но проклятый Освальд испортил момент.

– Будем работать или разойдемся, чтобы всем стало легче? – осведомился хакер, и стряхнувший оцепенение Орк ответил:

– Будем. – И вздохнул. – Что я должен делать?

Беатрис едва заметно улыбнулась, но промолчала.

– Ляг на живот и расслабься, – Гарибальди кивнул на массажную кушетку с отверстием для лица. – Делать буду я.

Он подошел к грязноватой раковине, что стояла неподалеку от «операционного» стола, открыл воду и принялся тщательно мыть руки.

Большой зал, так же как большой зал клиники, был заставлен аппаратурой, но если у Лейки она была медицинской, лабораторной, предназначенной для тонкой и опасной работы с вирусами, то Гарибальди превратил свое логово в компьютерный храм, и его коллекции устройств мог позавидовать иной склад крупного поставщика современной техники. Но Бена смутил тот факт, что все это богатство осталось в стороне, а вымывший руки

хакер подкатил к кушетке столик с блестящими медицинскими инструментами.

– Зачем они?

– «Балалайка» в голове, – напомнила Беатрис, прикоснувшись к руке Орка. – Гарибальди доберется до пластины, которая закрывает «гнездо», вскроет ее, залезет в твой череп и поменяет один чип на другой.

– Все просто, – подал голос хакер.

– Я думал, это сложно, – протянул Бен.

– Это охренительно сложно, – немедленно сменил точку зрения Освальд.

– Так сложно или просто?

– Мы чутко прислушиваемся к пожеланиям клиентов, – ответил вредный хакер, натягивая тончайшие латексные перчатки. – Определись, как тебе больше нравится, так и будет.

– Операция достаточно сложная, – подтвердила девушка, бросив на длинного выразительный взгляд. – Но не волнуйся: Гарибальди – лучший.

– Я могу умереть во время операции?

– Да, – ответил Освальд.

– Нет, – улыбнулась Беатрис.

– Если тебе нужно написать завещание – я подожду. Если ты не можешь собраться с духом, то лучше уходи, потому что чип не приживается к колеблющимся…

– Не говори ерунду, – поморщилась девушка. И обратилась к Бену: – Я буду рядом, и у меня будет твой дробовик.

– Как мне это поможет?

– Если ты умрешь – я пристрелю Гарибальди.

– За что? – возмутился хакер.

– Другое дело, – повеселевший Орсон улегся на кушетку и велел: – Приступай.

Несколько секунд Освальд растерянно смотрел на Беатрис, оценивая, насколько она серьезна, после чего вздохнул и предупредил:

– Сначала я сбрею волосы – нужно получить доступ к зоне вживления.

– Можешь брить наголо, – щедро предложил Орк.

– Не могу, – ответил Гарибальди. – Свежий шрам вызовет подозрения, придется доказывать, что недавно ты проходил профилактику, а так ты прикроешь его волосами.

– Понял.

– Теми, что у тебя еще остались.

– Очень смешно…

– Я поставил тебе возраст тридцать восемь лет. На меньше,

извини, ты не тянешь.

– Тебе самому сколько?

– Тридцать три.

– Будешь так шутить – рискуешь не разменять сороковник.

– Ладно, приступаем.

Хакер аккуратно выбрил на голове Орка небольшую полоску, побрызгал на нее «заморозкой», выждал несколько секунд и уверенно разрезал кожу. Было видно, что Освальд не в первый раз проводит эту операцию: он больше не нервничал, не делал ненужных движений – все его жесты были точно рассчитаны, и при этом длинный успевал болтать с пациентом.

– Тебе уже вынимали чип?

– Да.

– Неужели сломался?

– Почему нет?

– Слышал, вам, военным, ставят чугунные «балалайки», чтобы даже танком не раздавить.

– Мой чип забарахлил после взрыва, – ответил Орк, не желая вступать в споры по поводу того, что вставляют в военные головы.

– Понятно… То есть тебе знакома процедура?

– Мне вынимали «балалайку» по всем правилам, с полной анестезией.

– А-а… значит, тебе не знакома процедура.

Беатрис покачала головой, но промолчала.

– Что я должен знать? – насторожился Орк.

– Кстати, я уже в твоей голове, – сообщил Освальд.

– И как там?

– Довольно пусто.

– Ты разве не слышал, что военным удаляют часть мозга? Чтобы поместилась чугунная «балалайка».

– Ого, умеешь шутить?

– Иногда получается.

– Ладно, теперь серьезно, – Гарибальди, кажется, впервые с их встречи по-настоящему сосредоточился. – Я вытащу твой чип, но новый вставлю не сразу, придется скачать на него несколько твоих программ. Готовься к тому, что придется полежать без управляющего процессора. А значит, ты будешь слеп.

– Совсем?

– Три, два, один… Абсолютно.

Перед глазами Орка сгустилась тьма, и ему стало слегка не по себе.

– Почему я ничего не вижу?

– Дополнительный бонус от «Iris Inc.», – объяснил Освальд. – «Балалайка» управляет наноэкраном, и когда чипа нет, зрение

блокируется.

– Зачем?

– Чтобы у тебя всегда был в голове чип, мой дорогой военный друг, неужели не понятно? Чтобы тебя можно было засечь в любое время дня и ночи. И чтобы ты не увидел то, чего тебе не положено видеть.

– Что, например?

– Мое настоящее лицо.

– Ты настолько ужасен?

– Я просто принц и скрываю истинное обличье, чтобы люди не сходили с ума от зависти, – не стал таиться Гарибальди. Он подключил извлеченную «балалайку» в специальный разъем и теперь просматривал ее содержимое. – А вот один из моих друзей действительно ужасен, он копил деньги на пластическую операцию, но когда появились наноэкраны, купил самый лучший craft(art) и сделал себе отличное лицо. Обошлось дешевле.

– Нарисованные лица слишком отличаются от настоящих, – заметила Беатрис.

– Отнюдь, – не согласился Гарибальди. – С каждым днем craft(art) становятся совершеннее, и теперь лицо моего друга неотличимо от настоящего. А мультяшки и в первой OS были прекрасны… Военный, ты когда-нибудь использовал «обложку» мультяшки?

– Нет.

– А бывал с мультяшкой?

– Один раз, – неохотно ответил Бен.

– Ого! – Его искренность произвела на Беатрис впечатление, и она потребовала: – Расскажи.

– Мне не понравилось.

– Почему?

– Потому что я не только олдбаг, но и олдскул, – вздохнул Орк. – Принимаю только настоящее.

– «Обложки» становятся все более совершенными, – тихо сказала девушка. – Скоро ты перестанешь понимать, что в действительности видишь.

– Мультяшку я всегда отличу.

– Мультяшку – да.

Орк был не прочь продолжить разговор, он почувствовал, что Беатрис задела тема, но Освальд в очередной раз помешал.

– У тебя глаза открыты?

– Нет, зажмурился, – машинально ответил Бен.

– Почему?

– Потому что, если ничего не видно, нужно зажмуриться. Тебя разве не учили?

– Нас с тобой учили разным штукам, – хмыкнул Освальд. – Не открывай глаза – я вставляю новый чип.

– Почему я не должен открывать глаза?

– Не знаю, просто мне нравится фраза… – Орсон почувствовал прикосновение к голове, а в следующий миг услышал вопрос: – Как ощущения?

– Как будто кто-то покопался в моей голове.

– Значит, там теперь не так пусто, как ты привык.

– Ты забыл во мне скальпель?

– Фонарик.

– Как меня теперь зовут?

– Джехути Винчи.

– Как? – изумился Орк.

– Не дергайся, я заделываю рану, – произнес Гарибальди, выдавливая из тюбика наноклей. – Мне понравилось это сочетание. Имя Джехути восходит к Древнему Египту, так звали военачальника фараона Тутмоса III. Он прославился смелостью и мудростью.

Первая часть Бену понравилась.

– А фамилия?

– В честь знаменитого художника эпохи Возрождения. Я подумал, что после операции в тебе должно появиться хоть что-то прекрасное.

– Ты говоришь о фонарике?

– И о нем тоже.

– Я могу встать?

– Попробуй.

Орк медленно поднялся, сел на кушетке, свесив ноги, и осторожно покрутил головой.

– Как ощущения? – заботливо спросил Гарибальди.

– Вроде все работает.

– Шею я не трогал.

– Она затекла, – Бен поднял левую руку, сжал пальцы в кулак, разжал. Повторил с правой рукой.

– Нормально?

– Да.

– Вот и хорошо, – с облегчением произнес хакер. – На фото у тебя немного другое лицо, вечером придет пластический хирург и приведет тебя в соответствие с изображением в «балалайке». Операция пройдет быстро, следов не останется…

– Боже мой!

Увлекшись разговором, мужчины не поняли, что вызвало восклицание Беатрис, и удивленно повернулись к девушке.

– Что случилось?

– Боже мой! – повторила та, демонстрируя неподдельное изумление: глаза широко распахнуты, взгляд остановившийся, рот приоткрыт.

– Беатрис?

– Орк, твои глаза…

– Что с ними?

– Чтоб я сдох! – У Гарибальди отвалилась челюсть.

– Да что случилось?

Вместо ответа Беатрис дрожащей рукой взяла лежащее на столике зеркало и поднесла к лицу Бена.

– В твоих глазах больше нет ртути.

– Они чисты, – прошептал Гарибальди. – Чтоб я сдох – они чисты! Но как?

И запустил пальцы в волосы.

На несколько секунд в помещении воцарилась тишина, после чего Бен осторожно предположил:

– Возможно, вирус каким-то образом связан с чипом?

– Вирус поражает не только организм, но и вживленный чип? – Освальд послушал сам себя и махнул рукой: – Чушь!

И пробормотал какое-то ругательство, показывая, что ошарашен.

– Мы говорим об инопланетном вирусе, – напомнила Беатрис. – А значит, любая чушь может оказаться истиной.

– Это многое объясняет, – протянул Орк, продолжая разглядывать глаза в зеркало и не видя в них никаких изменений. Это были его глаза, те самые, какими он смотрел на мир до появления мерцающей ртути. – Я не испытываю агрессии, потому что у меня иммунитет к suMpa. В результате вирус поразил только глаза, то есть наноэкран, а когда мы заменили чип – исчез признак…

– Каким образом? – не сдержалась девушка. – Получается, вирус поражает не наноэкран, а «балалайку»?

– Или ее, – не стал спорить Орк.

– Или все фигня, и из тебя можно сделать вакцину.

Бен увидел, что на этих словах Гарибальди Беатрис поморщилась, потому что не желала видеть Орсона подопытной крысой.

Но при этом все понимали, что скрывать их открытие преступно.

– Возможно, мне действительно нужно сдаться, – протянул Бен.

– Сейчас они тебя убьют, потому что ты – беглый взорвавшийся олдбаг, – тихо ответила Беатрис. – Сейчас нужно скрыться, как мы хотели, но теперь, видимо, не навсегда.

Пересидим опасное время, придумаем следующий ход и вернемся.

– Пожалуй, ты права, – поразмыслив, согласился Орк.

– Она всегда права, – неожиданно произнес Гарибальди. – Впрочем, сам скоро узнаешь.

И удостоился очередного выразительного взгляда от девушки. Очень выразительного взгляда.

data set double SILICIUM QUANTICUS [18]

Бруклин США, Нью-Йорк шюнь, 2029

Если бы у Карифы спросили, какое чувство чаще всего испытывает оперативный сотрудник GS, она, не задумываясь, ответила бы: дежа-вю. Потому что реальная жизнь сильно отличается от той череды головокружительных приключений, которая демонстрируются в фильмах о храбрых специальных агентах. В реальной жизни это бесконечные часы тренировок в одних и тех же залах и тирах, долгие и унылые поездки в абсолютно одинаковых изнутри фургонах, в привычных, тысячу раз виденных боевых комплексах и безликих fullface-шлемах. И дежа-вю – самое естественное, что может возникнуть в таких обстоятельствах.

Главное – не думать о том, что все эти тренировки и поездки будут продолжаться до пенсии, что именно они и составляют твою жизнь.

Сейчас, к примеру, Амин и ее агенты сидели на неудобных жестких лавках в серой десантной капсуле без окон, держали между ног «зунды», смотрели друг на друга и слушали Конелли. Рейд снова получился внезапным: оператор поднял группу по тревоге, сообщив, что цель ненадолго вернулась в Нью-Йорк, и теперь излагал детали предстоящей операции.

– Как его зовут? – переспросил Захар.

– Освальд Гарибальди.

– Как говорящего кота?

– Кота звали Гарфилд.

– А этого?

– Гарибальди.

– Как итальянца, – сообщила красноволосая.

– Какого итальянца? – уточнил любознательный Захар.

– Не важно, – отмахнулась Рейган. – Просто – итальянца. Неужели тебе недостаточно?

– Это его настоящее имя?

Амин прыснула.

– Я должен знать, – серьезным тоном произнес Захар, и было решительно непонятно, шутит он или действительно жаждет получить дополнительную и не особенно важную для него информацию.

– Зачем тебе знать? – осведомилась Рейган.

– Потому что хочу.

– Если позволите, я продолжу, – сухо произнес Конелли. – Вы скоро будете на месте.

– Это его настоящее имя?

На этот раз Карифа решила не вмешиваться, и не

дождавшийся поддержки оператор наконец-то ответил:

– У нас, итальянцев, не бывает ненастоящих имен, мы слишком себя уважаем.

– То есть тебя действительно зовут Конелли?

– А что?

– Я думал, что, поступив на службу в GS, ты приобрел звучный псевдоним.

– Захар, заканчивай, – велела Амин. Она знала, что задетый итальянец способен ругаться часами.

– Есть, мэм.

– Конелли, продолжай.

– Есть, мэм.

Карифа покачала головой, промолчала, но отметила про себя, что за последний месяц отношения внутри их маленького отряда существенно изменились.

Получив щедрое, а главное, гарантированное предложение, ребята испытали прилив воодушевления, заработали с энтузиазмом, проявляя разумную и полезную инициативу, но при этом отношение к руководителю у Захара и Конелли стало более официальным, без намека на внутреннее тепло, которым их маленький коллектив мог похвастаться всего несколько недель назад. Захар и Конелли понимали, что личный контракт Карифы сильно отличается от их договоров, что по окончании проекта Амин взлетит очень высоко, и отстранились, четко обозначив черту, которая их разделила и которая постепенно превращалась в пропасть. И только Рейган продолжала цепляться за подругу, надеясь, что после окончания проекта все останется как есть.

Поначалу Карифу происходящее задевало, ей казалось несправедливым, что друзья таким образом отнеслись к предоставленному ей шансу, но постепенно девушка смирилась, сказав себе, что это будет не первая и не последняя потеря в ее жизни.

– Конелли, есть еще информация о цели?

– Кое-какая есть, – ответил итальянец.

– Продолжай, а то скучно.

– Мы вышли на Гарибальди случайно, его сдал клиент…

– Впервые слышу, чтобы клиент сдал специалиста такого уровня, – пробормотала Рейган.

– Обычно их клиенты не попадаются, так что нам повезло вдвойне, – объяснил оператор. – Парень, которому Гарибальди сделал новую «балалайку» и новую рожу, оказался однолюбом и подкатил к собственной жене. Наши его взяли, как следует надавили, он «поплыл» и стал «петь». Рассказал обо всем, что знал, и в том числе сдал хакера, сделавшего ему идеальный чип.

В GS, естественно, переполошились, поскольку «балалайка» клиента прошла все возможные проверки, и объявили большую охоту. И только тут выяснилось, что никакой информации об Освальде в базах данных нет. Фактически мы знаем только его имя.

– Как такое возможно? – удивилась красноволосая.

– Это означает, что наш парень – хакер высочайшего уровня, – отозвался Захар.

– Умный и осторожный, – протянула Амин.

– Еще какой осторожный, – подтвердил Конелли. – После начала большой охоты нам сдали еще двух клиентов Освальда, но их показания не помогли: оборудование у него переносное, работает быстро, места нужно мало. Короче, выбрал комнату в outG, обклеил ее пленкой для чистоты, помыл руки, провел операцию и ушел со своим золотом.

– Как же ты его отыскал?

– Благодаря нашим новым полномочиям, – самодовольно ответил Конелли. – Группа, которая гоняется за Гарибальди, нарисовала его изображение и запустила поиск по глобальной системе распознавания лиц. А наши полномочия позволили мне выставить наивысший приоритет и получать информацию первым. Сегодня в JFK засекли парня с уровнем совпадения 98 %, это очень много.

– Куда он едет? – осведомилась Амин.

– В Бруклин.

– В Бруклин?!

– Теперь ты поняла, почему я заинтересовался именно этим парнем? – хихикнул итальянец.

– В чем важность Бруклина? – удивилась Рейган. – Поганое же местечко.

– Из Бруклина ушел Орсон, – медленно ответила Карифа. – А уйти он мог, лишь получив идеальный фальшивый чип. Если логово Гарибальди в Бруклине, то мы, возможно, отыщем связь… – Помолчала и закончила: – Конелли, ты молодец.

– Спасибо, – с достоинством отозвался оператор. – Гарибальди едет в роботакси, мы встретимся с ним через две с половиной минуты.

– Он вооружен?

– Он прилетел на самолете, сразу взял такси… Если и вооружился, то в аэропорту, а это маловероятно.

– Ребята, все слышали?! – повысила голос Амин. – Объект безоружен! Берем его живым, понятно?

– Девяносто секунд, – произнес Конелли. – Как только мы поровняемся, я заблокирую и остановлю его машину.

///

Друзья предупреждали Гарибальди, что он погорит на любви к комфорту и роскоши: логово в «подземном «Хилтоне», вместо того, чтобы прятаться в каком-нибудь маленьком и темном уголке outG; дорогая одежда высочайшего качества с обязательной меткой «original»; привычка к хорошей еде, натуральным винам, настоящему виски и дорогим ресторанам – и если на работе, встречаясь с клиентами, Освальд пытался играть роль простого парня, изображая среднестатистического хакера, то в обычной жизни ни в чем себе не отказывал. Сейчас, к примеру, он ехал в роботакси бизнес-класса, хотя по всем правилам должен был покинуть аэропорт на общественном транспорте и пару часов крутиться в метро, сбивая со следа возможных врагов.

Должен был…

Но Гарибальди предпочел удобнейшее кресло в обитом кожей салоне, в дороге потягивал двадцатилетний виски из тяжелого стакана и лениво переключал новостные каналы на встроенном в стенку коммуникаторе – он не любил смотреть видео на наноэкране.

– suMpa продолжает распространяться по миру, поражая все новые и новые страны. Первый случай заражения зафиксирован в Эквадоре, а значит, осталось всего семнадцать стран, на территории которых еще не был обнаружен вирус. Тем временем в Лондоне за вчерашний день зафиксировано девять взорвавшихся олдбагов, что стало рекордом для Великобритании. В результате их агрессивных действий погибло пятьдесят четыре…

Гарибальди переключил канал.

– Гран-при Монако обещает стать украшением этого сезона…

Следующий щелчок, на экране появилось изображение спортивного комментатора, но в этот же момент управляющий машиной робот отключил звук и доложил:

– Внимание! Зафиксирована попытка внешнего подключения к системе.

Хакер был настолько расслаблен, что не сразу осознал смысл сообщения. Несколько секунд Гарибальди продолжал тыкать указательным пальцем по подлокотнику, пытаясь переключить канал, затем вскрикнул, дернулся, разлил виски, выругался и спросил:

– Мы блокированы?

– Еще нет.

– Понятно, – Освальд поставил стакан в углубление и жестким тоном распорядился: – Режим «Прорыв»!

И услышал, как взревел форсированный двигатель.

Конелли не ошибся практически ни в чем, но он не мог знать, что встретившее Гарибальди роботакси ему же и принадлежало и было оснащено не хуже боевых внедорожников GS.

///

– Тридцать секунд! – крикнул оператор. Агенты изготовились, но почти сразу услышали: – Я не могу перехватить управление.

И эта фраза вызвала у Карифы понятное недоумение:

– Что случилось?

– Это не обычное такси! – отозвался Конелли, не оставляя попыток отобрать у Гарибальди контроль над машиной.

– Проклятье!

– И теперь он знает, что мы хотим его взять!

Красная точка, изображающая на карте роботакси, стала резко набирать скорость и перестраиваться из левого ряда, намереваясь юркнуть в одну из боковых улочек. Решение требовалось принять немедленно, и Карифа приказала:

– Тарань его!

Агенты вцепились в поручни. Фургон выскочил на встречную полосу, намереваясь сойтись с такси в страшном лобовом ударе, но в последний момент робот Гарибальди ухитрился увильнуть, и мощный бампер бронированной машины GS чиркнул по касательной, сбив с курса, но не лишив возможности передвигаться.

– А он молодец… – пробормотал с трудом удержавшийся на лавке Захар.

– Давай за ним! – распорядилась Амин, увидев, что такси резко дало задний ход.

– Уже… Черт!

– Черт!

Конелли и Карифа выругались одновременно: капот роботакси отлетел в сторону, и ошарашенные агенты увидели выдвинувшийся из моторного отсека пулемет.

– Ответь ему!

– Уже!

Конелли активировал оружие на три секунды позже, поэтому первую очередь дал Гарибальди: тяжелые пули врезались в фургон, но особого вреда не причинили, не сумев пробить закрывающую двигатель броню. Ответный огонь получился столь же эффектным и бессмысленным, и несколько секунд машины мчались по Атлантик-авеню, поливая друг друга пулеметными очередями и распугивая прохожих.

– Он ведь понимает, что не уйдет.

– Но все равно куда-то рвется.

– Куда?

– В outG! Куда еще?

Тем временем над автомобилями сформировалось облако дронов: новостные каналы, свободные агенты, блогеры и просто любопытные граждане направляли к месту перестрелки свои электронные глаза в надежде заработать на прямой трансляции. Дроны сталкивались друг с другом, иногда случайно, иногда специально, зависали над процессией, уравнивая скорость с машинами, или носились вокруг, стараясь заглянуть внутрь, но безуспешно: к огромному разочарованию зевак, и в такси, и в фургоне окна оказались имитациями.

– На подходе камикадзе, – сухо сообщил Конелли. – Он взорвет правое заднее колесо такси, и мы его остановим.

– Давно пора, – пробормотал Захар, захлопывая забрало шлема.

– Такси остановится через пять… четыре… три…

– Захар направо, Рейган налево, – распорядилась Амин.

– …два… Есть!

Взрыва они не услышали – толстый корпус бронированного фургона надежно защищал агентов от внешнего мира, – ориентировались на слова Конелли, и когда итальянец произнес: «Есть!», Амин крикнула:

– Работаем!

И спецы выскочили наружу.

– С дороги!

– Прочь!

Но кричали Рейган и Захар по привычке: людей вокруг не было, ведь в современном мире зеваки удовлетворяют любопытство удаленно.

Второй посланный Конелли дрон вывел из строя пулемет, огонь прекратился, и это позволило агентам быстро подобраться к неподвижной машине. Захар с правого борта, Рейган – с левого.

– Чисто!

– Чисто!

Могло показаться, что передок такси разнесен в хлам – настолько ужасно он выглядел после долгого пулеметного расстрела, но Карифа хорошо видела, что бронещит выдержал попадания и, не потеряй машина колесо, она могла ехать еще очень и очень долго.

– Гарибальди, мы знаем, что ты здесь! Выходи!

Тишина.

– Мы не будем стрелять! Мы хотим договориться!

К месту перестрелки наконец-то подтянулись полицейские. Вой сирен перекрыл повседневный шум большого города, а синие машины – улицу. Атлантик-авеню замерла в ожидании развязки,

и она случилась через пару секунд.

– Гарибальди…

Продолжить Карифа не успела: из-под днища вырвалось пламя, еще через мгновение такси подбросило вверх, одновременно громыхнуло, и взрывная волна швырнула агентов прочь. И не только их: перевернулось несколько машин, опрокинулся автобус, развернуло тяжелый грузовик, вдребезги разлетелись витрины и окна, а когда оглушенная, но нашедшая в себе силы двигаться Карифа подбежала к эпицентру, то увидела в глубокой воронке разорванное надвое такси.

– Дерьмо!

– Все целы? – обеспокоенно спросил Конелли.

– Мы с Карифой – да, – подтвердила Рейган, с беспокойством оглядывая подругу, но не находя на ней повреждений.

– Дерьмо! – с чувством продолжила Амин.

– Захар!

– Я здесь, – сообщил Захар, выбираясь из витрины обувного магазина, в которую его закинуло взрывом. – Никому не нужны новые кроссовки?

– Уф-ф, – выдохнул оператор. – Ребята, вы меня напугали.

– Дерьмо, – снова повторила Амин, которую Рейган отвела к стене и усадила на землю. А в следующий миг спросила: – Зачем он это сделал?

Карифе досталось больше всех: в голове шумело, во рту чувствовался стойкий привкус крови, перед глазами плыли круги, а руки дрожали. Но, несмотря на это, она хотела знать:

– Зачем он это сделал?

– Как ты себя чувствуешь? – в третий раз спросила Рейган. Потому что два первых вопроса командир не услышала.

Карифа тряхнула головой, сделала большой глоток воды из фляги и, глядя на перевернутый автобус, произнесла:

– Он предпочел умереть, но не сдаться.

Это обстоятельство повергло ее в изумление.

– Я не помню, чтобы преступники так себя вели, – согласилась красноволосая.

Несколько секунд Карифа обдумывала слова подруги, после чего согласилась:

– Странно… – и вызвала оператора: – Конелли… – сбилась, потому что в голове особенно сильно зашумело, коротко ругнулась, но сумела закончить: – Нужно тщательно обыскать бруклинский outG и найти логово Гарибальди.

А в следующий миг вздрогнула, почувствовав толчок, и растерянно спросила:

– Что это?

– Землетрясение? – предположила ошарашенная Рейган.

Закричали зеваки, а дроны помчались к расположенному неподалеку зданию, по левой части которого пошли крупные трещины.

– Что опять? – громко спросил Захар.

– По всей видимости, гибель Гарибальди активировала систему самоуничтожения его логова, – хладнокровно произнес Конелли. – Я немедленно направлю дроны в эпицентр подземного взрыва.

Охота завершилась провалом. Во всех смыслах слова.

* * *

Коста-Рика июнь 2029

В конце концов, они выбрали Тихий океан.

Планируя жизнь на пенсии, Орсон сразу решил, что лучшего места, чем Коста-Рика, не найти: он бывал в этой маленькой теплой стране и по работе, и на отдыхе, неплохо знал испанский, мог общаться без загруженного в «балалайку» киберпереводчика и даже подобрал для них с Сарой уютный домик на побережье. К счастью, не оплатил, потому что Беатрис фотографии возможного пристанища категорически не понравились. Дом показался девушке большим – четыре комнаты и терраса – и стоящим далеко от воды. К тому же Беатрис сказала, что два-три ближайших месяца им лучше провести в дороге, постоянно меняя места пребывания. Орк, поразмыслив, согласился, и они неспешно проехали Коста-Рику с севера на юг, останавливаясь там, где понравится, и наслаждаясь бездельем, покоем, тишиной и друг другом. Мерцающая ртуть в глаза Бенджамина не вернулась, их след потеряли, поэтому уже через пару дней путешествия любовники перестали вздрагивать от каждого шороха и обрели покой.

Настоящий покой.

Мир, от которого они бежали, стал далеким и ненастоящим. Его чудовищные проблемы потеряли значение. Его жестокость казалась страшным сном. Мир съежился до размеров репортажей – когда они добирались до новостных каналов, – которые выглядели серо-бессмысленными в своей гнетущей серьезности.

Потому что настоящими во всей Вселенной были только они: Бен и Беатрис.

И их чувства.

Смерть Сары выжгла Орсона дотла. Через некоторое время он снова стал встречаться с женщинами, но чувства его умерли, и на встречах он искал только удовольствия.

А рядом с Беатрис стал снова испытывать радость.

От того, что видит ее. От того, что слышит ее голос. От того,

что вдыхает ее запах. От прикосновений к ней и ее прикосновений. От того, что иногда ловил на себе ее любящий взгляд и чувствовал себя счастливым восемнадцатилетним мальчишкой. От того, что ей нравилось быть с ним, и она этого не скрывала.

– Ты настоящий, – шептала девушка, обнимая Орка тонкими руками. – Ты неудержимо настоящий и тем сводишь с ума.

А потом она улыбалась, кусала губы, стонала и царапала ему плечи и спину. Волосы закрывали ей лицо, но не могли скрыть горящего взгляда. Упоительное «потом» длилось долго, ведь им некуда было торопиться, плавные паузы нежности сменялись шумными бурными играми, и теплый песок пляжа послушно принимал форму их страсти.

Они были одни, и только очень тихий океан улыбался, глядя на счастливых влюбленных.

– Иногда мне кажется, что встреча с тобой повернула время вспять и я снова научилась радоваться, – прошептала Беатрис, лежа на плече Орка. Они вышли из воды, упали в тени пальм и отдыхали, наслаждаясь блаженным покоем. – Смерть родителей потрясла меня, но я понимала, что рано или поздно сумею вернуться к нормальной жизни, и рада, что вернулась в нее именно с тобой.

– Я не лучший кандидат, – вздохнул Бен, ласково гладя девушку по волосам. – Быть рядом со мной означает постоянный риск.

– Потому что ты – suMpa?

– Потому что я – suMpa.

– Бывший.

– Бывших suMpa не бывает.

– Мы этого не знаем, – твердо произнесла Беатрис, целуя Бена в шею. – Зато мы точно знаем, что твои глаза четыре дня были наполнены мерцающей ртутью, а ты никого не убил.

– Наверное, я уникальный suMpa.

– И тебя можно показывать за деньги.

– Полагаю, да, – Орк с удовольствием рассмеялся шутке.

– Но мне нравится быть с тобой не поэтому, – серьезным тоном продолжила девушка, сильнее прижимаясь к Бену. – Для меня ты уникален тем, что мне хочется быть рядом. Мне хочется всегда быть рядом с тобой. Слышать твое дыхание, ощущать твою силу и если нужно – прятаться за твоей спиной. Я люблю тебя, Орк, в этом твоя уникальность для меня.

Бенджамин приподнялся на локте, посмотрел девушке в глаза и ответил:

– Я люблю тебя, Беатрис, и буду любить всегда.

И подумал, что если умереть, то здесь и сейчас, потому что счастливее он быть уже не сможет. Ведь мало кому везет дважды обрести любовь.

А уж три раза – никому и никогда.

///

Но как бы далеко ты ни убегал, ты не сумеешь покинуть мир. Ведь дом у человечества один, не очень большой, и отголоски происходящего в гостиной обязательно долетят до чердака и подвала.

Мир их не догнал, просто дал о себе знать. Напомнил о том, что, пока они прячутся на чердаке, в гостиной идет кровавая бойня.

Это случилось в июне, то ли на седьмую, то ли на восьмую неделю их пребывания в Коста-Рике, и на вторую – мирной жизни в маленьком домике южнее Доминикаля, стоящего, как и хотела Беатрис, почти у воды. Чуть выше, чтобы не заливало, но совсем рядом, и через распахнутые окна они слышали шум прибоя. До ближайших соседей метров четыреста, до ближайшего поселения – почти три километра, и тишины, о которой они мечтали, в их убежище оказалось столько, что Орку и Беатрис стало не хватать людей. Шумные туристы, расслабленные уличные музыканты, лавочники, рестораторы, зазывалы – взгляды, голоса, обрывки песен, урчание двигателей: они стали скучать по тому, от чего бежали, и вечерами обязательно выбирались в какое-нибудь заведение. Из-за жары Беатрис всегда одевалась легко, но получалось дразняще: шорты или короткая юбка выставляли напоказ длинные ноги, майка или легкая блузка подчеркивали грудь, но местные ловеласы оказались опытными ребятами, правильно оценили не только красивую девушку, но и ее спутника, и ограничивались взглядами издалека. Тем более что благодаря «обложкам» вокруг не было недостатка в красивых длинноногих девушках в дразнящих, едва прикрывающих достоинства одеждах.

А приложения, позволяющие смотреть сквозь AR, в этих местах мало кто использовал – именно потому, что все хотели смотреть на красивых длинноногих девушек.

– Я придумала, что мы будем делать в августе, – жизнерадостно сообщила Беатрис, делая глоток «Маргариты».

– Так далеко я стараюсь не заглядывать, – попытался отшутиться Орк, но не преуспел.

– Через пару недель нам тут надоест, и мы поедем на юг, с остановками, разумеется, как мы любим, но все равно поедем. Пересечем Панамский канал и отправимся в горы. Я хочу побывать в Эквадоре, Перу и Боливии, хочу увидеть Мачу-Пикчу,

Тиауанако и озеро Титикака. Ты со мной?

– А куда я денусь?

– Молодец, – одобрила Беатрис. – Я знала, что могу на тебя положиться.

– А захочешь – отправимся дальше, до мыса Горн, потом поднимемся в Рио и перезимуем в нем, – неожиданно предложил мужчина.

– Ты серьезно? – удивилась девушка.

– Почему нет? – пожал плечами Бен. – Время принадлежит нам.

– Да, – помолчав, кивнула Беатрис. – Время принадлежит нам…

И посмотрела на красные буквы над барной стойкой, которые складывались в опоясавшую мир фразу:

«No Country For Oldbug!»

Даже здесь, в далекой, тихой и уютной Коста-Рике, людей делили по цифрам возраста, и ни у кого из посетителей они не превышали рокового значения «42».

Однако надпись привлекла внимание девушки ненадолго, Беатрис лишь скользнула по ней взглядом и сосредоточила внимание на настенном мониторе, подключив к нему аудиоканал своего чипа.

– Снова олдбаг? – тихо спросил Орк, проследив взгляд девушки.

– Женщина из Сиэтла.

Бен тоже подключился и услышал:

– …оружие принадлежало бывшему мужу и поэтому не было изъято полицией после того, как член семьи достиг «возраста suMpa», – рассказал диктор. – Взорвавшись, миссис Дэвидсон вскрыла сейф, взяла автоматическую винтовку, спрятала ее в коляске и отправилась в ближайший торговый центр, где открыла огонь по посетителям. По нашей информации, миссис Дэвидсон убила девять и ранила шестнадцать человек, прежде чем сама была расстреляна полицейским дроном.

Монитор заполнили «говорящие» видеокадры: залитые кровью коридоры торгового центра, разнесенные витрины, раненые и убитые граждане и хмурые полицейские. Кадры страшные и кадры… привычные. И от того еще более страшные. Репортажи о вспышках suMpa давно перестали вызывать ужас, превратились в обыденность и вызывали глухое раздражение неспособностью властей решить проблему.

– Поскольку WHO не дает ответа на вопрос, когда будет разработана вакцина, мы должны сосредоточиться на других способах противодействия вирусу, – продолжил диктор. – Будем

откровенны: по мере распространения suMpa подобные случаи будут происходить все чаще, и правительство обязано разработать жесткие правила сосуществования людей и олдбагов.

– Как интересно, – не сдержался Орк.

– Что не так? – не поняла Беатрис.

– Он разделил людей и олдбагов.

– Что это значит?

– Пока не знаю, но признак нехороший.

– Э-э… – Она явно хотела продолжить разговор, но не успела: новый репортаж привлек их внимание.

– Стали известны подробности нашумевшей «Бруклинской перестрелки», случившейся вчера на Атлантик-авеню и попавшей во все мировые сводки новостей. Управление полиции Нью-Йорка официально подтвердило, что затеявшим стрельбу преступником оказался известный хакер Освальд Гарибальди, специализировавшийся на подделке «балалаек». Гарибальди отказался сдаться агентами GS и попытался скрыться, в результате инцидента его автомобиль взорвался и повредил не менее десятка других машин.

– Боже, – прошептала побледневшая девушка. – Освальд…

– Кажется, нам нужно уезжать, – протянул Бен.

– Сейчас?

– Ни в коем случае, – улыбнулся Орсон, отключая аудиоканал. – Сиди спокойно, но больше на коммуникатор не смотри. Забудь о нем. Мы посмотрели пару репортажей, не нашли ничего интересного и отвернулись.

– Я поняла, – кивнула Беатрис. После чего привстала, потянулась и поцеловала Бена в губы. И прошептала: – Он был хорошим человеком.

– Его больше нет.

– Да, его больше нет.

– И нам нужно уезжать.

– Гарибальди серьезно подходил к работе, – помолчав, сказала девушка. Она уже догадалась, что, предлагая уехать, Бен имел в виду не бар, а страну. – Освальд всегда уничтожал информацию о клиентах.

– Уверена?

– Иначе бы я к нему не обратилась.

– Но в любом случае нужно двигаться, – решительно произнес Орк. – Похоже, наше путешествие в Эквадор начнется раньше запланированного.

– Я уже не уверена, что хочу в Анды.

– Почему?

Девушка пригубила вино из бокала, помолчала и ответила:

– Гарибальди заинтересовался тем, что после смены чипа из твоих глаз исчезла мерцающая ртуть.

– Откуда ты знаешь? – насторожился Бен.

– Я поддерживаю связь с несколькими старыми друзьями, – призналась Беатрис, бросив на мужчину виноватый взгляд. – Но не волнуйся: я умею быть осторожной, и они при всем желании не смогут нас выследить.

– Я просто спросил, – спокойно произнес Орк.

– Да… – Девушка вновь помолчала. – Так вот. Гарибальди рассказал о твоем случае – не называя имен, конечно же, – нескольким исследователям и спросил, возможна ли подобная аномалия. Рассказ произвел фурор, но… Но кто-то, похоже, оказался предателем и донес на Освальда в GS.

– Все опять упирается в suMpa, – глухо подытожил Бен.

– Весь мир уперся в suMpa, – эхом отозвалась Беатрис и вдруг спросила: – Может, пора возвращаться? Если у тебя и правда иммунитет, мы снимем это чертово проклятие.

– Я думал об этом, – не стал скрывать Бен.

– И?

– И мне кажется, что все не так просто. Мы живем в эпоху suMpa, но при этом не замечаем или стараемся не замечать ее странностей, – произнес Орк, внимательно глядя на девушку. – Почему исследования вируса разрешены только «Clisanto»? Почему так жестоко зачистили клинику? Я спец, я знаю, что у агентов GS была возможность взять всех живыми, но они предпочли грубую атаку. Почему они не сумели взять Гарибальди? Арестовать одного человека, даже принимающего все возможные меры предосторожности, – легче легкого. Но агенты затеяли перестрелку и убили его. Почему мои глаза стали прежними после смены чипа? Как получается, что полицейские приезжают на случаи suMpa через считаные секунды? Ты когда-нибудь вызывала полицию? Поверь, они не торопятся. А в маленький бруклинский бар примчались, едва поступил вызов.

– Случаи suMpa для них приоритетные, – попыталась ответить Беатрис, но Орк с недоверием покачал головой.

– Скорость реагирования полиции – лишь один из многих вопросов, на которые либо нет ответов, либо они кажутся невнятными.

– К чему ты ведешь?

– Если бы я верил, что моя жертва пойдет на пользу, то сдался бы не задумываясь, – горячо произнес Бен. – Но вокруг suMpa слишком много странного, и я хочу разобраться в происходящем.

– Собираешься затеять расследование? – прищурилась

девушка.

– Это веселее, чем поездка на озеро Титикака.

– Значит, я с тобой.

– Веселее, но опаснее, – уточнил Орк.

– С чего ты хочешь начать?

Он улыбнулся и прикоснулся пальцами к щеке Беатрис.

– Моя женщина…

– И останусь ею навсегда, – твердо сказала Беатрис. – А теперь скажи, с чего ты хочешь начать?

– Думаю, нужно отправиться туда, где все началось.

– В Воронеж?

– В Воронеж, – подтвердил Орк. – В Россию.

* * *

Аэропорт «Шарль де Голль» Франция, Париж июнь 2029

Карифа хотела поговорить с А2 еще в Нью-Йорке, сразу после получения новой информации об Орсоне, но передумала. В последнее время их отношения слишком отдалились от понятия «официальные», и Амин решила охладить их… Или попытаться охладить, но только для того, чтобы потом, когда все закончится, не больно было падать. Потому что Карифа не знала, что будет потом, после запуска проекта «Elysium». Не знала и не хотела знать, полностью отдавшись тому, что есть сейчас, но тем не менее нашла в себе силы не звонить, ведь Феллер обязательно попросил бы ее приехать «для уточнения деталей», и…

И она опять оказалась бы в его полной власти, подчинившись напору и обаянию.

Бешеному напору и нечеловеческому, околдовывающему обаянию.

Иногда А2 казался Карифе демоном, иногда – ангелом, она не могла разобраться, кого видит в нем или кого хочет видеть, но точно знала, что растворяется в том чудовищном сгустке энергии, который окружающие называли Александром Адамом Феллером, страшилась этого и желала.

В этом мужчине воплотились все искушения Карифы и все ее мечты.

Звонить из самолета девушка тоже не стала: сначала проводила инструктаж с группой, затем наслаждалась обедом – воспользовавшись новым, очень высоким положением, Карифа организовала перелет первым классом, в котором все они до сих пор бывали только в мечтах, затем легла спать, здраво рассудив, что на месте ей понадобятся силы, и лишь добравшись до Парижа, сказала, что должна позвонить и уединилась в связной капсуле – тесной будке, разрисованной изнутри непристойными картинками, непрозрачной и звуконепроницаемой. Подключилась

к встроенному в стену монитору, набрала личный номер А2, вздохнула, мысленно повторяя придуманное начало разговора, и вздрогнула, когда Феллер благодушно улыбнулся ей из ванной. В смысле: улыбнулся с экрана, однако пребывал А2 в большой ванне, в компании белокурой девицы, достоинства которой прикрывала пена. А в некоторые моменты – не прикрывала.

– Может, я не вовремя? – кашлянув, спросила Амин.

– Дорогая, ты же знаешь, что я никогда не откажу тебе в разговоре, – рассмеялся Феллер, обнимая подружку левой рукой. В правой он держал стакан с виски.

– Милый, кто это? – прощебетала белокурая, продолжая играть с медальоном Феллера.

– Замечательная девушка, с которой я тебя, может быть, когда-нибудь познакомлю, – А2 сделал маленький глоток и поднял брови, глядя Амин в глаза: – Что случилось?

– Кажется, мы напали на след.

– Прекрасно.

– Напала на след? Милый, она охотница?

На этот раз Карифа не сумела удержать на лице хладнокровное выражение. А2 улыбнулся и негромко бросил:

– Потом объясню.

Амин поняла, что Феллер почему-то хочет продолжить разговор в присутствии белобрысой, и перестала обращать на нее внимание. В конце концов, он босс.

Но по-прежнему не называла Орсона по фамилии.

– Мы внимательно обыскали лабораторию Освальда и, несмотря на серьезные разрушения, сумели восстановить часть материалов с жестких дисков. В том числе там было трехсекундное видео человека, которого я склонна считать объектом.

– Почему? – тихо спросил Феллер. Больше он не улыбался.

– Дата записи, – коротко ответила Амин.

– Он мог обратиться к другому хакеру, не к Гарибальди.

– Осведомители уверяют, что Лейка хорошо знал Гарибальди, они дружили.

Дальше уточнять не требовалось.

– Та-ак, цепочка ясна, – протянул А2, отставляя стакан. – Что было потом?

– Сменив «балалайку», объект скорее всего залег на дно, поэтому я позаботилась о том, чтобы смерть Гарибальди стала новостью номер один и в ar/G, и в outG, – рассказала Карифа. – Я предположила, что, узнав о смерти хакера, сделавшего ему новую личность, объект начнет действовать.

– Не факт, – качнул головой Феллер. – Самое разумное для

него – оставаться на дне и ждать развития событий.

– Я изучила психологический профиль объекта и не сомневаюсь в том, что он начнет действовать, – уверенно произнесла Амин. – Объект – очень уверенный в себе человек, он не останется на месте.

– Допустим. Что дальше?

– Дальше мы обработали запись, сформировали приблизительное изображение новой внешности объекта и запустили его в глобальную систему распознавания лиц, установив приоритет на транспортные узлы. За прошедшие дни мы получили около двухсот тысяч совпадений от 95 % и выше, машинная проверка отсекла большую часть, остальные проверяют агенты GS, а я с ребятами отправилась в Европу.

– Не советую парижский Диснейленд – он очень скучный.

– Мне рассказывали, – в тон ему отозвалась Карифа.

– Милый, ты свозишь меня в Диснейленд? – поинтересовалась белобрысая.

– Когда подрастешь, – улыбнулся A2. И жестко поинтересовался: – Почему Париж?

– Конелли, это мой оператор, сделал выборку подозреваемых, совершивших несколько перелетов в интересующий нас период…

– Пытаешься вычислить тех, кто путал следы, – догадался Феллер.

– Именно, – подтвердила Карифа. – Затем мы отделили тех, чей предыдущий перелет был из какой-нибудь глухой дыры…

– Вроде чего?

– Вроде Гватемалы.

– Вполне себе дыра, – согласился A2.

– Монтевидео, Луанда, Киншаса…

– Я понял, понял… И все эти ребята потянулись в Париж?

– Половина из них, – Карифа помолчала. – И еще мне кажется, я знаю, куда стремится объект.

– Куда? – заинтересовался Феллер.

– В Воронеж.

– Ах, вот в чем дело… – Амин с удовлетворением отметила, что ей в очередной раз удалось удивить Феллера: он поставил стакан, медленно погладил бороду, что было признаком глубокой задумчивости, и кивнул: – Я рад, что выбрал именно тебя, Карифа, я не ошибся.

– Спасибо, A2.

– Милый, ты разрешил ей называть себя A2?

– Давай сыграем в подводную лодку, – предложил Феллер, не сводя глаз с Амин.

– Мы только что играли, – надула губки белобрысая.

– Нужно закрепить успех, так что отправляйся в плавание, – распорядился А2 и направил голову подружки под воду. После чего сообщил девушке: – Дышать под водой моя белокурая субмарина еще не научилась, поэтому получается довольно быстро, но необычно.

– Что Орсон хочет увидеть в Воронеже? – тихо спросила Амин.

– Правду, – коротко ответил Феллер.

– А что не так с Воронежем?

– Я не сказал, что с ним что-то не так, я сказал, что Орсон ищет правду, – несколько секунд А2 задумчиво смотрел на Карифу, после чего закончил: – Выбери среди подозреваемых тех, кто направится в Москву. Они не смогут миновать ее по пути в Воронеж.

И разорвал связь.

///

– Можете считать меня кем угодно, – негромко произнес Захар, разглядывая большой зал аэропорта. – Но я твердый сторонник «No Country For Oldbug!».

Агенты знали, что на парковке их ожидает присланный филиалом GS фургон, думали, что направляются к нему, но, выйдя в главный зал терминала, Карифа сказала, что ей нужно срочно переговорить с руководством, и заперлась в связной капсуле. Ребята же побросали сумки и расположились в неудобных аэропортовских креслах. Конелли привычно погрузился в коммуникатор, Рейган – в размышления, которым в последнее время предавалась с пугающей частотой, а Захар заскучал. И, видимо, поэтому завел неожиданный разговор.

– «No Country For Oldbug!» – очень жесткий лозунг, – заметил оператор, не отрываясь от монитора.

– Олдбаги опасны, – ответил Захар, уставившись на вошедшую в зал пару мужчин, над головами которых краснело: «43» и «47». – Все знают, что они опасны, и все нервничают, когда они рядом.

Мужчины тушевались под взглядами окружающих, быстро добрались до информационной стойки и, обнявшись, завели разговор со служащим.

– Не все олдбаги взрываются.

– Никто не знает, какой из них взорвется. Поэтому их нужно отделить от нормальных людей.

– Это неправильно и жестоко, – Конелли так разволновался, что отключил коммуникатор и перевел взгляд на товарища.

– Это единственный выход, – резанул Захар.

– Мечта шовиниста.

– К сожалению, рано или поздно лозунг «No Country For Oldbug!» победит, – мрачно сказала Рейган, неохотно принимая сторону красавчика. – Причем он будет признан официально. По настоятельному требованию законопослушных граждан.

– С чего бы вдруг? – нахохлился Конелли.

– Это логично.

– В этом нет ничего логичного, потому что мы обязаны защищать людей! В конце концов, они не виноваты в том, что заразились.

Лысый оператор был самым старшим в группе, в прошлом году ему исполнилось тридцать девять, и приближение возраста suMpa итальянца весьма нервировало. Все это понимали, поэтому Захар умолк, решив, что и так достаточно наговорил, а Рейган тихо спросила:

– Как по-твоему, чем мы в GS занимаемся?

– Боремся с преступностью, – заученно ответил Конелли.

– И как, успешно?

– Достаточно.

– Тогда почему мы ее не победили? – И прежде чем оператор ответил, продолжила: – Преступность нельзя победить, и мы в GS демонстрируем гражданам, что способны держать ее в узде законными методами. Понимаешь? Законными. – Красноволосая подняла палец. – Мы показываем, что есть правила игры, есть государство, и оно заботится о гражданах. И если мы перестанем приносить головы преступников, законопослушные граждане вернутся к созданию судов Линча, а это никому не надо. Теперь ты понимаешь, чем закончится suMpa?

– Нет.

– Тебе надо меньше сидеть в ar/G, ты тупеешь на глазах, – едко произнес Захар.

– Заткнись! – Конелли покраснел и вновь обратился к Рейган. – Что я упустил?

– WHO не может справиться с suMpa, государство не может справиться с suMpa, полиция, GS и армия не могут справиться с suMpa, и каждый случай расстрела демонстрирует это гражданам с пугающей откровенностью, – негромко ответила красноволосая, поигрывая ремешком сумки. – Каждый случай их раздражает. Граждане готовы дать правительству время на поиск выхода из положения, но часики тикают, и если не отыщется лекарство, граждане потребуют действий. Или начнут осуществлять их сами.

– И нам придется защищать олдбагов от людей?

– Не придется, потому что правительство не станет защищать зараженных, – угрюмо ответила Рейган. – Впереди нас ожидает мир жесткой сегрегации.

– Посмотрим.

– Посмотрим.

Пара олдбагов, на которую обратил внимание Захар, исчезла из поля зрения, и в зале вновь остались лишь красивые молодые люди в изящных дорожных одеждах, среди которых выделялась большая и шумная группа «мультяшек», скорее всего студентов. Конелли ясно дал понять, что не собирается поддерживать разговор, и вновь уткнулся в коммуникатор, Карифа все не возвращалась, красавчик откинулся на спинку кресла, заложив руки за голову так, словно собрался подремать, но через несколько секунд выпрямился и посмотрел на Рейган.

– Ты кажешься расстроенной.

– Нет.

– Значит, мрачной.

– Не больше, чем обычно.

– Больше, – твердо произнес Захар. – Это заметно.

– Ты что, мать твою, стал мозгоправом?

– Я, мать твою, слишком хорошо тебя знаю, – в тон красноволосой ответил красавчик. – Ты расстроена.

– Пошел на хрен.

– Из-за задания?

– А из-за чего еще? – пробурчал Конелли, не отрывая взгляд от коммуникатора. – С тех пор как мы подписали сделку, все идет наперекосяк.

– Еще один, – выругалась Рейган. – Может, отстанете?

– Что тебя парит?

Красноволосая внимательно оглядела друзей, вздохнула, поняв, что они не отстанут, и неохотно ответила:

– Из-за задания.

– Это мы уже поняли.

– Что тебя парит? – повторил Захар. – Видно же, что ты не в своей тарелке.

– Меня парит то, что большие люди, на которых мы сейчас работаем, не любят оставлять свидетелей.

– Мы еще ничего не сделали, – быстро сказал Конелли.

– Но если сделаем – вряд ли уцелеем.

Оператор нахмурился и нервным жестом убрал коммуникатор в сумку. Сам он об этом не думал, и предположение Рейган произвело на него впечатление.

– Ты серьезно?

– Подожди, подожди! – Захар прикоснулся к итальянцу, заставив его умолкнуть, и обратился к красноволосой: – Рейган, а что Карифа? Неужели она этого не понимает?

Это был неприятный вопрос, но он не мог не прозвучать. К

сожалению, ответ на него был еще более неприятным.

– Думаю, понимает, но Карифе очень нравится приз, – сказала Рейган и почувствовала, что с ее плеч свалился тяжкий груз. Теперь ее сомнения стали их общей проблемой.

Мужчины переглянулись, помолчали, после чего Конелли осторожно спросил:

– И?

– Что «и»?

– Хочешь соскочить?

– Думала об этом, – не стала врать Рейган.

– Сейчас нельзя, – убежденно произнес Захар. – Мы на задании, и Карифа на нас рассчитывает. Соскакивать нужно, когда тебя можно заменить.

– Согласен, – поддержал товарища Конелли. – Сейчас поздно.

– А когда вернемся?

Мужчины вновь переглянулись, после чего Захар пожал плечами:

– Тогда и поговорим.

– То есть вы тоже чувствуете, что дело слишком опасное?

– Я чувствую, что ты не вовремя завела этот разговор. Извини.

Захар вновь откинулся на спинку кресла и стал следить за вошедшей с улицы компанией олдбагов: семь или восемь веселых мужчин и женщин в ярких одеждах, шортах и панамах. Судя по всему, они собирались на курорт. Рейган перевела взгляд на Конелли, но тот лишь развел руками, выразив солидарность с красавчиком.

«Да, согласна – не вовремя, сейчас нужно думать об операции…»

Но думать не получалось, потому что десять минут назад Рейган получила сообщение из лаборатории. Сначала удивилась, увидев код Экспертного отдела, потом вспомнила, что, отправляя на исследования останки Гарибальди, случайно поставила личную метку, а не группы, открыла послание, вывела его на наноэкран и быстро пробежалась по строкам. Вроде все нормально: результат ДНК-экспертизы Освальда Гарибальди. «Шапка» лаборатории, кто проводил исследование, какие-то заумные детали… Где вывод?

Вывод.

Вывод…

Профессия сделала Рейган хладнокровной, и только поэтому она не закричала, увидев вывод. Но ей потребовалось примерно тридцать секунд, чтобы прийти в себя. Потом она вернулась к началу отчета, спокойно прочитала его снова до самого конца, после чего стерла.

Больше всего на свете Рейган хотелось никогда не получать это сообщение. Не забыть о нем, а никогда не получать. Потому что забыть его она не сможет. Потому что теперь она обречена жить, зная сделанный в лаборатории вывод, и скорее всего жить недолго…

– Черт! – вдруг сказал Захар. – А ведь они в темных очках!

И в это же мгновение из капсулы связи вышла Карифа. Которой, в отличие от Захара, хватило всего секунды на то, чтобы оценить обстановку и выхватить пистолет.

///

Как выяснилось во время расследования, веселую компанию провел в аэропорт один из сотрудников.

Впрочем, в тот момент это не имело значения.

Потому что олдбаги швырнули в толпу четыре гранаты, а когда те взорвались – вскочили с пола и разбежались, расстреливая людей из автоматов и дробовиков. Расстреливая хладнокровно и безжалостно, не жалея ни женщин, ни стариков, ни детей. И остановить их могли только агенты.

– К бою!

Карифа успела выхватить пистолет, но среагировала на летящие гранаты и вернулась в капсулу, захлопнув дверь за мгновение до взрыва. Сразу после выскочила и расстреляла ближайшего олдбага: две пули в грудь, одна в голову. И прыгнула в сторону, уходя от выпущенной его приятелем автоматной очереди.

Однако основную роль в спасении людей сыграли Рейган и Захар.

Как и Карифа, они успели укрыться от гранат, только не в капсуле, а бросившись на пол, причем Рейган успела утянуть за собой неприспособленного к боевым действиям Конелли, а Захар вцепился в сумку со снаряжением. Сначала за ней укрылся, затем вытащил «зунды»: одну бросил красноволосой, второй вооружился сам. Они хладнокровно дождались, пока Амин отстреляется, и, убедившись, что внимание олдбагов приковано к Карифе, одновременно вскочили на ноги и открыли огонь. Захар – от центра налево. Рейган – от центра направо. Расстреливая всех, кто стоял на ногах. Сообразительный Конелли на четвереньках добрался до сумки, вытащил и подал агентам запасные магазины, за что потом получил от них дружескую благодарность в виде бутылки виски.

Олдбаги славились агрессивностью и жестокостью, но среди них редко попадались обученные профессионалы, и у «веселой» вооруженной до зубов компании не было ни единого шанса.

Короткая очередь Захара – и валится на пол преследовавший

Карифу мужик.

Рейган снимает женщину с дробовиком.

Вторая женщина пытается бросить гранату – Захар успевает прострелить ей голову, женщина падает, роняет гранату, из которой успела выдернуть чеку, и агентам приходится вновь укрываться от взрыва. При этом Захар подсечкой отправляет Конелли на пол. Взрыв окончательно деморализует олдбагов. Быстрые и высокие потери приводят их в неистовство, а оно никогда не было хорошим помощником. Олдбаги открывают беспорядочный огонь, агенты отстреливают их, как в тире, одного за другим, и останавливаются, лишь услышав крик Амин:

– Все! Они закончились!

И бойня прекращается.

Грохот стих, стали слышны стоны и плач. Кто-то кашляет. Кого-то тошнит. Умоляют позвать врача. Через разбитые окна доносятся крики и сирены специальных служб. Шум вертолета. Команды полицейских. Однако до зала еще никто не добрался.

И у Захара появляется время сделать то, что Карифа запомнила на всю жизнь. Он молча перевел «зунду» в положение «огонь одиночными», обошел зал и методично добил раненых олдбагов.

Всех.

* * *

Аэропорт «Шереметьево» Россия, Москва июнь 2029

До Москвы добирались на перекладных. Для начала Орк решил не «светить» Коста-Рику и придумал отправиться в международный аэропорт Гватемалы, что стоило им лишнего дня пути. Однако ограничиваться одной мерой предосторожности Бенджамин не стал, это было бы скучно и банально, поэтому отказался от самого короткого из возможных маршрутов: Гватемала – Майами – Париж – Москва, сказав, что в Штатах действует самая совершенная система поиска беглецов, и настоял на путешествии в Рио, где они провели два волшебных дня в ожидании рейса в Мадрид – на все остальные направления билеты оказались раскуплены. Впрочем, этой паузе Беатрис скорее обрадовалась: они сняли номер в маленькой гостинице и облазили весь город, не забыв побывать на знаменитом пляже Копакабана, хотя от моря, честно говоря, Беатрис стала немного уставать. Затем перелетели в Испанию, пробыли в ее столице сутки, убеждаясь, что европейские, куда более сложные, чем южноамериканские, системы безопасности приняли поддельный чип Орсона, а когда убедились, отправились в Москву. В город, который был для Бенджамина terra incognita, о чем он без стеснения признался Беатрис.

– Я был в России два раза и друзей не завел. Мой товарищ по Академии служит в форте «Симбирск», но, как ты понимаешь, я не смогу к нему обратиться.

– А на что ты рассчитывал, когда предлагал лететь в Воронеж?

– На свой опыт и твоих друзей, – честно ответил Бен, и Беатрис рассмеялась:

– Все правильно, Орк: на моих друзей. За те несколько месяцев, что я занимаюсь незаконным бизнесом, их у меня появилось изрядно.

– Друзей?

– Незаконопослушных друзей.

– Однако нужно помнить, что преступники не способны на дружбу.

– Ты говоришь, как полицейский или агент GS, – заметила девушка.

– Черт… – Он дурашливо улыбнулся. – А может, как законопослушный гражданин?

– Законопослушные граждане плохо знают криминальный мир.

– Допустим, я исключение.

– Ты – уникум, – не стала скрывать Беатрис. – И ты прав: преступники не способны на настоящую дружбу, но много ли ты знаешь людей, которые на нее способны?

– Я… – Орк хотел ответить быстро и резко, по армейским воспоминаниям, но неожиданно подумал о том, кто из тех парней, которых он искренне считал друзьями, которых прикрывал, рискуя жизнью, и которые прикрывали его… Кто из них согласится помочь ему сейчас? Кто рискнет? И еще Орк вспомнил, как парни стали смотреть, когда над его головой появились красные цифры «4» и «2». Подумал, вспомнил и медленно ответил: – Я понял, что ты имеешь в виду.

И отвернулся.

Самолет подъехал к «рукаву», и пассажиров пригласили на выход.

– Нас долго учили быть эгоистами, – обронила Беатрис, когда они покинули самолет и неспешно направились в зал прилета. Паспортный контроль давно канул в Лету: система вела чипы пассажиров из одного аэропорта в другой, и дальше – в случае необходимости, – а вот багаж бдительные россияне проверяли. К счастью – выборочно. – Каждый человек уникален и неповторим – и потому обязан заботиться о своем благополучии. Только о своем.

– Люди все равно будут сбиваться в стаи. Инстинктивно.

– У стаи эгоистов нет будущего, – вздохнула девушка.

И ее замечание очень понравилось Бену.

– Познакомившись с тобой, я сначала удивился, что ты рискнула пойти против системы, решил, что это последствия стресса от потери родителей, но теперь вижу, что твои мотивы намного глубже. – Он помолчал. – Ты хочешь больше.

– Лгать не стану: сначала мной двигало желание найти лекарство от suMpa, – призналась Беатрис. – Но, увязая в outG и узнавая его обитателей, наблюдая за тем, как жестко воюют власти с теми, кто по-настоящему идет против них, я крепко задумалась. И в какое-то мгновение мне показалось, что suMpa стала логичным результатом развития нашего мира. Ведь… что еще нас ждет в будущем?

– Может, звезды? – предположил Бен.

– Ты такой романтик? – удивилась Беатрис.

– Должна же у человека быть мечта.

Несколько секунд девушка смотрела на Орка так, словно они только что познакомились, а когда поняла, что он не шутит, привстала на цыпочки и поцеловала в щеку.

– Ты – обалденный! – Ответить Орк не успел. – Кстати, я не против что-нибудь перекусить. Я безумно проголодалась.

И решительно направилась к фуд-корту.

В Москве, во всяком случае в аэропорту, оказалось не так плохо, как ожидал Орсон, наслушавшись рассказов о сотрясающих Россию кризисах, коррупции, тотальной нищете и прочих неурядицах. Трафик в Шереметьево высокий, информация на табло менялась каждую минуту, фиксируя улетающие и прилетающие самолеты; повсюду красивые люди и почему-то очень много «мультяшек» – видимо, местная мода на «обложки» отставала от мировой на три-четыре года. К сожалению, по-английски большинство здешних обитателей говорили с жутким акцентом, то и дело вставляя заимствованные и не всегда понятные словечки, но при этом русские прилагали массу усилий, чтобы быть понятыми, а неразрешимых задач Бен перед ними не ставил.

– Два кебаба, – распорядился Орк, когда подошла его очередь. – И два чая.

– Конечно, сэр, – отозвался улыбчивый русский, начиная готовить еду. – Двух шаверма спустя три минута.

Киберпереводчик пискнул и сообщил, что не знает, чем его собирается потчевать черноволосый паренек.

– Два кебаба, – повторил Орк.

– Уже делаем, сэр! Не извольте беспокоиться. Наличными заплатить не желаете?

Беатрис предупредила Бенджамина, что в России до сих пор уважают и ценят «настоящие», то есть бумажные, доллары, которые Орсон в последний раз видел четыре года назад случайно. Так что они еще в Рио обменяли сотню кредитов на толстую пачку старых банкнот и теперь чувствовали себя если не королями, то по крайней мере наследниками престола.

– Столько хватит? – Орк бросил на стойку бумажный доллар.

– Вполне! – обрадовался курчавый, выкладывая на прилавок тарелки с едой. – Приятного аппетита!

– Перестань швырять деньгами, – рассмеялась Беатрис, когда они уселись за столик. – На тебя половина аэропорта вытаращилась.

– Неужели все видели? – поддержал шутку Бен.

– Тебя даже на информационном табло показали, мол, смотрите: у него есть настоящие доллары! – Девушка с сомнением оглядела лежащий на тарелке сверток. – Кстати, ты не знаешь, что мы собираемся есть?

– Национальное русское блюдо: рубленое мясо с овощами, завернутое во что-то, – сообщил Орк, который внимательно наблюдал за процессом приготовления.

– Кебаб?

– Он назвал это как-то иначе.

– Как? – осведомилась любознательная девушка.

– Мой киберпереводчик сломался на втором слоге.

– Ужас, – Беатрис осторожно взяла сверток в руку. – Уверен, что это можно есть?

– Это была твоя идея, – Бен откусил сверток сверху, прожевал и улыбнулся: – Нормально.

Мясо восстановленное, приправа отдает пальмовым маслом, тесто сыровато, но в целом есть можно, в армии во время дальних рейдов кормиться доводилось и хуже.

– Нужно перекусить, потому что я не уверена, что в доме Бобби мы отыщем еду, – ответила девушка.

– У какого Бобби? – осведомился Орк.

– У друга, к которому мы едем. Его зовут Бобби Челленджер, он десять лет живет в Москве, почти стал русским, но в отличие от них не держит в доме еду.

– Почему?

– Бобби забывает, что она у него есть, и еда протухает.

– И потом он долго ищет источник неприятного запаха?

– Ты знаком с Бобби? – вновь рассмеялась Беатрис.

– Почему он редко заглядывает в холодильник?

– Из холодильника так воняет, что Бобби боится к нему приближаться, – девушка откусила еще кусочек. – Так себе кебаб,

если честно.

– Вспомнил – это шаверма, – воспроизвел чуждое название Орк.

– А с виду – кебаб кебабом.

– Русские высоко ценят свое культурное наследие, которое в основном состоит из странных слов.

– Например, Достоевский, – произнесла Беатрис, отодвигая от себя остатки еды.

– Что Достоевский? – не понял Бен.

– Достоевский – это местное культурное наследие, – рассказала девушка. – Я читала его книги.

– Какие еще культурные слова ты знаешь? – Орсон был не настолько брезглив и свой сверток с мясом доел.

– ГУЛАГ.

– Что ГУЛАГ?

– Это место, где русские убивают русских.

– Зачем?

– Никто не знает, и всем плевать, – пожала плечами Беатрис. – Это исторический факт: у русских всегда есть ГУЛАГ, где они убивают русских, но зачем – никто не знает. Наверное, потому что дикие.

Они вновь рассмеялись, одновременно сделали по глотку чая и одновременно поморщились: он полностью соответствовал местной версии кебаба, и бурда, получившаяся из серых пакетиков без маркировки, называлась чаем только для того, чтобы определить позицию в чеке.

– Очень хочется вернуть это продавцу, – буркнул Орк. – Прямо в лицо.

– Он же горячий!

– Поэтому – в лицо.

– Но…

Возможно, Беатрис хотела наполнить бывшему полковнику о человеколюбии, однако Бен не позволил девушке закончить фразу: поставил пластиковый стаканчик на стол и прикоснулся к ее руке.

– Зря мы задержались в аэропорту.

Беатрис мгновенно поняла, что имеет в виду Орк, судорожно выдохнула и очень тихо спросила:

– Опасность?

– Да.

– Откуда знаешь?

– Еще не знаю, – ровным голосом ответил Бен, внимательно изучая толпу. – Чувствую.

– Шестое чувство?

– Благодаря ему я до сих пор жив.

– Я не смеялась.

– Угу… – Он откинулся на спинку тонкого стула. Со стороны казалось – ведет непринужденный разговор, но бывшие сослуживцы сразу бы поняли, что Орк подбирается, готовясь действовать. – Их двое, вошли в зал с разных сторон. Оба в плащах, и непонятно, как их пропустила охрана.

– Я смотрела прогноз погоды, в Москве похолодание, сегодня всего плюс пять.

– И ты говоришь об этом только сейчас? – притворно изумился Бен. – Я в одной футболке!

– Ты можешь шутить в такой момент?

– А что еще остается?

– Нужно встать и уйти, – сказала Беатрис.

– Придется подождать, посмотреть, в какую сторону они начнут стрелять, и уйти в другом направлении.

– Я забыла, что ты военный…

А в следующий миг раздался взрыв.

Орк ошибся: олдбагов было трое, а не двое. Третий – женщина с рюкзаком и пятилетним ребенком спокойно встала в самом центре переполненного людьми зала и привела в действие бомбу. Без крика. Без предупреждения. Как и любой олдбаг, она просто выпускала агрессию. Делала то, что от нее требовал беспощадный вирус.

Убивала.

Раздался взрыв.

Мужчины, которых заприметил Орсон, заранее укрылись за бетонными стенами, выскочили, как только прошла ударная волна, выхватили из-под плащей автоматы и открыли огонь, добивая раненых и контуженых, расстреливая тех, кому повезло остаться невредимыми, и тех, кто, услышав грохот, помчался на помощь, – такие люди еще оставались. И они падали под пулями олдбагов.

– Беатрис, ты цела?

– Да!

Они лежат на полу, на который Бен успел упасть сам и утащить за собой девушку, лежат среди стонущих людей. Беатрис напугана, но держится. На ее лице несколько капель крови, но Орк знает, что это не ее кровь, и с облегчением вздыхает.

– Я хочу уйти, – шепчет девушка.

– Я тоже, но они будут стрелять по всем, кто пошевелится.

Один из спасшихся посетителей фуд-корта поднимается на ноги и трясет головой. Его оглушило. Он не понимает, что в зале звучат выстрелы, и пытается вытряхнуть из головы гудящую вату.

Пытается до тех пор, пока один из олдбагов не посылает в него автоматную очередь.

Человек падает.

На лице Беатрис появляется несколько свежих капель крови, но она даже не вздрагивает. Она внимательно наблюдает за выражением лица Орка и по нему понимает, что происходит.

– Олдбаг идет сюда?

– Да, – едва слышно отвечает Бен.

Убийца сообразил, что раз поднялся один, значит, на фуд-корте могут оказаться и другие выжившие, и направляется к перевернутым столикам. Но идет неспешно, добивая всех, кто оказывается на пути.

– Что нам делать?

Будь Орк один, он бы дождался, когда олдбаг отвлечется на что-нибудь, и бросился к стеклянной стене, которую вынесло взрывом. Они на втором этаже, потолки в аэропорту высокие, но лучше прыгнуть, чем ждать, когда пристрелят. Но как объяснить девушке, что нужно дождаться подходящего момента? Как?

А через секунду Орсон понял, что недооценил Беатрис.

– Окно, – шепчет она, и в зеленых глазах загорается огонек безумного веселья. Она все поняла и готова действовать.

– Моя женщина… – шепчет Орк.

– Потом похвалишь, – отвечает Беатрис. – Когда бежать? Сейчас?

– Олдбаг должен смотреть в другую сторону.

– Скажешь – и я побегу, – она подобралась. – Я готова.

– Я тебя люблю.

– Это я тебя люблю.

Она еще не понимает, что он хочет сделать. А Орк видит, что остальные живые замерли. Кто-то плачет, кто-то надеется прикинуться мертвым, но все лежат. Никто не собирается вскакивать, и остается одно: Бен хватает ножку ближайшего столика и резко швыряет его в сторону. И бросается следом.

– Беги!

Она молодец. Она понимает, чем он жертвует, но понимает, что жертва не должна оказаться напрасной. Она срывается с места одновременно с ним, но не вскакивает на ноги, поднимаясь во весь рост, а мчится к окну на четвереньках, прыжками. И мчится быстро. А Орк… Орк бросает столик, делает движение, заставляя олдбага не смотреть в сторону Беатрис, пробегает пару метров и ныряет на пол в тот самый миг, когда автоматная очередь должна была порвать ему грудь. Пропускает пули над собой и скользит за киоск с кебабом, выигрывая несколько секунд.

Слышит крики, слышит удары пуль по киоску, ругается, разворачивается, мчится к выбитому окну и прыгает, как не прыгал никогда в жизни – не глядя. Не зная, что ждет его впереди, потому что сзади точно притаилась смерть.

Прыгает, падает на крышу туристического автобуса, тут же перекатывается, сваливается, слышит, как пули дырявят крышу, и улыбается. А потом видит укрывшуюся за этим же автобусом Беатрис и улыбается еще шире.

– У нас не могло не получиться, – говорит его женщина. – Ведь мы, черт бы тебя драл, вместе.

– Черт здесь ни при чем, – отвечает счастливый Орк. – Просто: мы вместе.

И они начинают смеяться.

* * *

***CNN**: Что происходит в Европе? Из крупнейших городов Старого Света приходят противоречивые, но страшные сообщения. Свидетели рассказывают о бесчисленных кровавых акциях олдбагов, на которые не успевают реагировать силы правопорядка…*

***NBC News**: Массовые убийства suMpa в Сан-Франциско! По предварительным данным, в городе уже погибли сто девяносто шесть человек, но перестрелки продолжаются. Мэр заявил, что если в течение двух часов полиция не сумеет нормализовать ситуацию, он обратится к федеральным властям и потребует введения Национальной гвардии…*

***EURONews**: Наши источники сообщают, что власти полностью утратили контроль за центральными округами Парижа, где в течение получаса взорвалось до тридцати олдбагов. После расстрелов горожане, основу которых составляли активисты общественных организаций «Gladiators», «Berbers» и «Sahara Blues», организовали стихийные протесты, требуя от правительства оградить мирных граждан от непредсказуемых олдбагов. В настоящее время активисты проводят осмотр магазинов и жилых помещений. К счастью, взвод жандармов успел забаррикадироваться в Лувре и спасти музей от разграбления…*

***France24**: В экстренном обращении к нации президент с гордостью заявил, что французы в очередной раз показали всему миру выдержку, хладнокровие и умение держать удар. «Мы должны гордиться гражданами Республики, сохранившими человеческий облик в этой непростой ситуации…»*

***REUTERS**: «Взорвавшиеся» олдбаги начали объединяться! Вирус мутировал? Они стали лучше воспринимать происходящее? Олдбаги по-прежнему жаждут убивать, но теперь они научились объединяться. «Взорвавшиеся» не убивают «взорвавшихся» и вместе*

атакуют людей. Кто может это объяснить?..

***Bloomberg**: В Гонконге зафиксировано около тысячи случаев suMpa. О жертвах не сообщается. Но судя по поступающим репортажам и видео независимых наблюдателей, обстановка там неспокойная, активисты требуют от властей КНР не вмешиваться во внутренние дела города…*

***Ciliophora Project**: Улицы русских городов усеяны трупами, которые поедают дикие звери…*

***FakeNews Corp.**: Стремительный рост насилия говорит о том, что распространение suMpa достигло критического уровня. Взорвавшихся очень много, и если власти не сумеют обуздать вирус в ближайшие пару недель, мир может погрузиться в хаос…*

* * *

Куркино Россия, Москва июнь 2029

К счастью, им удалось избежать внимания полиции…

Атака на аэропорт была не единственной акцией олдбагов в Москве. Почти одновременно произошли расстрелы в двенадцати крупных торговых центрах, на семи станциях метро и на пяти площадях. Были взорваны пять поездов и девять автобусов. Город оказался практически парализован, полицейских не хватало, и тратить много времени на спасшихся никто не собирался. Система зафиксировала присутствие Орка и Беатрис на месте происшествия, врач «Скорой помощи» просветил их походным сканером, не нашел повреждений, поинтересовался самочувствием, а услышав: «Все в порядке», занялся теми, кому действительно требовалась помощь.

Они вышли за оцепление, взяли роботакси и отправились в Куркино, расположенное совсем рядом с аэропортом и застроенное безликими бетонными многоэтажками, живо напомнившими Бену районы муниципального жилья на дальних окраинах Большого Лондона.

– По крайней мере здесь чистенько, – пробормотал Орк, разглядывая улицы. – Гетто Парижа производят более печальное впечатление… я уж молчу о Марселе.

– Стараются, – помолчав, ответила Беатрис. – Но при этом русские импортируют огромное количество наноботов.

– К чему это замечание? – нахмурился Орсон.

– Просто вспомнила, – обронила девушка. – Не обращай внимания.

Дом, в котором квартировался Бобби, ничем не отличался от соседних. То ли двадцать, то ли двадцать пять этажей – Бен не приглядывался, – отделан веселенькой плиткой и окружен высоким решетчатым забором, по верху которого шла колючая проволока. Окна двух первых этажей наглухо заделаны, дверь в

подъезд бронированная, открывается только своим – по чипу или сидящим внутри охранником. На калитке Орк увидел табличку: «Осторожно, злые собаки!», самих псов не разглядел и понял, что их выпускают во двор по ночам.

В целом Орсон относился к таким мерам положительно, поскольку любил чувствовать себя в безопасности, и хотя его смутило, что дом вынуждены укреплять жители внешне благополучного района, он решил оставить смущение при себе.

В конце концов, люди имеют право жить так, как им нравится.

Что же касается Бобби Челленджера, то он оказался жизнерадостным толстяком, предпочитающим широкие джинсы и еще более широкие футболки, делавшие его большое тело неприлично огромным. По рассказам Беатрис Орк определил его возраст «за сорок», однако красных цифр над головой толстяка не разглядел и понял, что был не единственным в их компании человеком, воспользовавшимся мастерством Гарибальди.

– Как добрались?

– С приключениями, – не стала скрывать девушка.

– Попали в перестрелку? – Бобби кивнул на настенный монитор, на котором как раз шел репортаж из аэропорта.

– Да, – скупо ответил Бен.

– Едва вывернулись, – добавила девушка. – Орк спас мне жизнь.

– Даже так?

– Любой на моем месте поступил бы так же, – пробубнил Бен, который не хотел обсуждать свой героизм с незнакомцем.

– Если бы смог, приятель, если бы смог, – рассмеялся Челленджер, хлопая себя по объемистому пузу. – Я, к примеру, вряд ли способен спасти кого-нибудь в бою.

– Мог бы накрыть собой гранату, – молниеносно среагировал Бен.

– Да ты шутник!

У Бобби была очень красивая, располагающая, а главное – искренняя улыбка. Толстяк улыбался всем лицом: разбегались морщинки, лучились весельем глаза, и казалось, что ближе друга у тебя нет и не будет. Одной-единственной улыбкой Челленджер делал то, на что профессиональные вербовщики тратили часы, – завоевывал доверие.

– И что мы все обо мне да обо мне? Это нескромно. – Толстяк прищурился на все еще настороженного Орка. – Значит, ты и есть тот парень, который излечился от suMpa?

– Я не излечился.

– А как это назвать? – поднял брови Бобби.

– У меня исчезли симптомы.

– У тебя исчез один симптом, приятель, – мерцающая ртуть. А второго – агрессивности – у тебя не было.

Орк покосился на Беатрис, и девушка едва заметно пожала плечами:

– Бобби – один из тех, кто может оказать нам реальную помощь. И я не собираюсь ничего от него скрывать.

– Милая, ты растопила мое сердце. – Толстяк сделал вид, что вытирает выступившую слезу. – Иди, я тебя обниму.

– Ты все такой же, – Беатрис чмокнула Челленджера в щеку.

– Есть вещи, которые не должны меняться, – Бобби одной рукой прижал девушку к себе, а вторую запустил в густые волосы, внимательно разглядывая Орка. – Ты прекрасно смотришься в кадре, приятель, мне будет интересно тебя снимать.

– Для чего? – растерялся Орсон.

Толстяк посмотрел на Беатрис:

– Ты ему не сказала?

– Надеялась, сестра расскажет, – ответила девушка, глядя Бену в глаза. – Кто же знал, Бобби, что ты окажешься таким треплом?

– Разве ты меня не знаешь?

– Что за сестра? – заинтересовался Орк.

– Ты и о ней не рассказала?

– Не слишком ли много тайн меня окружает?

– Я… – Беатрис выскользнула из объятий Челленджера, подошла к Бену и взяла его за руку: – Орк, я действительно кое-что от тебя утаила, но… Но собиралась рассказать, только не знала, как ты к этому отнесешься. А потом подумала, что мы сюда приедем, и я все расскажу. Не ожидала, что толстый окажется треплом.

– Я не толстый, – обиделся Челленджер. – Я бодипозитивный и от всей души наслаждаюсь лишним весом. Кстати, вы знаете, что наслаждение лишним весом хотят внести в список сексуальных ориентаций?

Орк вздохнул и привлек Беатрис к себе.

– Я догадывался, что ты не такая простушка, какой хочешь казаться.

– Я когда-то казалась тебе простушкой?

– Ни в коем случае.

– Нахал! – Она потянулась и легко поцеловала мужчину в губы.

– Теперь, когда мы простили друг друга, давай расскажем полковнику Орсону те нюансы, о которых ты умолчала, – радостно произнес Бобби. – Кстати, вы принесли чего-нибудь

пожрать?

– Я больше не полковник.

– Жалеешь? – молниеносно сменил тему Челленджер.

– Мне нравилось быть военным, – не стал скрывать Орк.

– Разве сейчас у тебя мало приключений?

– Стоп! – громко произнесла Беатрис, не позволив Бену ответить. – Давайте начнем с того, о чем я умолчала.

– Вы привезли пожрать?

– Хотели привезти, но на нас напали олдбаги.

– Неужели эти придурки охотились за едой, которую вы мне купили?

– Хватит про еду, – довольно жестко произнесла девушка. Затем взяла Орка за руку, усадила на диван и вздохнула: – Насчет сестры… Ты ведь не думал, что юная леди, окончившая частную школу и престижный университет, сумеет без проблем войти в outG? Без друзей и поручителей там делать нечего.

– Разумеется, – спокойно кивнул Бен.

– То есть ты понимал, что я что-то скрываю? – прищурилась Беатрис.

– Догадывался.

– И ничего не сказал?

– В какой-то момент я стал тебе доверять, – ответил Бен, глядя девушке в глаза. – В вопросах не было необходимости.

Беатрис помолчала, обдумывая признание Орка, затем посмотрела на Бобби. Толстяк не собирался выходить из комнаты, и потому она ограничилась тем, что крепко сжала руку Бена. И продолжила:

– Моим поручителем стала двоюродная сестра Эрна. Она всегда была черной овцой в нашем благородном семействе, бунтаркой и чуть ли не анархисткой. Она – известный хакер, и только благодаря ей меня приняли в outG.

– Понятно, – кивнул Орсон, потому что должен был что-то ответить.

– Что же касается нашего бодипозитивного друга…

– Давай обойдемся без бодишовинизма!

– …Бобби Челленджер – легенда outG, последний оставшийся на свободе евангелист «Time Anarchy», а также создатель, владелец и главный редактор канала «FakeNews Corp.».

– Что, правда? – не сдержал изумленного возгласа Орк.

– Слышал обо мне? – хихикнул толстяк, довольный произведенным эффектом.

– Кто о тебе не слышал!

– Мне тоже приятно с тобой познакомиться, приятель. Согласись, теперь наша встреча заиграла новыми красками?

– В общем, да…

Челленджер повернулся к Беатрис:

– Ты действительно не привезла еды?

– Тебе необходима диета.

– Зараза!

– Всегда такой была.

– Как много я о тебе не знаю, оказывается, – хмыкнул Орк.

– Твоя подружка еще та язва, как-нибудь я расскажу…

– Давай вернемся к делам, – предложила Беатрис.

– Согласен, – кивнул Орсон. И вновь обратился к толстяку: – Ты хочешь сделать меня звездой «FakeNews»?

– Извини, приятель, но это место занято: я – звезда «FakeNews». А тебя я раскручу на весь мир.

– Зачем?

И вот на этот вопрос Челленджер ответил предельно серьезно:

– Затем, чтобы ты не исчез.

Сначала Бенджамин нахмурился, но быстро понял, что имеет в виду толстяк, и кивнул, показав, что полностью согласен с услышанным.

– Ты был абсолютно прав: вокруг suMpa творится нечто странное, – развила тему Беатрис. – Сестра думает точно так же, и мы договорились, что обязательно докопаемся до правды, ты о ней расскажешь, а Бобби разнесет твои слова всему миру. Так что учись работать на камеру.

– Это не сложно, приятель, я расскажу, как нужно себя вести. – Во время разговора Челленджер оказался в стоящем у дивана кресле, теперь же потянулся и дружески похлопал Орка по плечу.

– Будем выкладывать историю нашего путешествия онлайн?

– Ни в коем случае – нас мгновенно засекут.

– Отснимем материал, обработаем его, и будем выкладывать по частям, вернувшись из Воронежа.

– Но почему я?

– Ты, приятель, до сих пор числишься в бегах: единственный взорвавшийся олдбаг, чья судьба неизвестна. О тебе помнят, а увидев без ртути в глазах – обалдеют. Мы расскажем твою историю от «а» до «я». Мы запишем твои воспоминания, продемонстрируем видео из бара, где тебя накрыла suMpa, и материал, который отснял Гарибальди…

– Он меня снимал?! – взревел Бен.

– Откуда запись?! – секундой позже выкрикнула Беатрис.

– Не волнуйтесь: запись есть только у меня, – широко улыбнулся Бобби. – Короче, мы сделаем сенсационную историю и выставим на всеобщее обозрение все тайны правительства.

– А если правительство ничего не скрывает? – осведомился Орсон, которому очень хотелось, чтобы их безумные подозрения оказались безумными подозрениями.

– Тогда мы покажем всему миру человека, который излечился от suMpa, – пожал плечами Челленджер. – Что станет гарантией твоей безопасности.

Бен перевел взгляд на девушку:

– Ты с самого начала знала, что так будет?

– Эрна придумала все это после моего сообщения из Коста-Рики, – тихо ответила Беатрис. – Как ты помнишь, сначала мы собирались прятаться, поэтому нас не трогали, но когда я написала, что возвращаюсь, она всерьез занялась проектом.

Бен помолчал, после чего заметил:

– Твоя сестра весьма… энергичная особа.

– Убедишься, когда познакомитесь.

Его не оставляло ощущение неправильности, неестественности происходящего, но Бенджамин не мог сказать точно, что именно его смущает. Сложность предстоящего дела? Он знал, что легко не будет. Неожиданное появление сестры? До сих пор Беатрис не имело смысла о ней упоминать. Скрытность самой Беатрис? Наверное, да, в первую очередь скрытность девушки, которой он только-только стал доверять. Но полученные объяснения его полностью удовлетворили, и уж точно не имело никакого смысла затевать выяснение отношений при толстом Бобби.

Который кашлянул и молча вышел из комнаты.

А Беатрис…

Беатрис поняла, какие чувства обуревают Орка, поэтому взяла его за руку, заглянула в глаза и прошептала:

– Прости меня.

И тем развеяла все сомнения.

* * *

США, Нью-Йорк июнь 2029

Мало кто мог похвастаться, что видел Александра Адама Феллера абсолютно серьезным. И уж точно никому и никогда не доводилось наблюдать его озабоченным. Во-первых, потому что А2 идеально «держал лицо», умело включая «poker face» в тех случаях, когда хотел скрыть эмоции, и обладал феноменальной выдержкой. Во-вторых, потому что он тщательно продумывал появления на публике, а обладая доступом к самой полной и оперативной информации, как правило, узнавал о происходящем раньше собеседников и зрителей и успевал подготовить нужную реакцию. Ну а в-третьих, благодаря общеизвестному оптимизму, веселому нраву и умению относиться к происходящему легко, во

всяком случае внешне.

Однако сейчас Феллер был серьезным и озабоченным и очень внимательно слушал доклад директора Митчелла.

– Распространение suMpa по планете получилось неравномерным, что, впрочем, естественно. Наибольшая концентрация олдбагов зафиксирована в крупных городах Европы, России и Западного побережья США. Очень сильно поражены Мумбаи, Бангалор, Калькутта, Карачи, Гонконг, Рио, Мельбурн и Джакарта, – на мониторе появилась карта, на которой перечисленные города пылали ярким красным цветом, а вокруг расползались пятна зараженных областей. – Как видите, suMpa продолжает шествие по планете.

– Как реагируют люди?

– Какие из них? – уточнил директор GS.

– И те, и другие, – ответил Феллер. – Начнем с олдбагов.

– Разумеется, не с тех, кто уже взорвался, – подал голос Арчер. – Как реагирует большинство?

– Они начали объединяться, – доложил Митчелл. – Создают убежища и защищают их.

– Чем защищают? – спросила Томази.

– У олдбагов стало появляться оружие, – признал директор GS. – Они больше не верят в защиту государства.

– Полиция должна жестко пресекать подобные случаи, – недовольно заявил Полуцци. – Пусть их быстро хватают и показательно наказывают.

Среди стратегических инвесторов Полуцци считался последовательным сторонником сильной руки, людей не любил и не жалел, и его жесткие требования Митчелл обычно пропускал мимо ушей.

– Нет, – произнес A2, на мгновение опередив директора. – В нынешних условиях попытка разоружить олдбагов приведет к противостоянию, в котором мы пока не заинтересованы. Нужно продемонстрировать, что власти одинаково заботятся обо всех гражданах.

– А вешать будем потом, – глухо сказал жирный Андерсон и рассмеялся собственной шутке.

Феллер поморщился, но промолчал.

Совещание проходило по Сети в режиме максимально защищенной видеоконференции, и подключились к ней лишь девять стратегических инвесторов и глава GS. Люди, которые вкладывали в развитие мира больше остальных, решили обсудить происходящее в узком кругу.

– Что обычные граждане? – осведомился Арчер.

– Боятся.

– Это нормально.

– А тот факт, что взорвавшиеся начали объединяться в группы, пугает их еще больше.

– Мутации непредсказуемы, – пожал плечами А2. – Они непонятны, и тем сильнее их воздействие на психику.

– Я подготовил серию передач в основных медиа, – добавил Арчер. – Вирусологи и психиатры объяснят новую тактику взорвавшихся олдбагов.

– Хорошо, – кивнул Андерсон с таким видом, будто это ему давали отчет.

– Как и ожидалось, во многих городах начались беспорядки, – после короткой паузы ответил Митчелл. – Фиксируются массовые нападения на олдбагов. На Восточном побережье появляются ячейки организации «Напуганные граждане», они вооружены и требуют от правительства жестких мер.

– Погромы? – тут же заинтересовался Полуцци. И его поспешность показала, что инвестор или финансирует «Напуганных», или сам их придумал.

– Погромы, грабежи и массовые случаи мародерства, – подтвердил директор.

– Полиция справляется?

– Не везде.

– Вводятся войска?

– В Сан-Франциско уже задействовали Национальную гвардию, на очереди Лос-Анджелес и, возможно, Сиэтл. В остальных странах ситуация приблизительно такая же.

– Дальше будет хуже, – заметила Лариса Томази.

– Будет, – согласился директор. – Так что времени у нас мало.

– Я люблю работать в режиме цейтнота – ничего не отвлекает, – Феллер впервые продемонстрировал свой знаменитый оптимизм и улыбнулся.

– О твоей эксцентричности слагают легенды, – заметил Арчер.

– Зависть – это смертный грех.

– Только не в моей конфессии.

Они рассмеялись.

– Рад, что вам весело, – желчно произнес Полуцци, – но пора определяться: когда делаем следующий шаг?

Комплекс мер, которые следовало предпринять в случае эпидемии suMpa, был разослан инвесторам заранее и в целом ими одобрен. Если сейчас они подтвердят принятое решение, мир начнет стремительно меняться.

– Меня смущают особые полномочия GS, – неуверенно произнес Андерсон. – Так ли они необходимы?

Клан Андерсона занимался космосом, и жирного смущали аппетиты военных.

– Уж больно случай удобный, – усмехнулся Арчер. – GS давно переросла нынешние полномочия, пора выводить службу на новый уровень.

– Тоже правильно.

– Вчера я играл в гольф, и мне шепнули, что кое-кому в сенате не понравилась идея переноса выборов, – сказал Полуцци. – Некоторые законодательные олдбаги не умерили амбиции и мечтают о президентском кресле.

– Президент нас полностью устраивает, – тут же заявил Арчер.

– Знаю.

– Пожалуйста, назовите мне фамилии тех, кто недоволен чрезвычайными мерами, – попросил Митчелл.

– Я пришлю список, – пообещал Полуцци.

– Только давайте договоримся, что список мы утвердим коллегиально, – А2 слегка повысил голос. – Не хочу, чтобы ты выбил из игры моих сенаторов.

– Как ты мог такое подумать? – притворно удивился Полуцци.

– Слишком хорошо тебя знаю.

Инвесторы обменялись многозначительными взглядами.

– Армию, Национальную гвардию и полицию нужно окончательно освободить от олдбагов, – продолжил Арчер. – Но в первую очередь – армию.

– Молодым генералам эта идея понравится, – рассмеялась Лариса.

– Тебе виднее, – едко заметил Арчер.

– Ты тоже неровно дышишь к мужчинам в форме, милочка, – парировала Томази.

Арчер прошипел ругательство, но его заглушил Андерсон:

– И еще необходимо принять закон, запрещающий ношение солнцезащитных очков, – громко заявил он. – Временно, конечно.

– Ты серьезно?

– Абсолютно, – подтвердил Андерсон. – Не хочу, чтобы они прятали глаза.

– Перед тем, как их повесят, – протянул Феллер.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего.

– Вот и молчи! – Андерсон отвернулся.

– Думаю, первые серьезные разговоры о необходимости введения новых законов нужно начинать через три-четыре часа, – негромко произнес Арчер. – Ближайшая ночь будет жаркой и кровавой, люди устанут и согласятся на пакет предложений,

который утром предложат правительства.

– Мы готовимся выстроить новый мир, господа, – сказал А2, с усмешкой разглядывая инвесторов. Судя по всему, он окончательно справился с озабоченностью и вернул себе хорошее настроение. – Никто не хочет произнести что-нибудь пафосное?

– Не облажайся, – хмуро сказал Полуцци.

– От тебя я не ждал ничего другого.

– Оставим пафосные речи на потом, – предложил Арчер. Покосился на Андерсона и добавил: – Как и виселицы.

– Вижу, тебе понравилось, – хихикнул тот.

– Рад был повидаться, – подытожил А2 и отключился.

Но, выйдя из конференции, Феллер тут же увидел мигающий значок входящего вызова, коротко ругнулся, посмотрел, кто ищет с ним беседы, поморщился и ответил:

– Рад видеть.

– Мистер Феллер, – предельно вежливо отозвался появившийся на экране брюнет с элегантной бородкой и нежно подведенными глазами. Голос брюнета звучал мягко, но не приторно. – Я вам не помешал?

– Вы ведь знаете, что я всегда рад вас видеть, Морган, – усмехнулся А2. – И слышать. Что случилось?

– Звоню рассказать, что проект развивается даже лучше, чем я планировал, – ответил доктор Каплан. Похоже, он просто захотел похвастаться инвестору и напомнить о своем – очень важном – вкладе. – До сих пор не случилось ни одного сбоя.

– Я не сомневался в вашем профессионализме, Морган.

– Благодарю, мистер Феллер.

Доктор Каплан руководил Институтом перспективной психиатрии, был автором нескольких нашумевших книг, профессором трех университетов и звездой медицины. При этом он был талантливым практиком, много работал для военных и GS, добился выдающихся результатов, и потому А2 привлек талантливого врача к проекту «Elysium».

– Морган, скажите, как долго вы сможете поддерживать взятый темп?

– Запасов хватит еще на неделю, – доложил Каплан. – Но мы планировали постепенно снижать активность.

– Я не отказываюсь, – кивнул А2, – просто спросил.

– Если необходимо, я могу возобновить производство материала.

– Нет, пожалуй, не надо, – поколебавшись, решил Феллер. – Обойдемся тем, что есть.

– Как скажете.

– Вы молодец, Морган.

– Благодарю, мистер Феллер.

Монитор вновь погас.

Некоторое время А2 сидел в кресле, глядя в замолчавший коммуникатор, затем свернул самокрутку, раскурил, вышел на открытую террасу пентхауса, установил коммуникатор на перилах и принялся разглядывать лежащий под ногами город через полицейское приложение, равнодушно читая появляющиеся над крышами сообщения: горящий дом, кажется, в Бронксе – «Вооруженное ограбление и умышленный поджог»; звуки стрельбы неподалеку – «Попытка убийства»; завывание сирен в Бруклине – «Нападение с отягчающими»…

Сообщения сыпались одно за другим, и их было больше, в разы больше, чем в обычный день. Их было столько, что полицейские захлебывались в просьбах о помощи. Их было невероятно много.

Потому что началась война с олдбагами.

* * *

Россия, Старый Оскол июнь 2029

– Мы не первые люди, желающие поглазеть на оставленный метеоритом кратер, и поначалу правительство ничего не имело против того, чтобы организовать в Воронеже, точнее в том, что от Воронежа осталось, полноценный туристический аттракцион со смотровой площадкой, экскурсиями по полуразрушенным зданиям и сувенирными футболками: «Я был там, где погиб миллион человек». Ты ведь, наверное, помнишь, что правительство обещало открыть Воронеж для посещений после расчистки завалов и уборки трупов, но выполнить обещание не успело: появился suMpa, город полностью блокировали, и за все прошедшее время случилось лишь три проникновения в запретную зону. И все неудачные: исследователи или погибли, или получили головокружительные сроки и сидят в тюрьмах строгого режима.

– Зачем они шли? – спросил Орк.

– Из любопытства, – пожал плечами Бобби. – Неужели не понятно?

– Идти на смертельный риск из любопытства? – Бен покрутил головой. – Да, мне это непонятно.

– Если бы не любопытство, мы так и не вышли бы из пещер, приятель, – парировал Бобби. – Странно, что ты этого не понимаешь.

Толстяк явно нацелился на долгий спор, но продолжить ему не позволили.

– Не отвлекайтесь, – попросила Беатрис. – Скоро объявят посадку.

Они вновь сидели в аэропорту за пластиковым столиком фудкорта, только на этот раз в зоне вылета. И на этот раз вокруг не было ни одного олдбага, для которых по всему миру начали вводить «временные» ограничения: отдельные зоны на вокзалах и в аэропортах, отдельные рейсы, отдельные вагоны. Первыми сегрегационные меры приняли перевозчики, но Орк не сомневался, что скоро их инициативу поддержат торговые сети, рестораны, кафе, музеи… а потом простые граждане задумаются над тем, как опасно находиться на одних улицах с олдбагами… жить с ними в одних городах… в одних домах…

– После удара основной поток людей шел в Воронеж через Липецк, – продолжил Бобби, попивая кофе. – Военные, врачи, спасатели… и мародеры, конечно, куда же без них. Но поскольку среди толпы встречались и просто любопытные, желающие своими глазами рассмотреть кратер и разрушения, я считаю этот маршрут первым туристическим. Его прикрыли почти сразу, но военные ограничивались блокпостами, сил на сплошное кольцо, как сейчас, у них не было, и появилось два альтернативных маршрута: через Курск и Тамбов. Они действовали примерно неделю…

– Почему никто не шел в Воронеж с юга? – спросил Орк, раскрыв в одном из «окон» наноэкрана подробную карту.

– Были маршруты через Борисоглебск и Урюпинск, но их перекрыли одновременно с основными.

– С юга, – повторил Орсон.

– Какой ты въедливый.

– Я – военный.

– Как я мог забыть, – рассмеялся Челленджер. – Никто не шел, потому что территории южнее Воронежа контролируется «Clisanto».

– Генно-модифицированными королями?

– Ага, – жизнерадостно подтвердил толстяк. – Половина того, что ты ешь, сделана ими, а вторая половина – их конкурентами. «Clisanto» принадлежит весь чернозем планеты, а охрана там…

– Бывшие военные, – буркнул Орсон.

– Почему бывшие? – удивился Бобби. – Самые настоящие военные. «Clisanto» – корпорация, и ее владельцы не собираются брать на себя ненужные расходы. Они обеспечивают планету продовольствием, а за это правительство содержит их службу безопасности. Плантации «Clisanto» охраняют самые обычные военные, только форму надевают другую, чтобы не раздражать общество.

– То есть с юга не пройти, – подытожил Орк, который лучше собеседников знал, что армия способна надежно закрыть любой

периметр. – Тогда что будем делать?

– Мы полетим в Белгород, а пока будем в воздухе, сестра Беатрис внесет в базу данных информацию о том, что мы – гражданские подрядчики NATO, нанятые для тестирования систем связи, что объяснит и наше появление, и мою аппаратуру, – рассказал Челленджер. – Пройдя контроль, мы отправимся в Старый Оскол, где нас ждет Эрна, которая прямо сейчас разрабатывает план проникновения в Воронеж.

– Она настолько крута?

– Настолько, – подтвердил Челленджер и поднялся со стула, поскольку объявили посадку на их рейс.

Беатрис улыбнулась, но промолчала.

///

– Как хорошо…

– Сейчас будет еще лучше.

– Только не торопись, – просит Карифа.

– Я никогда не тороплюсь.

– Я знаю, знаю… знаю…

Карифа изгибается в сладкой истоме, обнимает Рейган за шею, целует в губы, стонет от наслаждения и страстного ответа, с вожделением отдается рукам подруги, улыбается, чувствуя спиной небольшие, но крепкие груди Рейган, ее твердые соски, резко разворачивается, оказывается сверху и крепко прижимается к любовнице грудью.

И вновь улыбается, впитывая и телом, и душой жаркие поцелуи.

И вновь оказывается снизу, на спине, и Рейган разводит ее бедра крепкими руками.

Карифа стонет…

Они никогда не афишировали свои отношения. И не из-за требований устава, поскольку GS официально отказалась признавать прецедент Маши Браун, капитана ВВС, заявившей, что имеет право служить в одном подразделении с женой. Верховный Суд встал на сторону Маши, но директор GS воспользовался тем, что служба формально считалась международной, и вывел ее из-под судебного решения. Запрет сохранился, но Амин и Рейган скрывались еще и потому, что Карифа опасалась потерять авторитет внутри группы.

Как бы там ни было, они никогда не занимались любовью в командировках, какие бы удобные случаи ни представлялись, но сегодня… Сегодня им показалось… сегодня всем показалось – абсолютно всем! – что появившаяся год назад трещина окончательно расколола привычный мир, и когда первый шок прошел, многие люди потянулись друг к другу в поисках тепла.

Пользуясь своим положением, Карифа добыла для группы два номера в отеле при аэропорте, сказала, что у них есть не менее восьми часов на отдых, и велела провести их по своему разумению.

Свое разумение она продемонстрировала Рейган сразу: войдя в комнату подошла к окну и задернула плотные шторы. Потом сбросила куртку и сказала:

– Для нас я выбрала номер с двуспальной кроватью.

А в следующий миг щелкнул дверной замок, отрезая их от спятившего мира, и время помчалось вскачь.

Сплетенные тела, прерывистое дыхание, шепот, стоны, прикосновения, растрепанная голова Рейган между бедер, и нежные ласки, уносящие на вершину блаженства. Карифа терпела, сколько могла, потом закричала, заколотила ногами, вцепилась в простыню, едва ее не разорвав, выгнулась, продолжая кричать, а затем распласталась на кровати.

Довольная и счастливая.

И прошептала:

– С тобой невероятно хорошо.

И услышала в ответ немного не то, что ожидала:

– Лучше, чем с А2? – спросила красноволосая, и в ее голосе послышались ревнивые нотки.

– Тебе это важно? – спросила Карифа, раскидываясь на подушках и направляя взгляд в потолок.

– Не знаю, – честно ответила Рейган. – Иногда настолько важно, что скулы сводит от бешенства. Иногда мне удается оставаться спокойной.

– Мы с самого начала договорились о свободных отношениях, – напомнила Амин.

– Я никогда не ревновала тебя, знала, что все это лишь увлечения.

– Сейчас…

Но Рейган не позволила подруге договорить или солгать.

– Сейчас все иначе, – сказала она, тоже не глядя на Карифу. – Я это чувствую, а ты это знаешь: ты по-настоящему влюбилась в А2.

– Давай не будем, – попросила Амин.

– Почему?

– Потому что нам только что было невероятно хорошо, потому что А2 остался на другом континенте, а мир долбит suMpa, потому что нет ничего важнее, чем здесь и сейчас, – объяснила Карифа. – Пожалуйста, ни слова об А2.

– Я… – Рейган поняла, как глупо выглядит, отвернулась, тихо проронила: – Прости, я не должна была заводить этот разговор.

И ушла в ванну, заперев за собой дверь.

Бежать за ней Карифа не собиралась.

Некоторое время продолжала лежать на кровати, переживая скандал и ожидая, что Рейган вернется, потом услышала шум льющейся воды, пожала плечами и включила настенный коммуникатор, настроенный на новостной канал, и сразу натолкнулась на репортаж о распространении suMpa. Впрочем, другие новости сейчас никого не волновали.

– Вирус продолжает атаковать, – сообщил диктор, мрачно глядя в камеру. – Количество взорвавшихся олдбагов не уменьшается, и сообщения о кровавых событиях приходят со всех концов страны. Из всех стран мира.

Картинка сменилась на беспорядочное видео с улиц крупнейших городов: рыдающие люди, которых спасатели вытаскивают из нью-йоркского метро, – олдбаг взорвал поезд; окровавленные люди, разбегающиеся с Пиккадилли; пылающий торговый центр в Москве; бойня в парижском Лувре…

– Нам сообщают, что в поведении олдбагов отмечены изменения: большинство по-прежнему демонстрирует немотивированную агрессию и жажду крови, но женщины и старики предпочитают прятаться, проявляя скорее страх, чем ярость. С нами на связи находится знаменитый психиатр Морган Каплан, директор Института перспективной психиатрии, который работал и продолжает работать с WHO над лечением suMpa. Доктор Каплан, скажите, как можно объяснить изменения в поведении олдбагов?

– Мутацией вируса, – уверенно ответил психиатр. – Полагаю, в земных условиях он начал меняться и теперь проявляет свои ужасные свойства с некоторой задержкой.

– То есть агрессия у прячущихся олдбагов обязательно проявится?

– Без всяких сомнений, – кивнул Морган, небрежно поправляя упавшую на лицо прядь. – Мы уже встречались с подобными случаями, и я могу твердо заявить, что все взорвавшиеся олдбаги рано или поздно начинали убивать. Олдбаг опасен, потому что он – олдбаг.

– Спасибо, доктор Каплан.

– Рад был помочь.

На экран вернулись кадры с растерзанных улиц. На большом коммуникаторе изображение выглядело почти объемным и настолько детализированным, что Карифа поморщилась. Уличные столкновения снимали мастера своего дела, репортажи получились жесткими и не оставляли сомнений в том, что все происходящее – лишь начало страшных преобразований.

Очень страшных.

И девушку окутало явственное ощущение надвигающегося конца. Мир не треснул, как ей показалось изначально, а забеременел. В мир пришло нечто новое, то ли идея, то ли технология, пришло нечто такое, что заставит его разродиться, пожрав самого себя, и стать другим.

Обязательно заставит.

И это понимание оглушило Карифу. Обдумывая его, она машинально достала из рюкзака кисет, бумагу, свернула самокрутку, пусть не так ловко, как А2, зато аккуратно, раскурила, с наслаждением затянулась, продолжая задумчиво смотреть на экран, и опомнилась лишь услышав удивленный вопрос Рейган:

– Настоящий табак? – Красноволосая вышла из ванной комнаты и застыла, комкая в руке полотенце.

Отрицать очевидное не имело смысла, и Амин кивнула:

– Да, – и демонстративно пустила к потолку дым. – Ты ведь на меня не донесешь?

– Я чувствовала запах от твоей одежды, иногда – из твоего рта, но убеждала себя, что ошибаюсь. Я заставляла себя думать, что ошибаюсь.

Кажется, впервые в жизни Рейган была по-настоящему растерянна.

– Ты не ошибалась.

– И что теперь делать?

Карифа равнодушно пожала плечами и вновь затянулась, с наслаждением вдыхая ароматный дым.

– Он научил? – тихо спросила красноволосая, присаживаясь на краешек кровати.

– Да.

– И как?

– Тебе не понравится, – прохладно ответила Амин. – Мне самой поначалу не нравилось, но постепенно втянулась.

– Он сделал из тебя наркоманку, – почти всхлипнула Рейган

– А2 не любит химию и брезгует курительными смесями.

– Разве обязательно курить табак?

– Иногда нужно делать то, что запрещено, – пожала плечами заместитель директора GS. – Просто для того, чтобы не идти в строю.

– Ты служишь закону, ты уже в строю, – сказала Рейган, а в следующий миг с горечью подумала, что использовала неправильный оборот: следовало сказать не «уже в строю», а «была в строю».

///

Таинственная сестра не подвела: во время полета в их «балалайках» появились метки NATO и контроль в Белгороде путешественники прошли без проблем. А на выходе из аэровокзала их ожидали двое темноволосых мужчин в военной форме без опознавательных знаков, которые уверенно подошли к Бобби, молча вручили ему черный брелок, ткнули пальцем в тяжелый внедорожник с номерами бригады наблюдателей ООН и тут же испарились, словно их не было.

– Еще один подарок судьбы? – хмуро осведомился Орк.

– Надеюсь, ты умеешь им управлять? – осведомился Челленджер.

Но осведомился вежливо, без привычной язвительности, поскольку Бенджамин предложил толстяку помощь и тащил один из массивных рюкзаков с аппаратурой.

– Разумеется, умею.

– Сядешь за руль.

Бобби открыл задний люк, сложил и тщательно закрепил в грузовом отсеке снаряжение, спросил у Беатрис, где она хочет ехать, услышал, что впереди, в командирском кресле, улыбнулся:

– Не сомневался в ответе, – и с комфортом расположился на заднем диванчике. – Поехали.

Но опоздал с приказом на пару секунд: в тот миг, когда толстяк захлопнул тяжелую дверь, Орк надавил на акселератор, медленно вывел внедорожник с парковки и сообщил:

– Я не знаю, с кем договорилась твоя сестра, но эта машина – военная, только перекрашена.

– Если я правильно разобрался в загрузившемся приложении, все оружие автомобиля на месте и пребывает в боевой готовности, – обронила Беатрис.

– В боевой готовности оно пребывает перед боем, – уточнил Бен. – А наше оружие подготовлено и заряжено.

В его «балалайку» тоже скачалось приложение, и теперь Орк видел машину от покрышек до установленных на крыше дронов.

– Опознавательные чипы отсутствуют, даже пассивные, серийные номера стерты без возможности восстановления, – вставил свое слово толстяк. – Но самое главное – внедорожник выполнен по схеме «глухарь», салон экранирован, и сигнал наших «балалаек» исчез в тот самый миг, когда Орк захлопнул дверцу.

– Все правильно, – кивнула девушка. – Все так, как должно быть.

Но от объяснений уклонилась.

– На самом деле один чип работает – он выведет нас из города, – добавил Бен. – Видимо, потом он отключится, и мы окончательно исчезнем.

– Все так, как должно быть, – повторила девушка.

– Откуда у твоей сестры такие возможности? – тихо спросил Бен.

Игнорировать этот вопрос Беатрис не могла и неохотно сказала:

– Она давно в outG, и друзей у нее больше, чем у меня.

После чего отвернулась.

///

Неожиданная вспышка suMpa, сразу получившая имя Первая, изменила мир. Напугала и сделала жестоким. И, разумеется, напрочь поломала пассажирский трафик. Если расписание внутренних рейсов кое-как соблюдалось, то международное движение рухнуло, почти сутки не подавало признаков жизни и лишь затем стало потихоньку восстанавливаться. В результате Карифа прибыла в Москву намного позже, чем собиралась, сразу направилась в местный филиал GS и затребовала материалы по инциденту в Шереметьеве. Конелли получил часть из них еще в Париже, в полете просмотрел, не нашел ничего интересного, однако Амин решила лично убедиться в том, что подозреваемые не принимали участия в перестрелке.

– Олдбаги опознаны?

– Двое мужчин и женщина, все местные.

– Точно?

– Абсолютно.

– Угу…

Карифа не особенно рассчитывала на то, что Орсон взорвется в московском аэропорту, это было бы слишком большим подарком, но надежда, как известно, умирает последней, и когда она умирает, становится немного грустно.

– Вот уточненный список жертв, – произнес агент, пересылая Амин следующий файл. – Пятьдесят семь трупов.

– Конелли, это тебе.

– Да, мэм.

При посторонних оператор не мог ответить иначе, однако ответ прозвучал настолько сухо, что местный агент удивленно поднял брови, но промолчал. А вот Карифу давно перестало беспокоить официальное обращение подчиненных. Да, их отношения изменились, от тепла, которым она гордилась, не осталось и следа, но мир, мать его, изменился настолько, что потеря дружеских связей с подчиненными растворилась в захватившей реальность мерзости.

Стало безразлично.

– Вы зафиксировали всех участников, свидетелей и… жертв расстрела? – Паузу Амин сделала для того, чтобы не ранить чувств местного агента, показать, что ей не все равно.

Именно показать.

– Мы отметили всех, кто находился в аэропорту и вокруг, но проверить не успели, – агент развел руками. – Работы очень много.

– Я понимаю, – с чувством произнесла Карифа. – Конелли?

– Я все понял, мэм, уже работаю.

Снова проверка – повторная, и снова, наверняка впустую. У них есть только нечеткое изображение возможного Орсона, под которое подошло больше сотни из находившихся в аэропорту мужчин, как определить нужного? Выделить тех, кто прилетел? А если Орсон успел покинуть Шереметьево до перестрелки?

Если, если, если…

– Кстати, в прошлых материалах отсутствовало видео с нашим скромным героем, – произнес агент.

– Кто-то из ваших отличился? – равнодушно поинтересовалась Амин.

– Нет, отличился пассажир, один из тех, кто оказался во время атаки в зале.

И в этот момент Карифе показалось, что она находится в казино, дернула за рычаг автомата и услышала бравурную музыку, означающую выпадение джек-пота.

– Что он сделал? – очень тихо, поскольку боялась спугнуть удачу, спросила девушка.

– Отвлек олдбага, чтобы его подружка смогла уйти, а затем выпрыгнул из окна, – рассказал агент. – Отчаянный парень, мало кто решился бы на такой кульбит. Да и девчонка его молодец, отличная подруга для такого смельчака.

– Покажите, пожалуйста, видео.

Амин и ее агенты просмотрели запись в полной тишине. Затем – так же молча – подождали вердикта Конелли и шумно выдохнули, когда оператор доложил:

– Парень вполне подходит под описание.

Карифа повернулась к агенту:

– Вы зафиксировали «балалайку» героя?

– Разумеется.

– Конелли!

– Уже.

Оператор подключился к программе глобального слежения.

– Из Шереметьево указанный чип направился в многоквартирный дом неподалеку, – и посмотрел на агента. – Я скинул адрес.

– Отправьте туда группу, выясните, к кому приезжал герой, проведите обыск и арестуйте хозяина квартиры.

– На каком основании? – растерялся агент.

– У нас есть право задержать кого угодно на семьдесят два часа, – жестко напомнила заместитель директора.

– Да, конечно, извините.

Агент отошел в сторону и принялся шептать распоряжения, а Карифа посмотрела на Рейган.

– Он ушел, – негромко произнесла красноволосая. – Мы все это знаем.

– Теперь мы знаем, что его зовут Джехути Винчи, – улыбнулась в ответ Амин. – И скорее всего он едет в Воронеж. Если Орк не поменяет чип, его возьмут на первой же проверке.

///

– Когда я читал о России, мне представлялись медведи, ГУЛАГ и пьяные туземцы, – негромко произнес сидящий за рулем Орсон. – А тут, как я погляжу, весьма цивилизованно.

И он кивнул на бескрайние ухоженные поля, которые расстилались по обе стороны от дороги. Поля были аккуратно огорожены и контролировались дронами. Каждый километр стояли вышки с площадками для подзарядки, ретрансляторами и прочей повседневной аппаратурой. Картинка отчаянно напоминала сельскохозяйственный кластер на Среднем Западе, и Бен не удивился, услышав в ответ:

– Мы проезжаем владения «Clisanto».

Но заметил:

– Ты вроде говорила, что их земли расположены южнее.

– Их земли повсюду, – легко ответила Беатрис.

– А люди?

– Какие люди?

– Которые здесь жили.

– Переехали.

– Как ты понимаешь, человек может жить и там, где ведение сельского хозяйства пока невозможно, – добавил толстяк. – Плодородные земли слишком большое богатство, чтобы селить на них людей.

– Здесь, к примеру, «Clisanto» собирает три урожая в год: два в сезон и озимые.

– Серьезно? – удивился Орк.

– Серьезно, – подтвердила девушка.

– Но как?

– Генная модификация плюс удобрения и ускорители роста. Ребята из «Clisanto» знают, как правильно использовать современные ресурсы.

– А как же фермеры?

– Сельское хозяйство – слишком важный и серьезный бизнес, чтобы доверять его единоличникам, – отозвался толстяк, рассеянно взирая на бескрайние идеально ухоженные поля. – Урожай планируется заранее и ничто – ни дождь, ни ураган, не способны помешать «Clisanto» снять свою прибыль. Потому что, если сельскохозяйственные корпорации не справятся, – на Земле наступит голод.

– То есть они молодцы?

– Они молодцы, – подтвердил Бобби. – У меня сложное отношение к корпорациям, но я понимаю, что многие из них действительно удерживают человечество от падения в бездну, а не только качают прибыль. Поверь: рано или поздно население сосредоточится там, где может вырасти разве что плесень, а вся остальная земля будет принадлежать сельскохозяйственным гигантам.

– Кажется, я знаю, чьи акции нужно купить.

– Только сейчас догадался?

Они рассмеялись.

Кроме ухоженных полей в России оказались весьма неплохие дороги – ровная асфальтовая двухрядка рассекала владения «Clisanto» от горизонта до горизонта и казалась органичной частью пейзажа. А вот люди отсутствовали: ни фермеров, ни патрулей, ни армейских блокпостов. Все контролировали дроны: наблюдали за порядком и посевами, обеспечивали своевременный полив и обработку препаратами.

Мир вокруг казался доброжелательным и безмятежным, но Орсон все равно запустил боевого дрона, который обеспечивал путешественникам дополнительный обзор, а в случае необходимости мог прикрыть с воздуха. Вторая летающая машина подзаряжалась на крыше, и дроны периодически менялись. Устройства «Clisanto» поначалу проявили к гостям интерес, в сторону внедорожника даже выдвинулся боевой дрон, однако метки NATO заставили систему безопасности успокоиться.

– Неужели здесь и в самом деле настолько тихо? – прошептал Орк.

– Да.

– Да?

– Там, куда пришла «Clisanto», всегда тихо и спокойно, – рассказал Бобби. – За этим очень строго следят.

– Поэтому зона отчуждения вокруг Воронежа весьма невелика – они пожалели землю, – добавила Беатрис.

– Мы приближаемся к зоне? – встрепенулся Бен.

– До первого блокпоста километров тридцать…

– Дрон сообщает, что впереди патруль.

– Ребята из службы безопасности «Clisanto» иногда устраивают проверки на дорогах, наши документы их полностью удовлетворят, – уверенно ответил Челленджер.

– Надеюсь.

Орсон начал сбрасывать скорость, но перед этим отправил в полет и второго дрона, выставив обе машины в режим «полная готовность». А заодно изменил им маршрут, теперь дроны летели слева и справа от дороги, над полями, и без специальной аппаратуры их можно было принять за обычные машины «Clisanto».

– Я подключился к нашему пулемету, – проворчал Бобби. – Снял с предохранителя, но внешне он выглядит вполне мирно.

Плоская башня на крыше внедорожника ожила, сделала пару движений вправо-влево и вновь замерла.

– В крайнем случае идем на прорыв? – уточнил Орк, слегка подбираясь, как всегда перед рейдом.

– Да, – несколько нервно подтвердила Беатрис.

– Ты не высовывайся, – сказал Бен. – А если начнут стрелять – спустись с кресла на пол, под защиту брони.

Девушка удивленно подняла брови, но, увидев выражение лица Орка, кивнула и подтвердила, что поняла:

– Хорошо.

– А вот и они, – пробормотал Бобби, на наноэкран которого шла картинка с пулеметной видеокамеры.

Это действительно были парни из «Clisanto», и дорогу они

перекрыли по всем правилам: на полотне расстелены два ряда шипов, два бронированных внедорожника стоят на разных обочинах, пулеметные башни медленно двигаются, удерживая приближающуюся машину на постоянном прицеле. В тридцати метрах перед шипами посреди дороги светится красным знак «STOP»: проедешь его – откроют огонь.

И сразу же, как только внедорожник появился в зоне прямой видимости, в его внутреннюю сеть стал «стучаться» запрос.

– В чем дело, парни, заскучали? – вальяжно поинтересовался Орк, останавливая тяжелую машину у знака.

– Проверка чипов, – хладнокровно ответил невидимый сотрудник службы безопасности. – Ваш автомобиль полностью экранирован, поэтому, пожалуйста, откройте дверцы, чтобы мы смогли считать ваши данные.

Разговор шел по защищенному каналу, и пробиться внутрь салона сканеры офицеров «Clisanto» не могли.

– Кого-то ищете? – прежним тоном поинтересовался Орк.

– Пожалуйста, откройте дверцы и покиньте салон.

– Они в своем праве, – тихо сказал Челленджер. – Они здесь власть.

– Надо прорываться, – прошептала Беатрис.

– Сначала попробуем уладить дело миром, – Бен открыл дверцу. – Сканируйте, парни, нам скрывать нечего.

И через секунду услышал удивленный голос:

– Вы из NATO?

– Мы их подрядчики, – спокойно ответил Орк. – Теперь можно ехать?

Стандартная проверка чипов осуществляется дистанционно, в тот момент, когда открылась дверца, экранирующий контур распался, и сканеры считали всех сидящих в машине пассажиров. Но проверяющих это не удовлетворило.

– Пожалуйста, выйдите из машины, мы хотим вас увидеть.

– Ну давайте выйдем, – пожал плечами Бобби. Потянулся к ручке дверцы и замер, услышав:

– Идем на прорыв, – очень тихо произнес Орк.

– Почему?

– Они остались в броневиках.

– И что? – не поняла Беатрис.

– Они нам не верят.

– Пожалуйста, выйдите на дорогу…

И в этот миг дроны ударили ракетами.

Каждая летающая машина несла всего одну управляемую ракету, но этого оказалось достаточно: они стартовали одновременно и одновременно же врезались во внедорожники

«Clisanto». При этом левой машине и ее экипажу не повезло: судя по всему, у них было приоткрыто одно из бронестекол, и ракета взорвалась внутри, уничтожив или ранив всех, кто сидел в салоне. Второй же автомобиль вздрогнул, подпрыгнул, но сдержал удар, и его пулемет ударил по внедорожнику путешественников.

– Нужно убираться! – завопил перепуганный Челленджер. – Скорее!

– Я стараюсь, – прорычал в ответ Орсон. – Отвечай на огонь!

Оба дрона зависли над патрульной машиной, расстреливая ее из пулеметов, через несколько секунд к ним присоединился Бобби, открывший огонь из внедорожника, но «Clisanto» заботились о своих парнях, и машина сдерживала пули, продолжая стрелять по уходящему внедорожнику. Однако преследовать беглецов патрульные не могли – взрыв повредил переднюю подвеску.

– Сейчас потрясет!

Бен крутанул руль, объехал горящую машину слева, вернулся на дорогу позади расстеленных шипов и надавил на акселератор.

– Куда теперь?

– Через два километра будет съезд, – отозвался Бобби, продолжая вести огонь из пулемета. – Я кинул тебе маршрут.

– Хорошо.

Орк понимал, что служба безопасности «Clisanto» уже организовала погоню и очень скоро территорию начнут перепахивать дроны. Сначала – разведчики, потом – боевые. Понимал и потому гнал, выжимая из внедорожника все, на что он был способен.

– Они нас обложат.

– Не успеют, – процедил Челленджер. – А мы тем временем… Беатрис, ты почему молчишь?

К этому времени горячка погони оставила беглецов, они съехали с шоссе на пыльную грунтовую дорогу, и у Бена появилась возможность отвлечься от управления машиной.

– Беатрис! – Орк бросил взгляд на девушку, похолодел и резко надавил на тормоз. – Беатрис!

Она была надежно пристегнута, поэтому продолжала сидеть в кресле, лишь голова склонилась вправо, к бронестеклу, которое все-таки пробила одна из выпущенных по внедорожнику пуль.

Пробила и вонзилась девушке в висок.

– Беатрис! – Орк выскочил из машины, обежал ее спереди, распахнул дверцу, отстегнул, вытащил любимую и прижал к себе. – Нет! Не надо! Пожалуйста, не надо! Нет!

Он, кажется, рыдал, но ему было не стыдно. Он понимал, что

все кончено. Она больше не встанет. Понимал. Но отказывался верить.

– Беатрис!

Он кричал, ругался и плакал. Ему стало абсолютно все равно, что будет дальше, потому что жизнь, которую он с таким трудом собрал по кускам, вновь разбилась вдребезги. Он проклинал себя – за дурацкий план и за то, что не уберег.

Он чувствовал, как быстро темнеет мир, в котором потеряно все.

Он стоял на коленях посреди русских просторов и кричал. И не услышал, как за его спиной приземлился легкий вертолет. Точнее, услышал, но не обратил внимания.

Потому что стало все равно.

– Беатрис…

– Нужно уходить, – осторожно произнес Бобби, не рискуя приближаться к Бену.

– Иди, – глухо предложил Орк, крепко прижимая девушку к груди.

– Не будь дураком.

– Зачем теперь все это?

– Продолжить начатое, – послышался женский голос за его спиной. – И расплатиться за мою сестру. Глупо, если ее смерть окажется напрасной.

Орсон обернулся, несколько секунд разглядывал вышедшую из вертолета девушку криво усмехнулся:

– Я видел тебя мертвой.

Потому что знал таинственную сестру под псевдонимом Мегера.

Она присела рядом и нежно провела рукой по лбу Беатрис. Потом наклонилась и поцеловала ее в лоб.

– Прости…

– Она не услышит, – тихо сказал Бен.

– Услышит, – Мегера поднялась на ноги и жестко посмотрела на мужчину. – Не разочаруй меня, полковник.

И Орк увидел в ее глазах отблеск того огня, что пылал во время прошлой встречи. Перед взрывом, который каким-то образом оказался ненастоящим. Но решимость была искренней, и у Орка даже сейчас не оставалось сомнений в том, что будь в руках Мегеры детонатор от настоящей бомбы, она бы ее взорвала.

Потому что планировала победить. Или умереть.

И так – всегда.

– Мы сможем ее похоронить? – спросил Бен, глядя Мегере в глаза.

– Да, – кивнула девушка. – Обязательно.

Орк помолчал, затем кивнул, поднялся, продолжая держать Беатрис на руках, и направился к вертолету.

* * *

Манхэттен США, Нью-Йорк июнь 2029

– Ты когда-нибудь задумывался над тем, что видишь? – спросил А2, продолжая смотреть на воду. На Бруклинский мост, если быть точным, к которому он отправился гулять сегодня. Вышел из кабинета одетым в неброскую уличную одежду: штаны-карго, тактические кроссовки, футболку и короткую куртку – налетевший ночью ветер не уходил, наполнив город промозглой сыростью, отрывисто бросил: «Хочу пройтись» и направился к лифту. Гуннарсон, чертыхаясь, метнулся следом, одновременно сообщая охране, что Феллеру приспичило прогуляться.

Машину А2 велел не вызывать: пешком прошелся до набережной, купил хот-дог в заурядном лотке, съел, посидел на лавочке, подставляя лицо ветру, неспешно отправился дальше, думая о чем-то своем, а теперь захотел пообщаться.

– Гунни, ты вообще когда-нибудь о чем-нибудь задумывался? Я не имею в виду сложнейший выбор между бобами и гамбургером. Ты задумывался о чем-нибудь действительно важном? О том, что выходит за рамки твоей жизни?

– Значение имеет только то, что меня касается, – холодно отозвался афрошвед, которому давно надоели непонятные, а значит, бессмысленные рассуждения Феллера.

– То есть полет к Альфе Центавра тебя не касается?

– Никак, – твердо ответил Гуннарсон.

– Поэтому ты о нем не задумываешься?

– Никогда.

– А если я скажу, что, отказавшись от полетов в космос, мы погибнем?

– Мы погибнем?

– Подумай, – предложил А2.

– О чем? – не понял афрошвед. – О звездных войнах?

Здоровяк действительно не понимал, что психованному сверхбогачу потребовалось на этот раз.

Несколько секунд Феллер с привычным превосходством рассматривал телохранителя, после чего продолжил:

– Давай предположим, что если в обозримом будущем у нас не появится второго дома, мы съедим свой. Сожрем даже стены. Собственно… мы уже начали их пожирать. Ты понимаешь метафору?

– У моей семьи есть дом, – поразмыслив, ответил Гуннарсон. – Хороший дом. Еще отец полностью выплатил стоимость.

– Э-э…

– Я горжусь своим отцом.

– Не сомневаюсь.

Однако тон ответа не показался гиганту достаточно почтительным, и он с неожиданной яростью заявил:

– Не надо оскорблять память моего отца!

А2 скривился, словно раскусил горчайший чили, и протянул:

– У меня такое чувство, будто ты разговариваешь сам с собой: сам себя оскорбляешь, сам обижаешься и впадаешь в бешенство.

На этот раз презрение в его тоне читалось настолько отчетливо, что Гуннарсон сжал кулаки и тяжело задышал:

– Вы… вы…

– Ну давай, скажи, – предложил Феллер, без страха разглядывая разъяренного, готового сорваться с поводка телохранителя. – Ну?

Однако афрошвед опомнился и хмуро произнес:

– Оставлю свое мнение при себе.

Гуннарсон знал, что стоит ему броситься на Феллера, как два малозаметных дрона, кружащихся высоко над их головами, его мгновенно пристрелят.

– Правильно: зачем смешить окружающих испражнениями незрелого мозга?

А2 отвернулся от Ист-Ривер, облокотился на перила и принялся изучать проезжающие по набережной автомобили. Нью-Йорк всегда считался одним из богатейших городов мира, но такого количества дорогих и красивых автомобилей, как в последние годы, раньше на его улицах не наблюдалось. Показалось, что на набережной идет парад ежегодной выставки, на которую крупнейшие мировые производители представили лучшие модели.

– Вам не удастся вывести меня из себя, – сообщил окончательно успокоившийся афрошвед.

– До сих пор получалось, – тихонько рассмеялся А2. – Правда, я ни разу не довел тебя до взрыва: ты серел от бешенства, сжимал кулаки, но молчал. И никогда не говорил, что думаешь обо мне.

– Это не важно.

– Как раз важно, – не согласился Феллер. – В конце концов, я провожу с тобой больше времени, чем с любой из своих любовниц. Ты постоянно рядом, разве что зубы мне не чистишь, и мне вдруг стало интересно, что ты обо мне думаешь.

– Почему? – растерялся здоровяк.

– Может, мне стало скучно, – пожал плечами А2, вновь отворачиваясь к Бруклинскому мосту. – Но ты не пыхти и не пытайся прятать свои мысли среди редких извилин, я прекрасно знаю, кем ты меня считаешь и как отзываешься за спиной.

– Тогда зачем спрашиваете? – осведомился окончательно потерявшийся афрошвед.

– Хочу, чтобы ты это произнес, – Феллер широко зевнул и поежился: – Сегодня прохладно.

– Спрашиваете, чтобы потом обвинить меня в оскорблении?

– Никаких обвинений, Гунни, – твердо ответил А2, переведя взгляд на собеседника. – И никаких обид. Я знаю, что ты обо мне думаешь, но хочу, чтобы ты высказался.

– Зачем? – неуверенно спросил гигант.

– Пытаюсь вырастить внутри тебя человека.

– А сейчас я кто? – Афрошвед не поспевал за причудливыми зигзагами мыслей Феллера.

– А кем ты себя считаешь? – вопросом на вопрос ответил А2 и наконец-то достал телохранителя.

– Сначала я скажу, кем считаю вас! – взорвался Гуннарсон. – Вы грубый, циничный, злой и высокомерный. Вы не имеете права ставить себя выше других только потому, что вы… потому что вы…

– Богаче? – помог Феллер.

Афрошвед замолчал, но продолжил буравить наглого бородача взглядом.

– Умнее?

Тишина.

– Много знаю?

– У вас была возможность учиться в хорошей школе, – хрипло ответил здоровяк.

– Поверь, Гунни: возможность не стоит и пенни без желания ею воспользоваться, – задумчиво произнес Феллер, поглаживая перила указательным пальцем. – Я учился в хорошей школе, я окончил престижный университет, но среди моих однокашников есть настолько тупые представители вида, что даже ты на их фоне кажешься непревзойденным мыслителем.

– Вы опять меня оскорбили, – заметил афрошвед.

– Разве ты не привык?

– Я не хочу продолжать разговор.

Но Феллеру было плевать на желания здоровяка.

– Нежелание думать о том, что не относится непосредственно к текущим потребностям, приводит к тому, что ты перестаешь осознавать мир философски, как единую гармоничную систему, сосредотачиваясь лишь на одной его ипостаси. Например, на том, что капитализм – это Вселенная Великого Шанса. Ты ведь веришь в Великий Шанс, Гунни? Ты веришь, что он – Великий! – может тебя настичь в любой момент? Ты ведь веришь, что способен намурлыкать песенку, жаря яичницу на завтрак, выложить ее в

Сеть и заработать миллионы? Ты, без сомнения, веришь, что тебя может укусить радиоактивный паук, в результате чего ты обретешь сверхспособность прыгать и побеждать злодеев? Жаль, конечно, что ты не смог родиться в семье миллиардера, но ведь мы говорим о мире Великого Шанса, Гунни, и получается, что конкретно этот лотерейный билет не был твоим. Тебе не повезло в игре выбора родителей, в которой у всех нас приблизительно равные шансы. Но ты, я верю, мог появиться на свет в особняке на Лонг-Айленде, а я… – А2 театрально задумался, после чего осведомился: – Где ты впервые заорал на мать?

– В Анусвилле, штат Юта, – ответил телохранитель.

Несколько секунд Феллер таращился на афрошведа, после чего пробормотал: «Нет, ну это уж слишком» – и жизнерадостно продолжил:

– Так вот, ты мог родиться на Лонг-Айленде, а я – нет. Шанс, Гунни, Великий Шанс! Минимум раз в жизни капитализм дарит тебе уникальную возможность выпрыгнуть из навоза, а твоя задача – не упустить ее и не ныть, если не получилось вытащить счастливый лотерейный билет. Не ныть, Гунни, а ждать и надеяться! У тебя получится! – Феллер дружески улыбнулся здоровяку. – Все мы дети Великого Шанса, Гунни, просто я свой билет уже вытащил, а ты – еще нет. Таким образом, отрицая мое право быть твоим господином, ты покушаешься на основы нашего общества, демонстрируешь еретическое неверие в то, что однажды утром проснешься миллионером, а значит, можешь быть обвинен в федеральном преступлении.

– За что?! – взвыл гигант.

– За политическую неблагонадежность, – едва удерживая серьезный тон, ответил А2.

– Нет! – Афрошвед отступил на шаг и затряс головой. – Я знал, что не нужно с вами говорить!

Несколько секунд Феллер наслаждался искренним ужасом здоровяка, после чего сообщил:

– Не волнуйся, Гунни, тебе ничего не грозит: я не трогаю гуппи, – и его мягкий, проникновенный тон помог телохранителю быстро прийти в себя. Впрочем, заметив, что гигант перестал дрожать, А2 немедленно вернулся к прежнему стилю: – Ты знаешь, кто такие гуппи? Нет, не отвечай, мне безразлично… нет, я уверен, ты слышал такое слово: гуппи. Именно слышал, ведь если бы ты их увидел, то вряд ли забыл бы. Не у всех, конечно, фотографическая память, но большую часть информации мы получаем через глаза. Ты знаешь об этом?

– Догадываюсь, – проворчал афрошвед, изрядно уставший от разговора.

– Помнишь пословицу: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать»?

– Нет.

– Ничего удивительного, это русская пословица, – медленно ответил А2, возвращаясь к разглядыванию проезжающих по набережной автомобилей, дорогих и блестящих. – Она говорит о том, что человек готов безоговорочно поверить в то, что увидел собственными глазами. Безоговорочно!

– Не обязательно, – попытался протестовать телохранитель, но без особой надежды на успех.

– Обязательно, – твердо продолжил Феллер. – Вот, к примеру, ты на боевой операции, идешь с оружием в руках по джунглям или ближайшему переулку, видишь врага, опережаешь его, стреляешь, и враг падает, захлебываясь кровью… Проходя мимо, ты бросаешь на него взгляд, убеждаешься, что он мертв… тебе ведь хватит одного взгляда?

– Хватит, – уверенно ответил Гуннарсон.

– Ты убеждаешься, что он мертв, и идешь дальше. Тело остается позади. И тебя не интересует, что с ним будет дальше, оно перестает существовать в твоем мире. Перестает иметь значение. Ты его увидел, подтвердил смерть, прошел мимо – тело исчезло. Понимаешь, Гунни, его больше нет.

– Оно там лежит? – насупился телохранитель.

– Для тебя его больше нет, ведь ты его убил.

Сложная мысленная конструкция едва не отправила афрошведа в обморок, но он справился с собой и осведомился:

– К чему вы ведете?

Потому что знал, что раз Феллеру потребовался слушатель, отнекиваться бесполезно.

– Значение имеет только то, что ты видишь, – ответил А2. Загорелся красный сигнал светофора, и теперь он разглядывал людей в машинах: красивых, веселых, хорошо одетых людей, сидящих в блестящих дорогих автомобилях. Настоящих ньюйоркцев. – Твой мир – тот, который ты осознаешь. А полностью ты осознаешь только то, что видишь. А сам ты – лишь то, каким тебя видят.

– Разумеется, – на всякий случай согласился Гуннарсон. В действительности он окончательно потерял нить беседы.

Феллер вновь помолчал, провожая уехавшие автомобили взглядом, улыбнулся, но как-то грустно, и неожиданно произнес:

– Прогулка меня взбодрила, и теперь я хочу размяться. Как думаешь, в том переулке барыжат наркотой?

И кивком указал на ближайший проезд.

– Здесь в любом переулке могут барыжить наркотой, –

недовольно ответил здоровяк, мысленно проклиная эксцентричного и неугомонного богача.

– То есть в этом ты никогда не покупал?

– Не употребляю.

– Нехорошо лгать своему пастору.

– Вы не пастор.

– Но лгать все равно нехорошо.

Феллер огляделся, убедился, что набережная пуста, долго, почти минуту, набирал что-то на коммуникаторе и улыбнулся, когда над его головой вспыхнули красным цифры «46».

– Как вы это сделали? – изумился Гуннарсон.

– Использовал craft(art).

– Но зачем?

– Повеселиться, – А2 уверенно направился к выбранному переулку и через плечо бросил: – Отмени боевое дежурство дронов, не хочу, чтобы они перестреляли придурков.

– Каких придурков? – уточнил заторопившийся следом гигант.

– Которых мы встретим в переулке.

– А мы кого-то встретим?

– Еще не знаю.

А2 широким шагом перешел дорогу, свернул в переулок, остановился, высокомерно разглядывая расположившихся в нем парней, намеренно громко хмыкнул и презрительно сообщил:

– Мой черный слуга не ошибся: здесь действительно барыжат дурью.

Фраза получилась настолько наглой, что ее смысл не сразу дошел до крепышей. Затем один из них, в черной майке, медленно вышел из машины, за рулем которой сидел, и вопросительно посмотрел на Гуннарсона:

– Ты правда служишь этому белому уроду?

Инструкцию, как следует себя вести и что отвечать, А2 прислал телохранителю еще с полминуты назад, нарушить ее Гуннарсон не мог и, запинаясь, ответил:

– Он спросил, торгуют ли здесь наркотой, я сказал, что не знаю.

– А зачем пришел? – прищурился майка.

– Он вел себя нагло, и я подумал, что сейчас здесь будет весело.

– Здесь будет очень весело, – пообещал второй крепыш, в трех золотых цепях и красных кроссовках.

Третий, в синей бейсболке, молча вытащил нож.

– У меня есть деньги, – жизнерадостно сообщил Феллер, остановившись в паре шагов от дилеров. – И я готов купить то

дерьмо, которое вы впариваете лохам.

– Деньги мы потом заберем, – пообещал «майка».

– И поделим, – уточнил «золотые цепи».

– А ты лучше проваливай, – велел «бейсболка», обращаясь к Гунни. – Нам свидетели ни к чему…

Договорить «бейсболка» не успел. Поскольку оружие – пока – было только у него, ему и достался первый удар: А2 неожиданно прыгнул, с легкостью преодолев разделявшее их расстояние, и прямым правым отправил «бейсболку» в нокаут. А2 был достаточно силен, однако грязными приемами не брезговал и перед нападением натянул на руку кастет.

– А!

«Бейсболка» издал короткий вскрик и повалился на грязную землю. В следующий миг «майка» оказался за спиной Феллера и обхватил его руками.

– Бей!

Но прежде, чем «золотые цепи» среагировал, А2 резко ударил «майку» головой, в следующую секунду – ногой по пальцам правой ноги, выскользнул из ослабевшего захвата и нанес чудовищный по силе апперкот. Раздался хруст – челюсть «майки» не выдержала столкновения с кастетом, а Феллер быстро, как змея, и почти без замаха, ударил снова, дробя несчастному скулу и, возможно, вышибая глаз.

В следующий миг попытался подняться «бейсболка»: неосознанно, машинально. «Бейсболка» не понимал, что делает, не представлял угрозы, но щадить врага А2 не собирался и вернул бедолагу на землю страшным ударом в висок. И развернулся к «золотым цепям», потратив на его приятелей считаные секунды, за которые «золотые цепи» успел вытащить нож. Но при этом растерялся, не зная, что делать дальше. Валяющиеся на земле друзья и холодный огонь в глазах Феллера погасили пыл, если, конечно, он был, поэтому «золотые цепи» выставил клинок перед собой и визгливо потребовал:

– Не подходи!

– А то что? – осведомился забрызганный кровью А2, с деланой ленцой приближаясь к «цепям».

– Не подходи!

И вновь – преимущество в скорости.

Феллер поймал врага на элементарный финт: обозначил движение вправо, через мгновение сменил направление, продемонстрировав невероятную, совершенно запредельную координацию, до минимума сократил дистанцию, навязав деморализованному противнику ближний бой, левой схватил его за вооруженную руку, резко вывернул, а правой безжалостно

ударил в локоть, раздробив несчастному сустав.

Вопль, кажется, долетел до смотровой площадки Крайслер-билдинг.

«Золотые цепи» упал на колени, и А2 повторил удар в висок, которым окончательно успокоил «бейсболку». Затем брезгливо пнул обмякшего дилера ногой, вытащил из кармана платок и, глядя на Гуннарсона, стер с губ чужую кровь.

И в это мгновение афрошвед понял, что крепко ошибся. Образ, который он себе нарисовал: сволочи, конечно, однако умного, образованного и чудовищно богатого мажора, предполагал Феллера слабаком, ничего не стоящим в «мужских развлечениях». В отличие от него, воина-афрошведа, мужественного потомка бесстрашных викингов, некогда наводивших ужас на изнеженных обитателей Европы. Думать так было приятно, поскольку потомок викингов хоть в чем-то чувствовал превосходство над полубезумным богачом. Но жестокое избиение наркодилеров показало, что А2 умеет драться, любит драться, и Гуннарсон поймал себя на нехорошей мысли, что не уверен в своей способности справиться с Феллером, если потребуется… если вдруг потребуется… если потребуется прямо сейчас… Потому что, вытерев кровь, А2 прищурился и очень тихо спросил:

– Ничего не хочешь мне сказать?

И для Гуннарсона наступил момент истины.

Он не мог похвастаться запредельным IQ, но прекрасно понял, что А2 выпустит его из переулка, только услышав правду. А правду А2 то ли знает, то ли догадался, потому что слишком умный и читает окружающих, как раскрытую книгу. И у него, агента GS Гуннарсона, есть один-единственный способ гарантированно остаться в живых – во всем признаться. Или же попытаться одолеть в схватке забрызганного чужой кровью Феллера.

– Меня приставили следить за вами, сэр. – Здоровяк судорожно сглотнул. – После того как вы меня выбрали, у меня состоялся разговор с директором Митчеллом и человеком по имени Арчер. Они угрожали моей семье и заставили докладывать о каждом вашем шаге.

И похолодел, ожидая решения.

Несколько мгновений А2 молчал, тяжело глядя на бледного афрошведа, затем кивнул:

– Продолжай делать то, что они потребовали, – подошел, не сводя глаз с Гуннарсона, и жестко усмехнулся: – Сейчас я буду говорить вещи, которые касаются тебя напрямую, так что будь очень внимателен, и если чего-то не поймешь – не стесняйся

переспросить.

– Да, сэр.

– Никто не знает, что я задумал, Гунни, но при этом никто не понимает хода моих мыслей, что делает слежку за мной бессмысленной. Я не мешал тебе следить, но много ли ты узнал? Ничего.

– Да, сэр, – подтвердил афрошвед.

– А теперь главное: если ты не понимаешь, чего ожидать, то не сможешь отразить удар. Ведь так?

– Да, сэр.

Феллер улыбнулся, одобряя покладистость телохранителя, после чего продолжил:

– У тебя есть первая и последняя возможность оказаться на стороне победителя, Гунни.

И афрошвед показал, что в точности исполнил приказ Феллера и был чрезвычайно внимателен: он все понял и не ошибся в произнесении следующей фразы:

– Что я должен для вас сделать, сэр? – тем самым принеся клятву верности.

А2 кивнул, медленно снял кастет, завернул в платок и протянул здоровяку:

– Отмой и принеси в кабинет.

– Да, сэр, – тихо ответил Гуннарсон, понимая, что грязный переулок стал местом его второго рождения.

* * *

Россия, Синие Липяги июнь 2029

Недолгое путешествие от места, где они бросили внедорожник, до старого военного бункера Орк не запомнил. Машинально отметил, что вертолет Мегера выбрала самый современный, собранный из композитов, малозаметный, малошумный и наверняка с отключаемым опознавательным чипом. А поскольку пилот вел машину на предельно низкой высоте, до бункера они добрались незамеченными и выиграли у преследователей несколько часов.

И там, около бункера, Бенджамину пришлось сделать очередной трудный выбор.

Он отказался спускаться под землю. Выходя из вертолета, надел «глухарь» и отнес Беатрис к лесу. Там его и отыскал Челленджер. Не сразу, минут через десять, дав возможность побыть одному. Подошел, немного постоял, а затем тихо произнес:

– Мегера сказала, что нужно решить: похороним Беатрис или кремируем. – На Орка толстяк не смотрел, прятал взгляд в землю. – Ты ведь понимаешь…

– Я все понимаю, – ровным голосом перебил Бобби Бен. – Пусть мне дадут лопату.

– Конечно, конечно… Извини.

Судя по всему, Челленджер не надеялся, что Орсон примет решение с такой легкостью, и обрадовался скорой развязке. Если, конечно, слово «обрадовался» было уместным в данных обстоятельствах.

Дальше Бен все сделал сам: выбрал место, выкопал могилу, но прежде чем положить в нее тело, нежно прикоснулся губами ко лбу Беатрис и прошептал:

– Я открою тебе тайну, любимая: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит она, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Обязательно изменимся. Я верю.

Затем засыпал тело землей, и лишь когда он, закончив, встал около холмика, к нему подошла Мегера.

– Мне жаль.

Ей было действительно жаль, но попрощаться она не пришла. И старый друг Бобби не пришел. Словно они признали, что Орк был для Беатрис важнее всех.

– Мы сможем за ней вернуться? – негромко спросил Бен.

– Не раньше чем через пару месяцев. Нужно, чтобы все утихло.

– Я понимаю.

Они помолчали, а затем Мегера сказала то, что Орк знал без нее:

– Беатрис была чужой outG. – И фраза прозвучала эпитафией на могильный камень, которого пока не было.

– Значит, ты должна была ее отговорить, – в тон Мегере произнес Бен.

Она вздрогнула – ответ Эрне не понравился, но продолжила спокойно:

– Я отговаривала.

– Значит, плохо отговаривала.

– Если бы отговорила, тебя убили бы в том баре.

– Да.

И не требовалось уточнять, что этим коротким словом Орк показал, что с удовольствием разменял бы свою жизнь на жизнь Беатрис.

Мегера кивнула, показав, что поняла, помолчала и сменила тему:

– Ты не удивился.

Не удивился ее появлению. Не удивился тому, что она оказалась жива. А должен был удивиться, даже несмотря на

стресс от гибели девушки.

– Сначала Бобби и Беатрис о тебе не говорили вообще, потом говорили неохотно, поэтому я мысленно выбрал самый странный вариант, – ответил Орк, глядя на могильный холмик.

– Почему его?

– На меня произвели впечатление метки NATO и появление внедорожника. Устроить подобное мог только очень крутой лидер outG, а круче Мегеры никого нет.

– Но я считаюсь мертвой.

– С тех пор настолько крутых в outG не появилось.

– И ты предпочел безумный вариант любому другому?

– Такой уж я человек, – развел руками Орк. И в первый раз по-настоящему, то есть спокойно, без адреналина и эмоций, посмотрел на девушку, которую убил несколько месяцев назад.

Мегера была и похожа, и не похожа на сестру. Такая же стройная, спортивная, длинноногая, она как будто стеснялась прекрасной фигуры и, в отличие от Беатрис, не выставляла ее напоказ, а прятала под широкими штанами и мешковатой кофтой. Но на лицо кофту не натянешь, и красота девушки заставляла оборачиваться мужчин: высокие скулы, большие карие глаза, припухлые губы… Благодаря craft(art) красивых женщин появилось бесчисленное множество, точнее, все они стали красивыми, но Орка охватила уверенность, что Мегера приложениями не пользуется и он видит ее настоящее лицо.

Темные волосы она стригла коротко, оставив дерзкую длинную челку, которую то и дело приходилось отбрасывать в сторону.

– Спросишь, как мне удалось выбраться?

– Сама потом расскажешь.

Он наклонился, положил руку на холмик, навсегда прощаясь с Беатрис, выпрямился, развернулся и пошел к бункеру. Слегка удивленная таким поведением девушка последовала за Орком.

– Беатрис говорила, что ты необычный, теперь я и сама это вижу, – Эрна улыбнулась. – Ты вообще умеешь удивляться?

– Только в глубине души, – не стал скрывать Бенджамин. – Здесь твоя база?

– Нет, конечно, здесь перевалочный пункт. Я использовала бункер, чтобы собрать необходимое оборудование.

– Как тебе удалось так хорошо подготовиться: внедорожник, вертолет, метки NATO в чипах?

– У меня много друзей, которым не нравится система, – ответила Мегера, глядя Орку в глаза. И объяснила: – Несмотря на то что они – пока – ее часть.

– Твоим друзьям так сильно не нравится система, что они

готовы с ней бороться?

– Да.

– Почему?

– Сначала ответь, что ты делаешь в российской глуши, преследуемый службой безопасности «Clisanto», военными и агентами GS? – подняла брови девушка. – Почему ты стал бороться?

– Я обнаружил, что suMpa порождает больше вопросов, чем ответов, и решил узнать правду.

– Не боишься, что правда разрушит систему?

– Почему я должен этого бояться?

– Потому что ты – консерватор, – уверенно ответила Эрна. – Других военных не бывает, а ты – настоящий военный.

– Я хочу знать правду, – упрямо повторил Орк.

– Ни одна система в истории человечества не строилась на правде, – вдруг сказала Мегера. – В основе всегда ложь или миф, и их демонстрация способна покачнуть любую конструкцию, но это ерунда, потому что правда может опрокинуть систему, и тогда будет кровь.

– Ты действительно веришь, что способна покачнуть и уж тем более – обрушить систему? – недоверчиво уточнил Бен.

– Я знаю свою силу и верю в себя, – твердо произнесла девушка.

– Удачи.

– Ты не ответил, что будешь делать, узнав правду.

– Тогда и решу.

– Только трусы откладывают решение на потом.

– Я никуда не тороплюсь.

– Что будет, если правда тебе не понравится?

– Какого черта ты зациклилась на этом слове? – неожиданно вспылил Орк.

И ответ последовал мгновенно, как прямой встречный в лицо:

– Потому что все вокруг ложь, – улыбнулась Мегера.

Некоторое время Бен молчал, внимательно глядя на девушку, а затем спросил то, что его действительно интересовало:

– Во время инструктажа мне сказали, что тебя лучше убить. Они не были против взять тебя живой, но не особенно этого хотели и приказали валить, если не получится взять. Почему?

– Ты скажи, – предложила Мегера.

– Потому что ты взломала Центр стратегического управления?

– Этим я продемонстрировала высокую квалификацию, оценив которую мне должны были предложить работать на правительство.

– Кому же ты нагадила?

– Придумала, – поправила его девушка.

– Что?

– Ты слышал о приложении «GeniusM»? «M» – в честь меня, разумеется.

– Не слышал, – не стал врать Орк.

– Это мой подарок человечеству, который власти усердно вымарывают из Сети, – рассказала Мегера. – И не гнушаются убивать тех, кто рискнул им воспользоваться.

– Тебя хотели убить за приложение для чипа? – изумился Бен.

– «GeniusM» позволяет смотреть сквозь дополненную реальность, – ответила девушка. И веско добавила: – Сквозь любую дополненную реальность, даже построенную владельцами глобальной Сети.

– Зачем? – вырвалось у Орсона.

А затем он увидел тень улыбки на ее губах… И понял.

– Черт!

– Вот именно, – кивнула Мегера. – С помощью «GeniusM» можно увидеть мир таким, какой он есть, от которого мы прячемся за глянцем AR. К счастью, в приложении предусмотрена возможность переключения режимов, и я включаю истинное изображение только тогда, когда это действительно необходимо.

– Почему «к счастью»?

– Потому что иначе можно сойти с ума. – Она вздохнула. – Поначалу возможность дополнить мир казалась нам игрой, люди раскрашивали свои жизни, не задумываясь о последствиях, но чем дольше это продолжалось, тем дальше выдуманная реальность отдалялась от действительности. И теперь мы живем в том, что видим, а не в том, что есть на самом деле. Мое приложение дарит людям правду.

– Люди слабы, большая их часть не установит твое приложение, а большая часть тех, кто установит, очень скоро удалит, потому что наиграется или испугается, – подумав, произнес Орк. – Выбирая между привычным красивым и неприятным, но настоящим, люди выберут первое.

– Не все.

– Меньшинство не способно потрясти систему.

– Именно активное меньшинство и является единственной угрозой системе, – убежденно сказала Мегера. – Любая система заточена на то, чтобы не раздражать большинство. Большинство должно жевать корм, смотреть телешоу и работать. А вот активное меньшинство опасно, очень опасно, но его заставляют растрачивать энергию на ерунду, вроде борьбы за права выдуманных сексуальных статусов. А «GeniusM» способно все

изменить.

– Одно-единственное приложение для «балалайки»?

– «GeniusM» показывает мир таким, каков он есть. Я сделала так, что сетевые роботы не замечают работу приложения, я спрятала его глубоко в чипе, и стандартное сканирование не показывает наличие установленного «GeniusM». Но его можно найти при тщательной проверке, и тогда человека ждет арест или смерть.

– В твоем чипе установлен «GeniusM»?

– Да. Поэтому я и хочу в Воронеж: посмотреть, как выглядит кратер без дополненной реальности.

В этом был смысл, и, выдержав короткую паузу, Орк спросил:

– Установишь мне приложение?

– Это займет примерно двадцать минут.

– И что я увижу?

– Настоящее.

– Оно того стоит?

– Если не сойдешь с ума – да.

* * *

Я встретил этого человека в Детройте, и он поразил меня до глубины души – он верил.

Он верил в suMpa.

В его устах проклятый вирус приобрел образ божественной кары, данной народам в назидание и во искупление грехов. Он был настолько одержим и убедителен, что я с трудом не поддался проповеди и не пошел за ним. Ведь его дорога была предельно ясной. Особенно – молодым.

Пророк Ндереба, так его звали. Джелимо Ндереба.

Я выразил ему почтение и представился странником, идущим по миру в ожидании того, что будет. И надо отдать должное: Джелимо уловил скрытый смысл моего представления. Он спросил, знаю ли я будущее, я ответил, что будущее скрыто и мир окажется не таким, каким мы его представляем. Тогда пророк сказал, что будущее предопределено и его имя – suMpa.

И мне стало грустно.

Потому что Джелимо был прав. И потому что, просчитав или догадавшись, что ожидает планету, он выбрал путь религии, приготавливаясь к тому, что будет, способом старым, хоть и надежным. Тысячи лет человечество последовательно развивалось, преодолев гигантский путь от католических монахов, сохранивших свет науки в Темные века, через философов эпохи Возрождения к гениям XIX века, на открытиях которых до сих пор ковыляет наша цивилизация. Но, столкнувшись с непонятным, многие предпочли веру.

Пытливый ум был и остается уделом избранных.

Мне стало грустно.

Однако наш с Джелимо разговор на том не закончился. Я спросил, какого знака он ждет. Смерти? И удивился, услышав ответ:

– Преображения.

И тогда картина его будущего обрела цельность.

Пророк Ндереба видел в suMpa божественный инструмент, обязанный пройти через Зло и Тлен, подобно тому, как случилось две тысячи лет назад. Пророк Ндереба терпеливо ожидал явления нового мира, но был готов смиренно умереть, если будет сочтено, что он недостоин.

Благодаря Джелимо, грядущее раскрылось предо мною с новой, совершенно неожиданной стороны, и я пощадил пророка, хотя вначале и не собирался. Я осознал, что верующие будут, и Джелимо – достаточно умный, искренне верующий – окажется на своем месте.

Я осознал, что другие пророки будут хуже, и понял, что мне придется их убить…

Из дневника Бенджамина «Орка» Орсона

* * *

Россия, Воронеж июнь 2029

Нет ничего более естественного, чем сомнения перед последним шагом.

Когда позади огромный путь, вместивший в себя и взлеты, и падения, и смех, и кровь, и результат, и разочарования. Когда ободрал и руки, и душу, взбираясь к цели по острым камням, когда знаешь, что заплатил огромную, невозможную цену за то… За что, еще не знаешь. Когда понимаешь, что совершил невозможное, но нужно сделать еще один шаг, открыть последнюю дверь и увидеть, куда привело тебя любопытство.

Или ярость.

Или жажда мщения.

Ты замираешь перед последней дверью, задумываясь над тем, будет ли стоить победа принесенных жертв.

Вдруг все потери не имеют смысла?

Не получится ли так, что растерзанная душа не отыщет даже подобия покоя?

Это естественно: бояться сделать последний шаг долгого и кровавого пути.

Естественно.

Орсон облачился в облегающий, плотный, но не стесняющий движений комбинезон, сложил одежду и обувь в рюкзак, проверил работу «глухаря», но надевать шлем пока не стал,

сгорбился, сидя на лавке, словно устал сопротивляться тяжелейшему грузу последних недель, и неподвижно уставился на серую бетонную стену.

Человеку естественно сомневаться перед последним шагом, и Мегера это прекрасно понимала.

Она заглянула в комнату, увидела потерявшегося Орка, тихо подошла и села рядом. Ничего не сказала, просто оказалась рядом, легко касаясь мужчины плечом, то есть сделала именно то, что нужно было сделать сейчас. И сидела тихо, не напоминая, что пора, до тех пор, пока Бен не сказал угрюмо:

– Надеюсь, все было не зря.

Сказал так, потому что сомнения делают человека угрюмым. Но сказал так, что стало ясно: не отступит. Окажись он один, возможно, поддался бы слабости, но не сейчас. Когда женщина рядом, мужчина идет до конца.

– Давай сделаем это, – прошелестела Мегера.

– Опять на вертолете?

– Нет, полетим на одноместных десантных дронах. Доводилось управлять?

– И не один раз.

– Вот и хорошо. – Девушка уперлась двумя руками в лавку и подняла плечи. Она тоже, как и Орк, смотрела на стену. – С помощью моих друзей из NATO я взломала коды безопасности периметра, и когда мы поднимемся в воздух, система будет считать нас своими: тяжелыми боевыми дронами, которые возвращаются с дальнего патрулирования.

– Слишком просто, – заметил Орк.

– У нас будет пятнадцать минут, – ровным голосом продолжила Мегера. – Через пятнадцать минут автономный сетевой робот пересчитает машины и поймет, что внутри запретной зоны находится два лишних дрона. – И улыбнулась: – Теперь стало сложнее?

– Теперь – да, – улыбнулся в ответ Бен.

Улыбнулся впервые с того момента, как увидел Беатрис мертвой. Но улыбнулся не Мегере, а в ответ: они по-прежнему смотрели в стену. Хотя их плечи соприкасались.

– Другими словами, если мы не доберемся до точки эвакуации через двадцать минут после старта, то или погибнем, или окажемся в плену, – закончила девушка.

– Лететь придется чертовски быстро.

– Не волнуйся, мы увидим все, что нам нужно, – Мегера помолчала, а затем легко прикоснулась к руке Орка: – Спасибо.

– За что? – удивился Бен.

– Без тебя я не решилась бы на эту авантюру.

///

– Ты кажешься взволнованной, – заметил А2, с мягкой улыбкой разглядывая Карифу.

– Я иду по следу, – отрывисто бросила Амин.

Карифа приняла звонок, сидя в выделенном в ее распоряжение кабинете местного отделения GS, кроме нее в комнате никого не было, и девушка могла говорить так, как считала нужным: отрывисто и даже грубовато.

– Но ты еще в Москве.

– Скоро улетаю.

– Есть новости?

Карифа специально ответила резко, давая понять, что торопится. А2 не мог не понять намека, но предпочел его не заметить и говорил с девушкой нарочито размеренно, показывая, что сам решит, в каком темпе следует вести разговор и когда он закончится.

– Пять часов назад Джехути Винчи засветился неподалеку от Старого Оскола, – доложила Амин, поправляя настольный коммуникатор, на который перевела вызов со своей «балалайки». – Это город в России…

– Я знаю, – не стал скрывать Феллер. – Я даже знаю, что Старый Оскол находится по дороге в Воронеж.

– Все верно, – подтвердила Карифа. – Винчи, то есть Орсон, двигался в сторону запретной зоны и наткнулся на патрульных «Clisanto». В ходе завязавшейся перестрелки ему удалось прорваться, но…

И запнулась, потому что дальше докладывать было нечего.

Амин понимала, что виноваты в случившемся патрульные, однако рассказывать Феллеру об очередном провале ей было неприятно.

– Но? – поднял брови А2.

– Орсон прорвался, через несколько километров бросил машину и… кажется, улетел на вертолете.

– Кажется?

– Рядом с внедорожником обнаружены следы посадки, но ни один из местных радаров вертолет не засек.

– Орсон уничтожил всех патрульных?

– Нет.

– В таком случае почему они не направили в погоню дроны? – поинтересовался А2. – Насколько я знаю, над полями роятся целые стаи крылатых железяк.

– Сразу после перестрелки район подвергся мощному РЭБ-удару, – продолжила безрадостный доклад Карифа. – Все дроны в радиусе четырех километров отключились, а когда прилетели

новые, Орсон уже исчез.

– И никто не знает куда, – уточнил Феллер.

– Да.

– Интересно, на что идут наши налоги? – протянул А2, увидел глаза девушки и добавил: – Это был риторический вопрос. А его нериторическую версию я задам ребятам из «Clisanto». И тем кретинам, которые их финансируют.

Амин кивнула, но промолчала.

– Что происходит сейчас?

– Военные и служба безопасности «Clisanto» подняты по тревоге, идет тотальное прочесывание района.

– Вряд ли вся эта активность имеет смысл, – неспешно протянул Феллер. – Орсон получил колоссальный запас времени и сумеет им воспользоваться.

– Я собираюсь отправиться в Воронеж и лично возглавить поиски, – рассказала Амин, поерзав в кресле. – Я уверена, что, несмотря на перестрелку, Орсон не остановится и продолжит свой путь.

– Обязательно продолжит, – согласился с девушкой А2.

– Тогда я немедленно вылетаю в Воронеж.

– Нет.

– Нет?! – изумилась Амин.

– Запас времени, – напомнил Феллер. – Ты не успеешь, а Орк не станет задерживаться в России. Увы, Карифа, этот раунд мы проиграли, признаем поражение и продолжим поиски беглого полковника в другом месте. В России он не останется, это точно.

– Понятно, – тихо ответила девушка.

– Вот и хорошо, – улыбнулся А2 и отключился.

А Карифа… Карифа дождалась, когда связь оборвется, схватила стоящий на столе коммуникатор и разбила его об стену.

///

Лететь и в самом деле пришлось очень быстро – на пределе возможности дронов и даже чуть быстрее, поскольку машины Мегеры оказались глубоко модернизированными и развивали намного большую скорость, чем полагалось.

– Первые пятнадцать минут мы не должны отличаться от остальных машин, – сказала девушка перед стартом. – А когда нас обнаружат – включим форсаж и ускоримся. Надеюсь, ты ничего не имеешь против?

– Ничего.

– Вот и славно.

Орку нравились десантные дроны: быстрые, маневренные, а главное – очень удобные. Пилот располагался в комфортабельном кресле, от встречного потока его защищало прочное стекло, а

десантироваться можно было двумя способами: перелезть через борт или провалиться вниз. Парашют раскрывался автоматически, а дрон либо возвращался на базу, либо прикрывал высадку пулеметным огнем, а затем возвращался на базу. Высадка с таких машин считалась у спецов легкой прогулкой.

– Четыре минуты до точки, – сообщила Мегера, несмотря на то, что на наноэкране Орка появлялась вся текущая информация. Но Мегера сообщила, повторив показания приборов, и Бен понял, что грубоватой девушке неуютно в черном воронежском небе, и не оставил фразу без внимания.

– Наш разговор не засекут?

– Нет, – ответила Мегера. – Почему спрашиваешь?

– Хотел попросить тебя заткнуться.

– Ты нахал, – однако Бен понял, что девушка улыбается.

– Я такой, какой есть.

– Да, ты такой, – Мегера помолчала. – Ты ведь понимаешь, что, чем бы ни закончилось наше приключение, мы теперь надолго связаны?

– Наше приключение может закончиться смертью, – заметил Орк.

– Ты еще и оптимист.

– Обращайся.

На экране появилось сообщение, что до цели меньше минуты, и девушка громко сказала:

– Рекомендую переключиться на «GeniusM».

– Сначала посмотрю на кратер обычным взглядом, – ответил Орк. – Нужно увидеть его таким, каким показывают, а затем сравнить с тем, что есть на самом деле.

– Ты прав, – после короткой паузы признала девушка. – Я сделаю так же.

На этот раз Орк не ответил, полностью сосредоточившись на поступающей на монитор картинке с внешних видеокамер. Картинке уничтоженного города.

Ни одного целого строения. Снесенные крыши, выбитые окна, разрушенные стены. Улицы завалены обломками, расчищены только некоторые и они же освещены – военные восстановили подачу электричества лишь там, где сочли нужным. И по периметру, конечно. Точнее, по обоим периметрам: подлетая к Воронежу, Бенджамин увидел два ярко освещенных кольца, расположенных примерно в трех километрах друг от друга. Оба состояли из вала, воздвигнутого из строительного мусора и прочих обломков города, роботизированных вышек с прожекторами и пулеметами и трех рядов колючей проволоки, пространство между первыми двумя рядами заминировано, а

между вторым и третьим бегают сторожевые псы.

– Сейчас увидим кратер.

– Уже вижу, – отозвался Орк.

– Невероятно, – прошептала Мегера.

– Согласен.

Место катастрофы производило одновременно страшное и величественное впечатление. Метеорит прилетел с востока, снижался резко, но все-таки постепенно, что подтверждал нарастающий характер разрушений на пути его следования. Затем последовал удар о землю и грандиозный взрыв, разрушивший едва ли не весь город и вызвавший цепную реакцию катастроф: взорвались система газоснабжения, бензоколонки и все, что могло взрываться. Масштаб катастрофы получился грандиозным.

– Интересно, а саму железяку они из земли выковырили? – полушутя протянула изумленная Мегера, а через секунду поинтересовалась: – Что ты делаешь?

Дроны прошли над кратером, но Орк заложил вираж и вернул машину обратно.

– Ты забыла включить «GeniusM».

– Откуда ты знаешь?

– Но я ведь забыл.

Мегера рассмеялась.

А он… Бен запустил придуманное девушкой приложение и теперь смотрел на разрушенный город через стекло кабины, а не через наноматрицы внешних видеокамер. Смотрел и видел совсем не то, что несколько секунд назад. Смотрел и видел последствия страшной катастрофы, но совсем другой, не имеющей никакого отношения к падению метеорита. Видел то, что однажды ему пришлось моделировать на стратегическом компьютере Академии. Видел и не сдержал ругательства:

– Дерьмо…

– Орк, картинка совсем другая, но я не могу понять, что означает разница, – призналась Мегера. – У тебя есть предположения?

– Будь они прокляты! – очень тихо, но очень внятно произнес Бенджамин, делая над разрушенным городом третий круг. – Гореть им в аду, уродам! Гореть в аду!

– Орк, объясни по-человечески!

– Здесь не осталось ничего человеческого! – рявкнул в ответ Бен. – Здесь, мать твою… здесь…

И зарычал от ярости.

– Черт, – выругалась девушка. – Орк! Да что случилось?!

– Это последствия орбитальной атаки, – ответил Бен, крепко,

до боли, сжимая левый кулак. – Город разрушил не метеорит, а боевые спутники… Эти твари бомбили Воронеж из космоса. Скорее всего, испытывали орбитальное неядерное оружие третьего поколения. Здесь не было, мать его, метеорита, не было!

– Ты уверен? – очень тихо спросила Мегера.

– Абсолютно.

– Но зачем им это?

– Найдем – узнаем! – Орк развернул дрон на восток, к точке эвакуации, и выругался. Грязно выругался, ничуть не стесняясь того, что его слышит женщина.

И поклялся обязательно добраться до того, кто зачем-то стер с лица земли старый русский город.

///

Следующий разговор с А2 получился у Карифы таким же безрадостным, как предыдущий. Безрадостным для Карифы, которая вновь не сумела порадовать А2 хорошими новостями, правда, вновь не по своей вине. А вот Феллер демонстрировал олимпийское спокойствие и даже благодушие: то ли знал, что вновь услышит рассказ о неудаче, то ли заранее с ним смирился. При этом А2 нисколько не играл, Амин достаточно его изучила и даже по Сети видела, что Феллера не раздражает поражение.

– Орсон побывал в Воронеже и ушел.

– Ожидаемо.

– Правда?

– После того как тамошние вояки позволили полковнику прорваться через кордон, у меня не осталось на их счет никаких иллюзий, – Феллер помолчал. – Как это случилось?

– Он оказался слишком быстр и на удивление хорошо подготовлен, – рассказала Амин. – Признаться, я ума не приложу, где полковник Орсон ухитрился отыскать столь могущественных помощников за столь малое время.

– Или они его отыскали.

– Что ты имеешь в виду?

– Не все могущественные игроки довольны нынешним положением дел, – медленно ответил Феллер. – Многие боятся меня так сильно, что готовы вставлять палки в колеса.

– Думаешь, Орсону помогает кто-то из инвесторов? – поинтересовалась Амин, чудом сохранив спокойствие.

– Или нанятое ими правительство, – пожал плечами А2. – Гадать можно сколько угодно, так что, пожалуйста, расскажи мне детали произошедшего. Возможно, нюансы подскажут, где искать врага.

– Теперь мы знаем, что после перестрелки Орсон и его неопознанные спутники ушли от погони на легком вертолете

«Robinson SDF29», который практически невозможно засечь радарами.

– Я знаю характеристики модели, – кивнул Феллер. – Использовать эту машину – очень умный ход.

Карифа с трудом избежала соблазна прокомментировать неожиданную похвалу в адрес преступников.

– На вертолете они добрались до заброшенного военного бункера, где была организована перевалочная база. Таким образом, Орсон и его спутники сумели выйти из зоны прочесывания, которую организовали военные и служба безопасности «Clisanto», и получили время на подготовку к основной акции.

– Надеюсь, они не полетели в Воронеж на том же вертолете?

– Это было бы совсем оскорбительно для охранников, – поддержала шутку Амин. – Кто-то из новых друзей Орсона взломал сеть Особого Периметра и заставил систему принять коды двух одноместных десантных дронов. Они пролетели Воронеж с запада на восток, покружили над кратером, были обнаружены, но сумели уйти от погони.

– То есть их в конце концов вычислили? – переспросил Феллер.

– Вычислили, но догнать не сумели, – подтвердила Карифа.

– Надеюсь, командование Особого Периметра сделает выводы из этой истории, – рассмеялся А2. – Или командование командования… В любом случае такой позор им скрыть не удастся, а я позабочусь о том, чтобы у них возникли крупные неприятности.

– Что делать мне? – осведомилась Амин.

– Возвращайся, – распорядился Феллер и неожиданно закончил: – Я соскучился.

///

Мегера не ошиблась: через пятнадцать минут система засекла проникновение, а еще через двадцать секунд началась погоня. Патрульные вертолеты в их сторону даже не дернулись, соперничать с десантными дронами в скорости они не могли при всем желании, за нарушителями погнались боевые беспилотники, и в этот момент Бен в полной мере оценил достоинства модернизированных двигателей: их машины рванули так резко, будто до сих пор невинно висели в воздухе, ускорились, позволив пассажирам пережить все прелести перегрузки, зато спасли им жизни, уведя из опасного района с неимоверной скоростью.

А выпущенные ракеты были сбиты с толку тепловыми ловушками.

Мегера и Орсон оторвались на шесть важнейших минут,

успели приземлиться и пересесть в поджидающий «Sikorsky Flash 19», черный, как космическая дыра, и быстрый, как свет звезд.

Через две минуты после старта пилот включил опознавательный чип и поднял машину на нормальную высоту, появившись на экранах радаров.

– Проблем не будет, – объяснила Мегера, перехватив удивленный взгляд Орсона. – Вертолет принадлежит «Clisanto». Как, впрочем, и все вокруг.

Очередную демонстрацию невиданных возможностей Бен воспринял спокойно. Кивнул, показав, что понял и принял, после чего осведомился:

– Куда направляемся?

– Нас ждут в Саратове.

– Думаю, мой чип засвечен, – сказал Орк, снимая «глухарь».

– Уверен?

– Только так можно объяснить провал проверки, – выдал Бен давно заготовленный ответ. – Ты ведь ручаешься за метки NATO?

– Ручаюсь, – подтвердила девушка.

– Значит, патрульные среагировали на меня, на легенду Джехути Винчи, и как только «балалайка» вновь определится в Сети, на меня начнется охота.

– Значит, в Саратове тебе не следует выходить из вертолета, – пожала плечами девушка, расстегивая комбинезон.

Плотная ткань надежно защищала на высоте, но в вертолете в десантном костюме было жарко, и Мегера без стеснения принялась его стаскивать.

– Передай мне вещи.

– Пожалуйста, – Орк подал девушке сумку.

– Кстати, твой рюкзак валяется в углу, – сообщила Мегера, поправляя бретельку лифчика. – Советую переодеться.

– Да, конечно… – Бен резким движением расстегнул комбинезон.

И замер, услышав:

– Как можно объяснить то, что мы видели? – спросила девушка, стряхивая с ноги левую штанину.

– Какие еще объяснения тебе нужны? – Орк быстро сбросил комбинезон и в одних трусах отправился за рюкзаком. Попутно отметив, что сложением Мегера не уступала Беатрис, и с ее стороны было настоящим преступлением прятать такое богатство под мешковатыми тряпками, которые она называла одеждой.

– Почему атаковали Воронеж? Сбой в работе боевого спутника?

– Или какой-нибудь хакер влез в компьютерную систему, активировал оружие и уничтожил город, – проворчал Бен,

натягивая штаны.

– Зачем?

– Может, обдолбался.

– Да, может, – согласилась Мегера. Она уже надела широкие джинсы, свободную, очень легкую блузку и теперь зашнуровывала низкие кеды. – Или они специально ударили по городу, чтобы…

– Чтобы что? – угрюмо спросил Орк, догадываясь, что услышит.

И не ошибся.

– Метеорит принес на Землю suMpa, – обронила Мегера.

– Хочешь сказать, они специально разнесли город, чтобы легализовать вирус?

– Мне страшно об этом думать.

Эрна отвернулась, но Бенджамин протянул руку, мягко взял девушку за подбородок, повернул лицом к себе и, внимательно глядя в глаза, спросил:

– Ты ожидала увидеть нечто подобное, когда планировала поездку в Воронеж?

– Я боялась увидеть нечто подобное, – твердо произнесла девушка.

– Это не ответ, – негромко, но очень жестко сказал Орк.

– Это ответ, только не такой, какой тебе хотелось бы услышать, – огрызнулась Мегера.

– Пожалуйста, будь точнее.

Она попыталась вырваться, но Бен держал девушку мягко, но надежно, отвернуться не получилось, и в карих глазах Эрны вспыхнул яростный огонек.

– Что ты себе позволяешь?

– Пожалуйста, – без тени улыбки повторил Орк.

– Отпусти меня.

– Пожалуйста, ответь.

Несколько секунд они сверлили друг друга взглядами: яростным у девушки, твердым у мужчины, после чего Мегера решила подчиниться:

– Не ожидала, но догадывалась, что дело нечисто, – сказала она с вызовом. – Ехать в Воронеж я боялась, все время говорила себе, что здесь делать нечего, что меня поймают, и самое глупое – что меня поймают там, где нет никакой тайны. Но твое появление все изменило. Ты стал загадкой: взорвавшись, не впал в ярость suMpa, а сменив чип, избавился от мерцающей ртути. Я убедилась, что у suMpa много тайн, стала готовиться к поездке в Воронеж и очень обрадовалась, когда Беатрис написала, что вы готовы присоединиться. – Вспомнив сестру, Мегера помолчала, тихонько вздохнула и продолжила: – Теперь мы знаем очень

важную тайну: метеорита не было. Нужно копать дальше.

– Нужно сделать так, чтобы люди узнали правду о Воронеже.

– Нужно сделать так, чтобы люди в нее поверили, – уточнила девушка. – Что намного важнее.

– Ты – хакер, придумай, как загрузить «GeniusM» во все чипы.

– Зачем? – не поняла Эрна.

– Чтобы люди видели правду.

– Ты сам говорил, что большинство сотрет приложение и постарается забыть увиденное, – грустно улыбнулась девушка.

– Даже десять процентов – это больше миллиарда человек, – серьезно ответил Орк. – С таким количеством знающих правду людей они не смогут не считаться.

– Не получится, – покачала головой Мегера. – «GeniusM» официально запрещен, сетевые роботы сотрут его у всех пользователей в течение шести-восьми часов. Тех, кто осмелится протестовать, накажут.

Ответ прозвучал настолько уверенно, что в его истинности не осталось никаких сомнений, и Орк растерялся:

– Тогда что мы можем сделать?

– Нужно внедрить приложение в глобальную OS, с запретом на удаление из чипов, – выдержав не очень длинную паузу, сказала девушка.

– Увидев изменения, они откатят OS к предыдущей версии и вычистят из него «GeniusM».

– Правильно, откатят, – согласилась Мегера. И ее глаза запылали: – Но с твоей помощью мы сделаем так, что они не посмеют откатить OS!

– Каким образом?

– О тебе еще помнят, Орк, твоя история привлечет внимание, нужно лишь рассказать ее всей ar/G и рассказать полностью: как ты заразился, как излечился, как решил добраться до правды, как тебя пытались убить… – Девушка широко улыбнулась. – Это отличный план: у нас есть ты, у нас есть я, у нас есть гениальный Бобби и много друзей. Мы свалим систему!

– Одной-единственной историей? – недоверчиво прищурился Орк.

– Правдой, – ответила Мегера. – Твоей правдой. Когда система покоится на лжи, правда – единственное, что способно ее обрушить.

* * *

Рокфеллер-центр США, Нью-Йорк июнь 2029

– Итак, друзья, этот прекрасный день настал, – с привычной вальяжностью объявил A2, внимательно разглядывая рассевшихся в конференц-зале мужчин и женщин: двенадцать стратегических

инвесторов, решивших принять личное участие в презентации. Еще сто человек следили за происходящим по Сети, подключившись к идеально защищенному каналу.

День сегодня был не только прекрасным, но и необычайно важным: А. А. Феллер представлял владельцам Земли работающий прототип системы, в которую они совокупно вложили больше девяти триллионов.

– Особенно я благодарен тем, кто, несмотря на важные дела, приехал на мою скромную презентацию лично…

– Судя по многословию, наш любезный друг А2 изрядно нервничает, – рассмеялся мистер Арчер.

– Ничего удивительного, – поддержал его Полуцци. – Неуверенность еще никого не успокаивала.

– Пытаетесь сбить меня с толку? – притворно удивился Феллер.

– Как ты мог такое подумать? – не менее притворно удивился Арчер.

– Но ты явно не в своей тарелке, милый, – подала голос Лариса Томази.

– Мы все это видим, – добавил Гелленбург.

– Ладно, ладно, сдаюсь, вы меня подловили. – А2 обаятельно улыбнулся, признавая поражение перед сотней самых могущественных людей планеты. – Проект «Elysium» был задуман семь лет назад… Семь лет напряженной работы, поиска нужных инструментов, разработки технологии, ссор с вами, дорогие коллеги, когда вы теряли веру в светлое будущее…

– В какой-то момент «Elysium» стал поглощать слишком много ресурсов, – едко заметил дядя Сол.

– Мы говорим о будущем, которое будет безоговорочно принадлежать нам, – напомнил Феллер. – Нельзя губить великий замысел банальной жадностью.

– Мы должны были проявить разумную осторожность, – согласился с дядей Солом Арчер.

– К счастью, я оказался убедителен и доказал сообществу глобальную выгоду проекта «Elysium», – А2 отвесил легкий поклон в камеру, выражая признательность тем стратегическим инвесторам, которые обеспечили ему большинство голосов и, как следствие, колоссальное финансирование.

– Мы все еще не уверены в результате.

– Семь лет, Арчер, семь лет! – повысил голос Феллер. – За столь короткое время мы прошли грандиозный путь: сначала перевели цивилизацию со смартфонов на smartverre, спасибо, дядя Сол…

– Всегда пожалуйста, сынок, – отозвался толстый инвестор,

бывший «локомотивом» предыдущего проекта.

– Мы приучили население во всем полагаться на Сеть, жить в Сети, общаться в Сети и считать Сеть – миром. – A2 помолчал. – Но у smartverre был огромный минус: их можно снять в любое мгновение. И тогда появилась «Iris Inc.», предложившая публике удивительную наноматрицу…

– Вы с Паркером использовали кучу наших наработок, сынок, – напомнил дядя Сол.

– Но наноматрица – наше изобретение, и именно она изменит мир и определит наше будущее, – парировал Феллер. – Что же касается разработок… Будем откровенны, дядя Сол: они ворохом валялись под ногами, как разбросанные ребенком кубики. А мы с Филипом использовали их для строительства принципиально нового домика.

– Может, хватит метафор? – не выдержал Арчер.

– Да, хватит болтать! Лучше покажи, что у вас получилось! – поддержал его один из близнецов Райвуш.

– Надо было добавить в шампанское виски, – проворчал второй брат, которого смущали долгие совещания.

– Не подгоняйте A2, он всегда долго собирается с мыслями перед тем, как сделать что-нибудь сногсшибательное, – громко произнесла Томази.

– Но согласись, дорогая, в ту ночь я и в самом деле был великолепен, – немедленно нашелся Феллер.

Лариса выразительно подняла брови, но промолчала.

– Что именно мы собрались обсуждать? – недовольно спросил Полуцци.

– С вашего позволения, я продолжу, спасибо. – Все знали, что Феллер никогда не меняет схему выступления и обязательно скажет все, что запланировал, даже если это доведет присутствующих до белого каления. – Выведя на рынок «Iris Inc.» и начав массовое внедрение наноэкранов, мы сделали первый шаг на пути к нашему будущему. У нас была наноматрица, квантовый компьютер, однако мы потеряли много времени на разработку квантового чипа и нового программного обеспечения, способного использовать все современные возможности и запустить проект «Elysium» на полную мощность. Собственно, в этот момент мне начали требоваться те колоссальные средства, о которых здесь упоминали: сначала на разработку, затем на внедрение, на замену оборудования ar/G и чипов, но я готов отчитаться за каждый пенни…

– Если ты добился результата, сынок, то плевать на пенни, – громко произнес дядя Сол. – Ты добился результата?

– Да, – скромно ответил A2.

Кто-то шумно выдохнул. Лариса прищурилась, но промолчала. Арчер заметно помрачнел – похоже, он до последнего наделся, что Феллер признается в провале.

– Друзья, я счастлив объявить, что со вчерашнего дня цифровая область Сан-Франциско представляет собой тестовую зону проекта «Elysium», – громко объявил A2, поднимая бокал с шампанским. – Мы в месяце от полноценного запуска.

И вот сейчас они не сдержались – разразились аплодисментами.

– Сбои были? – деловито осведомился тот Райвуш, который умнее.

– Только мелкие.

– Система работает так, как ты обещал?

– В точности, – Феллер пригубил вина. – С вашего позволения, презентацию продолжит второй триумфатор вечера, мой дорогой друг Филип Паркер. Архитектор проекта «Elysium».

A2 переместился в первый ряд, заняв кресло рядом с Ларисой, а вышедший на сцену Паркер указал на гигантский монитор, на котором наконец-то появилось изображение.

– Вместо тысячи слов, господа, прошу вас обратить внимание на экран. – Филип не был ровней стратегическим инвесторам, поэтому держался немного скованно, однако точно знал, что делать. И не сомневался в том, что выступление получится идеальным. – Перед вами одна из улиц Сан-Франциско.

Тихая, спокойная, сонная.

– Почему она? – осведомился Арчер.

– Э-э… – Филип сбился и растерянно ответил: – Ну… можно выбрать любую другую…

– Сначала мы хотели сделать тестовую зону вокруг твоего дома, Арчер, но в глуши живет слишком мало людей, – пришел на помощь A2.

– Лонг-Айленд для тебя глушь? – холодно осведомился Арчер.

– Ты распугал всех его жителей.

Послышался смех, который Феллер прекратил следующим замечанием:

– Внимательно смотрите на экран, друзья, не пропустите ни одной детали.

– Улица как улица, – Лариса передернула плечами.

– Улица обычная, – подтвердил A2, мягко накрывая ладонью руку женщины. – Но мы с Филипом наполнили ее магией.

Улица действительно выглядела заурядно: припаркованные у тротуара машины, самые обыкновенные прохожие, стайка подростков, семейная пара олдбагов, настолько дряхлых, что на

их красные цифры смотрели без всякой опаски, компания в офисных костюмах, идут обедать в небольшое кафе, два велосипедиста…

– Что не так с улицей? – не выдержал дядя Сол.

– Почему с ней что-то должно быть не так? – удивился Паркер. На этот раз он не смутился, видимо, поддержка Феллера придала Филипу сил.

– Она нарисована? – предположил тот Райвуш, который глупее.

– Нет, это самая обычная улица, съемка ведется с нескольких видеокамер, но изображение не подвергается обработке, вы видите то, что происходит в действительности.

– И как долго мы будем смотреть?

– Сейчас все случится, – пообещал Паркер. – Потерпите еще минуту.

Из кафе, в котором исчезли офисные служащие, вышли два бородатых парня с бумажными стаканчиками в руках. Парни что-то шумно обсуждали, не обращая никакого внимания на окружающих, но на красный сигнал среагировали, воспитанно дождались зеленого, шагнули на пешеходный переход, продолжая оживленный разговор, и… И одновременно закричали, когда прямо перед ними на огромной скорости промчался большой черный седан с затемненными стеклами. Машина проскочила в дюйме от бородачей, заставив их не только вскрикнуть, но и отступить. Один из парней уронил стакан, и кофе разлился по мостовой. Седан резко, так, что завизжали тормоза, повернул за угол и скрылся, свидетели происшествия зашумели.

– Завораживает, правда? – тихо спросил Паркер.

– Я ничего не понял, – признался Полуцци. – Что мы видели?

– Это трансляция? – поинтересовалась Томази.

– Прямая, – кивнул А2. Но продолжить не успел.

– Завораживает, – неожиданно согласился Арчер, и его громкий голос заставил притихнуть инвесторов. Все знали о сложных отношениях Арчера и Феллера, поэтому следующая фраза вызвала у инвесторов изумление: – Ребята, признаю: вы молодцы.

Он посмотрел А2 в глаза, кивнул и поднял бокал с шампанским. Паркер улыбнулся и вытер пот.

– Кто-нибудь объяснит, что я только что видел? – спросил дядя Сол.

– Автомобиля не было, – негромко сказал Паркер.

И в зале наступила тишина.

– Седан проехал в двух дюймах от парней, – произнес Феллер, вставая рядом с Филипом. – Бородатые видели его, чуяли

его запах и колебание воздуха. Они слышали скрип тормозов. Они полностью пережили этот момент. Момент, которого не было.

– Как ты этого добился? – хрипло спросил кто-то из Райвушей.

– Возможности квантовых чипов, – ответил A2. – Помните, как горячо я настаивал на том, чтобы впихивать в головы людей чипы с опережающими возможностями, а не ту ерунду, на которой настаивала ваша жадность?

– Твое требование обошлось нам в лишний триллион, – проворчал Полуцци.

– Зато мы приобрели колоссальный запас прочности и можем запустить проект «Elysium» без дополнительных вложений.

– Как вы сумели воздействовать на чувства?

– Благодаря тесному сотрудничеству с Чарли и его протезной фабрикой, – рассмеялся A2. И отыскал взглядом Скотта: – Спасибо, брат!

Тот важно кивнул.

– Мы отталкивались от разработок ATQ, за два года разработали нужную технологию и теперь готовы изменить мир и превратить его в наш рай, в наш «Elysium»! В мир, в котором нас будут окружать молодые, красивые люди, свежие и озорные. В мир, в котором над нашими головами никогда не засияют красные цифры.

– Когда? – жадно спросил дядя Сол. Он был самым старым из присутствующих, самым хладнокровным, опытным, но даже он не мог сдержать эмоции. – Когда мы переселимся в рай?

– В августе.

– Почему именно в августе?

– Хочу испортить вам отпуска.

– A2, перестань острить, – попросила Томази.

– Извини, дорогая, не удержался, – Феллер бросил короткий взгляд на бокал с шампанским, который держал в руке. – Я выбрал август, потому что к этому времени мы абсолютно точно закончим переоборудование ar/G. И еще – в честь Октавиана, создавшего грандиозную империю.

* * *

Это был небольшой бар в Нью-Йорке, может, в Бронксе, может на Манхэттене или в Бруклине – не важно. Для моей истории не важно, потому что я заглянул в него просто так. Сидел за стойкой, гоняя туда-сюда пустую стопку, и думал… Не важно, о чем я думал, орки, половина из вас не поймет моих слов, а второй половине знать их не надо, чтобы не сойти с ума. Так вот, погруженный в собственные мысли, я сидел за стойкой довольно

долго, наверное, с час. Потом снова выпил – в конце концов, нужно было проявить уважение к бармену, который целый час отгонял от меня посетителей, потому что понял, что мне нужно подумать… Так вот, я проявил уважение к бармену, выпил, распорядился повторить, несмотря на то что виски оказался еще более дрянным, чем до начала размышлений, и тут мое внимание привлек настенный коммуникатор, настроенный на новостной канал, – по нему шел репортаж о судебном процессе «Боровиц против штата Нью-Йорк». Тем, кому все до лампочки, напомню, что Боровиц пытался опротестовать запрет на посещение тюрем адвокатами, достигшими возраста suMpa. Запрет ввели после первых уличных расстрелов, «в связи с особой и непредсказуемой опасностью людей, достигших определенного возраста»… Это был один из первых случаев ограничения в правах олдбагов. Процесс изрядно затянулся, после Первой Вспышки о нем вообще забыли, но тогда он привлек всеобщее внимание, и сидящий справа мужик выругался, услышав, как молоденький представитель мэрии откровенно хамит пожилому Боровицу.

Я спросил:

– Задело?

Мужик посмотрел на меня сначала холодно, но, поняв, что я не издеваюсь, расслабился и ответил:

– Это неправильно.

Он пил такой же дрянной виски, как я, что делало нас почти друзьями, был не сильно младше, и потому я не удержался от замечания:

– В мире мало правильных вещей.

Я думал, на этом разговор закончится, однако репортаж о Боровице сменился прогнозом погоды, мой собеседник отключился от аудиоканала коммуникатора и угрюмо рассказал:

– Мне сорок два, и я никому не нужен.

– Когда было иначе?

Он махнул шот виски и хлопнул по стойке кулаком.

– Всего сорок два! – Удар у него оказался вполне приличным, уж в этом, поверьте, я понимаю. Ударом мужик мог проломить голову, но пока я размышлял о его силе, мой собеседник продолжил: – Я великолепно тренирован, могу на спор навалять любому молодому, у меня богатейший опыт… – и тут он наконец сообразил, что услышал нечто неожиданное, и вновь повернулся ко мне: – Что ты сказал?

– Когда было иначе? – повторил я, потому что не видел причин не повторить свою фразу.

– В смысле? – растерялся мужик.

– Примерно в тридцать пять тело слетает с божественной

гарантии, в сорок начинается затухание, – я сделал знак бармену, и он наполнил стаканчик собеседника. За мой счет, разумеется. – Кто-то суетится, тренируется, стараясь обмануть природу, но подавляющее большинство просто стареет, покорно принимая происходящее. Мир принадлежит молодым, они толкают его вперед.

Мужик вспыхнул, явно разозлился, но он видел над моей головой проклятые красные цифры, говорящие о возрасте suMpa, сумел обуздать гнев и спросил:

– Ты покорно принял?

– Я рассказал как есть. Я не виноват, что тебе не понравилось.

– Ты покорно принял? – с напором повторил мужик.

– А был выбор? – Я удивленно поднял брови. – Часики тикают, брат, мы не можем остановить время.

– Не в этом дело… – протянул мужик.

– А в чем?

– В том, что старики – часть мира, а любая часть мира имеет смысл.

Я не ожидал услышать что-либо подобное от случайного собутыльника в задрипанном баре и замолчал на несколько секунд. Потом выпил, отсалютовав собеседнику, и ответил:

– Раньше так и было: опыт приходил с возрастом и в идеальном случае превращался в мудрость. Старики учили детей и внуков основам выживания, мастера делились секретами и передавали опыт. Но сейчас мир стал другим, брат, мир стал быстрым, знания человека устаревают до того, как он выходит на пенсию, и ему нечем делиться с потомками. Производства роботизированы, а уникальных ремесел слишком мало, чтобы влиять на тенденцию. Старики потеряли главную задачу, которую выполняли в обществе – перенос знаний, – и превратились в ненужный балласт.

– Ты сказал, что так было всегда, – припомнил собеседник. – А миру, который ты описал, не более двадцати лет.

– Та фраза относилась не к старикам, а к нашим ровесникам, – объяснил я. – От нас всегда старались избавиться.

– Это еще почему?

– Потому что сорокалетним открывается истинная цена нашего мира – мира Великого Шанса. Сорокалетние еще полны сил, но уже знают, что, сколько бы ни было счастливых лотерейных билетов, их на всех не хватит, – и тем опасны. Сила и разочарование, брат, – это жесткий коктейль, не всякое общество способно его выпить и не сблевать. И потому сорокалетних, тех, которым не повезло добиться чего-то серьезного или обрести уникальный опыт, то есть большинство, начинают потихоньку

задвигать, освобождая место молодым. Молодые еще не растратили энергию и задор, с надеждой смотрят в будущее, твердо уверены, что все счастливые лотерейные билеты будут принадлежать им, и готовы пахать. Это главное, брат: молодые готовы пахать сейчас, пытаясь воплотить мечты, и не думают о том, что однажды остановятся, посмотрят на себя в зеркало и поймут, что им сорок два, а они по-прежнему подают кофе в баре торгового центра, а Великий Шанс достался кому-то другому. Что же они сделают?

– Сопьются, – предположил мужик, мрачно глядя на наполняющего шот бармена.

За мой счет, разумеется.

– Сопьются, – согласился я. – Или же попробуют выгрызть свой счастливый билет, пока еще есть силы.

Некоторое время он тщательно обдумывал услышанное, а затем негромко произнес:

– Такова система.

– Я тоже удивился, что suMpa поражает только тех, кто наиболее для нее опасен.

Он вздрогнул, но продолжать не стал, потому что наш разговор медленно, но неотвратимо скатывался к федеральному обвинению в неблагонадежности. Мы молча выпили и расстались: я остался у стойки, а он покинул бар с какой-то женщиной. Кажется, со шлюхой.

Из дневника Бенджамина «Орка» Орсона

* * *

Турция, Стамбул июнь 2029

Как и обещала Мегера, в Саратове они не задержались. На подлете к городу Орк вновь надел «глухарь» и спрятался в потайном отсеке вертолета, предназначенном, судя по всему, для контрабанды: маленький, надежно экранированный закуток укрыл беглеца от осматривавших машину полицейских. Что же касается Мегеры, Бобби и пилота, их чипы не вызвали у русских подозрений.

В аэропорту пробыли тридцать минут: прошли проверку, дозаправились, получили новое маршрутное разрешение – в Краснодар, но в трехстах километрах от Саратова Мегера изменила полетные данные, и вертолет направился в Стамбул. Орк вновь забрался в потайной отсек и узнал, что он съемный: после приземления грузчики аккуратно извлекли контейнер из вертолета и доставили на таможенный склад, в одном из закутков которого Бена ждал длинный парень в черном медицинском комбинезоне, черной шапочке и черной маске. Парень кивком указал Орку на массажный стол с выемкой для лица и взялся за

скальпель. Через сорок девять минут из ворот таможенного терминала стамбульского международного аэропорта вышел законопослушный американский гражданин тридцати семи лет по имени Бенджамин Кларк, прилетевший в Турцию из Копенгагена. То ли по работе, то ли расслабиться.

Первая Вспышка и сопровождающие ее кровавые акции не обошли Стамбул стороной, не избежал город и жестоких погромов, однако полиции удалось быстро погасить беспорядки и вернуть жизнь в нормальное русло. С улиц исчезли олдбаги, появилось чуть больше патрулей – в том числе военных, – власти ввели щадящий комендантский час, с полуночи до пяти утра, но в целом в Стамбуле было куда спокойнее, чем в Париже или Франкфурте. А днем он и вовсе казался островком далекого прошлого.

Роботакси доставило мужчину на улицу Кеннеди, где его ожидала стройная темноволосая девушка в бесформенной одежде, принятой среди молодых радикалов. Мегера свободно расположилась на одной из лавочек, вытянув одну ногу на сиденье, бросила на землю рюкзак и не отрываясь смотрела на пролив, по которому неспешно проходили суда. Когда Орк присел, она улыбнулась и сообщила:

– Это Босфор.

– Никогда не был, – ответил Бен, откидываясь на спинку. И заметил: – Ветрено.

– А хотел побывать?

– Да, – честно ответил Орк. – Может, я излишне романтичен, но меня привлекают подобные места: я был на Северном полюсе, на мысе Горн и с удовольствием смотрю сейчас на границу Европы и Азии.

– Понимаю, – негромко сказала девушка.

– Правда?

– Я была на Южном полюсе, пересекала Гибралтар, двигаясь из Европы в Африку, и видела границу между Индийским и Атлантическим океанами… Может, я тоже романтик, но я убеждена, что в мире есть много мест, которые нужно посмотреть. И при этом – не торопиться…

– …посидеть на лавочке…

– …помолчать и поговорить.

– Насладиться моментом.

– Потому что он не повторится.

– Да, – Орк посмотрел на Азию и повторил: – Потому что он не повторится.

Когда они летели из Саратова, Бен запустил «GeniusM» и с удивлением обнаружил, что Мегера не приукрашивала себя с

помощью craft(art). Родинка на левой щеке, веснушки, маленький шрам на виске, морщинки у глаз, от которых избавилась бы любая женщина, желающая выглядеть идеально, – все это было настоящим, все это принадлежало ей и не скрывалось ею. Ни сетевые художники, ни пластические хирурги к образу Эрны не прикасались.

И Орку это нравилось.

– Наша жизнь состоит из неповторяющихся моментов, – продолжила девушка, наконец-то поворачиваясь к Бену. – Некоторые из них пролетают, как обрывки разорванного ветром тумана, некоторые остаются в памяти, как светлые или темные пятна. Некоторые меняют жизнь. Мы с тобой прошли через такой момент, Орк, и теперь должны решить, что делать дальше.

– Вариантов два: бежать или сражаться, – рассудительно ответил Бен.

– Их всегда два.

– Верно.

– Какой ты выберешь?

– Я не могу бежать, – пожал плечами Бен. – После всего, что видел, – не могу.

– У тебя новый, не связанный ни с какими темными делишками чип с великолепной «легендой», – медленно произнесла Эрна, продолжая смотреть Орку в глаза. – Я дам тебе деньги – в память о сестре, и ты сможешь прятаться до конца жизни.

– Мне не с кем возвращаться в Коста-Рику.

Она промолчала. Но взгляд не отвела.

– И ты права, Мегера: путешествие в Воронеж изменило нашу жизнь. Мою – точно, – продолжил Бенджамин. – Я потерял самое дорогое, что у меня было, и приобрел желание расплатиться. Но понимаю, что только моих навыков недостаточно.

– Пока в твоей башке копошился лучший в мире специалист по фальшивым «балалайкам», я продумала основные детали плана, – рассказала девушка, доставая из рюкзака кисет и пачку тонких бумажных листов. – В его основе – ты, Орк, твоя история, твоя судьба, твоя правда. Ты дашь нам то, в чем мы нуждаемся, – героя. Ты станешь лицом сопротивления.

– Для чего? – вырвалось у Бена.

– OutG пора перестать быть болотом, – решительно ответила Мегера. – Я займусь технической частью проекта и подготовкой к внедрению «GeniusM» в глобальную OS. А Бобби, используя свои возможности и умения, начнет раскручивать твою историю, кульминацией которой станет путешествие в Воронеж и раскрытие обмана. Эту запись мы пустим одновременно с

обновлением OS, и пути назад не будет. «GeniusM» останется в системе, и мир, черт бы его побрал, изменится. Люди будут по-прежнему пользоваться craft(art) и смотреть на себя сквозь розовые очки, но у них появится возможность их снимать, как раньше они снимали smartverre.

– В этом заключается идея свободы: возможность выбора, – негромко произнес Бен.

– Настоящего выбора, а не того, который подсовывают проходимцы, – кивнула девушка. – Ты со мной?

– Ты знаешь, что да, – Бен улыбнулся. – Орк и Мегера идут в поход против мира.

Несколько секунд она молчала, глядя мужчине в глаза, а затем протянула руку, которую Бен очень нежно пожал.

data set trinity MERCURIUS SCINTILLATUS [19]

Первый ролик они записали в Стамбуле. Вернулись в отель возбужденные, увлеченные, взахлеб обсуждая, что нужно делать в первую очередь. Разбудили Бобби. Бен думал, Эрна хочет подключить его к обсуждению, но Мегера неожиданно предложила сделать пробную запись. Челленджер спорить не стал – судя по всему, давно привык к манере поведения взбалмошной девушки. Зевнул, почесал затылок, оглядывая номер, вышел в гостиную, потом во вторую спальню, выбрал подходящую стену и предложил:

– Передвину сюда кресло. А фон потом сделаем, какой надо.

– Нет, мы не станем обрабатывать видео, – твердо ответила Эрна. – И выкладывать будем только оригиналы – им больше доверия. И никакого кресла.

– Орк будет стоять на фоне стены? – поморщился толстяк.

– На балконе, на фоне Айя-Софии.

– Как скажешь, – Челленджер взял одну из валявшихся в гостиной сумок, вышел на балкон и минуты через четыре доложил: – Я готов.

– Пошли! – Мегера буквально вытолкала ошеломленного Бена из гостиной и поставила у перил, развернув спиной к городу.

– Чуть правее, – распорядился Бобби, который успел установить штатив и прикрутил к нему небольшую, но мощную камеру. Эрна послушно подвинула Орка. – Достаточно. Начинайте.

– Меня в кадре не будет. – Девушка подошла к толстяку.

– А мне что делать? – спросил окончательно растерявшийся Бен.

– Скажи что-нибудь умное, – предложил Челленджер. – Если получится.

– Что?

Вопрос вызвал смех.

– Бобби, перестань! – Мегера в шутку ударила толстяка по плечу и посмотрела на Орка: – Просто начни, потом пойдет само собой.

Ему действительно было что сказать, но камера сбила Бена с толку. Неудивительно, учитывая, что это был его первый опыт публичного выступления. И очень важный опыт.

К счастью, толстяк отлично разобрался в происходящем и пришел на помощь:

– Для начала представься, – предложил он, глядя в видоискатель.

– Просто представиться? – удивился Орк.

– И объясни, почему тебя зовут именно так.

– Разве это кому-то интересно?

– Станет интересно, – пообещал Челленджер. – Когда мы займемся тобой по-настоящему.

Представиться? Но как? Полковником Орсоном? Бывшим полковником Орсоном? Гражданином Орсоном? Что сказать? Как представиться тем, кого в глаза не видел? Кем назваться?

А затем, как и обещала Мегера, нужные слова пришли сами. Бен посмотрел в камеру и твердо произнес:

– Меня зовут Орк, и я такой же, как вы.

– Отлично! – выдохнул толстяк. – Так и начинай.

///

Первое видео Орка не сразу набрало те миллиарды просмотров, которые потрясали воображение впоследствии. В первый день на запись обратили внимание всего две тысячи раз – ее специально бросили в Сеть без поддержки и раскрутки, чтобы показать, что за Орком не стоят корпорации или какое-нибудь правительство. Бобби и Мегера хотели посмотреть, сколько человек откликнется без привлечения дополнительных ресурсов, и остались довольны динамикой. На следующий день число просмотров перевалило за десять тысяч, и по Сети поползли слухи о странном парне, желающем узнать правду о suMpa. Но, как ни странно, сетевые роботы начали блокировать видео лишь через два дня, когда появилась еще одна запись, а число просмотров первого ролика приблизилось к тремстам тысячам.

#orcVideo01

– Меня зовут Орк, и я такой же, как вы. Когда-то меня звали Бенджамином Орсоном, полковником Орсоном, но вы будете называть меня Орком, потому что я так хочу, – сказал Бен, стоя на балконе гостиничного номера. – В апреле этого года меня уволили из армии в связи с достижением возраста suMpa. Мне исполнилось сорок два, и я стал старым и опасным. Все вы знаете, что это значит: после сорока двух в моем теле может в любой момент взорваться вирус, хотя никто не знает, есть ли в моем теле вирус… Никто ничего не знает о вирусе, кроме того, что он прилетел из космоса и превращает нас в агрессивных сумасшедших. Мы не умеем его лечить, мы не знаем, как от него защититься, и мне не повезло… – в этот момент Бен сбился. – Мне дважды не повезло, орки. Моя жена Сара достигла возраста suMpa в прошлом июне и… и… Моя жена Сара стала одной из первых жертв suMpa. Она пыталась устроить расстрел в школе, где учились дети наших друзей, но полицейские перехватили Сару по дороге, блокировали автомобиль и предложили сдаться. В завязавшейся перестрелке моя жена… Моя Сара… Она погибла. – Орк вновь помолчал. – Следующие месяцы стали для меня

самыми трудными в жизни. Я много раз задумывался над тем, хочу ли жить, и не находил ответа. Я не знал, что делать, и постоянно задавался вопросом: взорвется ли вирус во мне? Я вел себя так, как ведут все, кто приближается к возрасту suMpa. И так же, как все, я ждал дня рождения со страхом. Будущее стало непонятным. Будущее вообще исчезло, потому что, когда ты постоянно думаешь о том, что можешь превратиться в агрессивного психа, это не жизнь. А будущее – это жизнь. Будущее – это то, к чему нужно стремиться, орки, а я просто преодолевал секунды и минуты в ожидании смерти. Я не сомневался в том, что умру, но стреляться не хотел и потому обрадовался, увидев в своих глазах мерцающую ртуть. Ведь это означало, что ожидание закончилось.

В этот момент Бобби врезал в запись кадры из бара, и зрители увидели Орка у стойки. Растерянного, не знающего, что делать, но очевидно не агрессивного. В Стамбуле Бену вновь «поправили» лицо, избавляясь от сходства с Джехути Винчи, в результате он стал больше напоминать себя изначального, и запись из бара не вызвала у зрителей сомнений.

– Я взорвался два месяца назад в Нью-Йорке, сумел уйти от преследования и сейчас нахожусь в Стамбуле. Мои глаза чисты, и я не чувствую желания убивать… – Орк оборвал фразу и улыбнулся. – Нет, чувствую, врать не буду, но я не собираюсь убивать кого попало. Я хочу убить тех, о ком узнал во время расследования, но хочу убить их не потому, что во мне бурлит агрессивный вирус, а чтобы расплатиться за то, что они сотворили с нами. Со всеми нами. – Бен сжал кулаки. – А узнал я много, орки, и в своих выступлениях расскажу правду о suMpa. Она вам не понравится, однако таково свойство правды: она никому не нравится, но без нее мы обречены. Наш мир обречен, потому что конструкции из лжи трещат и ломаются, и наш единственный выход – знать правду. И решить, что делать дальше. – Орк вновь выдержал паузу. – Итак: апрель, Нью-Йорк, небольшой бар на окраине, в который я зашел, чтобы посмотреть гонку и выпить пару пива…

Италия, Рим июль 2029

Могло показаться, что в Стамбуле ничего не изменилось, ведь Орк принял решение докопаться до правды еще в Коста-Рике и лишь подтвердил его Мегере. Но в действительности Бенджамину вновь пришлось делать серьезный выбор: сможет ли он довериться загадочной сестре Беатрис? Самому известному хакеру планеты. Фанатичной противнице системы.

Женщине, которую он однажды убил.

– Как вы сумели нас обмануть? – спросил Орк.

Спросил под утро, после того как они записали первый ролик. Бобби, бурча что-то о «взбалмошных бездельниках», отправился спать, а они остались на балконе. Сидели, курили, потягивали виски, иногда о чем-то говорили, больше молчали, то ли думая, то ли отпуская переполненные событиями дни, и наблюдали за тем, как рассвет неспешно разгоняет стамбульскую ночь. Короткую, потому что лето в разгаре.

Вот тогда Орк и вернулся к вопросу, на который Мегера не ответила при первой встрече.

– Ты спрашиваешь о Париже? – лениво спросила девушка. Она закинула длинные ноги на перила балкона, откинулась на спинку кресла и выглядела весьма привлекательно, даже несмотря на мешковатую одежду.

– Да, о Париже, – подтвердил Бен.

– Произвело впечатление?

– Разумеется.

– Это было довольно сложно, но, как видишь, мы справились.

Эрна оглядела свой стакан, обнаружила в нем немного виски и одним глотком отправила янтарный напиток по назначению. И вновь уставилась на пролив.

– Ждешь, чтобы я назвал тебя гениальной? – догадался Орсон.

– Тебе сложно? – капризно осведомилась девушка.

– Ты гениально меня обманула, а теперь я хочу знать, как это у тебя получилось.

– Я не чувствую искренности в твоих словах.

– Попытайся ее представить.

– Ты упрямый… – Мегера улыбнулась, но все-таки рассказала: – Главная проблема заключалась в том, что у нас было очень мало времени.

– Откуда оно вообще у вас появилось? – тут же спросил Бен. – Это была секретная операция, о ней знали только я, генерал Стюарт и министр обороны.

– Министр оказался слабым звеном и сглупил, слив информацию в Сеть.

– Ты взломала сайт министерства? – прищурился Орсон.

– А ты этого еще не понял?

С одной стороны: чего еще ожидать от лучшего хакера планеты? С другой, самое очевидное из всех возможных объяснений вызвало у Бена скепсис, однако он оставил его при себе. И улыбнулся:

– Есть сайты, которые ты не успела взломать?

– Хранилища гей-порно.

– Ты выросла в моих глазах.

– Неужели? – Она подняла брови, словно удивляясь дремучей гомофобии Бена, протянула ему стакан: – Налей! – И продолжила: – Открою тайну: по всем правительственным ресурсам бегают незаметные сетевые роботы, которые ищут упоминания о нас. Твой обожаемый министр не сдержался и похвастался предстоящей поимкой президенту…

– Тупой гражданский, – пробормотал Орк, не испытывающий теплых чувств к политической фигуре, назначенной командовать военными пару лет назад.

– Ага, – защищать министра Эрна не собиралась. – Он кинул президенту письмо по Сети, мы его перехватили, хотели сбежать, но вы уже блокировали зону, вот и пришлось выкручиваться.

– Я видел тебя мертвой, – тихо сказал Бен, припоминая Мегеру: разъяренную, с фанатично горящими глазами, сумевшую превратить свой страх в ярость.

– Ты видел меня с детонатором в руке, – уточнила Эрна. – Собственно, взрыв – это единственное, что там было настоящим, все остальное – высококлассная графика. Ты не видел меня. Ты не видел моих ребят. Мы показали вам кино.

– Не может быть, – помотал головой Орк. – У военных, агентов GS, полицейских… в общем, у всех ребят, которые занимаются государственной безопасностью, прошиты высококлассные lookTrue-приложения. Отправляясь в рейды, мы запускаем их в обязательном порядке и видим все так, как есть на самом деле, без «обложек». Нас нельзя обмануть.

– Можно.

– Нельзя.

– Уже можно, – медленно ответила Мегера, поигрывая тяжелым стаканом. – Технология отработана и кое-где запущена в тестовом режиме. А в настоящее время «Iris Inc.» готовит массовое внедрение новой OS, приложения которой будут создавать дополненную реальность такого уровня, что сквозь нее сможет смотреть только «GeniusM». Собственно, поэтому тебе и приказали меня убить.

Она допила виски, поднялась и, не прощаясь, ушла в спальню.

///

Из Стамбула они полетели в Рим. Паника, вызванная Первой Вспышкой suMpa, постепенно сошла на нет, пассажирское сообщение восстановили, их чипы не вызывали подозрений, и путешественники спокойно добрались до Италии.

Постоянно натыкаясь на надписи:

«No Country For Oldbug!»

Теперь наклейки всюду: в маленьких кафе и дорогих

ресторанах, в музеях и магазинах, на вокзалах и в аэропортах. А для людей с красными цифрами над головой предназначались отдельные залы ожидания, отдельные вагоны, отдельные самолеты и настоятельные рекомендации не выходить на улицу, поскольку полицейские не могли уследить за всеми хулиганами, бандитами и теми, у кого взорвавшиеся олдбаги убили родных.

«No Country For Oldbug!»

Военные на улицах.

И намного меньше улыбок.

Орку доводилось бывать в Риме, правда, только по работе, но он запомнил добродушие и расслабленность итальянцев, на нервы которых, похоже, совсем не действовали толпы туристов. В памяти Рим остался жарким, красивым и веселым, а теперь Бен нашел его только жарким и красивым. Привычное настроение куда-то подевалось.

Впрочем, так можно было сказать обо всей планете, которую накрыла suMpa.

Однако насладиться красотами Вечного города у них не получилось: разместившись в отеле, путешественники сразу отправились на встречу с лидерами outG, за каждым из которых стояли мощные хакерские группировки. Мегера и Бобби позвали только тех, в ком не сомневались, кто гарантированно не служил корпорациям или правительству и славился непримиримостью.

Мегера и Бобби организовали первую в истории конференцию цифрового сопротивления.

Большая часть участников вышла на связь по Сети, для чего в подземный, полностью экранированный бункер провели кабель. Бункер, кстати, оказался мрачным и сырым, и, как подозревал Орк, его выкопали еще во времена Римской империи, после чего забыли по причине неудобного и слишком глубокого расположения и вспомнили только теперь, в эпоху вездесущей ar/G. Помимо Орка, Челленджера и Эрны, в Рим явились четверо европейцев. К некоторому удивлению Бена, появление воскресшей Мегеры они встретили достаточно сдержанно – видимо, самим доводилось пускать полицию по ложному следу сообщением о смерти, а вот на толстяка уставились во все глаза.

– Тот самый Челленджер? – тихо спросил француз у более осведомленного испанца.

– Да, – подтвердил тот.

– Создатель «FakeNews Corp.»?

– Канал у него крутой, – признал осведомленный. – Но сам Бобби еще круче. Он – последний оставшийся на свободе евангелист «Time Anarchy», радикального движения, отколовшегося от «NetFreedom». Те ребята так досадили

корпорациям, что их даже на службу не переманивали: был отдан приказ на уничтожение. Бобби ищут до сих пор, в девятнадцати странах выписан ордер на его арест… Без срока давности.

– Круто.

– Еще как.

Француз был не прочь продолжить беседу, но Мегера громко произнесла:

– Добрый день!

И совещание началось.

– Я рада приветствовать вас, друзья, после столь долгого перерыва.

– Я сильно удивился, увидев, кто подписал приглашение, – не стал скрывать представляющий Сингапур Хо из своего монитора. – Думал, это ловушка.

– Все так подумали, – поддержал коллегу Жюль. В отличие от китайца, француз присутствовал на встрече лично и не забыл прикоснуться к руке Эрны. – Чертовски рад тебя видеть, красавица.

– Взаимно, Жюль.

– Еще не передумала?

– Я всегда буду испытывать к тебе дружеские чувства.

– Мы собрались под слово Бобби, – хмуро произнес Безымянный, русский хакер с левого монитора. – Решили, он придумал нечто новое, но сюрприз удался. Рад, что ты жива, Мегера.

– Мы все рады, – добавил Регги.

– Спасибо, ребята, – улыбнулась Эрна. – Как вы наверняка понимаете, решение спрятаться было вынужденным: я готовила новый проект, а заниматься серьезным делом будучи мертвой намного удобнее – никто не отвлекает и не дышит в затылок.

– Что придумала? – осведомился Хо.

– Хочу перевернуть мир.

– Мы слышали это миллион раз… – Китаец скупо улыбнулся. – Не от тебя, но миллион раз. А мир никак не переворачивается и остается прежним.

– Дерьмовым, – добавил Безымянный.

– Раскрашенным craft(art), – продолжил Хо. – И даже если ты его перевернешь, Мегера, мир будет скалиться тебе с другого бока. Ни черта не изменится.

– Что же делать? – притворно удивилась Эрна.

– Ждать, когда suMpa его сожрет.

– Не сожрет, а изменит! – громко произнес Орк.

И только теперь все сделали вид, что увидели еще одного гостя.

– Кто это? – осведомился Жюль.

– Наш друг, – твердо ответила девушка.

– Он похож на полицейского, – заметил худосочный француз.

– Его зовут Орк, и он бывший военный.

– Зачем он тебе?

– Затем, что я избавился от suMpa, – сообщил Бен.

И это заявление вызывало понятное оживление.

– Что?

– Как?

– Ты врешь!

– Это невозможно.

– Я помню этого парня: его искали в Нью-Йорке, – произнес Безымянный. – Он взорвался в баре, но никого не убил.

– Ты действительно излечился? – прищурился Регги.

– Да.

– Почему ты не пошел в WHO?

– Потому что меня едва не убили, – ответил Бен, жестко глядя на испанца. – Потому что Мегера считает, что мир погряз во лжи, которая всех устраивает, и я с ней согласен.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы еще не до конца понимаем суть обмана, но уже видели такое, за что нас убьют без колебаний. Мы были в Воронеже…

– Как вы туда проникли?

– Именно для этого мне потребовалось несколько месяцев спокойной жизни, – вернулась в разговор Эрна.

– Кратер действительно такой большой, как показывали в новостях?

– Ты сделала фото?

– Ты сняла видео?

Хакеры, как обратил внимание Бен, жутко походили на любопытных школьников, стремительно перескакивающих с темы на тему, но не вникающих в них достаточно глубоко. Их интересовало все сразу и ничего конкретно, они готовы были обсуждать любую новость, которая привлекла их внимание, не задумываясь над тем, как она связана с предыдущим разговором. Скорее всего, они вели себя так, потому что не привыкли проводить большие совещания, но Бену их поведение казалось странным.

– Зачем ты поехала в Воронеж?

– Мы с Орком решили начать расследование оттуда, где все началось.

– Так что насчет кратера? Он большой?

– На самом деле в Воронеже нет кратера, – командный голос у Бена был поставлен отлично, и полковник без труда перекрыл

загалдевших собеседников.

– А что?

– Мы расскажем.

– Парень, ты звучишь, как рекламный слоган, – качнул головой Хо. – Обещаешь много интересного, но не делишься реальной информацией.

– Называй меня Орком, – предложил Бен.

– Дурацкая кличка.

– Зато сразу ясно, что мы братья.

– Мы с тобой? – изумился китаец. – С чего бы это?

– А кем ты себя считаешь? Эльфом?

– Например, – подал голос Жюль.

– Эльфы не живут в подземельях, орк, – немедленно среагировал Бен. – Эльфы не прячутся от ar/G, а владеют ею. – И улыбнулся, увидев, что хакеры изумленно притихли. – Примите свою суть: мы – орки, мы роем землю и дохнем в окопах, мы сопротивляемся эльфам, потому что все, что у нас есть, – это свобода. И ради свободы мы позвали вас на эту встречу.

– Теперь скажи, что свобода в опасности, – предложил Безымянный.

– Мы все знаем, что ее уже нет, – резанул Орсон. – Мир давно превратился в ar/G, а люди – в подключения. Мы всего лишь метки в Сети, потребители рекламы и всего, что льют нам в головы. Наша жизнь проходит в доме со стеклянными стенами. Хочешь что-то скрыть – прячься в норе outG. Но под землей не живут, а существуют. И без свободы не живут, а существуют. А какая может быть свобода, если ты все время на виду?

– Как же ее вернуть? – ехидно осведомился Регги. – Отказаться от ar/G? Угробить Сеть?

И усмехнулся, уверенный, что коллеги его поддержат. Но хакеры, к большому удивлению испанца, предпочли промолчать.

– Нужно перевернуть чертов мир и показать людям правду, – громыхнул Бен.

– Предложить выбор?

– Нет, просто показать правду, потому что все мы знаем, что люди выберут ложь, – ответил Орк.

– Тогда зачем все это? – почти выкрикнул сбитый с толку Регги. – Зачем рисковать и делать то, от чего все равно откажутся?

– Потому что я не могу иначе, – пожал плечами Бен. – Я не отступлю и расскажу все, что узнал.

– Зачем тебе мы?

– В одиночку мир мог перевернуть только Архимед.

Ловкий ответ вызвал у хакеров смешки. Они все еще не

верили Бену, но стали смотреть на него теплее, с уважением, как на воина, собирающегося ввязаться в бессмысленную битву. В которой можно потерять все, кроме гордости.

– Мегера? – тихо спросил Хо.

И все посмотрели на девушку.

– Пару дней назад Орк спросил, за что меня хотели убить, – медленно рассказала Эрна. – Я ответила так же, как сейчас отвечу вам: за правду. Я разработала приложение, с помощью которого можно смотреть сквозь все существующие «обложки», и сквозь те, которые появятся при обновлении OS, потому что моя программа опередила развитие системы. Перед тем как нам пришлось имитировать гибель группы, я взломала «Iris Inc.» и узнала, что корпорация готовится выпустить новую глобальную OS, в которой технология наложения дополненной реальности выйдет на качественно новый уровень. Они планируют изменить протокол передачи информации по ar/G. Существующие craft(art) и возможность их принудительного снятия сохранятся, то есть пользователи не почувствуют разницы, но у администраторов ar/G появится возможность создания скрытых наложений, которые невозможно различить никакими lookTrue, кроме «GeniusM».

– Нам будут менять реальность? – догадался Безымянный русский.

– Да.

– И только ты можешь нас спасти?

– Далеко не всем требуется спасение, – грустно улыбнулась девушка. – Я хочу предложить спасение. И каждый пользователь ar/G примет собственное решение.

– Зачем тебе это?

– Хочу, чтобы у людей был выбор.

– Твой друг называет нас орками, – подал голос Регги. – Это оскорбительно.

– Мой друг редко ошибается.

Бен улыбнулся. Кто-то из хакеров – тоже, но в целом в бункере повисла тишина: лидеры outG просчитывали риски.

– Тягаться с владельцами ar/G, с теми, кого Орк назвал эльфами, нам не под силу, – взял слово Челленджер. Он был самым авторитетным участником совещания и специально молчал, дожидаясь момента, когда его слово прозвучит особенно веско. – Они сотрут «GeniusM» из Сети в считанные часы. Потом объявят приложение преступным и будут стирать из голов. А еще через неделю примут закон и станут отправлять в тюрьму тех, у кого найдут «GeniusM».

– Все так, – кивнул Безымянный.

– Тогда чего вы хотите? – прищурился Хо. В отличие от Регги,

он сумел сохранить на лице непроницаемое выражение, но по тону и голосу все поняли, что китаец тоже пребывает в замешательстве.

– Как я уже говорила, в ближайшие недели «Iris Inc.» анонсирует новую OS, – продолжила Эрна. – За то время, что у меня будет, я впишу в ее код «GeniusM», и в головах пользователей появятся две программы: та, с помощью которой им будут навязывать иную реальность, и «GeniusM», с помощью которой они смогут распознавать ложь.

– Ты сможешь внести изменения в OS, которую готовит «Iris Inc.»?

– Да.

– Как?! – изумился Регги.

– Хочешь, чтобы я об этом рассказала? – притворно изумилась Мегера. – У мертвых много тайн.

– Ты хакнула их систему?

– Я это сделаю.

– А если не получится?

– Тогда мы проиграем, – твердо ответил Бобби. – Но в этом нет ничего страшного: нельзя все время выигрывать.

– Если мы проиграем, они зачистят OS, заставят всех провести принудительное обновление и выкинут «GeniusM» из голов, – прикинул Жюль. – Но что им помешает сделать это, если мы выиграем? Увидев твое приложение, они откатят систему…

– Чтобы этого не случилось, мы должны рассказать миру историю Орка, – перебила француза девушка. – Мы должны атаковать их там, где они чувствуют себя в полной безопасности: в пропаганде. Мы должны обвинить их во лжи, доказать их ложь и заставить всех поверить нам. Медийный план разрабатывает Бобби, что, как вы понимаете, является гарантией высочайшего качества. А от вас требуется всемерная поддержка в продвижении Орка. Он станет лицом Сопротивления и поднимет орков против разжиревших эльфов.

– И перевернет мир?

– Обязательно, – подтвердил Бен.

– Парень, а ведь ты не выживешь, – вдруг сказал Безымянный.

В бункере вновь наступила тишина, и Орсон понял, что вот сейчас, именно сейчас хакеры примут окончательное решение: верить или нет? Идти за странным парнем с дурацкой кличкой или нет? Сейчас. Вступление в разговор Челленджера заставило их задуматься, но решение они примут, услышав его ответ.

И Орк ответил:

– Я должен был умереть еще в апреле.

Ведь ничего другого он сказать не мог.

#FakeNewsVideo

Изображение немного дрожит, но вовсе не от того, что плохо работают стабилизаторы, – режиссер специально портит видео, чтобы показать, что съемка ведется с дрона. Как будто по ракурсу непонятно… Впрочем, режиссер самой известной независимой ленты новостей классный, знает, что делает, и не сомневается в том, что зрители все равно останутся у экранов.

Изображение дрожит, но два человека в креслах видны хорошо: молодой и старый, человек и олдбаг. Молодой – в полевой форме без знаков различия, его лицо скрыто под «обложкой», старый – генерал. Старый задумчиво разглядывает планки на груди и вдруг произносит:

– Я надел форму специально для интервью.

– Вам запрещают ее носить? – вежливо спрашивает управляющий дроном человек. Его нет ни в кабинете, ни в кадре, но его голос знает весь мир: Бобби Челленджер, основатель и бессменный ведущий FakeNews, объявленный в розыск в большинстве стран мира.

– Я сам перестал ее носить после того, как подписал протокол Каплан.

Молодой отворачивается. Его лица не видно, но он, похоже, морщится. Или беззвучно матерится, потому что среди военных отношение к протоколу Каплан однозначное.

– Надеюсь, у вас не будет проблем, генерал Стюарт?

– Ни в коем случае, – ответил старый военный и добавил: – А если будут – не важно. Я принял решение поговорить с вами, и я поговорю.

– О полковнике Бенджамине Орсоне, – уточнил Бобби.

– Я знаю его почти двадцать лет.

– Он ненавидит систему?

– Все эти двадцать лет он защищал систему.

– Тогда почему он стал преступником?

– Заболеть – это не преступление. Полковник Орсон – олдбаг, но и это не преступление. Скажу больше: даже взорвавшийся олдбаг не является преступником до тех пор, пока не начал убивать. – Генерал выдержал короткую паузу. – А Бенджамин не начал.

– Он отказался сдаться.

– Его хотели убить. Вы бы сдались на его месте?

– Нет.

– Спасибо, что не солгали.

– Если бы я солгал вам, генерал, я бы стал себя презирать, – ответил Челленджер, и интервью за несколько секунд набирает почти миллион «лайков».

– Спасибо, сынок, ты не безнадежен.

– Я – преступник, сэр.

– То, что Орк прячется, не делает его преступником, – неожиданно подал голос молодой военный. И покосился на генерала: – Извините, сэр.

– Я как раз хотел дать тебе слово, – улыбнулся Стюарт. – Позвольте представить офицера, служившего в подразделении полковника Орсона. Он не имеет права показывать свое лицо и обязан скрывать подлинное имя, поэтому будем называть его Дакотой.

– Как бы вы охарактеризовали своего бывшего начальника? – поинтересовался Бобби.

– Неудержимый, – молниеносно ответил Дакота. – Орк умеет не только планировать, но и импровизировать. В нашем подразделении были минимальные потери и всего одна проваленная миссия. И я скажу так: те парни, которые подставили Орка, об этом пожалеют. Кем бы они ни были – они пожалеют.

– Думаете, его подставили?

– Орк разберется, – уверенно ответил Дакота. – А учитывая, что он злой, много времени ему не потребуется.

Челленджер выдержал многозначительную паузу, после чего вновь обратился к Стюарту:

– Генерал, вы не могли бы подробнее рассказать о Бенджамине Орсоне? Что он за человек?

Манхэттен США, Нью-Йорк июль 2029

– Мне никогда не требовалась мужская поддержка, – негромко произнесла Карифа, глядя на А2. – У меня ее никогда не было, и я научилась справляться. Я сильная, надеюсь, ты с этим согласен, я умею решать проблемы, но… Но мне безумно приятно знать, что я могу укрыться за твоей спиной. И дело не в твоих деньгах и положении, а в том, что ты силен сам по себе. Рядом с тобой я становлюсь слабой женщиной, и мне это приятно. Мне нравится твоя забота… – она выдержала короткую паузу. – Мне нравится, что ты сделал меня слабой.

– Я не могу сделать тебя слабой, – в тон ей ответил А2. – Эта опция в твоей прошивке отсутствует.

– Тогда что?

– Я сделал тебя настоящей, Карифа, такой, какой должна быть женщина.

– Но ведь тебе нужна другая я: хладнокровный агент GS, которому можно поручить любое задание, даже самое грязное.

– Мне нужна ты, а ты – разная, – мягко отозвался А2. – Ведь то безумие, в котором мы сейчас оказались, рано или поздно закончится, и останемся только мы: я и ты.

– Инвестор и его «sputnik».

– Нет, – тихо ответил Феллер, нежно прикоснувшись к щеке девушки. – Нет…

И Карифа закрыла глаза и крепко прижалась к мужчине.

Все изменилось.

Ее чувства, ее мысли, ее мечты, ее отношение к миру, к Рейган, к их связи, ее отношение к самой себе – ничего прежнего не осталось. Вспыхнуло призрачным пламенем, рассыпалось по земле едва заметным пеплом. За считаные недели Карифа прошла колоссальный путь, сбросив старую жизнь, как змея – кожу. От прежнего остался лишь А2 – неколебимая скала, вокруг которой трепетала бывшая агент GS. Именно так – бывшая. Амин знала, что ей придется сыграть эту игру, но потом… Потом она уйдет. Куда – неизвестно, но уйдет обязательно.

Потому что Феллер все изменил.

Тот Феллер, встречи с которым Карифа давно перестала рассматривать в качестве приятного бонуса к служебным обязанностям, потому что теперь они приносили не только физическое удовлетворение. Встречи с А2 стали для девушки наркотиком. Амин искала их, ждала, а услышав от Феллера: «Я соскучился», едва не закричала от радости. Она примчалась в его пентхаус прямо из аэропорта и убедилась, что А2 действительно соскучился, – они не спали всю ночь, забылись к утру, когда солнце осветило Центральный парк, и проснулись ближе к двум.

Они наслаждались друг другом с ненасытностью проснувшихся после зимней спячки медведей, но когда Карифа вернулась из кухни – Феллер попросил принести еще одну бутылку белого вина, – она увидела, что А2 запустил и внимательно смотрит на большом настенном коммуникаторе ленту мировых новостей. А значит, романтическая часть встречи закончилась.

– Сейчас можно с уверенностью говорить о том, что властям удалось погасить накрывшую планету вспышку suMpa, – с четко дозированным воодушевлением сообщил диктор. – И несмотря на то что WHO до сих пор не сумела разработать действенную вакцину, человечество с оптимизмом смотрит в завтрашний день.

Щелчком указательного пальца А2 выбрал другой канал.

– Новые законы позволят органам правопорядка эффективно действовать в условии пандемии…

Еще один щелчок.

– Сенатор Штейн считает, что введенные ограничения гражданских прав, в частности мораторий на проведение выборов, носят временный характер и полностью оправданны в условиях борьбы с вирусом suMpa. «Мы все понимаем, что

демократические свободы обязательно будут восстановлены, – заявила она в интервью нашему каналу. – И если потребуется, я грудью встану на защиту либеральных ценностей!»

По традиции сенатор Штейн продемонстрировала публике грудь, которой она встанет на защиту демократии, и сморщенные полушария вызвали у Карифы кривую усмешку.

– Согласен, вставать ей особенно нечем, – рассмеялся А2, увидев гримасу. После чего убрал звук и взял со столика штопор.

– На самом деле все не так смешно, – тихо сказала Амин, наблюдая за тем, как Феллер открывает бутылку и разливает холодное вино по бокалам.

– Давай потом? – предложил А2.

– Ты сам включил новости.

– И погубил романтику?

– Я не рассчитывала на долгую встречу.

– Зато все это время было нашим, – мягко произнес Феллер, протягивая Карифе бокал. – Только нашим.

– И время было прекрасным. – Девушка сделала маленький глоток вина и улыбнулась, припомнив сладкие мгновения встречи. Несколько мгновений… довольно много мгновений, – А2 действительно соскучился. – Все получилось очень хорошо.

– Почему ты сказала, что в действительности все не так смешно? – вдруг спросил Феллер.

– Я… – Неожиданный вопрос заставил Амин замяться. Фразу она произнесла машинально, среагировав на самодовольную физиономию сенатора, развивать мысль не хотела, но, оказавшись в ловушке, решила не отступать. – Ты знаешь, что творится на улицах?

– Я смотрю новости.

– В новостях о происходящем рассказывают очень мягко.

– Новости должны быть купированы, – серьезно сказал Феллер.

– Но не настолько же! – вырвалось у Карифы. – На улицах творится ад, А2, настоящий ад! Олдбаги массово подвергаются нападениям, погромам, их грабят и убивают! Отряды «Напуганных граждан»… «Напуганных», мать твою! Так вот, отряды «Напуганных граждан» творят беззакония…

– А полиция?

– Полиция не всегда успевает.

– Мне докладывают, что погромы идут на спад.

– Ты знал, что они будут?

– Предполагал, – поправил девушку Феллер, усаживаясь на диван. – Для такого прогноза достаточно всего лишь знать наших добрых сограждан. А я их знаю.

– И что?

– Ничего, – жестко ответил A2. – Все уже сделано. Камень покатился вниз и стал причиной грандиозной лавины.

– Ради чего? – спросила девушка, присаживаясь рядом с Феллером и кладя правую руку на его плечо.

– Все на свете делается либо ради власти, либо просто так.

– А как же деньги?

– Деньги – это просто так.

– А любовь?

Карифа поняла, что угодила в цель: Феллер вздрогнул.

Несколько секунд он разглядывал остатки вина в бокале, понял, что девушка будет молчать, пока не получит ответ, повернулся и нежно вытер выступившие на ее глазах слезы.

– Любовь стоит над всем, Карифа. Любовь – это смысл.

– Ты правда так думаешь? – очень тихо спросила Амин.

– Не просто думаю: я знаю и уверен. Я долго жил без любви, хотя нуждался в ней больше всего на свете. Без любви я стал очень сильным, но будь я проклят, если сила сделала меня счастливым.

– Силой ты взял меня.

– Но счастливым я стал с тобой потом.

На ее глазах вновь выступили слезы, на этот раз – не от обиды. Он все понял, потянулся и крепко поцеловал девушку в губы. Очень крепко, до головокружения. До замирания души от чувства нереальной, невозможной в сексе близости с мужчиной. До сладкого ощущения счастья. Потом поднялся:

– Я налью вина. – Взял в руку бутылку, прищурился, глядя на коммуникатор, и включил звук.

Они вернулись в свихнувшийся мир.

– А теперь поговорим о том, что обсуждает Сеть: кто такой Орк? – громко произнес диктор. – Его выступление наделало много шума, и теперь все гадают: действительно ли Орк является полковником американской армии Бенджамином Орсоном? Действительно ли Орк был заражен suMpa, но сумел излечиться? Что именно он собирается рассказать или доказать своим расследованием? Следующее выступление Орка уже анонсировано, и его ждут с огромным интересом.

– Сначала на видео не обратили внимания, – сказал A2, тяжело глядя на коммуникатор. – Его поддержали только гики и радикалы. Но затем подключились лидеры outG во главе с «FakeNews Corp.», и теперь об Орке говорит весь мир. Он обещает рассказать правду о вирусе.

– Извини, что я до него не добралась, – ровным голосом произнесла Карифа. И поставила бокал с недопитым вином на

столик.

– Ты не могла предсказать Первую Вспышку, из-за которой задержалась в Париже, – спокойно ответил Феллер, но было ясно, что нерасторопность агента Амин его не обрадовала.

– Что теперь?

– Теперь он вновь сменил чип.

– Сменить чип настолько легко?

– Это возможно, – уточнил А2. – Несмотря на наши старания, это до сих пор возможно. Ты знаешь, как это делается, а чуть позже я расскажу тебе некоторые детали, но суть в следующем: поскольку сменить «балалайку» возможно – есть люди, которые делают это очень хорошо и ускользают от внимания властей. К тому же Орка поддерживает outG, у него есть доступ к их ресурсам, и смена чипа не должна тебя удивлять или страшить.

Тон, которым Феллер произнес последнее слово, показал Карифе, что он крайне озабочен происходящим. А слово показалось настолько неожиданным, что девушка переспросила:

– Страшить? Намекаешь, что Орка нужно бояться?

Спешить с ответом А2 не стал. Долил вина в бокалы, помолчал, равнодушно глядя на экран коммуникатора, которому вновь отключил голос, и где-то через полминуты неспешно произнес:

– Мы слишком сильны, Карифа. – И девушка поняла, что он говорит о себе и своих коллегах, стратегических инвесторах, наследных властителях мировой экономики, чьи предки накопили такие богатства, что оно перестало что-либо значить, о людях, контролирующих Землю. – Мы создали экономику, и она принадлежит нам. Мы создали современную версию общества, и оно принадлежит нам. Мы направляем и контролируем все значимые для цивилизации процессы, включая хаос и потрясения, мы устраиваем их там, где они необходимы, и тогда, когда они необходимы. Мы не контролируем каждый шаг каждого человека, как любят придумывать писатели, – это бессмысленно и требует много ресурсов. Но мы создали условия, при которых любой шаг любого человека не будет нам угрожать. Мы создали систему, способную перемолоть кого угодно.

– Кроме Орка, – догадалась Амин.

– Для нас не представляет угрозы outG, – продолжил Феллер, никак не прокомментировав замечание девушки. – Более того, ее существование работает на поддержание системы, поскольку обеспечивает выбор и канал протеста. Кто-то должен демонстрировать несогласие, и лидеры outG с этим справляются.

– Они работают на вас? – без особого удивления спросила Карифа.

– Некоторые – да, ведь GS тоже должна демонстрировать результаты, – не стал скрывать A2. – Но большинство лидеров искренне не любят созданное нами общество. Борются с ним, но не способны победить, поскольку угрозу для системы представляет только тот, кто способен выйти за рамки. Радикалы профессионально подделывают «балалайки», опустошают банковские счета и вскрывают «зловещие замыслы корпораций», но пока они сидят в outG, они всего лишь часть системы. Подавляющее большинство людей смотрят на них с интересом, даже сочувствием, но как на часть системы. Орк страшен тем, что outG для него инструмент. Орк использует его, чтобы нанести удар по самой системе.

– Откуда ты знаешь?

– Анализ и прогноз, – пожал плечами Феллер. – Орк продемонстрировал, что умен, но просчитать его действия не так сложно, как кажется.

– Хочешь сказать, что остальные инвесторы еще ничего не поняли?

– Они недооценивают опасность, потому что мы слишком сильны. Они не понимают, что из-за suMpa запас прочности системы существенно снизился и требуется разумная осторожность. Мы ведь идем по канату, Карифа. Да, мы – профессионалы, мы сотни раз ходили по канату, знаем, как удержать равновесие и добраться до твердой земли, но на канате мы уязвимы. Орк это понимает и ударит.

– Что же делать?

– Идти по канату, – тихо ответил A2. – Ничего другого не остается.

Он хотел продолжить разговор, но пришло приглашение на срочную видеоконференцию. Проигнорировать вызов он не мог, поэтому попросил девушку выйти из зоны обзора видеокамеры и переключил настенный коммуникатор на защищенный канал.

– Приветствую, друзья! – И поставил на журнальный столик бокал с вином, свою единственную одежду.

– Милый, ты не стареешь, – протянула Лариса Томази, с интересом разглядывая Феллера. – Я помню тебя именно таким.

– Ты должна помнить меня в приподнятом настроении.

– Те воспоминания слишком сильно кружат голову.

– Спасибо, дорогая.

– Мальчишка, – хмыкнул дядя Сол.

– С детства был таким.

– Мы вас отвлекли? – кисло осведомился Митчелл.

– Немного.

– Накинь полотенце, – хмуро велел Арчер.

A2 картинно огляделся, взял с кровати простыню и обернул вокруг пояса.

– Так нормально?

– Ты видел выступление Орка? – вместо ответа спросил Арчер.

– Разумеется.

– Что скажешь?

– Полагаю, говорить должен директор Митчелл, – улыбнулся A2. И перевел взгляд на руководителя GS. – Арнольд?

– Мы делаем все, что в наших силах.

– Орк опирается на outG, – внезапно резанул Феллер. – Пусть твои осведомители сдадут его нам.

Переход к жесткому тону получился настолько неожиданным, что Митчелл вздрогнул – это заметили все, но тут же взял себя в руки и ответил:

– Орк общается только с лидерами сопротивления. Он очень осторожен.

– У тебя нет осведомителей среди лидеров? – подняла брови Лариса.

– Есть, но их Орк держит на расстоянии.

– Не значит ли это, что Орк пасется на твоей лужайке? – поинтересовался дядя Сол, намекая, что хакеры outG сумели взломать базу данных GS.

– По моему приказу Отдел внутренней безопасности запустил полную проверку лояльности, – скупо отозвался Митчелл. – И официально объявлена награда в сто миллионов за голову Орка.

– Хорошо, – дядя Сол перевел взгляд на A2: – Арнольд сказал, что ты давно заинтересовался Орком и настоял на том, чтобы его поисками занимались твои люди. Это так?

– Да, – спокойно подтвердил Феллер.

– Почему?

– Потому что, взорвавшись, полковник Орсон ухитрился сбежать от полиции и сменить чип.

– И ты об этом молчал? – У дяди Сола дернулось веко.

– Я надеялся, что охота принесет результат, – редчайшим для себя оправдательным тоном произнес A2.

– Ты ошибся.

– Теперь я это вижу.

– Ты выбрал не тех людей?

– Они висели у Орсона на хвосте, но отстали из-за Первой Вспышки. А теперь он снова сменил «балалайку».

– Орк станет проблемой? – выдержав паузу, осведомился дядя Сол.

– Уже стал, – бросил Арчер.

Лариса вздохнула. Митчелл изо всех сил старался быть невидимым.

– У Орка нет ни доказательств, ни свидетелей, – неспешно ответил Феллер. – Подпольная клиника, в которой его исследовали после заражения, разгромлена, ее персонал уничтожен. Так же как и хакер, сменивший ему первую «балалайку».

– Думаешь, он ни о чем не догадался?

– Орк не дурак и наверняка догадался, – спокойно произнес А2. – Но повторю: у Орка нет ни доказательств, ни свидетелей.

– Надеюсь, так и останется, – вздохнул дядя Сол.

– Надеюсь, – эхом повторила Лариса.

– Я предлагаю не нервничать, не паниковать, продолжить охоту за Орком, а его выступления считать сетевым вбросом и требовать доказательств, – перешел на деловой тон Феллер. – Но реагировать на Орка будут исключительно клерки, менеджеры среднего звена. Ни один серьезный руководитель не должен комментировать выступления главного преступника, которым мы его объявим. Наша стратегия: мы имеем дело с сетевым болтуном, ни одно обвинение которого не выдерживает критики.

– Они будут изо всех сил нагнетать истерию, – заметила Томази.

– Постепенно подключим экспертов, которые будут смеяться над их невнятными заявлениями и требовать доказательств. Пусть они предоставят доказательства. Пусть оправдываются.

Дядя Сол переглянулся с Арчером, затем бросил взгляд на Митчелла – директор GS кивнул, показывая, что в целом согласен с предложением Феллера, Лариса повторила жест, и дядя Сол подвел итог:

– Звучит разумно.

– Главное, чтобы Орк не навредил проекту, – не смог промолчать Арчер.

– Не хватало еще, чтобы какой-то полковник сумел помешать делу, над которым работали нобелевские лауреаты по физике, экономике, медицине… – начал перечислять Феллер, но был остановлен.

– Ладно, ладно, мы поняли, – махнул рукой дядя Сол. – Решение принято.

И отключился. Погасли «окна» Арчера и Томази, а последним с экрана коммуникатора исчез Митчелл. Напоследок директор GS кашлянул и негромко сказал:

– Передай заместителю Амин, что совещание начнется через час.

Чем изрядно развеселил Феллера. Он отключил

коммуникатор и с улыбкой посмотрел на девушку:

– Тебе пора на работу.

Карифа поднялась с дивана, вплотную подошла к Феллеру, остановилась в считаных сантиметрах, так, чтобы ее торчащие соски щекотали ему грудь, и дерзко спросила:

– Ты спал с Томази?

– И с ней тоже, – не стал скрывать А2. – Но это было давно: у нас был роман два года назад. Еще когда был жив ее муж.

– А что за шлюха плескалась с тобой в ванне?

– Хочешь познакомиться?

– Не хочу ее больше видеть.

Несколько секунд А2 внимательно смотрел в темные глаза девушки, затем сказал:

– Хорошо, не увидишь.

И рывком притянул Карифу к себе.

* * *

Италия, Рим июль 2029

Совещание закончилось примерно в семь пополудни, улететь из Рима они должны были в одиннадцать утра, и поскольку никаких дел, кроме встречи с хакерами, в столице Италии они не запланировали, то отправились ужинать в небольшой ресторанчик в шаге от Пьяцца-дель-Пополо. Посидели, наслаждаясь веселым разговором и чудным белым вином, затем Бобби сказал, что хочет выспаться, и отправился в отель. А Эрна и Бен…

Мегера сказала, что давно не была в Риме и страшно по нему соскучилась.

Орк ответил, что никогда не гулял по Вечному городу просто так, для души, а только бегал, торопясь увидеть как можно больше за выделенное ему свободное время.

Эрна сказала, что любой город открывается только тому, кто гуляет по нему просто так, для души, а еще лучше – ночью, которая скоро наступит, и они отправились к Испанской лестнице, чтобы посидеть на ступеньках. Просто – для души. Посмотреть на темные дома, на которые падал свет неярких фонарей, и насладиться медленно наступающей тишиной: город то и дело зевал, закрывал бесчисленные глаза, выключая свет в окнах, потягивался последними автомобилями и становился безлюдным, избавляясь от прохожих и туристов.

И стихотворение, которое неожиданно прочитала Эрна, гармонично вплело наступившую ночь в их настроение.

И сорок дней был Рим безлюден.

Лишь зверь бродил средь улиц.

Чуден был Вечный Град: ни огнь сглодать,

Ни варвар стены разобрать
Его чертогов не успели.
Он был велик, и пуст, и дик,
Как первозданный материк.
В молчаньи вещем цепенели,
Столпившись, как безумный бред,
Его камней нагроможденья —
Все вековые отложенья
Завоеваний и побед:
Трофеи и обломки тронов,
Священный Путь, где камень стерт
Стопами медных легионов
И торжествующих когорт,
Водопроводы и аркады,
Неимоверные громады
Дворцов и ярусы колонн,
Сжимая и тесня друг друга,
Загромождали небосклонИ горизонт земного круга…[20]

– Красиво, – тихо сказал Орк.

– Рим любят все, – эхом отозвалась Мегера. – Ведь другой Вечности для нас нет.

– А как же Пирамиды? – неожиданно спросил Бен и понял, что удивил девушку.

Несколько секунд Эрна изумленно смотрела на него, после чего ответила:

– Пирамиды – это образ Вечности, ее демонстрация и печать. А Рим отдан людям, чтобы однажды мы увидели историю всего в одной каменной капле.

– Однажды – это когда?

– Однажды – это скоро.

– Нет, – качнул головой Орк. – Итоги будут подведены много позже.

– Почему ты так уверен?

– Потому что именно этого мы с тобой добиваемся: перевернуть чертов мир, чтобы он вновь начал двигаться.

– Мы и так движемся.

– Из того, что ты мне рассказала, следует, что мы останавливаемся.

– Ты прав, – она улыбнулась. – Ты во всем прав: мы не позволим человечеству остановиться, и Вечный город продолжит впитывать в себя историю. Благодаря нам итоги будут подведены позже. – Мегера повернулась к Бену: – А я не позволю остановиться тебе.

– Я думал, мы обо всем договорились, – очень тихо ответил

Орк. – Мы идем в поход: ты и я.

– Вместе до конца? – Эрна смотрела на него не отрываясь.

– Вместе до конца, – подтвердил Бен.

– Ты обещаешь?

– Я дал слово.

– Тогда пойдем к фонтану.

– До него далеко, – зачем-то сказал Бен.

А Эрна рассмеялась:

– Разве мы торопимся?

И он понял, что сглупил. И еще понял, что нет смысла сопротивляться неизбежному и тем смешить Вечный город. Нет смысла говорить слова, которые могут ранить и которые обязательно поменяют смысл.

Он понял.

Они пошли к фонтану и сидели около него, болтали с веселыми туристами, решившими увидеть Рим ночью, и пили белое вино прямо из горлышка: одну бутылку Эрна прихватила из ресторанчика, в котором они ужинали, вторую притащили туристы. Они пили, смеялись, рассказывали истории, и легчайшее белое добавляло колдовства в причудливое смешенье города, ночи, слов старого поэта, смеха новых знакомых и томительного предвкушения.

Они вернулись в отель, кажется, в четыре, лично убедившись, что ночь расползлась по щелям Вечного города, подобно выводку пугливых черных кошек. Бобби сладко спал в номере, который они делили с Орсоном, но идти к нему Бен не собирался.

По скрипучей лестнице на второй этаж, в комнату с окном на тихую улочку, на кровать, в жаркие объятия женщины, о которой Орк точно знал только одно.

Что она лжет.

* * *

Бронкс США, Нью-Йорк июль 2029

Протокол «Безопасное перемещение потенциально опасных граждан» появился в списке инструкций так быстро, будто давно лежал в перспективной папке и ждал своего часа. Но этого, естественно, никто «не заметил», никто не спросил, каким образом сложнейший документ, регламентирующий действия органов власти, спецслужб и военных, был разработан с такой скоростью, поскольку лишние вопросы – прямой путь в списки неблагонадежных. Карифа, как и все, отметила неожиданную для бюрократов оперативность и, так же как все, мыслями своими ни с кем не поделилась.

В качестве основных исполнителей перемещения протокол называл полицейских или национальных гвардейцев. Они

выставляли внешнее оцепление, не позволяя посторонним приближаться к зоне эвакуации, выводили олдбагов из домов и сажали в автобусы. С собой перемещаемым разрешалось брать только носильные вещи, не более двух чемоданов на человека, – для багажа предназначались грузовики. После того как олдбаги оказывались в автобусах, колонна отправлялась в путь. До границы города их сопровождали полицейские, затем оставались лишь национальные гвардейцы. Но нападения на конвои вне городов случались редко, наибольшую опасность представляли улицы.

Согласно протоколу на каждой эвакуации должны были присутствовать представитель мэрии, местного управления и агент GS. Зачем нужен агент, Карифа так и не поняла, судя по всему – только для того, чтобы показать, что служба контролирует происходящее, постепенно забирая власть не только у гражданских, но и у конкурентов. Надзирать за перемещением олдбагов у девушки не было никакого желания, но эвакуации проводились настолько часто, что на них отправлялись все агенты, независимо от занимаемой должности, и в какой-то момент очередь дошла и до нее.

– Мы проводим их до границы города? – осведомился Захар после того, как последний олдбаг оказался в автобусе и гвардейцы принялись сверять списки.

– Нет, – буркнула Рейган, на мгновение опередив Амин.

– Слишком далеко?

– Этих везут не за город, а на Статен-Айленд.

В Нью-Йорке оказалось слишком много олдбагов, эвакуационных зон не хватало, к тому же многие отказывались покидать привычный мир, и власти приняли решение выделить для олдбагов один боро[21]. Национальная гвардия обеспечила Статен-Айленду надежную защиту, власти урегулировали вопрос с местными, выкупив или арендовав недвижимость, и на остров стали свозить стариков.

– Это еще опаснее.

– Почему? – поинтересовался Конелли. Который по обыкновению контролировал происходящее удаленно, на этот раз – из «Бендера», небоскреба GS.

– Гвардейцы говорят, вчера было три нападения на конвои, и все три – в городской черте. Нападать на открытых территориях бандиты не рискуют, – ответил Захар, облокачиваясь на броневик. – Сегодня вроде тихо, но все может измениться в любой момент.

– Зачем они нападают?

– Олдбаги стараются забрать с собой самое дорогое, что у них есть: деньги, драгоценности, картины… Они догадываются, что

вряд ли вернутся в свои жилища.

Карифа тихо выругалась.

– Вчера боевики FN23 сумели отбить и полностью выпотрошить один автобус, потом хвастались в Сети добычей: золотые украшения, камни…

– А люди? – быстро спросила Рейган.

– Людей перебили, – ровно ответил Захар.

Красноволосая посмотрела на Амин, та промолчала, глядя на забитые олдбагами автобусы, и поэтому Рейган продолжила:

– Не хватает только желтых звезд на одежде.

– Плохое сравнение. – У Карифы дернулась щека.

– Зачем звезды? – спросил Захар. – Они достаточно отмечены.

И агенты не сговариваясь посмотрели на красные цифры, мрачно светящиеся над головами олдбагов.

– Перед вторжением в Россию немцы разработали генеральный план «Ост», согласно которому всех славян требовалось уничтожить, чтобы освободить землю для «высшей расы» – тогда себя так называли немцы.

– Именно расы? – удивился Конелли. – Их же вроде три.

– Им было плевать, – ответил Захар. – Немцы считали себя «высшей расой» – арийцами, всех остальных – расово неполноценными, не людьми, а животными, чье предназначение – служить или подыхать, если представителю «высшей расы» будет угодно лишить их жизни. Во время вторжения немцы убивали русских в невообразимых количествах и самыми дикими способами: сжигали целыми деревнями, морили голодом, собирали детей в специальных лагерях и сцеживали у них кровь… Всего немцы истребили не менее десяти миллионов гражданских русских, тех, которые не могли сопротивляться.

– Зачем ты это рассказываешь? – спросила ошарашенная Рейган.

– У русских не было возможности избежать смерти, они были обречены. Не потому что верили в Христа – веру можно сменить, не потому что были убежденными коммунистами – под угрозой смерти многие меняют убеждения, русские были обречены, потому что они были русскими, а это никак нельзя исправить, – медленно ответил Захар. – И сейчас я вижу, что все повторяется: людей наказывают за то, что они достигли определенного возраста. Они в этом не виноваты. Они не могут этого изменить.

– Им придется это принять… – протянула Рейган, но Захар ее перебил:

– Русские не приняли. Россия была единственной страной, население которой немцы решили уничтожить поголовно, и когда русские это осознали, немцы столкнулись с жесточайшим

сопротивлением: на фронте, лицом к лицу, и на оккупированных территориях, где действовали подпольщики. Немцы пытались подавить волю русских звериной жестокостью, но ничего не добились: нельзя запугать тех, кто уже мертв.

Аналогия была слишком очевидной, чтобы не понять, что имеет в виду Захар.

– Думаешь, олдбаги начнут сопротивляться? – прищурилась Карифа.

– Если их не оставят в покое – обязательно. Может, и не все, но смельчаки среди них обязательно найдутся.

– Им не позволяют иметь оружие, – напомнил Конелли.

– Они его раздобудут, – пообещал Захар.

– И что дальше?

– Сопротивление.

– Будут стрелять в нас?

– Сначала – в мародеров и бандитов, вроде тех тварей из FN23.

Продолжать Захар не стал, но все агенты прекрасно поняли, что он имеет в виду.

Сначала – в мародеров и бандитов. Потом…

– Ты тоже станешь стрелять? – спросила Амин, вспоминая, с каким хладнокровием красавчик добил взорвавшихся олдбагов в Париже.

– Если доживу до возраста suMpa? – уточнил Захар.

– Да.

– Да, – спокойно ответил Захар, глядя Карифе в глаза. – Я уеду в резервацию, если к тому времени они еще останутся, я буду жить среди олдбагов и никому не позволю лезть в наши дела или поднимать на нас руку. – Захар помолчал, после чего уверенно закончил: – И ты будешь стрелять.

– Буду, – не стала врать Амин. – Я поведу себя точно как ты рассказал.

– Вы оба говорите не о том, – подала голос почти забытая Рейган. – Наша главная проблема в том, что Орк для них – последняя надежда.

И красноволосая кивнула на автобусы.

– Что?! – изумилась Карифа.

– Орк сказал, что излечился от suMpa, сказал, что еще не разобрался, как это произошло, но обязательно узнает и расскажет, – объяснила Рейган. – И до тех пор, пока WHO не найдет вакцину, олдбаги будут надеяться на Орка. Но и на это можно наплевать, самое страшное, что они…

– …они сделают все, что скажет Орк, – закончил за красноволосую догадавшийся Захар.

– Именно, – согласилась Рейган.

– И Орк это понимает.

– Он не кажется идиотом.

– Надеюсь, его убьют до того, как он объявит себя пророком, а WHO облажается, – мрачно сказал Конелли. – Не хочу стать свидетелем гражданской войны планетарного масштаба.

– Участником, – поправила оператора Карифа. – Мы на службе, Конелли, мы будем участниками.

Захар угрюмо усмехнулся.

Помолчал, разглядывая, как конвой собирается в путь, и неожиданно сменил тему:

– Что происходит с их квартирами?

– Закрывают или отдают родственникам, – ответил Конелли. – Вряд ли их сейчас кто-нибудь купит.

– Тем более – у олдбага, – добавила красноволосая.

– Я слышал, готовят большой пакет законов как раз насчет прав собственности, – рассказал Конелли. – Они хотят объявить олдбагов частично недееспособными.

– Тогда мир взорвется, – оценила Карифа. – Перераспределение собственности всегда заканчивается кровью.

– Вот и думай после этого, что лучше: чтобы Орк поднял олдбагов, заставил их объединиться ради защиты своих прав, или…

– Или что?

– Я не хочу убивать олдбагов, – ответил Захар. – Не хочу наблюдать, как их вывозят в резервации, не хочу видеть в новостях информацию о погромах, не хочу слышать о законах, которые позволят отнять у них деньги и недвижимость.

– Ты добил раненых в Париже! – неожиданно для себя выкрикнула Амин.

– Это были взорвавшиеся олдбаги, убийцы, пролившие кровь, – ничуть не смутившись, парировал красавчик. – Но убивать людей только за то, что над их головами светятся красные цифры, я не хочу.

– В случае волнений тебе придется в них стрелять, агент, – жестко произнес Конелли. – Ты под присягой.

– Я ведь сказал, что не хочу убивать олдбагов.

– Выйдешь в отставку?

Захар поморщился, но ответил:

– Сейчас не отпустят, у нас военное положение.

– Поэтому или ты будешь стрелять, или трибунал, – подвела итог Карифа. – Все просто: придется исполнять приказ.

– Вечно вы, русские, портите все своим Достоевским, – хихикнул Конелли. – Какого черта ты завел этот разговор?

– Иди в задницу, макаронник, – грубовато бросил Захар. – А что касается приказов, то на суде немцы тоже говорили, что убивать русских детей, насиловать и измываться над беззащитными им приказывали. Типа, за каждым Гансом из Мюнхена, который ради смеха вспарывал живот беременной русской женщине, стоял лично Гитлер.

– К чему это ты?

– Просто вспомнил.

– Кстати, пока вы тут ругались, я посмотрела список законов, которые будут рассматривать в Конгрессе завтра, – подала голос Рейган. – Знаете, какой стоит в очереди первым?

– Не хочу гадать, – Захар демонстративно сплюнул.

– Насчет собственности? – предположил Конелли.

– Они собираются снизить возраст согласия.

– Зачем? – поперхнулась Амин. – Других проблем мало?

– Видимо, кто-то хочет, чтобы у полиции не было к нему претензий, – холодно ответила красноволосая.

Карифа покачала головой, но промолчала. Опять промолчала.

#orcVideo02

– Моя история началась несколько недель назад, в апреле, в бруклинском баре, в который я зашел посмотреть гонку и выпить пару пива в компании таких же, как я, лишних людей. Бар называется «AllSport For Oldbug», вы можете пойти в него и проверить каждое мое слово. И да – если окажетесь в нем, скажите бармену, что я не хотел его бить, он меня спровоцировал, – Бен усмехнулся и потер рукой шею. – Я ходил в тот бар из-за отсутствующей таблички: «No Country For Oldbug». Впрочем, наверное, она уже появилась, – Орк с грустью посмотрел в объектив. – После того, что я там натворил.

Вторую запись Бен сделал на заброшенной станции метро, стоя у эскалатора, вершина которого терялась в темноте. И держался он гораздо свободнее, чем в первый раз. Возможно, еще и потому, что сегодня Бобби велел ему надеть привычную темно-зеленую куртку военного образца и застегнуться до подбородка.

– Потом меня часто спрашивали, что я почувствовал, когда взорвался вирус? Ответ: ничего. Вообще ничего. Я сидел за стойкой, пил пиво и вдруг увидел свое отражение в зеркале. Глаза. Я не сразу понял, что произошло, но при взгляде на отражение у меня возникло ощущение неправильности. И лишь спустя секунду я догадался, что мои глаза залила мерцающая ртуть. Раздался первый крик. В нем слышались и страх, и агрессия, но я не хотел убивать, орки, мои глаза залила мерцающая ртуть, но я не чувствовал зла. Посетители разбежались, но я не чувствовал зла. Бармен захотел меня убить,

приближалась полиция, в моих руках оказалось оружие… Но я не чувствовал зла, орки, не чувствовал ненависти или агрессии. Я защищался, видео из бара это доказывает.

Как ни странно, долгое время именно вторая запись Орка оставалась лидером по числу просмотров. Во-первых, потому что ее активно продвигали все основные ресурсы outG и все те ресурсы ar/G, которым было не все равно. Во-вторых, потому что власти опоздали с заявлением, что кадры из бара – фальшивка. В-третьих, потому что к этому моменту об Орке заговорили, его личность была подтверждена, и тот факт, что сетевые роботы уничтожают любые упоминания о нем, лишь подогревал интерес.

Люди захотели услышать его историю.

А когда люди хотят, им трудно противостоять.

Хакеры подтвердили, что видео похищено из бара до того, как до него добралась полиция. На записи были хорошо видны глаза Орка, залитые мерцающей ртутью, но сам Бен пребывал в растерянности, держал дробовик, но не открывал беспорядочный огонь по толпе, как любой взорвавшийся олдбаг. В нем не было зла.

Видео из «AllSport For Oldbug» потрясло мир.

– Я говорил, что устал, и хотел, чтобы ожидание скорее закончилось, я машинально отобрал у бармена оружие, но подумал: «Что я выигрываю? Для чего сопротивляться?» Я понял, что, взявшись за оружие, признал себя таким же олдбагом, как остальные, и меня ждут полицейские пули. Я ошибся… и впервые в жизни пожалел, что взял в руки оружие. Я проиграл в тот момент, орки, а поняв, что проиграл, – почти сдался. Я не растерялся, я почти сломался, и полицейским не составило бы труда убить меня, потому что я не хотел сопротивляться… Но по-прежнему не чувствовал зла. Я держал в руках оружие, но не хотел убивать – и внезапно подумал: вдруг не все олдбаги одержимы жаждой крови? А если все, то я, получается, уникальный, у меня есть иммунитет к жажде крови, я не сошел с ума. И принял решение бежать. Я расстрелял дроны – да, я расстрелял дроны, но они собирались меня атаковать. Людей я не трогал. Я сумел оторваться от погони и скрылся в outG.

Бенджамин замолчал, задумчиво разглядывая неработающие перила эскалатора, и нежно произнес:

– Ее звали Беатрис, орки, и она меня спасла. Сначала под землей, в outG, в которой я ни черта не понимал и не знал, куда податься. Без Беатрис меня арестовали бы через день-два или убили, ведь с олдбагами не церемонятся, но она подсказала, как выжить под землей, там, где нет никаких удобств, зато нет и ar/G. Она стала моим проводником, но главное – она пообещала

помощь. Ее родителей убил suMpa, и на полученное наследство Беатрис оснастила подпольную лабораторию, надеясь отыскать вакцину от вируса. Вы никогда не задумывались, почему правительство разрешает исследовать suMpa только корпорации «Clisanto»? А знаете, какое наказание ждет ослушавшихся? Их убивают. И я расскажу почему. Я расскажу все, что видел своими глазами и чему был свидетелем. А пока попробуйте разузнать о человеке по имени Фрэнк Лейка. Это врач из Нью-Йорка, которого убили несколько недель назад за то, что он мечтал вам помочь, орки. Постарайтесь о нем разузнать, пока данные о нем не стерли из нашей большой и прекрасной ar/G.

Великобритания, Лондон июль 2029

Как ни странно, веселый и язвительный Бобби никак не прокомментировал ночное отсутствие Орка и тот факт, что они встретились только за завтраком. Когда Челленджер спустился в ресторан, Бен и Эрна уже сидели за столиком, и не понять, что между ними произошло, было невозможно. Но толстяк промолчал. И в дальнейшем ни по дороге в аэропорт, ни в самолете ничего не сказал, четко показывая, что не собирается вмешиваться в личную жизнь спутников.

Или он заранее знал, что отношения между Орком и Мегерой будут развиваться именно так, и не видел смысла в комментариях.

Челленджер промолчал, даже когда Эрна нарочно, убедившись, что он видит, поцеловала Бена в щеку. Не отвернулся, дал понять, что заметил, но промолчал. Только буркнул:

– Подлетаем.

И вернулся к чтению бумажной книги, оставив Орка в некотором замешательстве.

///

Следующей точкой их путешествия оказался Лондон.

Из Хитроу они отправились в Ричмонд, оставили вещи в недорогой гостинице – Челленджер в одноместном номере, а Бен и Эрна заняли двухместный, с большой кроватью, – и там разделились. Бобби сказал, что должен переговорить с людьми, «контролирующими сеть этого чертова острова», под которыми, как объяснила Мегера, толстяк подразумевал хакеров, не сумевших принять участие в римской встрече.

– Ему нужно посидеть в пабе, выпить пива и вспомнить старые деньки.

– А что будем делать мы?

– Сначала погуляем.

Эрна как будто издевалась над британской системой

безопасности, показывая Бену, что способна обмануть кого угодно: привезла самого разыскиваемого в мире преступника через главный аэропорт острова, прошла с ним контроль, не удержалась, расспросила полицейских, где лучше взять роботакси, сказав, что они впервые в королевстве, а теперь предложила пройтись по центру.

Но прогулка не была романтической, несмотря на то что Эрна и Бен шли по старинным улицам, держась за руки. Скорее, она напоминала преодоление стандартного туристического маршрута, правда, с весьма специфическими комментариями.

– Ты ведь помнишь эпоху smartverre? – спросила девушка, когда они вышли на набережную.

– Разумеется, – в тон ей отозвался Бен.

– В те благословенные времена люди формировали дополненную реальность по собственному разумению и могли в любой момент разрушить наведенные «обложки», просто сняв очки. К тому же Сеть еще не была настолько мощной, чтобы обеспечивать даже нынешний информационный поток, не говоря уж о том, что нам готовят. Отклик «обложки» поступал с задержкой в одну-две секунды, и некоторые люди успевали увидеть и осознать настоящее: обшарпанные фасады, на которых маркетологи рисовали яркие рекламные постеры, грязные улицы, дурацкие надписи на стенах и страшные, хмурые лица под «обложками». Мы жили в двух мирах одновременно, понимали, какой из них нарисован, и это понимание позволяло нам крепко держаться за действительность.

– За реальность? – уточнил Орк.

– Я называю реальностью то, что мы видим, а действительностью – то, что нас окружает на самом деле, – ответила девушка, и добавила: – Реальность – это то, во что мы превращаем действительность.

– Они сильно отличаются?

– Да.

– Не уверен.

Бен еще в армии привык пользоваться lookTrue, позволяющим смотреть сквозь «обложки» дополненной реальности. После выхода в отставку мощное военное приложение пришлось стереть, но он установил в «балалайку» самую продвинутую гражданскую версию и долгое время пребывал в уверенности, что способен видеть действительность. «GeniusM» поколебал его уверенность, однако Бен продолжал считать, что мир изменился не сильно.

– Новая система AR отрабатывается давно, ее элементы уже в Сети, проходят тестовые проверки, поэтому реальность, ты уж

мне поверь, крепко отличается от действительности, и с каждым днем они все дальше и дальше отдаляются друг от друга. – Эрна бросила равнодушный взгляд на Тауэрский мост и отвернулась. – А когда «Iris Inc.» запустит новую OS, мы окончательно перестанем понимать, где живем. Это будет новый, чудный, насквозь фальшивый мир.

Орк пожал плечами, показывая, что остается при своем мнении, но, вместо того чтобы продолжить спор, Мегера предложила:

– Давай перекусим. На встрече, которая нас ожидает, кормить не будут, а я проголодалась.

И они зашли в ближайший паб, обычное английское заведение столиков на двадцать, стены которого украшали полки с бесчисленными пивными кружками, заказали «Fish and Chips», выбрали пиво, уселись в уголке и продолжили разговор.

– Я не просто так вспомнила эпоху smartverre, – произнесла Эрна, сделав первый глоток. – Они были отличным, очень удобным изобретением, но, как я сказала, имели серьезный недостаток: smartverre можно снять в любой момент. И потому они не устроили стратегических инвесторов.

– Кого? – не понял Орк.

– Людей, чьи предки накопили такие богатства, что теперь они контролируют целые сектора экономики. Людей, которые определяют направление развития нашего общества и вкладывают в интересующие их проекты гигантские средства. Их называют стратегическими инвесторами.

– Мировое правительство?

– Скорее, мировая бухгалтерия, – Мегера помолчала. – Как ты наверняка знаешь, история человечества представляет собой бесконечную череду взлетов и падений, во время которых сначала создавались, а затем рушились страны, империи и цивилизации. Но некоторым людям удавалось преодолевать кризисы, пусть и с потерями, но сохраняя накопленное. Деньги перемещались из одной страны в другую, искали безопасное место, в котором они снова смогут начать работать, находили такие места, начинали работать и приносить своим владельцам выгоду. Я знаю банкирские дома, история которых восходит едва ли не к Карлу Великому… Понимаешь, о ком я говорю? – Бен поморщился. – О семьях, которые богатели из поколения в поколение на протяжении тысячелетий. О людях, которые однажды поняли, что нет смысла кормить разбойников, а нужно заводить собственных: для защиты и нападения. Я говорю о тех, кто создал современное общество.

– Если они столь круты, то не позволят нам перевернуть мир.

– Ты начинаешь понимать происходящее, – рассмеялась Эрна.

Эта фраза Орку не понравилась:

– Хочешь сказать, что мы обречены на поражение?

– Ни в коем случае, – уверенно ответила девушка. – История человечества – это взлеты и падения, так было и так будет. Выбрав правильное время и точно рассчитав удар, мы отправим эту версию цивилизации в прошлое. И займемся строительством новой.

Некоторое время они молчали: Бен обдумывал услышанное, Эрна ждала следующего вопроса. Люди вокруг, в основном туристы, шумели, обсуждая увиденное и то, что они только собирались увидеть, а люди за столиком, которые собирались свернуть миру шею, молчали. К тому же бармен махнул им рукой, Орк сходил за едой, а вернувшись, сделал глоток пива и продолжил:

– Я не стану спорить насчет существования мирового правительства… в смысле – бухгалтерии, поскольку твое предположение выглядит логичным. Фантастическим, но логичным. Но зачем им потребовалась дополненная реальность?

– Для управления, – пожала плечами Мегера, давая понять, что удивлена вопросом. – Если ты контролируешь то, что видит человек, ты полностью контролируешь самого человека.

– Слишком сложно.

– Русские говорят: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Добраться до зрения оказалось трудной задачей, но стратегические инвесторы потратили на ее решение годы, поскольку только в этом случае можно достичь идеальной эффективности управления: ведь в подавляющем большинстве случаев люди полностью, без колебаний и сомнений, доверяют зрению и крайне редко перепроверяют увиденное. Повторяю: контролируя то, что видит человек, ты полностью контролируешь человека. Ты сможешь заставить его делать то, что тебе нужно, поверить в то, чего нет на самом деле…

– Поверить в то, что настоящее – это реальность, а не действительность.

– Совершенно верно, – подтвердила девушка.

– Но smartverre можно было снять в любой момент… – протянул Орк, который уже догадался, куда клонит Мегера.

– С помощью smartverre они окончательно приучили людей к Сети и к удобству, которое обеспечивает дополненная реальность. И как только «Iris Inc.» получила действующий прототип наноэкрана, мир был обречен, – вздохнула девушка. – «Балалайки» разработали много раньше, но без наноэкрана их возможности ограничены, и чипы терпеливо дожидались своего

часа. Вспомни, как быстро появился новый сетевой протокол, и все мировые медиа принялись рекламировать связку «балалайка» – наноэкран».

Орк промолчал, потому что отлично помнил охватившее планету безумие и навязчивую до тошноты рекламу, приторно рассказывающую о преимуществах нового способа подключения к Сети. Впрочем, его в то время никто не спрашивал: всех государственных служащих, включая военных, чиповали и оснащали наноэкранами в обязательном порядке. В случае несогласия – увольнение без выходного пособия и пенсии.

– Мы живем в мире, которого нет, и считаем обработанную реальность настоящей. – Эрна улыбнулась. – Как тебе здесь, в пабе?

Бен машинально огляделся: паб как паб, наполнен людьми, в основном туристами, наполнен историей – в центре Лондона не может быть заведения без истории, – наполнен пивом и запахами островной еды.

– Здесь уютно, чувствуется классический английский дух…

– Паб открыли меньше года назад, и это конвейерный туристический проект, который местные обходят стороной. Здесь нет ничего настоящего.

– Секунду… – Орк запустил старое приложение, огляделся, убедился, что ничего не поменялось, вздохнул, запустил «GeniusM» и тут же выругался: – Черт!

Потому что «традиционный английский паб» молниеносно потерял блеск. Деревянная барная стойка с медными кранами оказалась пластиковой, столики – обшарпанными, а стены заставлены дешевыми полками с одинаковыми кружками, купленными в хозяйственном магазине.

– И этого никто не замечает?

– Есть несколько приложений, которые могут пробиться через усовершенствованный AR, но люди настолько привыкли ко лжи, что не видят смысла в правде. В конце концов, зачем знать, на какую стойку ты в действительности облокачиваешься, если для тебя она красива и сделана из благородного темного дерева?

– Действительно… – Орк отключил «GeniusM», огляделся, вновь включил, покачал головой, но все-таки вернулся из действительности в реальность, не желая рассматривать обшарпанные стены. – Картинка нарисована в craft(art)?

– Да, – кивнула Эрна. – А чтобы наложение всегда находилось там, где должно быть, его цепляют к наноботам. «Iris Inc.» субсидирует их производство и внедрение, и сейчас они заполонили весь мир.

– Наноботы программируются только один раз? – тихо

спросил Бен, и по улыбке девушки понял, что угодил в «яблочко».

– Официально – да, при покупке баллончика ты связываешь всех содержащихся в нем наноботов со своей «балалайкой» и распоряжаешься по своему усмотрению, но неофициально… – Мегера развела руками. – Уже сейчас администраторы имеют возможность подчинить их себе, а с новой OS их возможности выйдут на качественно иной уровень. А поскольку наноботы повсюду, админы смогут изобразить все, что пожелают. – Она помолчала. – Половина туристических объектов, которые мы сегодня видели, облагорожены с помощью наложений. В действительности вокруг полным-полно разбитых витрин и окон, кое-как заделанных фанерой, – это последствия уличных боев и погромов, прокатившихся по Лондону после Первой Вспышки. О том, что многие люди вокруг одеты совсем не так, как мы видим, и ездят не на тех машинах, которые мы видим, ты знаешь без меня, но это ерунда по сравнению с тем, что однажды я случайно включила «GeniusM» во время еды и увидела то, что считала куском пиццы: в моей руке оказался серый треугольник биомассы, на котором лежали куски соевых симуляторов.

– С тех пор ты не ешь пиццу? – попытался пошутить Орк, но неожиданно услышал:

– Ем.

И удивился по-настоящему:

– Ты знаешь, как она выглядит в действительности, но все равно ешь?

– Предпочитаешь подыхать с голоду?

– Наверное, я слишком брезглив.

– Ты бы тоже стал есть, – махнула рукой Эрна. – Ведь в реальности она совсем не такая, как в действительности.

К счастью, пиво в кружке выглядело настоящим даже при просмотре через «GeniusM», однако вес кружки показался Бену слишком большим для дешевого пластика, и, сделав глоток, он поинтересовался:

– А тактильные ощущения можно подделать?

– Пока это трудно, поскольку требуются серьезные мощности, но я думаю, что новая OS позволит «Iris Inc.» подделывать ощущения. Во всяком случае, я уже видела нарисованные объекты, которые можно пощупать.

Орк взял кусочек рыбы, который можно было пощупать, задумчиво посмотрел на него и вздохнул:

– Ты показываешь мне мир с неожиданной стороны.

– Он не такой страшный, каким кажется, – рассмеялась Мегера. – Главное, не нужно его бояться.

///

После обеда они погуляли еще с час, наслаждаясь красотами старого Лондона, – при этом «GeniusM» Орк не включал, – а в одном из узеньких переулков сели в неприметный робомобиль, открывшийся при приближении Эрны и начавший движение сразу, как только девушка захлопнула дверцу.

– Человек, к которому мы едем, серьезно относится к своей безопасности, – объяснила девушка. – И за теми, кто хочет с ним встретиться, посылает машину с заложенной программой движения.

– Машину легко проследить.

– Только не эту.

Окна, которые снаружи казались тонированными, в действительности вовсе отсутствовали, и пассажирам оставалось лишь догадываться, куда их вез беспилотник.

– Если твой парень параноик, то должен общаться с клиентами исключительно по Сети, – ворчливо заметил Бен.

– Ли еще не стал параноиком, – с улыбкой отозвалась Мегера, которую абсолютно не смущало путешествие в запертом автомобиле. – И вряд ли станет. Он просто осторожен.

– Зачем мы к нему едем?

– Он лучший в мире художник.

– Хочешь заказать ему свой образ?

– Не свой, – отозвалась девушка. – Я хочу усилить впечатление, которое мы произведем на людей в финале проекта. Хочу показать возможности и опасности новой OS. Я еще не знаю, буду ли их применять, поскольку Бобби категорически против, но образы Ли заказала.

– Что за образы?

– Универсальные.

Тем временем робомобиль остановился, дверцы разблокировались, и освобожденные путешественники увидели себя в большом, ярко освещенном гараже. Ворота, разумеется, уже закрылись, а хозяин дома – высокий китаец – ожидал гостей у двери.

– Добрый вечер, Мегера.

– Ли, дорогой, я так по тебе соскучилась! – Девушка обняла китайца за шею, чмокнула в щеку и за руку подвела к Бену: – Ли, это Орк, Орк, это Ли Хаожень, великий художник и мой большой друг.

– Очень приятно.

Мужчины обменялись рукопожатием.

– Много слышал о вас, – вежливо произнес китаец.

– К сожалению, в последнее время моя частная жизнь стала слишком публичной, – вздохнул Бен.

– Вы получили свои пятнадцать минут славы.

– Увы, гораздо больше.

– Скрывать не стану: я вам не завидую.

Они покинули гараж и коротким коридором прошли в большой высокий зал, бывший некогда или складом, или цехом, а ныне превращенный в мастерскую художника.

Цифрового художника, поэтому в первую очередь в глаза бросались многочисленные системные блоки, накопители, серверные шкафы, мониторы высочайшего разрешения и точнейшие планшеты. Видеокамеры и фотокамеры, на штативах и просто так, валяющиеся на бесчисленных столах среди листов с набросками, книгами и артбуками.

А в центре этого великолепия возвышался подиум, превращенный в рабочее место скульптора. И именно к нему в первую очередь направился Орк, удостоившись одобрительного взгляда китайца.

– Вы лепите? – Он внимательно осмотрел незаконченный бюст бородатого мужчины и качнул головой: – Неплохо.

– Я работаю в виртуальном пространстве, – ответил польщенный художник. – Я создаю отличные цифровые миражи, но для достижения внутренней гармонии мне требуется нечто осязаемое. Настоящее. То, что можно потрогать.

– Я догадывался, что услышу эти слова.

– Другого быть не может, – склонил голову Хаожень. – Человеку свойственно ценить настоящее.

– Не каждому человеку.

– Людей мало.

– Ли необычайно талантливый скульптор, – произнесла Мегера. – Мне безумно нравится вот эта его работа.

В зале располагалось много отдельных витрин и стеклянных шкафов, в которых китаец хранил скульптуры, а та, к которой Эрна подвела Бена, изображала девушку – Мегеру – в полный рост, в натуральную величину. Обнаженную. Сидящую среди накатывающих волн прибоя и мечтательно поднявшую голову к звездам.

– Что скажешь?

– Ты великолепна.

– Ли лепил меня с натуры.

– Ли, прими мои комплименты.

– Ты совсем не ревнуешь? – удивилась Эрна.

И, кажется, немного обиделась.

– Когда создавался этот шедевр, мы еще не были знакомы, но если ты снова соберешься позировать, мне придется отрезать скульптору яйца, – ровным голосом ответил Бен. – Ли, без обид.

– Ничего, ничего, – отозвался китаец. – Я догадывался, что услышу эти слова.

Эрна подняла брови, но промолчала. Медленно прошла по залу, давая понять, что разговор о скульптуре подошел к концу, остановилась у одного из мониторов и поинтересовалась:

– Что с новой «обложкой»?

– У меня все готово.

– Как быстро можно провести смену образов?

– Меньше минуты.

– Сможешь меня удивить?

– Конечно.

– Так удиви.

– На ком показывать?

– На себе.

– Кто же будет объяснять происходящее?

– Сам и объяснишь.

Хаожень попытался выразительно посмотреть на девушку, наткнулся на не менее выразительный ответный взгляд, вздохнул и подошел к компьютеру.

– Орк, Мегера рассказала, чем я занимаюсь?

– В общих чертах.

– В таком случае уточню: я разработал принципиально новую «обложку» для создания элементов дополненной реальности.

– Каких элементов?

– Любых.

– С использованием наноботов?

– Разумеется, – ответил китаец таким тоном, что Бен понял, что сморозил глупость. – Но скажу без ложной скромности: я совершил прорыв. Сейчас я скачиваю в чип один из образов, и через несколько секунд вы в этом убедитесь… – Ли нажал на пару клавиш, повернулся к гостям и улыбнулся: – Готовы удивляться?

– Да.

– Тогда удивляйтесь!

И Орсон вздрогнул, потому что увидел себя. Длинным, как Ли, одетым, как Ли, худощавым, как Ли, но лицо безусловно было его – Бенджамина Орсона.

– Невероятно… – Орк подошел к китайцу и внимательно его оглядел.

Бен гордился тем, что может с легкостью отличить «обложку» от настоящего лица, пусть даже обработанного с помощью craft(art). Как ни старались цифровые художники и разработчики программ, до сих пор им не удавалось создать «обложку», неотличимую от оригинала: чаще всего их выдавали волосы, на втором месте шла кожа, которая получалась слишком гладкой, на

третьем – мимика. Творение Ли било конкурентов с легкостью. Орк видел не «обложку», а человека. Видел, хотя знал, что это невозможно.

– Ты не забыл даже шрам под подбородком.

– В робомобиле установлено пятьдесят видеокамер, здесь – двести, изображение снимается с разных ракурсов и складывается в общее целое, – ответил художник. – Мой компьютер знает каждую твою черточку.

– Почему только голова? – поинтересовалась Эрна. – Не успел сделать остальное?

– Я рекомендую не рисовать одежду и оставаться в естественной геометрии тела, – спокойно ответил Хаожень. – Дополнительные расчеты требуют от системы слишком больших усилий и сказываются на качестве.

– Он в точности воспроизводит мою мимику, – заметил Орк.

– Спасибо.

– Неужели у меня столько морщин?

– А я думала, только девочек это волнует, – закатила глаза Мегера.

– Я просто спросил, – покраснел Бенджамин.

– Я профессионально занимаюсь созданием «обложек» и раскрою тебе один секрет, который называется «правилом несовершенства», – ответил Хаожень, глядя на Орка глазами Орка. – Нужно обязательно оставлять нечто некрасивое, нарушающее искусственную гармонию, например родинку или шрам, неидеальную стрижку или небритую шею.

– Для чего?

– Для достоверности, – пожал плечами китаец. – Неужели не ясно?

– Спасибо за объяснение.

Ли вежливо улыбнулся.

– Человек без видимых дефектов не вызывает доверия, он как будто кричит: «Я ненастоящий! Надо мной работали стилисты и косметологи! Я – кукла!» Что вы скажете о таком человеке?

– Если увижу идеально напудренного мужчину? – прищурился Бен.

– Если вы видите идеально красивого мужчину или женщину, – уточнил Хаожень. – Не обязательно напудренных.

– В реальной жизни?

– На улице.

– Идеальные люди сильно выделяются в толпе и производят впечатление безмозглых кукол.

– То есть меня ты идеальной не считаешь? – шутливо поинтересовалась Мегера.

Или не шутливо…

Бен крякнул и потер шею. Ли легко рассмеялся и продолжил:

– Людям свойственно увлекаться в стремлении к идеалу. Им хочется стереть все, что неприятно или вызывает комплексы, они не слушают стилиста, стирают недостатки и теряют естественность. Мои же клиенты производят впечатление великолепным видом, но никто не подумает, что они нарисованы. Я умею вдыхать в «обложки» жизнь.

– Для чего? – вдруг спросил Орк.

И Хаожень осекся.

* * *

Манхэттен США, Нью-Йорк июль 2029

Они об этом не говорили, не обсуждали, что происходит, хотя прекрасно понимали, что ничего от их прежних отношений не осталось. Вообще ничего. И после возвращения из Парижа они ни разу не были вместе. Ни ночи, ни часа. Они держались дружески, однако из слов и взглядов исчезло настоящее, при этом нельзя было сказать, что они отдалились, – они просто перестали быть близки.

И больше всего Рейган обижал тот факт, что Карифа не предпринимает и не собирается предпринимать никаких шагов. Как будто решила, что достаточно сказала в Париже, и не хотела возвращаться к старой теме.

Перешагнула через чувства, оставив в прошлом все хорошее, что у них было.

Некоторое время красноволосая держалась, убеждая себя, что разбитую чашку не склеишь, пыталась забыть Карифу, закопать это прошлое как можно глубже, несколько раз ходила в любимый бар, крепко напивалась, приводила домой случайных подружек, а по утрам смотрела с отвращением: и на них, и на себя. Последнее время в постель ложилась одна, но засыпала лишь благодаря таблеткам. На службе держалась обычно, чувства прятала, однако страдала так, что наступила на собственную гордость и позвала Карифу в небольшую кофейню неподалеку от ее дома. Амин согласилась, но по выражению ее лица Рейган поняла, что в последнее время подруга редко появляется в том районе.

Тем не менее встреча состоялась, но Карифа опоздала на двадцать минут, примчалась на шикарном «Mustang 5000», который красноволосая ненавидела, поставила его прямо у входа в кофейню, не обратив внимания на запрещающий знак, – машину включили в реестр GS, ее не могли ни оштрафовать, ни эвакуировать, – вошла внутрь, рассеянно кивнула стоящему за стойкой хозяину и подсела за столик Рейган.

– Привет! – Внимательно оглядела подругу и улыбнулась: –

Тебе идет новый цвет волос.

И Рейган едва не ударила ее по лицу, потому что она перекрасилась несколько недель назад, и за все это время Карифа ни разу не обратила на новый образ внимания. Но не ударила, потому что подумала, что подруга специально хочет вывести ее из себя, вздохнула и, грустно улыбнувшись, сказала:

– Пока ждала тебя, вспоминала, как мы захаживали сюда.

– И занимали именно этот столик.

– И завтракали…

– Самые лучшие завтраки были по воскресеньям, – мягко отозвалась Амин, принимая у официанта чашку с кофе. – Когда некуда торопиться.

– Джимми приносил тебе блинчики.

– А ты всегда заказывала яичницу с беконом, и его это бесило.

– Его бесило то, что из-за меня ты не обращала на него внимания, – ответила красноволосая, припоминая тощего официанта, отчего-то возомнившего себя заправским сердцеедом. Ему было под сорок, он понятия не имел, что девушки служат в GS, и вел себя настолько свободно, что вызывал у Рейган и Карифы смех.

– Я никогда не обращала на него внимания, – ответила Амин.

– Джимми рассказывал, что ты с ним флиртовала.

– Только в его мечтах.

Наверное, именно так: только в мечтах, потому что красноволосая не могла представить подругу флиртующей с тем официантом. С мускулистым брюнетом из итальянского ресторана на соседней улице – да, с Джимми – нет.

– А за угловым столиком всегда сидел мистер Харрасмен, – продолжила Рейган. – Кажется, профессор…

– Бывший директор школы.

– Он не одобрял наши отношения.

– Его убили в Первую Вспышку, – вдруг произнесла Амин, и красноволосая закусила губу. – Их обоих убили, если ты не заметила: Джимми тоже нет. В тот день, когда мы застряли в Париже, в Нью-Йорке случился погром. Власти не сразу сообразили, что происходит, а полиция банально не успевала на вызовы, – Карифа помолчала. – Мистера Харрасмена вытащили на улицу и стали бить, а люди стояли и смотрели. Ну те, кто не убежал, разумеется. Его били, они смотрели… и на помощь мистеру Харрасмену бросился только Джимми. Его застрелили.

– Я не знала, – тихо сказала Рейган.

– Ты ждала меня двадцать минут, могла бы спросить, куда подевался наш постоянный официант, – прохладно произнесла

Амин.

– Не надо так говорить, – попросила красноволосая. – Мне было о чем подумать.

– О чем?

– О нас, – Рейган посмотрела подруге в глаза. – Пришло время сказать друг другу правду.

– Ты действительно хочешь, чтобы эти слова были произнесены?

– Я не могу иначе, – честно ответила Рейган. – Я страдаю. Я думаю о тебе, потом понимаю, что думать нелепо, пытаюсь отвлечься, пью виски или глотаю таблетки, но утром все равно просыпаюсь с твоим именем. Я хочу услышать правду. Чтобы решить все раз и навсегда.

– Тебе не понравится.

– Почему?

– Потому что правда – это правда. Без украшений и косметики. Правда – это то, что действительно есть или действительно было. Это то, от чего бегут.

– Я хочу знать, – повторила красноволосая. – Если ты меня отпускаешь – я хочу это услышать.

– Я тебя отпускаю, Рейган, потому что люблю А2. Люблю до безумия, до бесчувствия. Люблю так, как… – Карифа на мгновение умолкла и улыбнулась, как будто вспомнила нечто неимоверно прекрасное, и внутри у Рейган все сжалось: эта улыбка стоила больше тысячи слов. – Я узнала, что такое любить.

– Нет, – прошептала красноволосая.

– Ты хотела правду? – В голосе Амин вновь появился холод. – Ты ее слышишь.

Она не просто любила – ее раздражало все, что могло омрачить ее любовь, ее чувства.

– Ты для А2 никто, – резанула Рейган, прекрасно понимая, как жалко звучат слова отвергнутой любовницы. – Ты очарована, но не можешь не понимать, что никогда не станешь ему ровней, и твой удел – обожать его издали.

– Плевать, – отмахнулась Карифа.

– Подумай о себе.

– Я и думаю, Рейган, думаю! – воскликнула Амин, однако тут же понизила голос, не желая привлекать внимание окружающих. – Ты удивишься, но сейчас я веду себя предельно эгоистично: думаю о себе и делаю все, чтобы быть счастливой, а счастлива я только рядом с ним. Я готова на все ради него.

– А2 тебя зомбировал?

– Рано или поздно и ты поймешь, что значит любить.

Красноволосая отшатнулась, несколько мгновений с горечью

смотрела на подругу, после чего тихо сказала:

– Возможно, уже поняла. Только мне не повезло.

И тем ударила Карифу в сердце.

Амин догадывалась, что переживает красноволосая, специально держалась прохладно, не желая рвать себе душу, но ответ Рейган пробил ее защиту, заставил смутиться и прошептать:

– Прости, что сделала тебе больно, но я…

– Ты не могла иначе.

– Да, – Карифа накрыла ладонью руку подруги. – Прости.

– Я хотела это услышать – и я услышала, – очень спокойно сказала Рейган, убирая руку. – Теперь давай поговорим о делах.

– Может, оставим на завтра?

– Об этих делах нельзя говорить в «Бендере».

– Что случилось? – подобралась Амин.

– Помнишь, когда мы брали Гарибальди, я отправила образцы того, что от него осталось, на анализ?

– Не помню, конечно. Ты сделала – и хорошо, это стандартная процедура.

– Процедура стандартная, – кивнула Рейган. – Однако в горячке я ошиблась и ввела в запрос свою личную метку. В итоге отчет пришел мне.

– И что?

– Это был не тот отчет, который ты потом показала группе, – очень тихо сказала Рейган.

Несколько секунд Амин внимательно смотрела подруге в глаза, поняла, что дело действительно очень серьезное, и поднялась:

– Пойдем в уборную.

Одним из главных достоинств их любимой кофейни был туалет, «случайно» оказавшийся в экранированной зоне. В кабинки сигнал ar/G не заходил, и в них можно было абсолютно свободно говорить на любые темы.

– Я не знаю, как это получилось и какой сбой произошел в базе данных GS, но в первом отчете, в том, который я видела, значилось, что настоящее имя Освальда Гарибальди – Марко ди Аморо, он был одним из помощников Мегеры и погиб за полгода до нашей встречи, – едва слышным шепотом поведала красноволосая. – Что скажешь?

– Я видела только второй отчет, – быстро ответила Карифа.

Настолько быстро, что ложь стала очевидной.

– Пожалуйста, скажи правду, – попросила Рейган. – Неужели после всего, что между нами было, я не заслуживаю правды?

– Может, хватит на сегодня? Ты уже получила свою дозу истины.

– Пожалуйста.

Но Амин покачала головой и деловым тоном произнесла:

– Правда поставит тебя под удар, а я этого не хочу.

– Больнее, чем сейчас, мне уже не будет.

– Пожалуйста, не возвращайся к нашим отношениям.

– Карифа, я хочу знать!

И по ее тону Амин поняла, что подруга не отступит. Не получит ответ – начнет искать сама и обязательно погибнет, поскольку в большой игре самодеятельность пресекают мгновенно и очень жестко. И если она сейчас промолчит, то скоро узнает, что подруга «попала под поезд метро»…

– Правда заключается в том, что грядет новый мир, Рейган. Новое общество, новые законы, по сути – новая цивилизация, – медленно рассказала Карифа. – Люди, которые встанут во главе этого мира, обретут абсолютную власть.

– Большую, чем у них есть сейчас?

– Абсолютную, – Амин вышла из кабинки, задержалась у зеркала и посмотрела на линию губ, убедившись, что с ней все в порядке. Хотела выиграть время на то, чтобы из правды, полуправды и лжи состряпать ответ, который удовлетворит проницательную подругу. – Новый мир будет построен на новой технологии, но группе хакеров удалось ею завладеть, и сейчас их пытаются достать. Освальд Гарибальди не был убит ни осенью – военными, ни в июне – нами. Он дважды показал кино и скрылся. Но ты должна забыть все, что я тебе сказала.

– Какое кино?

– Такое, которого не было в действительности. Гарибальди вышел из такси, отошел на безопасное расстояние и взорвал его. А мы ничего не видели.

– Они научились создавать дополненную реальность столь высокого уровня? – прошептала изумленная Рейган.

– Больше не думай об этом, – посоветовала Амин. – Забудь.

Долго, почти минуту девушки молчали, то ли обдумывая разговор, то ли мысленно прощаясь, а затем красноволосая вздохнула:

– Ты можешь выбить мне короткий отпуск? Хочу съездить к матери.

– У тебя с ней были проблемы, – вспомнила Карифа.

– Сейчас это не важно, – ответила Рейган. – Она олдбаг, повсюду suMpa, и я хочу ее видеть.

– Я выпишу тебе командировку и обеспечу полную поддержку GS.

– Спасибо, – с чувством произнесла красноволосая.

– Это самое малое, что я могу для тебя сделать, – негромко

сказала Карифа, поворачиваясь к двери. – Я надеюсь, что ты сможешь обрести свое счастье, Рейган. Но без меня.

* * *

Великобритания, Лондон июль 2029

Трудно, почти невозможно отыскать на Земле два абсолютно одинаковых города. И если уж средневековые европейские городишки, с узенькими улочками, крепостными стенами или без оных и обязательным собором на главной площади подчеркивают собственные лица, желая хоть чем-то отличаться от соседей, чего говорить о крупных мегаполисах, каждый из которых претендует на титул самого известного поселения планеты? И пусть современные архитекторы шедевров не возводили, предпочитая проектировать утилитарные бетонные колоссы, в первую очередь практичные и в последнюю – красивые, города все равно отличались друг от друга. Нью-Йорк не спутаешь с Чикаго, Шанхай – с Сайгоном, Токио – с Москвой, а Париж – с Лондоном или Берлином. Власти старались убирать совсем безликие строения на окраины, изо всех сил берегли исторические центры и добились своего, придав каждому мегаполису отличный от других облик.

Но в outG все они выглядели одинаково: коллекторы и трубы канализации, тоннели и недостроенные станции метро, заброшенные парковки, древние подземные ходы и катакомбы. В outG превращалось все, до чего не добивал сигнал тотального ar/G, а норы одинаковы и в Лондоне, и в Мадриде.

– Воняет, – поморщился Ли Хаожень, поглядывая на приоткрытую дверь в соседнее помещение – назвать эту грязную и сырую камеру комнатой язык не поворачивался. – Обычно в канализациях не так противно.

– А ты не принюхивайся, – посоветовал Бобби Челленджер.

– Можно подумать, тебя вонь не трогает.

– Фильтры, – толстяк продемонстрировал китайцу извлеченные из ноздрей устройства, выдержал паузу и предложил: – Если хочешь, могу поделиться.

– У тебя есть запасные?

– Возьми эти.

– Нет, спасибо, – со вздохом отказался Ли.

– Как знаешь, – Бобби вернул фильтры в ноздри и подмигнул Хаоженю. – Теперь я тоже заметил, что здесь воняет сильнее обычного.

Китаец поджал губы, помолчал и поинтересовался:

– Он явился?

– В соседней комнате.

Ли вновь бросил взгляд на приоткрытую дверь, на этот раз – с

опаской, и понизил голос:

– Он нас слышит?

– Я велел ему не подходить к двери.

– Он послушает?

– Да, – коротко ответил Бобби, и Ли ему поверил.

– Он тебя не знает, твоего лица не увидит, ты просто сделаешь то, что должен, и уйдешь, – спокойно продолжил толстяк. – Ничего не бойся.

– Я не боюсь, – с обидой ответил китаец.

– Извини, – Челленджер помолчал. – Ты ведь помнишь задачу: первая акция должна быть яркой и резкой, мы не можем допустить, чтобы она провалилась, поэтому нужен профессионал.

– Что они подумают, когда узнают, что Алый был профессионалом?

– Они подумают именно то, что нам нужно, – спокойно ответил толстяк. – Все рассчитано, Ли, просто сделай свое дело и предоставь друзьям возможность сделать свое.

///

Его звали Майкл Браун, и он убивал за деньги. Можно сказать, всю жизнь убивал, поскольку первого человека Браун застрелил в двенадцать лет, избавившись от одноклассника, который тоже хотел толкать в школе дурь. Затем последовали два «спокойных» года, в течение которых Майкл сначала продавал наркотики одноклассникам, а затем – всей средней школе, исправно отстегивая долю «старшим» и зарабатывая больше, чем вся его семья. Но эти два года маленький Майкл не чувствовал себя удовлетворенным и уж тем более – счастливым. Деньги Брауна не прельщали, он хотел убивать и в четырнадцать лет с удовольствием привел в исполнение приговор отступнику, потом пошел к «старшим» и рассказал, чем хочет заниматься. «Старшие» отнеслись к заявлению благосклонно: должность дилера проста, особых талантов не требует, да к тому же легко заменяемая: одного утром пристрелят, к обеду на его место очередь выстраивается. А качественный убийца появляется не часто, причем настоящий убийца, тот, который не со страху из автомата огонь откроет, а хладнокровно, с пониманием. И главное – с желанием.

«Старшие» решение Майкла одобрили, и следующие двадцать лет стали для него счастливыми: по самым скромным подсчетам, он убил четыреста человек, и не только по заданию банды. Заматерев и заработав авторитет, Браун стал брать заказы со стороны, зарабатывая на пенсию, и именно жадность заставила его принять предложение хитроумного Бобби: сначала Майкл счел контракт опасным, но Челленджер назвал такую цену, что

Браун не смог отказаться.

Прибыв в условленное место outG, Майкл терпеливо дождался заказчиков, изредка морщась от нестерпимой вони, кажется, доносящейся из приоткрытой двери, а когда веселый толстяк явился, сразу же поинтересовался насчет оплаты:

– Ты говорил, что половину я получу вперед.

– И возьмешь золото с собой? – изумился Челленджер.

– А что такого? – не понял афроангличанин.

– Тяжело ведь.

– Я справлюсь.

– Как скажешь, – Бобби широко улыбнулся, снял с плеча рюкзак и протянул убийце кожаный пояс с пятью десятками монет. – В качестве бонуса я приготовил для тебя удобную сбрую.

– Ты не дурак, – осклабился Браун, после чего вытащил наугад одну из монет, проверил ее, убедившись, что золото настоящее, и затянул ремень на поясе.

– Моего друга зовут Ван, он прекрасный художник и сделает требуемую нам «обложку», – продолжил Челленджер.

– Но я все равно надену «глухарь», – перебил толстяка Браун.

– Разумеется, наденешь, – успокоил его Челленджер. – Я не хочу, чтобы тебя поймали, поэтому Ван положит «обложку» поверх шлема.

– Как я буду выглядеть?

– Как страшненький инопланетянин.

– Почему так?

– Это послание, – спокойно ответил Бобби. – Мы хотим кое-что сказать нашим друзьям.

– Вы террористы?

– Не совсем.

– Впрочем, какая разница? – Пятьдесят золотых в удобном поясе сделали Майкла покладистым. – Что я должен делать?

– Сейчас – просто сидеть, – сказал китаец, запуская коммуникатор. – Это не займет много времени.

Он достал пульверизатор, обрызгал Брауна наноботами, убедился, что они равномерно покрыли тело убийцы, и принялся переносить на них заранее заготовленную «обложку». В действительности китаец уже взломал «балалайку» афроангличанина и программировал не только свои наноботы, но и те, которые уже покрывали тело Майкла, однако рассказывать об этом Хаожень не собирался.

– Как я сниму «обложку»? – поинтересовался Браун, поглаживая «золотой» пояс.

– На вашем наноэкране уже должна была появиться иконка экстренного отключения, – вежливо произнес китаец.

– Ага, вижу.

– Если вы на нее нажмете, «обложка» исчезнет.

– Могу проверить?

– Разумеется.

Сейчас наноботы были запрограммированы по мягкому, «ознакомительному» варианту, и китаец не имел ничего против проверки. А вот потом, когда Браун отправится на дело, он изменит код, сделав экстренную иконку бесполезной.

– Я закончил, любуйтесь!

И Хаожень повернул кресло с убийцей к зеркалу.

– Мать твою! – Майкл схватился за голову. – Мать твою!

Потому что увидел в своей одежде не себя, а уродливое чудовище с ярко-красной кожей, черными кругами вокруг глаз, безгубым ртом и оранжевыми ногтями.

– Что это, мать вашу, такое?

– «Обложка», в которой вы пойдете на операцию.

– Обещанный инопланетянин, – хмыкнул Челленджер. – Даю слово, Майкл: тебя никто не узнает.

– Меня сразу арестуют.

– Не сразу, – уверенно ответил толстяк. – Сначала тебя примут за уличного артиста, потом – за идиота, а потом ты начнешь стрелять.

– Где?

Бобби и Ли переглянулись, после чего Челленджер сказал:

– Прямо над нашими головами находится одна из самых людных площадей Лондона.

///

Все получилось именно так, как предсказывал толстяк.

Из сырого и вонючего подземелья Браун прошел в подвал, сухой, но тоже вонючий, зато расположенный уровнем выше, из подвала поднялся в узкий переулок и оказался на площади. На многолюдной площади. И люди, которые по ней гуляли, торговали, покупали, работали или следили за порядком, сначала приняли высокого краснокожего человека в длинном черном плаще за уличного артиста. Люди обратили внимание на его уродливую внешность, сочли ее оригинальной «обложкой» и двинулись следом, рассчитывая на необычное представление. Прохожие – и местные, и туристы – искали развлечений, не ждали ничего плохого – ведь они находились в самом центре столицы! – и их совершенно не смущали черные очки, скрывающие глаза Майкла.

А он наслаждался. Он видел людей – и тех, кто шел за ним, и тех, кто отворачивался, не находя ничего интересного, – и представлял их мертвыми. Предвкушал, как сделает их

мертвыми, как будет стрелять, впитывая в себя их страх, крики и брызги крови, и постанывал от удовольствия.

«У тебя будет полторы минуты до отступления, – сказал толстяк. – Выйди в центр площади и открой огонь. Полиция появится через полторы минуты. Ты можешь стрелять целую минуту, представляешь? Целую минуту! Потом беги в переулок и возвращайся в outG…»

После первой встречи с толстяком Браун внимательно изучил уличные нападения и убедился, что щедрый заказчик прав: полторы минуты – стандартное время реакции сил правопорядка на расстрелы. Раньше требовалось от трех до пяти минут, но в последнее время полицейские вышли на полторы, что в Нью-Йорке, что в Шанхае, и улучшить его не могли, как ни старались. Тридцать секунд на отступление и целых шестьдесят – на убийства. О таком подарке Майкл даже мечтать не мог.

– Ты фокусник? – спросил толстый турист.

– Или ты акробат? – спросила его жена.

Майкл не удостоил их ответом.

– Надеюсь, фокусник.

– Главное, чтобы не оказался певцом.

– Где будет представление?

Прикинув, что оказался примерно в центре площади, Браун остановился и медленно оглядел толпящихся вокруг людей…

…которые вдруг закричали и хлынули назад…

…потому что следящий за происходящим Ли нарисовал, как Майкл поднимает левую руку и сбрасывает очки…

…и все увидели его глаза, залитые ртутью мерцающей…

…а Майкл думал, что они кричат потому, что увидели оружие, – ведь он сбросил плащ и направил на толпу «зунду»…

…а за несколько секунд до этого Бобби накрыл площадь и окрестности мощным ударом РЭБ, и полицейские дроны повалились на камни…

И воцарился ад.

///

– Дерьмо, – тихо сказал Хаожень, глядя на монитор.

– Почему дерьмо? – не согласился Бобби, виртуозно управляя пятью репортерскими дронами, оснащенными высококлассными видеокамерами. – Отличный свет, четкое изображение, а твой пупсик – просто чудо и в кадре смотрится отлично.

– То, что мы делаем, – дерьмо, – уточнил китаец.

– Мы не делаем, мы работаем.

– Мы убиваем.

– Мы в ar/G, приятель, мы стираем метки.

– Ты этим себя утешаешь?

– Отстань, потом поговорим, – и Челленджер сосредоточился на съемке.

На том, чтобы зрители разглядели первую бойню Алого во всех подробностях. Чтобы почувствовали, как из тяжелой штурмовой винтовки вылетают сотни пуль. Не увидели – увидеть их невозможно, а почувствовали: глядя на то, как валятся люди, как пытаются убежать и падают, заливая кровью серые камни, чтобы слышали их крики и стоны, рыдания и проклятия. Для съемки Алого Бобби выделил отдельный дрон, который нарезал вокруг Майкла круги, демонстрируя убийцу во всей красе и разными планами: издалека и вблизи, крупно, лицо и руки, и особенно – залитые ртутью глаза.

Челленджер понимал, что вводит в мир новое чудовище, и делал все, чтобы его явление оказалось чудовищно эффектным.

– Пятьдесят секунд, – мрачно произнес Ли. – Сейчас он побежит.

///

– Пятьдесят секунд, – сообщил таймер.

Но останавливаться не хотелось, потому что убийцу с головой накрыло невероятное, пронзительное ощущение всемогущества. Ощущение безграничной власти повелителя смерти. Браун мечтал о том, чтобы упоительное «сейчас» длилось как можно дольше. А лучше – чтобы он вечно стоял в центре площади, посылая в обезумевших от ужаса людей пулю за пулей.

– Одна минута.

И все-таки нужно уходить. Ради того, чтобы были и другие дни, наполненные чужими страданиями и его радостью. Чтобы отнести в тайник пятьдесят золотых монет и получить еще пятьдесят за отлично выполненную работу. Нужно уходить.

«Это было легче, чем я ожидал!»

И намного приятнее.

В «зунде» оставалось совсем мало патронов, поэтому Браун со всех ног бросился к спасительному переулку, расстреливая витрины и окна последними гранатами из подствольника, затем отбросил винтовку, выхватил короткий автомат… И в этот момент Бобби нажал на кнопку, и пояс, в котором якобы лежали пятьдесят золотых, с тяжелым грохотом взорвался, поставив кровавую точку в первом пришествии Алых.

* * *

***REUTERS**: Ужасная трагедия в Лондоне!*

***Bloomberg**: Из Лондона поступают страшные, но противоречивые сведения. Мы пока не знаем, что именно случилось: очередная акция олдбагов или террористическая атака, однако уверены в одном: убито не менее двадцати человек…*

***Deutsche Welle**: Что это за тварь? Лондонскую бойню учинил алый монстр, напоминающий самых отвратительных персонажей фильмов ужасов. Первоначально все решили, что преступник спрятал свое истинное лицо с помощью craft(art), но наши источники сообщают…*

***The Washington Post**: Алый – это не «обложка»!*

***Xinhua**: Первые отчеты врачей вызывают оторопь: Алый – это изменившийся под действием suMpa человек…*

***BBC**: Председатель Всемирного уфологического конгресса заявил, что suMpa – не просто вирус, а биологический агент, превращающий разумных обитателей Вселенной в изобретателей вируса. «Нет никаких сомнений в том, что человечество начало свой путь превращения в совершенно новый вид, с целью влиться в братскую космическую семью…»*

***Ciliophora Project**: Премьер-министр Великобритании выразил твердую уверенность в том, что за нападением Алого стоят секретные русские ученые…*

***FakeNews Corp.**: Мы были первыми на месте трагедии и готовы показать уникальные кадры нападения Алого. Пожалуйста, уберите от экранов детей…*

* * *

Федеральная башня «Бендер» США, Нью-Йорк июль 2029

Появление Алого взорвало мировые новости. Жестокая атака в стиле олдбагов, очевидная связь с вирусом suMpa, невероятный внешний вид монстра – все вызвало шок. Люди не понимали происходящего и требовали ответа от тех, от кого привыкли слышать ответы: от правительства, депутатов, WHO и GS – от властей. Люди хотели услышать внятное объяснение, но проблема заключалась в том, что власть сама пребывала в неведении и лихорадочно изобретала удобоваримую версию, чтобы выиграть время и провести расследование. И одно из главных совещаний наделенных властью людей состоялось в центральной штаб-квартире GS, в большом, наглухо экранированном от ar/G кабинете директора службы. А присутствовали на нем всего четыре человека, которые много знали о происходящем, одновременно оказались в Нью-Йорке и сумели собраться меньше чем за час.

А собравшись, продемонстрировали абсолютно разное настроение.

Мистер Арчер пребывал в ярости и не считал нужным это скрывать. К счастью, он прилетел на вертолете, с крыши спустился на лифте для старших офицеров, и никто из сотрудников GS не видел выражение лица, с которым важный гость прошествовал в кабинет директора. Потому что по лицу

Арчера нетрудно было догадаться, что Митчелла ждет взбучка.

– Что все это значит? – рявкнул Арчер еще до того, как за его спиной захлопнулась дверь. – Что за дерьмо творится с проектом?

– Разбираемся, – ответил руководитель GS, демонстрируя уместную озабоченность. – Поверь, для нас это такая же неприятность, как для всех…

– Нет, Арнольд, для тебя это гораздо большая неприятность, чем для всех остальных, – продолжил грохотать Арчер. – Странно, что ты этого не понимаешь.

– Я все понимаю и ответственности с себя не снимаю, – твердо отозвался Митчелл. – Но хочу напомнить, что я сделал все, что от меня потребовали: сформировал группу и наделил ее колоссальными полномочиями.

И они с Арчером посмотрели на Карифу Амин. Которая была подчеркнуто и даже дерзко спокойна.

– Полномочий и в самом деле было достаточно, – приторно-сладким голосом произнесла Лариса Томази. Она привычно заняла кресло директора, не поздоровалась ни с ворвавшимся Арчером, ни с пришедшей на пару минут раньше Карифой и лишь сейчас вступила в разговор. – Хочешь сказать, Арнольд, что мы поручили важнейшее задание не тому сотруднику?

– Сейчас узнаем, да, агент Амин? – Митчелл выделил голосом обращение: «агент Амин», показывая, что считает возвращение Карифы на прежний уровень делом решенным.

– О чем вы хотите услышать в первую очередь, мистер Арчер? – поинтересовалась девушка, подчеркнуто проигнорировав директора GS.

– Начните с чего угодно, агент Амин, разницы нет, – отозвался Митчелл.

– Разница есть, Арнольд, – тон Арчера неожиданно смягчился. Судя по всему, на него произвели впечатление и спокойствие девушки, и смысл заданного ею вопроса. – Мы поручили Карифе два дела, она готова ответить, но спрашивает, что у нас в приоритете?

– Какие два дела? – растерялся Митчелл, внезапно сообразив, что ведомая на заклание Амин не согласна с уготованной ей ролью и планирует оказать сопротивление. Директор бросил взгляд на Ларису, наткнулся на безразличную улыбку и понял, что дело обстоит чуть сложнее, чем он рассчитывал.

– А2 имеет отношение к появлению Алого? – осведомился Арчер.

– Нет, – твердо ответила Амин. – А2 растерян. И в бешенстве. Как вы.

– Ему еще отчитываться… в том числе – передо мной, –

протянул Арчер. – Что А2 говорил об Алом?

– Сразу же связался с Паркером и стал ругаться. Потом я уехала – мне позвонил директор Митчелл, но все равно ничего не поняла бы: закончив ругаться, они начали говорить о сложных технических вещах.

– Феллер орал на Паркера? – спросила Томази.

– Да, – подтвердила Карифа.

– Да, – через мгновение подтвердил Митчелл, показав Амин, что прослушивает Филипа. Или же – что у него есть еще один осведомитель в доме А2.

– Феллер не орет на Паркера, – произнесла Лариса, глядя Арчеру в глаза. – Во-первых, Паркер в таких случаях сразу «закрывается» и перестает воспринимать происходящее; во-вторых, они настоящие друзья, Феллер уважает Паркера и любит, если он вообще способен на любовь. Если Феллер орал, значит дело серьезное.

– Мне показалось, А2 боится, – тихо произнесла Ка-рифа.

– Чего? – мгновенно среагировал Арчер.

– А2 боится, что Орк взломал код «Elysium».

– Это возможно? – Лариса повысила голос, показав, что сообщение ее задело.

– Паркер уверен, что нет.

– Ладно… – Арчер потер подбородок. – Почему вы до сих пор не смогли поймать Орка? Вам не хватило ресурсов?

– Можно сказать и так, – Карифа чуть склонила голову. Она продолжала демонстрировать олимпийское спокойствие, чем выгодно отличалась от растерявшего его Митчелла: развитие разговора заставляло директора нервничать. – Мы проигрываем, не потому что у нас мало ресурсов, а потому что у Орка их оказалось на удивление много. Сейчас он скрылся…

– Не скрылся, а ушел от нерасторопных сотрудников, – не удержался от ехидного замечания руководитель GS.

Феллер предупредил Карифу, что директор попытается переложить на нее ответственность за провал, и девушка не реагировала на подначки, полностью сосредоточившись на том, чтобы убедить в своей пригодности стратегических инвесторов.

– Орк почти каждый день выкладывает новую запись, – мягко напомнила Томази, кажется, поддерживая Митчелла.

– И тем не менее он скрылся, – повторила Карифа. – Орк с легкостью меняет и лица, и чипы, и мы не знаем, как он выглядит в настоящее время.

– Агент Амин, вы попросту не справились! – повысил голос Митчелл, почувствовав поддержку инвесторов.

– Как я могу справиться, если вы не в состоянии навести

порядок в базе данных, директор, – огрызнулась Карифа, продолжая смотреть на Арчера.

– Это не имеет отношения к расследованию, – попытался отмахнуться руководитель GS, однако было видно, что он изумлен напором Амин.

– Зато имеет отношение к результатам, – продолжила атаку девушка. – Точнее, к их отсутствию!

– Не перекладывайте ответственность на других, агент Амин! Даже не пытайтесь.

– Я не собираюсь оправдываться за то, что в сверхсекретную базу данных заходит любой желающий.

– И следите за языком, – прошипел взбешенный директор.

– Кто-нибудь объяснит, о чем вы столь яростно ругаетесь? – осведомилась ошеломленная Лариса.

– Все это ерунда… – начал было Митчелл, но Арчер понял, что последует за этими словами, улыбнулся:

– Спасибо, Арнольд, – и перевел взгляд на Карифу: – Я хочу услышать вашу версию, Амин. Лариса, ты ведь не против послушать?

– Нет, – безразлично отозвалась Томази.

Руководитель GS помрачнел.

Но Карифа прекрасно понимала, что до победы далеко, и даже не посмотрела на Митчелла, продолжив доклад предельно деловым тоном.

– Нам достоверно известно, что полковник Орсон минимум дважды менял «балалайку»: в первый раз – чтобы выехать из Нью-Йорка и, по всей видимости, покинуть Америку, и во второй – чтобы скрыться из России, поскольку понял, что чип «Джехути Винчи» раскрыт. Тот факт, что Орсон свободно путешествует по миру и сейчас, похоже, вернулся в Америку, позволяет сделать вывод, что он использует фальшивки высочайшего уровня: произведенные на лицензированных предприятиях и снабженные встроенными проверочными кодами, зарегистрированными GS.

– То есть не фальшивый чип, а настоящий, внесенный в базу и после этого украденный? – изумилась Лариса.

– Похищенный, – подтвердила Карифа. – То есть факт похищения не был зафиксирован, и чип считается законно выданным.

– Такое бывает, – проворчал Митчелл, без восторга глядя на девушку.

– Бывает? – поднял брови Арчер.

– Бывает, – не стала скрывать Амин. – Преступные сообщества давно наладили поставку «чистых» чипов в outG.

– Как неожиданно… – Инвесторы вопросительно посмотрели

на руководителя GS, явно ожидая объяснений.

Митчелл пожал плечами:

– Есть спрос – есть предложение. Преступники готовы платить огромные деньги за новую личину, а производство, транспортировка и хранение чипов требуют большого количества персонала и бюрократии. На каждом этапе существует возможность незаметно похитить часть «балалаек» тем или иным способом.

И вот тут Арчер сумел удивить Карифу. Она надеялась, что инвестор воспылает благородным гневом и потребует рассказать, почему до сих пор не пресечена незаконная торговля чипами, но Арчер все обдумал, понял и сказал:

– Каждый чип несет информацию о DNA владельца, проверить правильность которой можно с помощью экспресс-анализа.

– К этому я и веду, – улыбнулась Амин.

– К тому, что система несовершенна? – прищурилась Лариса.

– Система отличная, – ответила Карифа. – Люди несовершенны.

– Тоже мне новость, – Томази зевнула. – Но ты продолжай, мне интересно.

Арчер кивнул. Митчелл отошел к бару и налил себе стакан воды.

– Поскольку коррупция неистребима, по крайней мере на нынешнем этапе, информация о DNA хранится в двух местах. Первое – это государственные базы данных… причем мы убеждаем население, что первое является и последним и информация о DNA граждан не покидает электронные пределы их стран.

– Но это не так? – прищурилась Лариса.

– Не так, – буркнул Митчелл.

– Записи в государственных базах данных можно изменить с помощью взятки. Несмотря на наши старания, этот бизнес процветает. Мы, разумеется, периодически сажаем зарвавшихся чиновников, но не всех, потому что основная база данных – глобальная, содержащая совокупную информацию всех государственных, – находится под контролем GS, и доступ к ней имеет только проверенный персонал. Когда преступник из условной России покупает себе новое имя, возникает рассогласование при синхронизации, мы фиксируем несовпадение DNA и продолжаем наблюдать.

– Почему? – не поняла Томази.

– Потому что преступность неискоренима, – объяснил Митчелл. – В нашем случае бандитам кажется, что они способны

обмануть систему, и это их ощущение позволяет нам держать происходящее под контролем.

– Однако в деле Орка случилась осечка, – вернула себе слово Карифа, поскольку рассказ приближался к самой интересной части, которую девушка хотела изложить лично. – Поменяв ему «балалайку», хакеры внесли изменения в базу данных GS, причем с приказом принудительно переписать содержимое остальных информационных хранилищ.

– Кто-то хакнул GS? – Арчер тяжело посмотрел на Митчелла.

Амин замолчала, и директору ничего не оставалось, как ответить. Он глотнул воды и тихо произнес:

– В теории хакнуть можно что угодно, но мы считали, что хорошо защищены.

– Вторая «балалайка» Орка? – мрачно осведомился Арчер.

– Все было проделано в точности так же, – доложила Карифа. – Люди, которые помогают Орку, вносят изменения в самую защищенную базу данных на планете.

– Арнольд, это не очень хорошая новость, – протянула Томази.

Митчелл угрюмо промолчал.

– Полагаю, первый заместитель директора Амин должна продолжить работу, – хрюкнул Арчер. Было видно, что он с радостью бы разорался на несчастного Митчелла, но сдерживается, не желая терять лицо. – Возможно, расследование первого заместителя директора Амин будет полезным не только в рамках проекта «Elysium», но и для будущего самой GS.

И все заметили, что из новой должности Амин исчезла приставка «специальный», то есть – временный, зато появилась интересная приставка «первый». А поскольку «первым заместителем» может быть только один человек, кое-кто сегодня будет крепко разочарован.

– Может, добавим Карифе полномочий? – вдруг произнесла Лариса. – Пусть она займется еще и внутренними расследованиями и узнает, кто вскрыл наше хранилище.

– Я подумаю, – промямлил Митчелл.

– Хорошо, подумай, – кивнул Арчер. – Подготовь приказ через два часа. – И повернулся к девушке: – Поздравляю, заместитель директора Амин.

– Спасибо, мистер Арчер. Обещаю: я вас не подведу.

– Найдите того, кто ходит по нашему огороду.

– Да, мистер Арчер.

Раздавленный Митчелл хотел что-то добавить, но Карифа не позволила ему вставить хоть слово, огорошив инвесторов интересным предложением:

– И еще, мистер Арчер, кажется, я придумала, как поступить с A2.

– Поступить с A2? – Арчер на мгновение замер, слегка удивленный сменой темы, но затем улыбнулся: – Мне нравится, как это прозвучало, Карифа. И как же?

– Если мы не в силах доказать связь A2 с Орком…

– Или этой связи нет, – едко добавил директор.

– …можно предположить, что A2 и есть Орк, – закончила Карифа, не обратив никакого внимания на замечание Митчелла.

– Это как? – ошарашенно спросила Лариса.

– Что это значит? – воскликнул Арчер.

– Но как?! – переспросила Томази.

– Карифа?!

– Я внимательно изучила выступления Орсона и хочу сказать, что для офицера, даже полковника, они чересчур глубокомысленны, – продолжила Амин. Краем глаза она заметила, что Митчелл вновь налил себе воды, на этот раз – с виски, и едва сдержала улыбку. – Не хочу обижать военных, но большинство из них и не стратеги, и не идеологи. Последние двадцать лет наш полковник бегал по миру с автоматом наперевес, так откуда у него столь глубокие мысли? Он – орк, это верно, но не более.

– А ведь может сработать… – негромко протянул Арчер.

– Ты серьезно? – изумился Митчелл, успевший залпом опустошить стакан. – Все понимают, что тексты Орку пишут помощники.

– Невозможно, – произнесла Лариса. – A2 никак не может быть Орком.

– Это не обвинение, а предположение, оно не требует доказательств. Нужно лишь хорошо продумать информационную атаку, и тогда… – инвестор широко улыбнулся. – Карифа, ты молодец.

– Всегда пожалуйста, мистер Арчер.

Митчелл налил себе еще.

* * *

Манхэттен США, Нью-Йорк июль 2029

– Мне хорошо с тобой, – игриво произнесла Мегера, глядя Орку в глаза. Она вышла из ванной – свежая, влажная, в малюсеньких трусиках и облегающей майке, мягкая ткань которой подчеркивала изящную грудь. Рассмеялась, увидев, что Бен еще валяется, крикнула: «Лежебока!», прыгнула на кровать, оказавшись на мужчине, наклонилась и произнесла: – Мне очень хорошо.

И провела рукой по его волосам.

– И если ты хоть на мгновение подумаешь, что я говорила это всем своим мужчинам, я тебя отравлю.

– Ты не умеешь готовить, – ответил Бен.

– Это все, что ты хочешь мне сказать? – подняла брови девушка.

– Ты не умеешь готовить, но мне плевать, потому что я схожу с ума… Нет: я сошел с ума, – он нежно сжал ее бедра. – Ты свела меня с ума.

– Хорошо, – Эрна поцеловала Орка в кончик носа и поднялась. – В своей квартире я – хозяйка и докажу это, приготовив завтрак.

Они прилетели в Нью-Йорк рано утром, прошли проверку, не вызвав подозрений у системы, и отправились на Манхэттен – Эрна оказалась владелицей небольшой, но очень уютной квартиры на тихой Чарльз-стрит. В такси девушка клевала носом, и Бен подумал, что, приехав, она сразу завалится спать, но в родных стенах у Мегеры открылось второе дыхание, и она предпочла «бодрящий утренний секс», чему выспавшийся в самолете Орк был скорее рад.

– Может, сходим в кафе? – предложил он, услышав громыхание на кухне.

– Я сделаю тебе омлет!

– Сколько лет в холодильнике лежали яйца?

– Яиц у меня нет! – жизнерадостно сообщила Эрна после очередного громыхания.

– Из чего же ты собралась готовить омлет?

– Мне уже самой интересно. Хочешь тосты? С джемом, – она выдержала паузу. – И кофе.

– Конечно, хочу.

– Все будет готово, когда ты выйдешь из душа, милый.

– Уже иду, дорогая.

– Поторопись.

Орк действительно собирался отправиться в душ и даже приподнялся с кровати, но замер, увидев пришедшее предупреждение об экстренном выпуске новостей, пару секунд раздумывал, посмотреть его сейчас или в записи после душа, чертыхнулся, увидев повторное предупреждение, перевел сигнал на настенный коммуникатор и замер.

– WHO еще не выступило с официальным объяснением происходящего, однако наш источник в организации уверяет, что речь идет о мутации suMpa, и теперь…

– Милый, что стряслось? – громко спросила Эрна, услышав, что заработал коммуникатор. – Что ты смотришь?

– Мы вовремя уехали из Лондона, – отозвался Орк, делая звук тише.

– Что? – Мегера вошла в комнату, бросила взгляд на экран, на котором как раз показывали Алого, и прищурилась. – Что за дрянь?

– Так теперь будут выглядеть олдбаги.

– Все?

– Никто не знает.

Несколько секунд они молча смотрели репортаж, после чего девушка спросила:

– Когда это случилось?

– Только что.

– Почему он красный?

– Алый, – поправил ее Бен.

– В чем разница?

– В оттенке.

– Твой ответ имеет смысл?! – Ее голос неожиданно сорвался. – Черт! – Пауза. – Извини.

– Ты меня извини.

Они вновь помолчали: изумленные, растерянные, не понимающие происходящего. Как и все жители Земли. Они только-только свыклись с мерцающими ртутью глазами и были совершенно не готовы принимать новых чудовищ.

– Зачем все это? – очень тихо спросил Орк.

Эрна пожала плечами:

– Они повышают ставки, возможно, потому, что торопятся.

– А почему они заторопились?

– Испугались нас? – предположила девушка. – Твои выступления действуют им на нервы, и хотя над тобой смеются и обвиняют в отсутствии доказательств, они тебя боятся, Орк, очень боятся.

– Раз они подняли ставки, значит, готовы к финальной игре, – угрюмо сказал Бен.

– Мы тоже, – твердо произнесла Мегера. – Они заплатят за все.

Орсон улыбнулся, выключил коммуникатор, обнял и поцеловал девушку.

И подумал о том, что Алый появился на площади в обычной одежде, потому что ненастоящую трудно рассчитать, да никому это и не нужно. Алый выглядел страшно, но у него не появилось ни клыков, ни рогов, ни когтей – ни одной детали, из-за которой пришлось бы генерировать сложные тактильные ощущения. Алая

кожа, черные круги вокруг глаз, безгубый рот, оранжевые ногти и ртуть мерцающая, связывающая Алого с suMpa. Новый образ был сформирован ярко, броско, но технически лаконично, чувствовалась работа опытного художника, которым руководил высококлассный специалист в медиа.

– Я всю жизнь мечтала, что однажды рядом со мной окажется умный и сильный мужчина, – тихо сказала Эрна, спрятав лицо в груди Бена. – Жаль, что это случилось на изломе.

– Если нам суждено быть вместе – мы будем вместе, – уверенно ответил Орк. – Перевернем этот чертов мир и отправимся в Коста-Рику.

Так они впервые сказали друг другу правду.

#FakeNewsVideo

– Не показывайте меня! Пожалуйста, не показывайте!

– Не волнуйся, приятель, – ответил дрон голосом Бобби Челленджера. – Все в порядке, спасибо, что вызвал FakeNews.

– Только не показывайте мое лицо!

– Как скажешь, приятель. А чтобы ты был абсолютно спокоен, я изменил твой тембр. Тебя не опознают.

– Спасибо, – после паузы произнес молодой человек. Но его голос по-прежнему дрожит. – Я знал, что вы – честный человек.

– Что здесь произошло? – последнюю фразу Бобби решил оставить без замечаний.

– Я его убил, – негромко сказал парень.

– Застрелил?

– Ударил ножом.

– Понятно.

Дрон облетает парня, и в кадре появляется лежащий на асфальте Алый. Скорее, сидящий на асфальте Алый, потому что он сполз по стене и замер, не завалившись набок. Как будто устал и присел. Или неожиданно уснул. Но все понимали, что не устал и не уснул. Оружия не видно. Растекается кровавое пятно. Не устал и не уснул… Алый был мужчиной. Небогатым работягой, судя по одежде, одним из тех олдбагов, которых уговорили остаться в городе, потому что специалистов отчаянно не хватало, а нужно проверять электрические и водопроводные сети, контролировать роботов и делать другую работу, от которой брезгливо отказывались молодые. Олдбаг остался, взорвался, превратившись в Алого, наверное попытался спрятаться, но не преуспел.

– Как все получилось? – спросил Челленджер.

– Я свернул в переулок, увидел его, он бросился на меня… – довольно уверенно ответил парень.

– Алый тебя поджидал? – перебил собеседника Бобби. – Алый

сидел в засаде?

– Не знаю, – парень запнулся. – Наверное.

– Как же ты успел выхватить нож?

– Я быстрый. Я очень быстрый.

– Настолько быстрый, что опередил сидящего в засаде Алого?

– Да.

Может, действительно да, а может, и нет. Может, увидел перепуганного, только что взорвавшегося олдбага и всадил в него нож. Бобби не стал расспрашивать убийцу, оставив зрителям самим решать, что произошло в переулке, и, выдержав короткую паузу, осведомился:

– Зачем ты вызвал меня?

– Это же Алый, – недоуменно ответил парень. – Я думал, они всем интересны. Они ведь убийцы, нелюди…

А значит, с ними можно делать все, что угодно.

Все, что угодно.

Дрон на несколько секунд завис перед мертвым олдбагом, показывая крупным планом его красное лицо и широко распахнутые глаза, залитые мерцающей ртутью, а затем стал резко набирать высоту, словно желая как можно скорее и как можно дальше улететь от человека, убившего другого человека только потому, что стало можно.

Рокфеллер-центр США, Нью-Йорк июль 2029

Нынешнюю встречу стратегических инвесторов трудно было назвать совещанием или переговорами, скорее она походила на злую, полную взаимных обвинений и обид разборку владельцев казино, которое крупно обчистил удачливый игрок. И дело даже не в том, что обчистил, – в конце концов, такое случается. Самое неприятное для владельцев заключалось в том, что ограбление произошло неожиданно, в тот момент, когда они подсчитывали барыши, радуясь удачному дню. При этом не было никаких гарантий того, что выходка не повторится.

– Я хочу знать, что происходит! – заявил дядя Сол, яростно глядя на Феллера. На этот раз выдержка отказала даже ему, самому пожилому и хладнокровному инвестору. – Откуда взялся красный?

– Красные всегда берутся из России, – обронил Арчер.

Лариса коротко рассмеялась.

– Сейчас не время для плоских шуток, – хрюкнул Полуцци.

– Откуда взялся красный? – повторил дядя Сол.

– Алый, – поправил его Феллер.

– Какая разница?

– Определение «алый» уже пошло по миру, – объяснил А2. – Нет смысла плодить новые сущности.

– Я хочу знать, откуда взялась конкретно эта сущность, – рявкнул дядя Сол. – Хватит ходить вокруг да около.

– Может, он инопланетянин? – неожиданно предположил старший близнец Райвуш.

Возможно, он хотел пошутить, но добился лишь короткой паузы, наполненной недоуменными взглядами и напряженными вычислениями, какой именно из близнецов оказался на совещании: поумнее или поглупее?

– Ты ведь не серьезно? – осторожно уточнил Арчер.

Томази покачала головой, Полуцци пробормотал короткое ругательство, Феллер отвернулся, пряча улыбку.

– Конечно, нет, – опомнился Райвуш. – Я же не дурак.

Впрочем, все давно привыкли к несколько расслабленной манере поведения близнецов, так что репутация семейства Райвуш не пострадала.

– Давайте вернемся к делу, – жестко произнес дядя Сол. – А2, я правильно понимаю, что Алый – это «обложка»?

– Да, дядя Сол, – мрачно подтвердил Феллер.

– Нам удалось сохранить этот факт в тайне?

– Да, дядя Сол.

– Тело, точнее, то, что от него осталось после взрыва, забрали мои люди, – доложил Митчелл. – Лондонский филиал устроил настоящий спектакль: костюмы биологической защиты, оцепление, обеззараживание… В общем, все, как полагается.

– Хоть здесь не облажались, – проворчал дядя Сол.

– А правда, что полицейские и агенты GS видели Алого, даже несмотря на приложения, позволяющие смотреть сквозь AR? – подала голос Лариса.

– Правда, – подтвердил Митчелл. – При этом «обложка» осталась активной даже после смерти убийцы.

– Как это возможно? – удивился Арчер.

– Наноботы были запрограммированы не самим убийцей, а кем-то другим, – объяснил Феллер. – И запрограммированы так, что сквозь «обложку» нельзя посмотреть с помощью полицейских приложений.

– Это наша технология, – тихо сказал дядя Сол.

– Похожа на нашу, – уточнил А2.

– Но такая же эффективная?

– Да.

– Черт! – не сдержался Райвуш. – У нас украли новейшую разработку?

– И еще ходят слухи, что Мегера вернулась, – неожиданно произнес Митчелл.

– Кто такая Мегера? – поднял брови близнец.

– Женщина? – не понял Полуцци.

Однако те инвесторы, кто был тесно связан с проектом «Elysium», отнеслись к сообщению иначе.

– Ты уверен? – выдохнул Арчер.

– Ходят слухи, – уклонился от прямого ответа директор GS.

– Не удивлюсь, – проронил Феллер. – Если военным не удалось прикончить Мегеру, это объясняет все успехи Орка.

Митчелл поджал губы.

– Ты говорил, что хакерам система не по зубам, – припомнил дядя Сол, награждая Феллера тяжелым взглядом.

– Хакерам – да, но не Мегере, – ответил А2. – Именно поэтому я просил ее убить. И просил убить Орка, потому что предвидел, что он станет проблемой. И что?

– Мы сделали все, что ты просил…

– Вы ничего не сделали! – взорвался А2, и стало ясно, что он переходит в атаку. – Когда мы приняли решение развивать проект «Elysium», вы испугались, что я получу слишком много власти, и лишили меня возможности влиять на GS и военных. Я не спорил и не протестовал, я принял правила игры, я честно выполнил свою часть сделки: «Elysium» готов. И теперь я требую объяснений: почему вы не обеспечили проекту обещанный уровень безопасности?

Арчер прищурился и взялся за подбородок, что с ним случалось лишь в минуты глубокой задумчивости. Дядя Сол посмотрел на Полуцци, тот едва заметно пожал плечами.

Некоторое время участники совещания молчали, обдумывая услышанное, после чего Лариса негромко произнесла:

– Для чего Орку понадобился Алый?

– Поднял ставки? – предположил Арчер.

– Это понятно, но для чего?

– Чтобы обвинить нас, – мрачно ответил Феллер. – Все коды этой «обложки» в его руках, установлена связь с suMpa, уверен, Орк прикажет провести еще несколько акций, чтобы окончательно взбудоражить общество, после чего покажет, что Алый – это «обложка».

– Будут другие акции? – переспросил Райвуш.

– Обязательно, – подтвердил А2. – У Орка есть план, который он неуклонно выполняет, и Алые – часть этого плана.

– Хочешь сказать, что он взял нас за горло?

– Совсем нет: Алые – это жест отчаяния.

– Странно, я вижу не жест отчаяния, а четко спланированный и великолепно подготовленный удар, нанесенный в нужное время, – не согласился Арчер.

– Четко спланированной была Первая Вспышка и

предшествующая ей подготовка, – резанул Феллер. – Вспомните, сколько средств нам пришлось вложить в Институт перспективной психиатрии доктора Каплана, сколько филиалов пришлось открыть, чтобы доводить до агрессивного безумия наиболее подходящих особей. Но результат превзошел ожидания, мир поверил в suMpa, потому что с ума сходили все: и военные, и домохозяйки. Мы убедили миллиарды людей в существовании выдуманного вируса, а Орк просто пытается запрыгнуть нам на спину.

– Мы подготовили почву, – заметил Митчелл. – Люди станут бояться Алых, потому что их глаза заливает мерцающая ртуть. А мы не сможем опровергнуть существование Алых, потому что оно опирается на существование suMpa.

– Ложь требует постоянного возведения все новых и новых конструкций… – протянул A2.

– Мы найдем Орка, – веско произнес дядя Сол, пристально глядя Феллеру в глаза. – Считай это моим обещанием, A2. Я лично прослежу, чтобы Арнольд нашел и раздавил Орка до того, как он обрушит нашу конструкцию.

Митчелл вздрогнул: дядя Сол крайне редко давал обещания заняться чем-то лично, но если обещал – добивался результата. Или нерадивых исполнителей ждала по-настоящему страшная кара.

Убедившись, что директор GS правильно понял его фразу и осознал возможные последствия, дядя Сол вновь обратился к A2.

– Ты сможешь воссоздать код «алой обложки»?

– Чип, к счастью, сохранился, мы с Паркером проанализируем программу и поймем, на какой уровень они вышли. Не думаю, что люди Орка удивят нас больше, чем у них уже получилось.

– Ты сможешь заткнуть дыры, которые они проделали в нашей системе?

– На это потребуется время, – подумав, ответил Феллер. – Обещать не буду, но, судя по всему, мы сумеем подавить Орка только после загрузки новой OS, когда нам станут доступны все возможности «Elysium».

– Долго.

– Удар получился серьезным, нет нужды торопиться.

– На оценку и разработку методов противодействия все равно потребуется не меньше двух-трех дней. Орк это понимает, и появление следующих Алых не за горами, – произнес Арчер. – Поэтому я согласен с A2: не будем торопиться и отложим блокировку до появления новой OS. А к этому времени прикинем, как использовать Алых в своих интересах.

– Если Орк не успеет использовать их в своих, – обронила

Лариса, но ее слова предпочли не заметить.

– Нам осталось продержаться до обновления OS, – подвел итог дядя Сол. – Как только мы запустим проект «Elysium», то получим абсолютный контроль над реальностью, и потуги Орка перестанут что-либо значить.

* * *

Манхэттен США, Нью-Йорк июль 2029

Они должны были уехать из Нью-Йорка на следующий день, но задержались, хотя ничего особенного не делали. Да, прилетел Бобби, и они с Орком сняли несколько роликов, уйдя на пять часов в outG, но в записях не было спешной необходимости, а ничем иным они не занимались. И хотя Эрна постоянно говорила о неких важных делах, Бен понял, что девушка просто тянет время. То ли чего-то ждет, то ли в чем-то сомневается и не решается сделать следующий шаг.

Стремительный бег последних недель остановился, и Орк поймал себя на мысли, что рад, потому что на пару дней их жизнь стала похожей на нормальную. Эрна все-таки сделала на завтрак омлет с яйцами, помидорами и луком – и Бену действительно понравилось; он починил слив на кухне и поправил покосившуюся дверцу антикварного шкафа. По вечерам они ужинали в небольшом итальянском ресторанчике, потом гуляли по улицам среди молодых красивых людей, прекрасно одетых и предпочитающих дорогие машины. Гуляли, разговаривали, смеялись, вспоминали и рассказывали друг другу веселые истории из прошлого, знакомясь и тут же расставаясь с другими людьми, бродили по аллеям Центрального парка, сидели на лавочках и газонах, возвращались домой, держась за руки, а засыпали на рассвете: усталые, удовлетворенные, счастливые и не думающие ни о чем, что выходило за границу их прикосновений и взглядов.

Два этих дня напомнили Бену Коста-Рику.

Два этих дня позволили их душам отдохнуть.

Они не задумывались над тем, что не встречают людей с красными цифрами над головами, что лица некоторых прохожих чересчур напряжены и много нагруженных скарбом машин покидает город по ночам. Олдбагам не разрешалось передвигаться днем, и те, кто хотел оставить Нью-Йорк, вынуждены были уезжать в темноте. А таких было много, потому что, несмотря на принимаемые властями меры, «Напуганные граждане» продолжали преследовать олдбагов, и в принадлежащие им жилища в любой момент могла ворваться группа вооруженных людей: или полицейских, или мародеров. И не только в жилища: федеральный закон «Об укрывательстве»,

принятый под давлением «Напуганных граждан», дозволял проводить проверки в любом месте и в любое время, и однажды они явились в дом Эрны. Глубокой ночью. Видимо, надеясь разбудить хозяев, но не получилось, потому что хозяева только-только закончили любимую игру, приняли душ и еще не успели улечься. Услышав грохот, Орк поморщился, открыл дверь и буркнул:

– Что? – стоя перед вооруженными до зубов полицейскими в одном полотенце.

– Милый, это пицца? – подыграла валяющаяся на кровати Мегера.

– Не совсем.

– Ты заказал что-то еще?

– Сейчас узнаю, – Бен вопросительно посмотрел на полицейских. – Что нужно?

Он прекрасно знал протокол и понимал, что сканеры уже сняли информацию с его «балалайки», сверили с системой и рассказали полицейским, кто встретил их в дверях. Чтобы узнать, кто находится в квартире, достаточно просветить ее приборами, однако полицейские решили провести полноценный обыск, о чем сообщил пришедший в чип ордер. Прочитать его Орсон не успел, услышал грубоватое:

– Есть основания предполагать, что вы укрываете олдбагов.

И машинально ответил:

– Какие основания?

– Сообщение «Напуганного гражданина».

– Кто донес? Жирный выродок с третьего этажа?

– Мы можем раскрыть имя только по решению суда.

Спорить было бессмысленно, сопротивляться – глупо.

Старший остался рядом с Орком, в квартиру вошли шестеро полицейских в облегченных боевых комплектах, и через мгновение Бен услышал возмущенный крик Эрны, дернулся, но замер, почувствовав приставленный к груди ствол.

– Все будет хорошо, – пообещал старший. – Мы не бандиты и ее не тронем.

– Надеюсь, – едва слышно отозвался Орк, прекрасно понимая, что с семью громилами ему не совладать.

И с облегчением вздохнул, когда в коридор выскочила девушка, на ходу запахивая шелковое кимоно.

– Милый, что происходит?

– Все будет хорошо, дорогая. С тобой все в порядке?

– Нет, милый, со мной не все в порядке, потому что по моей квартире ходят вооруженные люди.

– Это представители властей, дорогая, они нас охраняют.

– От кого, милый?

– Просто охраняют, дорогая, постарайся не делать резких движений, – Орк перевел взгляд на старшего и понизил голос: – Завтра утром мой адвокат подаст иск.

Они не хранили в квартире ничего запрещенного и потому могли себе позволить немного поиграть на публику.

– Поступило сообщение, что в квартире устроен тайник, который невозможно обнаружить тепловизором, – ответил старший. – Этого достаточно для проведения проверки.

– Они ломают стены! – сообщила Мегера.

Бен бешено посмотрел на полицейского, тот ухмыльнулся:

– Не везде.

И все.

И ничего не сделаешь, потому что есть закон «Об укрывательстве». И еще «О противодействии полиции». И еще «Об антигосударственной деятельности». И еще много-много законов, каждый из которых может отправить тебя в тюрьму на десять-двадцать лет. Поэтому остается лишь стоять, сжимая кулаки, и молчать, не позволяя гневу вырваться наружу. Лютому гневу, порожденному бессилием. Остается отводить взгляд, принимая свое бесправие, и краем глаза наблюдать глумливую ухмылку полицейского, который прекрасно знает, какие чувства тебя обуревают, и наслаждается твоей покорностью. Здоровенный афроамериканец надеялся, что Бен вспылит и даст повод себя избить, хотя бы избить, но Орсон сдержался.

– Хотите что-то сказать?

– Нет, – тихо ответил Орк, обнимая Мегеру. – Извините.

– Вот и хорошо.

И они действительно молчали – все то время, пока полицейские громили квартиру. Когда же стражи порядка ушли, они закрыли дверь (к счастью, полицейские ее не сломали) и посмотрели друг на друга.

– Ты борешься с тем, чтобы этого не было? – тихо спросил Бен.

– Не уверена, – вздохнула Эрна. – Любое государство – это насилие. Тебе ли не знать?

///

Следующий день они посвятили приведению квартиры в порядок: собрали разбросанные вещи, выбросили пару «случайно сломанных» стульев и остатки «случайно разбитой» посуды, кое-как заделали стены – закрыли тканью, репродукциями или мебелью. От былого уюта, конечно, ни черта не осталось, но Мегера не вызвала строителей, сказав, что завтра все равно уезжать.

И еще сказала, что вид разгромленного дома помогает ей сохранить нужное настроение и убеждает в правильности задуманного. И Бен подумал, что полицейский рейд разрушил сомнения девушки, если, конечно, они у нее были.

К вечеру они окончательно успокоились, отправились ужинать, и после горячего, когда расправившийся со стейком Орк разливал по бокалам остатки красного вина, Эрне пришел вызов. Она ответила, прошептав: «Да?», некоторое время молчала, только едва заметно кивала, беззвучно соглашаясь с услышанным, затем твердо и чуть громче произнесла: «Согласна», отключила связь легким ударом указательного пальца по столешнице и посмотрела Орку в глаза:

– Нам сделали разрешение на проход в одно неприятное место. Очень неприятное. Я не верила в существование таких мест, но меня убедили, мне готовы его показать, и я считаю, нам нужно в нем побывать.

– Зачем?

– Чтобы увидеть, куда все катится.

– Хочешь сказать, сейчас мы этого не понимаем?

– Такую мерзость нужно увидеть собственными глазами.

– Далеко ехать? – спросил Бен, поднимая бокал.

– В Бруклин.

– Он сам по себе – мерзость.

Но шутка не удалась. Несколько мгновений девушка смотрела Орку в глаза – судя по всему, она еще находилась под влиянием услышанного. После чего допила вино и тихо сказала:

– Поехали.

Роботакси доставило их в складскую зону у реки, к четырем ангарам, окруженным двумя заборами: сплошным, бетонным, надежно скрывающим происходящее внутри от взглядов прохожих, и из металлической сетки. Поверх обоих – колючая проволока, между заборами бегают немецкие овчарки, перед воротами – бетонные блоки, в воротах – вооруженные автоматами бойцы проверяют чипы с помощью взломанных полицейских сканеров. Доступа к базе данных эти устройства не давали, но информацию считывали четко.

– Это место принадлежит банде FN23, – рассказала Мегера, когда они отпустили роботакси и беспрепятственно вошли на территорию. Украшенные татуировками боевики пропустили их без звука. – Несмотря на мощную защиту, раньше здесь вели только легальные дела, поскольку не могли сопротивляться полиции.

– Но мир изменился?

– Мир изменился, – угрюмо согласилась девушка.

– С нашей помощью? – спросил Бен и услышал твердый ответ:

– Мы, разумеется, добавили дерьма в общую картину, но только для того, чтобы мир не остался таким, каким становится сейчас. Каким мы его сейчас увидим.

Площадка перед ближайшим к воротам ангаром была заставлена дорогими автомобилями с благородными метками «original», то есть настоящими, а не созданными в craft(art) «обложками». Возле машин слонялись боевики: шоферы и телохранители, а слева, у забора, чернела изрядных размеров лужа крови – полковник Орсон не мог не узнать характерный запах.

– Я правильно понимаю, что outG выходит из тени?

– Да, – подтвердила Эрна. И предупредила: – За нас замолвили слово очень серьезные люди, поэтому FN23 первыми к нам не полезут, но постарайся держать себя в руках и не реагировать на то, что увидишь.

– А что я увижу?

– Не знаю, Орк, но ангары экранированы, и внутри нас может ждать все, что угодно.

– Что угодно? – переспросил Бен.

– Да.

– И мы не должны реагировать?

– Никакой агрессии, – очень твердо ответила девушка. – Мы только наблюдаем.

– Тогда зачем мы здесь?

– Увидеть то, что здесь происходит.

– Зачем?

Эрна остановилась, повернулась, посмотрела Бенджамину в глаза и очень четко и абсолютно серьезно произнесла:

– Мы должны увидеть происходящее здесь на тот случай, если вдруг захотим остановиться.

– Что может помешать нам передумать? – недоверчиво прищурился Орк.

– Ты слишком много говоришь, – отрезала девушка, и бывший полковник заткнулся.

Внутри обширный ангар оказался разделен на пять секторов. Первый, самый большой, занимающий две трети помещения, служил аукционным залом с грубо сколоченным подиумом, украденной в соседней школе кафедрой и рядами разномастных кресел для уважаемых гостей. Как нетрудно догадаться – для владельцев стоящих снаружи автомобилей.

Четыре других сектора находились в противоположном конце ангара и представляли собой загоны, которые пополнялись через грузовые ворота.

– Они что, вообще перестали бояться? – очень тихо спросил Орк, разглядывая дальние сектора.

– Да, – коротко ответила Мегера.

– Но ведь принят пакет «законов suMpa», по которому полиция, Национальная гвардия и GS получили колоссальные полномочия.

– Полиция защищает то, что может защитить. И не рискует соваться туда, где можно встретить ожесточенное сопротивление.

– А как же армия? GS? Национальная гвардия?

– Рано или поздно они наверняка сумеют навести порядок, но пока будет так, как ты видишь.

Будет рынок рабов.

Четыре дальних сектора предназначались для детей и подростков. Их заводили через ворота, распределяли по загонам, а затем, поодиночке или группами, демонстрировали покупателям. Некоторых раздевали догола, некоторые избегали этого унижения, но заканчивалось все одинаково: переходом из рук в руки золотых монет – другую валюту FN23 не признавали, – и боевики разводили «товар» по фургонам. Если «товар» начинал плакать, его избивали.

– Как такое возможно?

– Мир сошел с ума.

– Этих не нужно было сводить, – медленно произнес Бен, с ненавистью разглядывая покупателей. – Они уже сумасшедшие.

– Нет, – едва слышно поправила мужчину Эрна. – Они пребывают в здравом уме и твердой памяти, просто они – звери, которые сорвались с привязи.

На подиум вытолкнули двух рыдающих белокурых девочек лет двенадцати, не больше.

– Сестры-близняшки, – объявил аукционер. – Выращены на прекрасной ферме в Кентукки, отличаются отменным здоровьем и веселым нравом.

Зал оживился.

– Согласно принятому пакету законов, детей олдбагов нужно изымать из семей и содержать в приютах до тех пор, пока им не подыщут новую семью, – рассказала Мегера. – В приютах, как ты понимаешь, сейчас творится полный бардак, многие дети убегают, других забирают бандиты, в общем… Ты все видишь.

– Их чипы легко отследить.

– Для этого кто-то должен обеспокоиться поиском исчезнувших детей, – криво улыбнулась Эрна. – К тому же бандиты предусмотрительны: перевозят «товар» в экранированных фургонах, при необходимости надевают на них «глухари», а этот ангар…

– Надежно защищен от сканирования, – закончил Орк. – Я помню.

– И отсюда у детей одна дорога: в outG…

– Где их никто никогда не найдет, – вновь закончил за девушку Бен.

– Да.

Близняшки достались жирному афробруклинцу, облизнувшемуся, когда аукционер объявил его победителем, и Орк попросил:

– Уведи меня отсюда.

В этот момент он пожалел, что приехал в логово FN23, что увидел все это, будучи не в силах помочь, почувствовал нарастающее бешенство, понял, что вот-вот потеряет над собой контроль и больше не может оставаться в ангаре.

– Пойдем.

Они покинули бандитскую территорию, сели в вызванное Эрной роботакси, и лишь тогда Бенджамин выругался: громко, грязно и без стеснения. Выругался, выпуская пар. Проклиная не только работорговцев, но и себя – за то, что ничего не сделал. Сбрасывая напряжение, но не ярость.

А выругавшись – замолчал и отвернулся к окну, и сидел тихо, лишь изредка крепко, до боли, сжимая кулаки. Но Мегере не нужно было гадать, о чем думает разъяренный мужчина, – она слишком хорошо его знала. И знала, не догадывалась, а именно знала, что он хочет сделать с бандитами. Поэтому она нежно прикоснулась к плечу Орсона и попросила:

– Не надо.

– Глупо и нелепо говорить о том, что я смогу в одиночку что-то сделать, – не отворачиваясь от окна, ответил Орк. – Их много, я один, в таких обстоятельствах на успех может рассчитывать только идиот или герой блокбастера.

– Хорошо, что ты это понимаешь, – в тон ему произнесла Эрна.

– Я прекрасно понимаю, что не справлюсь один, – подтвердил Орсон. – Мне нужен оператор.

– Твою мать, – с чувством выругалась Мегера. – Твою мать, твою мать, твою мать! – Замолчала, видя, что Бен никак не реагирует на эмоциональные повторы, и с вызовом поинтересовалась: – Только оператор? А гребаный фургон, чтобы доехать до ангара, тебе не нужен? Или ты попрешься через город в военной сбруе, с «зундой» под мышкой и с боевыми дронами над тупой башкой?

Вот тогда Орк отвернулся от окна, посмотрел Эрне в глаза и нежно улыбнулся:

– Моя женщина…

* * *

Кейти США, Техас июль 2029

Попросившись в отпуск, Рейган хотела одного: хотя бы на время оказаться как можно дальше от Карифы. На несколько дней или неделю – как получится, главное, чтобы перестала болеть душа, чтобы забылось расставание и произнесенные при нем тихие слова с резким смыслом, а в памяти остались лишь приятные воспоминания о времени, когда они были вместе. И после этого, успокоившись и вернув себе душевное равновесие, Рейган намеревалась просить о переводе в другое подразделение.

Рейган не хотела встречаться с бывшей подругой хотя бы несколько дней, чтобы затем расстаться навсегда, и попросила первое, что пришло в голову: отпуск, чтобы увидеть старую мать. И лишь произнеся просьбу, поняла, что действительно этого хочет. Потому что волнуется. Потому что suMpa все изменила, и их старая ссора больше не имеет смысла. И может, потом, когда мир вернет хотя бы тень прошлой адекватности, они снова поругаются и станут чужими друг другу, но сейчас красноволосая об этом не думала.

Сейчас она хотела увидеть маму. И помощь заместителя директора Амин оказалась неоценимой.

Карифа сдержала слово и отправила подругу в командировку «для проведения расследования в государственных интересах», что означало бесплатный перелет до Хьюстона, бронированный внедорожник и группу поддержки на месте. Группа, правда, оказалась небольшой: молчаливый водитель, ютящийся в заднем отсеке оператор и агент Нэш, не особенно довольный тем, что ему выпало приглядывать за «столичной штучкой». Но тем не менее это была настоящая оперативная группа GS, которая гарантировала красноволосой безопасность.

«Задание» для Рейган тоже придумала Амин: отыскать и допросить мелкого хакера, который «мог обладать сведениями, имеющими важное значение для проведения расследования». Задание было откровенно шито белыми нитками, особенно встреча с провинциальным компьютерным хулиганом, внезапно узнавшим, что в Нью-Йорке его считают чуть ли не лидером техасского outG, и предсказуемо перепугавшимся до потери связной речи, но, как ни крути, это было официальное поручение из штаб-квартиры Всемирной службы безопасности, и опротестовать его никто из сотрудников филиала не мог. Рейган допрашивала хакера один на один, выйдя к Нэшу, изобразила сдержанное удовлетворение, скупо сказала, что съездила не зря, а услышав вопрос: «В аэропорт?» – покачала головой и обронила:

– У меня обратный билет с открытой датой.

– Тогда куда?

– Я… – красноволосая сбилась. – Нэш, вы не будете против заехать еще в одно место?

– Еще один осведомитель?

– Не совсем.

И увидела, что агент не удивился: он не лез в чужие дела, но дураком не был и прекрасно понял, что девушка прилетела из Нью-Йорка отнюдь не для встречи с едва разбирающимся в программировании хулиганом.

– Я придан в ваше распоряжение, агент Рейган, и обязан исполнять ваши приказы, – спокойно ответил Нэш. – Если какой-либо из них окажется неправомерным, отвечать будете вы или заместитель директора Амин, которая наделила вас необходимыми полномочиями.

Четкий вопрос – четкий ответ. В принципе после этого можно было отдавать приказ, поскольку ответственности красноволосая не боялась, однако она решила уточнить:

– Неподалеку живет моя мать. Мы давно не виделись.

– Не заехали даже после того, как появилась suMpa?

Отвечать на такой естественный и такой неприятный вопрос было трудно, поскольку любой нормальный человек в первую очередь помчался бы проведать родителей, но Рейган попыталась оправдаться:

– Так получилось, что я была в гуще всех этих событий, черт бы их побрал. Я служу в Оперативном отделе, не сижу на месте, мотаюсь по всему шарику.

– Понимаю, – спокойно ответил Нэш. – Где живут ваши родители?

– Мама, у меня осталась только мама, – тихо уточнила Рейган. – Она живет в Кейти.

– Кейти эвакуировали одним из первых.

– Куда?

– В Техас Хилл.

– Почему туда?

– Там проще обеспечить безопасность, – Нэш помолчал. – Едем в Хилл?

Он все прекрасно понимал, этот спокойный и молчаливый южанин, подчеркнуто не лезущий в то, что его не касалось. Он смотрел Рейган в глаза и знал, что услышит в следующее мгновение.

– Давайте сначала в Кейти, – тихо ответила Рейган. – Хочу посмотреть на старый дом.

– Не уверен, что вам понравится то, что вы там увидите.

– Я должна знать, что с ним стало.

Нэш кивнул, отдал распоряжение водителю, по дороге доложил в GS, что они направляются в Кейти «для продолжения расследования», и после рассказал:

– Мы не могли обеспечить безопасность во всех районах, которые считаются богатыми или просто хорошими. После Первой Вспышки их атаковали под предлогом борьбы с олдбагами, но все понимали, что эти районы стали целью только потому, что там есть что взять… Мы отработали жестко, были потери, и не только среди мародеров. В итоге мы заставили бандитов отступить, но удерживать разрозненные зоны не могли. К тому же среди жителей есть не только олдбаги, как вы понимаете, и некоторые ультимативно потребовали избавить их от соседства с зараженными… В общем, было принято решение об эвакуации. После этого напряжение снизилось.

– И как теперь с преступностью?

– Хуже, чем раньше, но лучше, чем могло быть, – не стал скрывать Нэш. – Мы продолжаем работать жестко.

А что еще можно услышать от техасца?

– Богатых районов стало меньше, чем раньше. Люди продают дома и переезжают туда, где безопасно. Будь мы в армии, я бы сказал, что идет перегруппировка.

– Что стало с Кейти? – помолчав, спросила красноволосая.

– Я ведь сказал, что вам не понравится.

Однако на первый взгляд показалось, что в Кейти ничего не изменилось, район выглядел так же, как любой другой пригород после вспышки suMpa: людей на улицах меньше, чем раньше, некоторые стекла до сих пор не вставлены, некоторые витрины до сих пор заделаны фанерой, однако в целом тихо.

– Почему они не скрыли разрушения наноботами?

– Нынешние жители не считают нужным лгать себе.

И сразу, словно в подтверждение слов Нэша, взгляд красноволосой споткнулся о сожженный и не убранный автомобиль. Затем – сломанная калитка. В конце квартала – граффити, яркие буквы, нанесенные на витрину: «torero123».

– Что это означает?

– Подпись нынешних членов муниципального совета, – горько пошутил Нэш.

– Банда?

– Одна из местных.

– Как получилось, что бандиты захватили район?

– Они давно присматривались к Кейти и после Первой Вспышки воспользовались обстоятельствами.

– Почему вы их не выбили?

– Мы стараемся по возможности избегать уличных боев.

– Вряд ли «тореадоры» заплатили за дома, которые захватили.

– Вы будете удивлены, агент, – тихо ответил Нэш.

– Неужели заплатили? – изумилась Рейган.

– Мы избегаем уличных боев, но это не значит, что мы к ним не готовы, – размеренно ответил техасец. – Все банды об этом знают и потому не отказываются от переговоров. Если говорить о Кейти, мы проследили за тем, чтобы между жителями и «тореадорами» был достигнут компромисс. Ваша мать продала дом ниже рыночной стоимости, но цена, поверьте, достаточно хороша для нынешних обстоятельств. К тому же в обозримом будущем стоимость недвижимости в Кейти будет только падать.

– Тут вы правы, Нэш.

– Приехали, – объявил водитель. – Остановиться около дома?

Чувствовалось, что делать это ему не хочется.

– Остановитесь, – решительно произнесла Рейган. – Я ненадолго выйду.

– Стэн, агенты выходят, – спокойно сказал Нэш. – Обеспечь прикрытие.

– Естественно, – проворчал оператор.

На въезде в Кейти он запустил в воздух два боевых дрона, сейчас они нарезали круги над домом, а теперь привел в готовность установленный на крыше внедорожника пулемет.

Новые хозяева дома восприняли и дроны, и движения пулеметного ствола без восторга, однако проявлять агрессию не стали, из чего Рейган сделала вывод, что жесткие меры, которые местные власти приняли после вспышки suMpa, оказались не только жесткими, но и действенными. Ссориться с GS «тореадоры» не хотели.

– Добрый день, – произнесла красноволосая, скользнув взглядом по выстроившимся у низенького белого заборчика парням: крепким, мускулистым, татуированным. Оружия у них не было, но никто не обольщался: при необходимости их прикроют из дома и гаража.

– Ты кто? – спросил самый высокий крепыш, носящий на голове сеточку для волос. Два его приятеля были лысыми.

– Я здесь жила, – скупо ответила красноволосая.

– Это чика, о которой говорила старая…

Но как именно этот «тореадор» хотел назвать мать Рейган, осталось неизвестным: появившийся Нэш поморщился и небрежно напомнил:

– Мы говорим о леди.

И новые жители Кейти притихли.

Они чувствовали себя уверенно, но недостаточно, чтобы слишком долго оставаться один на один с агентами GS, пусть даже агентов было двое и прибыли они на одном внедорожнике. Кто-то из «тореадоров» послал сообщение, и к дому стали подтягиваться соседи. Тоже татуированные. Тоже мускулистые. Они не проявляли агрессии, не вступали в разговор, но взгляды, которыми местные жители награждали агентов, были далеки от дружелюбных.

– Вы увидели, что хотели? – спокойно поинтересовался Нэш.

– Да, – коротко ответила Рейган, глядя на крайнее правое окно второго этажа, окно ее комнаты, в которое когда-то давно лазил Томми, белобрысый крепыш, вице-капитан школьной футбольной команды. Сейчас из окна смотрела черноволосая девушка.

«Надеюсь, ты будешь так же счастлива в этом доме, как когда-то была я…»

– Мир изменился, чика, – неожиданно сказал обладатель сеточки для волос. – Это больше не твой дом. Не твой район. И не твоя земля.

– Не называй меня чикой.

– Ты можешь стоять здесь неделю, но ничего не изменишь: ты уже попрощалась с этим домом. И чем быстрее ты это примешь, чика, тем меньше времени потеряешь.

Рейган думала, что дружки поддержат хозяина, но они промолчали. Никто не засмеялся. Никто не выругался. Они стояли и смотрели, признавая право девушки попрощаться с прошлым. Но не желая отдавать ей ничего из своего настоящего.

– Вы не удержали землю, – закончил хозяин. – Вы уходите.

– Если мы уйдем, здесь ничего не останется, – вдруг сказала Рейган.

И Нэш посмотрел на нее одобрительно. А новый хозяин прищурился.

– Мы не ушли, а переселились, – продолжила Рейган. – Эта земля по-прежнему наша.

Она резко повернулась к «тореадорам» спиной, вернулась во внедорожник, и когда обрадованный водитель направил машину прочь из Кейти, спросила:

– Мы сможем съездить в Техас Хилл?

– В интересах расследования? – улыбнулся Нэш.

– Разумеется.

– Конечно, сможем. Только придется там переночевать.

– Я не боюсь олдбагов.

Нэш помолчал, обдумывая слова девушки, после чего кивнул:

– И правильно.

* * *

Бруклин США, Нью-Йорк шюль 2029

– Я никогда не хотел быть крысой, – негромко произнес Орк. – Никогда не представлял себя крысой из нержавеющей стали…

– В смысле – роботом? – удивленно уточнила Мегера. – Ты имеешь в виду крысу-робота?

– Нет, я имею в виду Стальную крысу, – с грустной улыбкой ответил Бен. – Давным-давно у людей существовало такое развлечение: книги.

– Если хотел подчеркнуть свой возраст, тебе удалось, – рассмеялась девушка. – А вот ирония пролетела мимо: я знаю, что такое книги, и даже читала их.

– Я потрясен.

– Но, видимо, не те, что предпочитал ты, – язвительно продолжила Эрна. – С красотками на обложках.

– Книги с красотками хороши в определенном возрасте, – не стал скрывать Орк. – Но я имел в виду парня, выживающего в мире будущего, мошенничающего там, где очень трудно укрыться от взора правосудия.

– Писатель предсказал ar/G?

– Нет, – покачал головой Бен. – Писатель просто создал красивый образ.

– Не люблю крыс.

– Их никто не любит, и мало кто знает, что крысы, одни из немногих в животном мире, создают высокоорганизованные сообщества.

– Никто не скажет, что FN23 страдает низким уровнем организации, – заметила девушка.

– Пожалуй, – согласился Орк.

– Получается, ты не крыса, а – охотник на крыс.

– Но я тоже прячусь.

– Временно скрываешься.

– Спорить не буду.

Приняв решение атаковать бандитов, они начали действовать без промедления: вышли из роботакси, поскольку Орк сказал, что нужно остаться в Бруклине, и через пятнадцать минут пересели в вызванный Эрной фургон – черную цельнометаллическую машину, экранированную и отвечающую на запрос кодом GS.

– Через четыре часа фургон должен вернуться в гараж без повреждений, – предупредила Мегера, и Орк пообещал, что будет именно так.

Затем они отправились к тайнику. Под землю девушка не пошла, сидела в машине, пока Бен, кряхтя, вытаскивал из подвала выбранное снаряжение, а потом, когда он показал, что принес,

присвистнула и с уважением подняла большой палец.

– Приятно иметь дело с человеком, который способен ограбить армию.

– Это за то, что они зажали полную пенсию.

– А если серьезно?

– А если серьезно, то я, похоже, подсознательно догадывался, что suMpa заведет наш мир в кровавую кашу, и подготовился. – Он улыбнулся. – Ты когда-нибудь управлялась с боевыми дронами?

– Милый, я отключала стоящие на дежурстве ядерные ракеты, – хмыкнула Эрна. – И с твоими игрушками управлюсь.

– Ты будешь убивать людей, – вдруг сказал Орк, потому что знал, что это важно и об этом обязательно нужно предупредить. Просто для того, чтобы в нужный момент Эрна не усомнилась и не задержалась с ударом.

Орк сказал, но в следующий миг понял, что Мегера была готова к операции лучше, чем он думал.

– Я буду убивать не людей, а зверей, – спокойно ответила девушка. – Чтобы помочь тебе спасти тех, кого мы еще можем спасти. – Выдержала короткую паузу и продолжила: – Но план очень опасен.

Потому что они придумали его на коленке и надеялись исключительно на эффект внезапности.

– Когда мне было восемь лет, отец научил меня пользоваться ружьем и взял на охоту, – рассказал Орк, надевая «глухарь», но не захлопывая забрало. – Я пятнадцать лет служил в армии, был в оккупационных зонах и проводил секретные операции по всему миру. Но я никогда не шел убивать с таким желанием, как сейчас. Возможно, наш план рискован, но я не отступлю.

– Только не воображай себя Бэтменом, – вздохнула Мегера. Она остановила фургон, поскольку до ангаров FN23 было совсем чуть-чуть, и ласково провела рукой по щеке мужчины. – Я не хочу рыдать на твоей могиле.

– Скажи что-нибудь на дорожку, – попросил Орк.

– Иди и убей их всех.

Он улыбнулся и поцеловал свою женщину в губы.

///

Подавляющее преимущество бандитов оставляло Бенджамину только один вариант проведения операции: стремительный и кровавый рейд, главной целью которого было привлечь внимание GS к ангарам и проложить им дорогу. Другой возможности спасти детей у них не было, а этой еще следовало воспользоваться.

И чтобы получилось, Орк задействовал едва ли не весь арсенал.

– Начинаем, – громко произнесла Мегера, и дроны открыли огонь по летающим защитникам склада.

Одновременно на ворота спикировали камикадзе и заработали машины РЭБ, не позволяя бандитам вызвать помощь или поднять в воздух резервные беспилотники. И поскольку надежды на местных жителей и местную полицию было мало, Мегера сгенерировала сообщение на сайт GS и снабдила его пометкой «Срочно!».

– Восемьдесят секунд!

Орк ворвался на склады единственной известной ему дорогой – через разгромленные дронами-камикадзе ворота, мимо трупов охранников, прямо на толпившихся во дворе телохранителей. Но ворвался не напролом, а расчетливо, хоть и быстро. Взорвал из подствольного гранатомета две дорогущие машины – они перегородили выезд остальным, – укрылся за бетонным блоком и вел прицельный огонь до тех пор, пока завоевавшие господство в воздухе дроны не ударили по уголовникам сверху.

– Пятьдесят секунд!

Оставшиеся в живых бандиты принялись разбегаться, и Орк броском добрался до ангара, длинной очередью уложил тех, кто собирался из него выскочить, спрятался за горящим «Феррари». А когда посланный Мегерой дрон взорвал двери, ворвался внутрь и без колебаний открыл огонь по гостям «аукционного дома», некоторые из которых настолько верили в свою неуязвимость, что даже не покинули кресла.

Они думали, что склад атаковала полиция.

Они думали, что их арестуют.

Но закон не спешил в ангары FN23, и бандиты оказались один на один с тем, кто потерял в него веру.

Ворвавшись внутрь, Бен перестал укрываться и прятаться, он медленно пошел от разнесенных дверей к подиуму и аккуратно, с убийственной точностью косил из «зунды» всех, кто оказывался на пути. Справа и слева; опытных, молодых и совсем юных, только принятых в банду; сопротивляющихся и желающих сдаться; главарей и «шестерок»; напуганных и впавших в панику. Расстреливал в упор, без жалости, представляя собой прекрасную мишень, однако Эрна внимательно следила за тем, чтобы ее мужчина не пострадал, и боевые дроны надежно прикрывали Орка, открывая огонь в ответ на любое движение.

– Двадцать пять секунд!

«Аукционный дом» вырезан. В загонах плачут перепуганные дети, но они живы и не проданы. И ими, возможно, всерьез займутся государственные службы.

– Милый, у нас заканчивается аренда машины.

– Да, дорогая.

– У главных ворот.

– Я помню.

Рейд рассчитан с точностью до секунды. Небольшой запас есть, но тратить его Орк не собирается: бежит из ангара и запрыгивает в притормозивший фургон. Машина срывается с места, и дроны друг за другом залетают в открытую заднюю дверь. Эрна вывела на внутренний монитор новостную ленту, и они знают, что происходит вокруг: разгромленный складской комплекс окружают дроны GS, через тридцать секунд подлетит вертолет, а через четыре приблизительно минуты явится оперативная группа. К месту перестрелки уже приехали полицейские, но их не допускают. И разумеется, первой в ангар залетела съемочная машина «FakeNews Corp.». Бобби мельком показал зрителям мертвых бандитов и сосредоточился на запертых в клетках детях, рассказывая о процветающей в центре Нью-Йорка работорговле.

– Зачем ты его позвала? – бормочет Бен.

– Он бы обиделся, скрой мы от него такой скандал.

– Пожалуй.

Дождавшись последнего дрона, Орсон закрывает фургон, сбрасывает сбрую, шлем, садится рядом с девушкой и негромко говорит:

– Спасибо.

Она знает, что он имеет в виду, улыбается и спрашивает:

– Тебе все еще хочется убивать?

– Нет, – поразмыслив, отвечает Орк. – Отпустило.

– Значит, это был не рецидив suMpa, – шутит Мегера. – А естественная реакция нормального человека.

– И ты больше меня не боишься?

– Я никогда тебя не боялась, Орк, – очень серьезно произносит Эрна, продолжая смотреть на дорогу. – Я знаю, что ты скорее умрешь, чем причинишь мне вред.

Он нежно прикасается пальцем к ее руке и молча кивает.

Она знает, что права.

Он знает, что умрет.

#orcVideo12

– Меня зовут Бенджамин «Орк» Орсон, и я такой же, как вы: я родился, был ребенком, юношей, стал взрослым, потерял все, что у меня было, и сегодня хочу вспомнить своих родителей. Людей, которые подарили мне жизнь и благодаря которым я сейчас стою перед объективом. Я хочу вспомнить их вместе с вами… Моего отца звали Джордж, потому что в нашей семье было принято называть мальчиков в честь выдающихся президентов, и чтобы

традиция не нарушилась, мы не голосовали за старуху Хиллари – какому пацану понравится, если его назовут столь идиотским именем? – Орк выдержал паузу, задумчиво глядя в камеру и поигрывая пожелтевшей фотографией в старой деревянной рамочке, и неожиданно сменил тему: – Мне повезло: мои старики умерли несколько лет назад… – Вновь умолк, мастерски изобразив удивление, и спросил: – Чувствуете, насколько по-идиотски прозвучала фраза? Вас она тоже покоробила? Вы поморщились, услышав эти гадкие слова? И правильно сделали, ведь мы – люди. Все мы – нормальные люди, которые желают своим родителям только добра, но когда я смотрю на происходящее, проклятые слова сами срываются с губ, – Орк вновь обратился к фото в старомодной рамочке. – Мне повезло, что мои старики умерли. Повезло, что у меня никого не осталось: ни родителей, ни других близких родственников, повезло, что две тетки тоже умерли, повезло, потому что я не знаю, что чувствуют люди, у которых они остались. Я не хочу этого знать, орки, потому что сейчас мы с ними воюем. Наш естественный страх перед олдбагами обратился в ненависть, а ненависть убивает. Мы лишаем себя тех, от кого пошли, и остаемся один на один с миром, который четко знает, когда мы станем ненужными. – Орк поставил фото на столик, уселся в кресло и свел перед собой пальцы, став похожим на школьного учителя. – Вы задумывались об этом, орки? Вы понимаете, что вам отмерили срок? Наши старики жили столько, сколько удавалось, а у нас отняли время, ничего не предложив взамен. Я знаю, что Первая Вспышка удесятерила ваш страх, орки, но многие из вас преследуют олдбагов не потому, что боятся, а желая захватить их недвижимость или занять рабочие места. Вы рвете олдбагов на части, надеясь, что, когда сами войдете в возраст suMpa, WHO уже разработает вакцину, и вы ничего не потеряете, только приобретете. Многие из вас пошли на сделку с совестью, потому что думали, что совесть в новом мире не потребуется, но это не так. Без совести вы стадо, орки, вы всего лишь животные, умеющие разговаривать и выбирать компьютерные игры по вкусу, и пастухи четко знают, когда настанет время вести вас на бойню. – Орк улыбнулся и очень, очень нежно прикоснулся к фото. Словно к людям, живым. Словно надеясь почувствовать кончиками пальцев тепло человеческого тела. Словно не понимая, что тех, кто смотрит на него со старого фото, больше нет. – У вас отняли время, орки, отняли прошлое, но я надеюсь, что кто-то из вас проснется и осознает царящий вокруг ужас. Я хочу, чтобы ярость пробудившихся очистила мир от грязи. Я хочу, чтобы ярость пробудившихся стала ответом на проклятие, которое

пастухи наслали на стадо. – Орк положил фото на стол и резко посмотрел в камеру: – Я хочу, чтобы ярость пробудившихся обратилась в священный джихад против тех, кто отнял у вас время, орки. Пастухи устроили вам бойню, и только смерть станет им достойной наградой!

Эвакуационная зона «Техас Хилл» США, Техас июль 2029

– За последние сутки на планете зафиксировано больше трех тысяч подтвержденных случаев появления Алых, и их число продолжает расти, – сообщил диктор. – Однако наблюдатели отмечают, что Алые, в отличие от взорвавшихся олдбагов, не испытывают патологического желания убивать. Многие из них предпочитают бежать, за оружие берутся в крайних случаях, и постоянно предлагают договориться, уверяя, что, несмотря на внешнее преображение, в душе остались обычными людьми. И об этом аспекте поведения Алых мы хотим поговорить с нашим уважаемым экспертом, всемирно известным психиатром доктором Морганом Каплан.

Чем ближе они приближались к Техас Хилл, тем хуже работала ar/G. Нэш объяснил, что это связано с помехами, которые защитники эвакуационной зоны ставят вокруг периметра, и потому программу слушали в режиме «только аудио». Но слушали очень внимательно.

– Скажите, доктор, чем можно объяснить столь радикальное изменение в поведении взорвавшихся олдбагов? – поинтересовался диктор. И добавил: – Если, конечно, мы станем рассматривать Алых именно как взорвавшихся олдбагов.

– Пока у нас нет оснований считать их кем-то другим, – уверенно ответил Морган. – Вирус, судя по всему, подвергся мутации и теперь в первую очередь поражает тела олдбагов, превращая их в чудовищ. Я не знаю, обратим ли процесс, но хочу напомнить, что все взорвавшиеся олдбаги рано или поздно начинали убивать.

– И Алые не станут исключением?

– Я очень боюсь, что Алые не станут исключением, – подтвердил доктор Каплан. – Но ни в коем случае не хочу забегать вперед и говорить, что Алые – такие же сумасшедшие, как взорвавшиеся олдбаги. Давайте накопим статистику. В конце концов, прежний вирус suMpa никуда не делся.

– То есть взрывающиеся олдбаги не исчезнут? – растерялся диктор. – Просто одни станут нас убивать, а другие – обращаться в Алых тварей?

– Это один из вариантов развития событий, – с печалью согласился Морган. – Человечество столкнулось с самым страшным вирусом в истории, с организмом, занесенным к нам из

космоса. Нужно признать, что пока мы не в состоянии разгадать его тайну, а значит, красные цифры над головами олдбагов еще долго будут обозначать опасность…

– Дерьмо, – резюмировал Нэш, переключая коммуникатор внедорожника на другой канал.

Спорить с ним никто не стал.

К зоне эвакуации Рейган и ее спутники подъехали затемно и потому не смогли сполна насладиться видом боевых дронов, обеспечивающих прикрытие с воздуха. Ночные огни дроны не включали, их двигатели почти не шумели, поэтому в темноте территория казалась мирной и пасторальной, безопасной не потому, что ее защищали, а потому, что никому не придет в голову ее атаковать.

По ночам обширный Техас Хилл ненадолго превращался в осколок тихого прошлого, словно перепрыгивая в него на фантастической машине времени. Однако даже в темноте он казался таковым исключительно издали, и стоило приблизиться, как выяснялось, что освещенные участки дороги знаменовали собой не мирные бензоколонки, а укрепленные блокпосты, и грозные надписи предупреждали, что по нарушителям открывают огонь без предупреждения.

– Охрану несут национальные гвардейцы, у большинства в Техас Хилл живут родители, поэтому шутить они не будут, – рассказал Нэш, когда они проехали первый пост.

– А ваши родители?

– Мои умерли, – ответил агент. – Но родители жены – здесь.

– Потому что безопасно?

– Нет, потому что они всю жизнь прожили в Техас Хилл, – рассмеялся Нэш, довольный тем, что сумел поддеть «столичную штучку». – Моя Нэнси – из этих краев.

– А она…

– Тоже здесь, вместе с детьми, – спокойно ответил агент. – Многие парни перевезли сюда семьи.

Это было настолько неожиданно, что Рейган не удержалась от вопроса:

– Не страшно?

В следующий миг смутилась, сообразив, что вопрос мог обидеть Нэша, учитывая, что в эвакуационной зоне находятся родители его жены, однако ответил южанин спокойно:

– Мы полностью контролируем Техас Хилл и часть прилегающих районов, здесь работают Национальная гвардия, рейнджеры, полиция, шерифы, мы и даже военные. – Видимо, вопрос ему задавали не в первый раз, и Нэш давно перестал реагировать на обидный подтекст. – Мы гарантируем нашим

старикам безопасность, поэтому они согласились не носить оружие. Но знаете что, агент? С тех пор, как мы отгородились, спрятали здесь своих и не пускаем чужаков, у нас не было ни одного случая suMpa. Представляете? Ни одного. Наверное, это случайность.

– Я тоже так думаю, – выдавила из себя красноволосая и тут же спросила: – Нападали?

– Через день после Первой Вспышки с полсотни «быков» попытались войти в Техас Хилл с севера.

– И что?

– На севере и остались, – жестко закончил Нэш. – Мы шутить не собираемся.

– Это я поняла.

– Главное, что они поняли.

Водитель и оператор дружно хмыкнули.

– Я рада, что у вас получается.

Они прошли второй блокпост и теперь мчались по неосвещенному шоссе к ближайшему городку – цели путешествия, и Рейган обратила внимание на то, что, оказавшись внутри Техас Хилл, агенты заметно расслабились: оператор отключил пулемет, водитель опустил бронестекло, и в салон проник прохладный летний воздух, а Нэш убрал «зунду», которую до сих пор держал между ног.

Они были на своей земле.

– Техас Хилл стал безопасным благодаря одному старому шерифу. Представляете, агент Рейган, какой-то старый шериф первым сообразил, чем все закончится. – Нэш покрутил головой, показывая, что до сих пор удивляется проявленной проницательности. – Когда стало ясно, что suMpa идет по миру, шериф пришел ко мне и сказал, что все закончится концлагерями. Я посмеялся, но он сказал, что много читал… старый хрыч, оказывается, умел читать… Так вот, он сказал, что много читал о том, как все развивалось в Германии, когда немцы выбрали канцлером Гитлера. Там тоже сначала все шло нормально, а потом начали строить лагеря для тех, кого сочли неправильными. Шериф сказал, что если WHO не отыщет вакцину, неправильными назовут всех, кто может взорваться, – всех олдбагов. И мы начали готовиться.

– Как звали умника?

– Шериф Рейган, – мягко, но с едва заметным укором ответил техасец. – Он умер полгода назад.

– Я… знаю, – очень-очень тихо сказала красноволосая и отвернулась.

Некоторое время все молчали, как поняла Рейган – из

уважения к ее отцу, а затем Нэш продолжил:

– Одним из символов цивилизации всегда были города, – произнес он, глядя на бегущую в свете фар дорогу. – Долгое время они тянули цивилизацию вперед, поскольку именно в городах развивались наука, промышленность, торговля… но теперь все изменилось. Современные производства это или роботизированные фабрики, или обслуживающие небольшие районы мануфактуры, которые не требуют большого количества людей, а значит, больших поселений. Вы следите за моей мыслью, агент?

– И очень внимательно, – кивнула Рейган, которая совершенно не ожидала глубоких размышлений от назначенного ей в сопровождение агента GS. Даже не специального, а просто – агента.

– Думаю, если WHO не отыщет вакцину, мир переформатируют, и его основу составят зоны, подобные той, что мы выстраиваем в Техас Хилл: безопасные территории, населенные доверяющими друг другу людьми.

– Феоды?

– Кластеры, – усмехнулся Нэш. – Мне кажется, уместно использовать современные понятия. И еще мне кажется… но в этом я, надеюсь, фантазирую… так вот, еще мне иногда кажется, что города сознательно делают опасными для жизни. Как будто принято решение избавить мир от этого пережитка.

– Людей слишком много, – тут же среагировала Рейган. – А благословенных уголков, подобных Техас Хилл, очень мало. Так что города никуда не денутся.

– Знаете сколько людей погибли во время Первой Вспышки? – спросил Нэш.

– В Нью-Йорке?

– За четыре дня в стране, по самым скромным подсчетам, погибли около трех миллионов человек. Цифра колоссальная, и большую часть убитых составляют не жертвы атак взорвавшихся олдбагов, а те, кого уничтожили в последующих погромах.

– Откуда вы знаете? – прошептала ошарашенная девушка.

– Мы с вами служим в GS, агент Рейган, просто я умею заводить нужных друзей и благодаря им получаю полную информацию.

Это Техас, детка, его обитатели кажутся недалекими фермерами, молчаливыми ковбоями, которых интересуют только стейки, но в действительности они просто не любят быть на виду.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Потому что у меня есть ощущение, что вы не вернетесь в Нью-Йорк, агент Рейган, – добродушно ответил Нэш. – А

ощущения редко меня подводят.

Красноволосая промолчала.

– Города обезличены, каждый район – как другая страна, а иногда – другой континент, в городах легко найти тех, кто проведет жесткую эвакуацию олдбагов, а еще в городах нет недостатка в тех, кто не задумываясь уничтожит олдбагов из другого района. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Города делают опасными, вы уже говорили, – неохотно отозвалась Рейган.

– Города изначально опасны, лишены тех связей, которые вы видите здесь и которые вы чувствуете здесь, агент. И несмотря на то что в городах живет подавляющее большинство наших сограждан, именно они станут первой целью – потому что хрупки. И только потом примутся за нас.

– Почему? – дернула головой красноволосая.

– Потому что мы показали свою силу, агент Рейган, – объяснил Нэш. – Мы показали, что можем эффективно защищаться, и этого нам не простят.

– Кто не простит?

– Тот, кто нацелился на абсолютную власть.

– Не сомневалась, что рано или поздно мы подойдем к теории всемирного заговора, – попыталась прекратить разговор красноволосая, но у нее не получилось: если техасец решил о чем-то поговорить, он об этом поговорит. Даже если собеседник будет против.

– Что вы знаете об Орке, агент Рейган? – осведомился Нэш.

– Почему вы у меня спрашиваете?

– Потому что вы за ним охотились.

– У вас действительно много друзей, – грубовато отозвалась красноволосая, размышляя над тем, что Нэш уже наговорил на федеральное обвинение в неблагонадежности и не собирается останавливаться.

– Мы замаскировали свой интерес под хакерскую атаку, – честно рассказал южанин. – Взломали базу данных Хьюстонского филиала GS, но обнаружили в ней только ту ерунду, которую скармливают публике.

– Это не ерунда.

– Тем не менее хотелось бы знать больше, – размеренно произнес Нэш. – Орк действительно тот, кто говорит? Это полковник Орсон, офицер Сил специального назначения?

– Да.

– И он действительно излечился от suMpa?

– Я не знаю, – честно ответила красноволосая. – Но я видела записи, на которых глаза полковника Орсона заливала ртуть

мерцающая, и я видела записи, на которых он снова чист. И те, и другие записи вызывают полное доверие.

– Как это возможно?

– Не знаю.

– Ваше мнение?

– У меня его нет.

– Или вы не хотите его озвучивать. Скажите, агент Рейган, что вас пугает? Почему вы боитесь сделать вывод, который напрашивается? Потому что в этом случае привычный мир рухнет?

– Разве этого мало?

– Разве он уже не рухнул? – повысил голос Нэш. – Оглянитесь, агент Рейган: мы находимся в центре резервации, которую создали для своих родителей и которую будем защищать до последнего вздоха. Мы отдали свои дома чужакам и позволяем себе расслабиться лишь в окружении тех, кому доверяем. В комнатах моих сыновей лежит оружие. Если поднимется тревога, средний идет защищать младших сестер, а старший ищет меня и ждет моих приказов. Если меня нет дома – старший становится главным. Так мы сейчас живем, агент Рейган. А теперь ответьте: вы действительно считаете, что наш мир прочен, как никогда раньше?

– Я еще не готова, – тихо сказала красноволосая. – Я… я не могу вам ничего рассказать.

Но мысленно Рейган согласилась с южанином: от ее рассказа ничего не изменится и мир не провалится в ад.

Потому что он уже в аду.

///

Больше они в тот вечер не говорили.

Нэш не называл водителю адрес, из чего Рейган сделала вывод, что все они: и Нэш, и водитель, и, наверное, оператор, прекрасно знали, куда ей надо. Знали с самого начала, что поедут в Техас Хилл, а возможно, знали еще до того, как она приземлилась в Хьюстоне. Это Техас, детка, здесь не лезут в чужие дела, но все о них знают.

Добро пожаловать на родину.

Когда внедорожник остановился у трехэтажного многоквартирного дома, красноволосая негромко спросила:

– Где?

Услышала в ответ:

– Вас ждут.

Кивнула и вышла из машины.

– Мы переночуем здесь, а завтра я позвоню, – сказал на прощанье Нэш. – Часиков в шесть.

– Почему в шесть?

– Мы здесь встаем рано, агент Рейган, чтобы успеть как можно больше.

На том и расстались. Внедорожник неспешно поехал вверх по улице, красноволосая побрела к дому, раздумывая, где именно ее ждут, и почти сразу услышала:

– Джейн! – Повернулась и увидела сидящую на лавочке маму. Подошла, с трудом сохраняя спокойствие, и остановилась в паре шагов.

– Привет.

– Я рада, что ты приехала.

– Я… я тоже… – Рейган поняла, что не репетировала встречу, обругала себя, улыбнулась и глупо спросила: – Как ты?

Впрочем, почему глупо?

– Еще хожу, – мягко ответила мама.

Она, конечно же, постарела, появились новые морщины, поредели волосы и высохли руки. Но она по-прежнему была леди и подготовилась к приезду дочери: нанесла макияж, надела красивое платье, тончайшие белые перчатки, шляпку и туфли. Можно подумать, они встретились не во дворе скромного дома, расположенного в эвакуационной зоне для олдбагов, а в кафе Оперы. Хотя… вряд ли в Оперу пустили бы наряженную в штаны карго, футболку и тактические башмаки Рейган. Да еще с баулом.

– Ты здесь по делам?

Красноволосая хотела солгать, но не решилась и, стесняясь, ответила:

– Приехала специально.

– Я рада, – церемонно склонила голову старушка. Странно, раньше Рейган бесилась от чрезмерной воспитанности матери, а сейчас знакомый жест вызвал не раздражение, а нежность. – Присядь, пожалуйста.

– Сейчас… – Красноволосая бросила сумку на землю, постояла, а затем, решившись, произнесла: – Прости меня.

– Нет, ты прости меня, нас, – вздохнула мама. – Мы с отцом должны были повести себя иначе.

– Я не должна была вываливать на вас все это, – выпалила Рейган. – Я должна была пощадить ваши чувства. И уж тем более я не должна была заканчивать тот разговор так, как он закончился.

– Мы все наделали ошибок, Джейн. Теперь ты присядешь?

– Теперь – да, – Рейган опустилась на лавочку. Посидела, чувствуя неловкость, а затем вдруг подалась и крепко обняла маму. – Я соскучилась. Боже, как сильно я соскучилась!

И расплакалась. Не стесняясь и не стыдясь.

– Я тоже, дорогая, – ласково ответила старушка, гладя дочь по спине. – И дня не проходило, чтобы я о тебе не думала.

– Мама, прости меня, прости, пожалуйста. – Голос красноволосой срывался. – Пожалуйста!

– Сейчас я счастлива, Джейн, ты сделала меня счастливой.

– Я так виновата перед тобой.

– Не думай об этом.

– Перед тобой и папой, я… – Рейган отстранилась и посмотрела матери в глаза: – Я была на его похоронах, ма, я приезжала, но не подошла, не смогла.

– Я тебя видела, – улыбнулась старушка.

– Правда? – по-детски спросила красноволосая.

– Правда.

Рейган шмыгнула носом.

– Если ты уезжаешь не слишком рано, можем завтра съездить на кладбище, – тихо сказала старушка.

– Я не уезжаю, – ответила Джейн, крепко прижимаясь к матери. – Завтра я попрошу о переводе в Хьюстон. Думаю, мне не откажут.

Рейган вернулась домой.

* * *

США, Сан-Франциско июль 2029

– Ты кричал во сне.

– Громко?

– Да.

– Разбудил тебя?

– Да.

– Извини, – Орк перевернулся на спину и уставился вверх. В темноту, потому что свет включать не стал, даже слабенький ночник у кровати не тронул. Лежал, подложив под голову руку, и смотрел, угадывая во тьме линии потолка.

– Приснился страшный сон? – спросила Мегера, нежно гладя Бена по груди.

Он хотел отмолчаться, даже не отшутиться, а промолчать, но неожиданно ответил:

– Мне давно ничего не снится.

И это заявление не вызвало у девушки удивления. Как будто она знала, каково это – когда ничего не снится, как будто понимала, что ее мужчина именно так ответит. Эрна кивнула, положила голову на грудь Орка и спросила:

– Тогда почему ты кричал?

– Возможно, потому что мне ничего не снится, – задумчиво ответил Бен, перебирая густые волосы любимой. – Я проваливаюсь в ночь, как в темное желе, и растворяюсь в ней. Я

не знаю, что кричу, потому что мне совсем не страшно. Я не боюсь темного желе, меня там просто нет. Я исчезаю, – еще одна короткая пауза. – Ночи поглощают меня, а потом возвращают отдохнувшим и полным сил, словно батарейку с перезарядки.

– Если не страшно, то почему ты кричишь?

– Возможно, хочу попрощаться, – ответил Бен и увидел в глазах Эрны неподдельный страх.

– Нет, не надо прощаться, – прошептала девушка, подняв голову и посмотрев своему мужчине в глаза. – Я не хочу тебя терять… я не могу тебя потерять, поэтому, пожалуйста, никогда больше не говори, что ты прощаешься, ведь я… – Мегера всхлипнула. – Я, наверное, умру, если потеряю тебя.

И Орк понял, что услышал признание в любви.

///

Сегодня это был Сан-Франциско. Не квартира, а отель средней руки. А за несколько часов до отеля – аэропорт JFK, разделенный на сектора для людей и олдбагов, и самолет, в котором не светилось ни одной красной цифры, о чем с гордостью сообщил пассажирам командир экипажа:

– Уважаемые господа, наша компания гарантирует высочайший уровень комфорта и безопасности. Напомню, что именно «Sky Star» первой ввела в расписание «рейсы suMpa», в которых и пассажиры, и члены экипажа являются олдбагами, и в случае инцидента на борту ни один человек не пострадает.

Слова «ни один человек не пострадает» резанули Орка. Он поморщился, наклонился к Эрне и негромко произнес:

– Мир, построенный молодыми, красив только издали.

Мегера сразу поняла, что имеет в виду Бен, вздохнула и ответила:

– Мир страшен сейчас, пока ломают старое, пока решают, что делать с олдбагами.

– Олдбаги будут всегда, – не согласился Орсон. – Они генерируются естественным образом.

– Сейчас олдбагов очень много, что с ними делать, никто не знает, и мир пробует разные ходы, в том числе – страшные, – продолжила Эрна, недовольная тем, что была перебита. – Кто-то их жалеет, кто-то презирает, кто-то ненавидит, но все боятся, и, к сожалению, именно чувство страха станет определяющим в выборе окончательного решения вопроса. Но окончательное решение будет принято и применено ко всем олдбагам планеты, после чего их прирост будет определяться естественным образом. Только после этого возникнет новый мир: молодости, красоты и задора.

И было непонятно, говорит Мегера всерьез или с иронией.

– Мир без опыта и мастерства, – вновь перебил девушку Орк. – А самое главное – без мудрости.

Заявление вызвало саркастический ответ:

– Что бы ты там ни воображал с высоты своего возраста, далеко не все тридцатилетние – идиоты.

Однако Бен на шутку не повелся.

– За тысячи лет эволюции люди привыкли жить по определенным правилам: сопливые дети становятся юношами, молодые сменяют зрелых, зрелые превращаются в стариков. Это не уклад, это алгоритм существования, прописанный самой природой в нашем корневом каталоге, и сейчас он меняется, причем не естественно и постепенно, а резко и грубо, под действием жестких внешних факторов. Раньше происходила естественная смена поколений и одновременно – передача опыта и знаний, и того, что мы называем мудростью. Кроме того, в традиционном алгоритме работают первичные механизмы безопасности, когда старшие защищают младших, еще неумелых: силой, деньгами, опытом – всем, что потребуется и что они могут дать. А вчера мы с тобой видели, что происходит, когда эти механизмы ломаются: родителей изолировали, до детей никому нет дела, и они мгновенно превратились в товар.

– Это издержки становления, – хмуро произнесла Эрна, понимая правоту Орка. – Люди не идиоты и выработают новые правила и законы.

– Создадут новый мир.

– Мир молодости и задора.

– Очень быстрый мир, в котором гражданская смерть наступает в сорок два года.

Показалось, что фраза стала приговором новому миру, однако Эрна быстро нашлась с ответом:

– Раньше у людей физическая смерть наступала примерно в этом же возрасте, и ничего, выжили.

– Выжили, – согласился Бен. – Однако выдающиеся открытия начали совершать в XIX веке, когда средняя продолжительность жизни изрядно подросла.

– Это спорное утверждение, – мгновенно парировала девушка. – Паровую машину изобрели намного раньше.

– Однако весь XIX век буквально взрывался идеями, теориями и открытиями, к его концу было создано практически все, чем мы пользуемся до сих пор.

– Ты имеешь в виду тот громоздкий настенный короб с раструбом для говорения и раструбом для слушания, который я видела в музее? – невинно поинтересовалась Мегера.

– Настенный короб показал, что принцип работает, –

улыбнулся Орк. – Дальше началось усовершенствование.

– Давай сойдемся на том, что к XIX веку человечество накопило такой запас знаний и опыта, что его хватило для совершения выдающегося рывка, – предложила девушка.

– Живи люди дольше, накопили бы запас знаний и опыта намного быстрее.

– Спорно.

– Для меня – очевидно.

– Ладно, допустим. – Эрна помолчала. – Хочешь сказать, что в новом молодом мире прогресс замедлится?

– Обязательно замедлится, – убежденно ответил Орк. – Видимо, кто-то счел нынешний уровень развития достаточным.

– Для чего достаточным? – не поняла девушка.

– Для комфортной жизни в условиях остановившегося прогресса, – объяснил Бен. – Но не следует забывать о набранной инерции: некоторое время цивилизация продолжит развитие, но рано или поздно мы обязательно застрянем на каком-то полустанке.

– Допустим, я соглашусь и с этим, – поразмыслив, произнесла Мегера. – Но неужели эти неизвестные «кто-то» не понимают, куда ведут человечество?

– Уверен, понимают.

– Неужели они не понимают, что развитая наука и технологии – это единственное, что отделяет нас от голода… как минимум – от голода?

– Уверен, понимают.

– Тогда в чем смысл?

– Смысл в том, что быстрый мир расходует намного меньше ресурсов.

– Ресурсов потребуется столько же, – парировала Мегера. – Гражданская смерть не равна физической, олдбаги не исчезают, их просто отделяют от обычных людей и перевозят…

– В гетто?

– Не важно, как это называется, – после короткой паузы ответила Эрна.

Однако слово ее покоробило.

– Олдбагов уже сейчас убивают, – напомнил Бен. – Несмотря на усилия властей, погромы следуют один за другим. В Штатах этот процесс удается сдерживать, но посмотри, что творится в Европе.

– Они боятся, – угрюмо сказала девушка. – Когда новые законы начнут действовать, все успокоится.

– Любой олдбаг в любой момент может стать suMpa, – жестко произнес Орк. – Об этом знают обычные люди, об этом знают

полицейские. Поэтому олдбагов продолжат убивать, а полиция будет расследовать их убийства без энтузиазма. Очень скоро олдбаги осознают свое положение и начнут защищаться.

– Уже начали.

– Это ерунда, потому что если WHO не отыщет вакцину в ближайшие две-три недели, и за это время – не дай бог – случится Вторая Вспышка, на планете начнется настоящая бойня. Хотя… – он сделал вид, что задумался, – возможно именно этого они и добиваются. В конце концов, для чего-то же они обрушили прежний мир.

– Тебя смутил возникший после Первой Вспышки хаос.

– Если хаос тщательно продуман и просчитан, это не хаос, а система.

– Хочешь сказать, что все вокруг – результат заговора?

Орк повернулся, несколько секунд внимательно смотрел Мегере в глаза и негромко спросил:

– А чем мы с тобой занимаемся?

* * *

Статен-Айленд США, Нью-Йорк июль 2029

В последнее время военные машины превратились в естественную часть привычного пейзажа, поэтому майор Шелдон, позывной Дакота, приехал в боро не скрываясь и не маскируясь, на высоком бронированном внедорожнике: не потому что хотел пофорсить и не только в целях безопасности – внедорожник Сил специального назначения был напичкан необходимой Дакоте аппаратурой, с помощью которой оператор Хаббл провел разведку Статен-Айленда. На сам остров не поехали, остановились на блокпосту Национальной гвардии, и пока Шелдон здоровался и общался с коллегами, Хаббл запустил два десятка разведывательных дронов, подключился к спутнику, залез в Сеть и к возвращению майора был готов дать взвешенный ответ на вопрос майора.

– Все действительно так плохо, как они говорят? – осведомился Дакота, стоя рядом с плечистым капитаном гвардии.

– Все намного хуже, – улыбнулся Хаббл. – Подключитесь к моей системе?

– Нет, посмотрю на коммуникаторе, – решил Шелдон, который, как и Орк, не любил использовать напыленный на глаза наноэкран.

– Тогда вот, – оператор вывел на монитор данные. – Времени было немного, поэтому дроны изучили два многоквартирных дома в разных частях боро. В сумме получилось около двух тысяч человек, зафиксировано сто пятьдесят Алых.

– Не так много, – подумав, произнес Дакота.

– Огромное количество, – не согласился Хаббл.

Гвардеец промолчал, но было видно, что он согласен с оператором.

– Сто пятьдесят человек на две тысячи – это очень много, учитывая, что мы в самом начале эпидемии, – тихо продолжил Хаббл. – Прибавь тех, которые прячутся в outG, прибавь тех, которые взорвались, пока мы разговаривали… Это не обычная эпидемия, больные не умирают и не выздоравливают, они накапливаются, а учитывая, что Статен-Айленд отдан олдбагам… – Оператор покачал головой. – Я подтверждаю опасения наших коллег из Национальной гвардии и даю прогноз на ухудшение ситуации.

– Здесь будет бойня, – добавил капитан.

– Или мы просто не будем их трогать, – вдруг сказал Дакота. – Пусть живут, как хотят.

– Алых боятся.

– Нужно дать людям время привыкнуть к ним, – убежденно произнес Шелдон.

– Я надеюсь, – обронил гвардеец. – Но вы, майор, изучите местность: если начнется бойня, правительство отправит вас на помощь.

– Армию нельзя использовать внутри страны.

– Если мы не справимся – страна рассыплется, – горько усмехнулся капитан. – Это же очевидно.

И они вновь посмотрели на бесчисленные дома, отданные олдбагам дома, за стенами которых назревал Алый нарыв.

* * *

Федеральная башня «Бендер» США, Нью-Йорк июль 2029

Новое положение Карифы – первого заместителя директора GS давало ей постоянный, а не временный кабинет на «директорском» этаже «Бендера» и возможность приказывать всем сотрудникам, в должности которых не значилось слово «заместитель» и уже тем более – «первый». Но Карифа не собиралась злоупотреблять властью и очень важное для себя совещание собрала с соблюдением всех положенных норм вежливости: лично связалась с участниками, уточнила, когда у них будет свободное время, и пригласила к себе. В кабинет, надежно экранированный от всепроникающей ar/G.

Встреча была очень важной, что подчеркивалось минимальным числом приглашенных: Карифа позвала только Руперта Карсона, начальника Оперативного отдела GS, и Сильвию Родригес, руководящую Отделом внутренних расследований. То есть тех, кого стала курировать по распоряжению Митчелла.

А точнее – Арчера.

– Господа, прошу, рассаживайтесь, – Амин указала на три кресла в дальнем конце кабинета. – Не хочу превращать нашу первую встречу в официальную.

– То есть мы просто познакомимся? – подняла брови Родригес.

Она, в отличие от Карсона, до сих пор не встречалась с Амин и держалась несколько настороженно.

– Нет, Сильвия, мы в том числе познакомимся, – спокойно произнес Руперт. – Карифа несколько смущена тем, что обскакала нас с тобой по карьерной лестнице, но в жизни бывает всякое.

Амин решила промолчать.

Родригес несколько секунд смотрела на Карсона, окончательно убеждаясь, что с новым заместителем директора можно вести себя свободно, после чего обронила:

– Карифа, не смущайся, ты нас не обошла. A2 обещал мне другую награду, не связанную с GS, поскольку служба мне изрядно надоела.

И тем показала, что готова играть открыто.

– Полагаю, первому заместителю Амин прекрасно известны наши обстоятельства, – рассмеялся Карсон. Он вел себя намного свободнее Родригес, подчеркивая, что полностью доверяет Карифе.

– Все так, – подтвердила Амин. – Руперт абсолютно прав: я действительно немного смущена, но только тем, что всего пару дней назад была вашим подчиненным, а теперь отдаю приказы.

– Это смущение быстро пройдет, – пообещала Родригес.

– Уже прошло.

– Тогда давай поговорим о делах.

Это был заговор. Старый, давно задуманный заговор на самом верху GS.

Испугавшись, что Феллер обретет слишком большое влияние, инвесторы запретили ему входить в Наблюдательный совет GS и провели чистку высших руководителей Службы, избавившись от всех, кто потенциально мог служить A2. Это было благоразумное решение, но инвесторы недооценили Феллера, просчитавшего их действия на несколько шагов вперед и сделавшего ставку не на тех, кто уже занимал высокие кресла, а на тех, кто только к ним подбирался. A2 тайно помогал нескольким перспективным офицерам, но до нужных ему должностей добрались лишь двое из них.

И сейчас они сидели перед Карифой.

– Руперт?

– У меня все готово, – немедленно отозвался Карсон. – Отряд сформирован, люди надежные.

Оперативный отдел GS представлял собой гигантскую структуру, первую по значимости в службе, в которую в том числе входили силовые подразделения. Именно Карсону подчинялся секретный отряд «Sputnik», состоящий из готовых на все специалистов высочайшего класса, и по приказу A2 он сформировал внутри отряда дополнительную ударную группу, которой в ближайшее время предстояла большая работа.

– Нужно будет ввести в подразделение еще одного человека, – негромко сказала Карифа.

– Захара? – догадался Карсон.

– Да, я расформировываю свою группу.

– Ты ему доверяешь? – помолчав, спросил Руперт.

– Как себе.

– Тогда ОК. – Он вновь выдержал паузу. – Я отправлю его в Калифорнию, пусть докажет квалификацию и преданность.

– Хорошо, – Карифа повернулась к Родригес. – Сильвия, тебя я хочу попросить взять Конелли.

– Почему не хочешь отправить его в технический отдел?

– Там ему перекроют кислород, – объяснила Амин. – А я доверяю Конелли и хочу, чтобы он сохранил и высокий уровень доступа, и свободу маневра.

– Без проблем, – кивнула Родригес. – Ты подготовила приказ о переходе?

– Уже переслала тебе.

– Я подпишу сразу после совещания.

– Спасибо, – Карифа помолчала. – Друзья, впереди нас ожидают напряженные дни, так что давайте обговорим детали плана…

#orcVideo05

– Меня зовут Бенджамин «Орк» Орсон, и я такой же, как вы: был маленьким, совсем ничего не понимающим, был юным, полным надежд и желаний, был зрелым, умелым в профессии, а теперь стал ненужным. – Этот ролик Бобби решил записать на простом черном заднике, и Бена облачил в черное, из-за чего зрители видели лишь его лицо и кисти рук. – У меня была семья – ее отнял suMpa, у меня были планы на жизнь – их отнял suMpa, я едва не погиб – тоже из-за suMpa, но сумел спастись. Я отправился в Воронеж, потому что захотел разузнать о вирусе, искалечившем мою жизнь. Разузнать больше, чем льют нам в уши. Захотел своими глазами увидеть то, что уничтожило мой мир. – Орк медленно потер подбородок, раздумывая, какими словами продолжить историю, и глядя куда-то внутрь себя. – Я знал, что Воронеж объявлен запретной зоной, но не понимал почему. Ведь метеорит уже прилетел и разрушил город, уничтожив более

миллиона человек. Ведь вирус уже вырвался на свободу и поселился в наших телах. Направляясь в Воронеж, я знал, что нарушаю закон, но не понимал, почему нас не пускают на место самой грандиозной катастрофы в истории человечества. И сделал вывод, что там прячут какую-то тайну.

В следующем ролике, рассказывающем о полете над Воронежем, планировалось использовать много документального видео, и Челленджер специально выбрал для нынешней записи камерное обрамление. И попал в «яблочко»: ничто не отвлекало зрителей от рассказа.

– Я очень удивился, увидев принятые в окрестностях Воронежа меры безопасности. Вы знаете, орки, я – военный, я часто оказывался на полевых базах и в лагерях, расположенных в опасных зонах, но Воронежский кратер оказался самым охраняемым из всего, что мне доводилось видеть. Его защищают так, словно в кратер свалили весь золотой запас планеты, а по нарушителям и подозрительным лицам открывают огонь без предупреждения. И по нам… – Орк на мгновение сбился, – по нам тоже открыли огонь.

Единственное, чего не делал Бобби во время записей, – не указывал Бену, как он должен говорить, принципиально не режиссировал выступления, желая, чтобы каждый ролик получился максимально естественным. И ход себя оправдал: зрители верили Бену на подсознательном уровне.

– Мы с Беатрис планировали обмануть охрану и проникнуть в запретную зону, но не собирались никому вредить. Мы хотели узнать правду, а в нас… В нас начали стрелять. Узнав, что мы не те, за кого себя выдаем, патрульные могли нас арестовать, но вместо этого открыли огонь из пулеметов, и Беатрис… Моя Беатрис…

Орк замолчал, переживая такие недавние и такие страшные события, и Челленджер плавно сменил изображение на снятое в Старом Осколе видео: Орк с мертвой девушкой на руках. Кричащий. Рыдающий. Растерзанный. Сочащийся болью Орк, прижимающий к груди красивую, но мертвую принцессу.

– Беатрис убили за то, что она хотела знать правду, – очень тихо произнес Бен. – Они убили Беатрис, однако не сумели остановить меня. Но будь я проклят, если рад этому. – Он вновь поднял голову и пронзительно посмотрел в камеру. – Я узнал правду, орки, я знаю, что они прячут в Воронеже, и расскажу об этом. Они требуют от меня доказательств? Я их дам. Вы узнаете то же, что знаю я, орки, готовьтесь.

США, Санта-Клара июль 2029

Акция в главном научно-исследовательском центре

корпорации «Clisanto» планировалась как финальная, и поскольку некоторые эпизоды заговорщики собирались использовать для записи следующего выступления, Орка сопровождали не только боевые беспилотники, но и машины Челленджера. В этом не было ничего особенного, количество дронов не имело значения, однако в эфире появился второй оператор, который искренне считал свою задачу приоритетной, и это слегка напрягало.

– Пожалуйста, вставь в «зунду» магазин еще раз, – попросил Бобби.

– Зачем? – возмутился Бен, который как раз закончил приготовления и собирался покинуть фургон.

– Я сниму с другого ракурса, более выигрышного.

– И сколько дублей тебе понадобится?

– Понятия не имею, – не стал скрывать Челленджер. – Но ты узнаешь об их количестве первым.

– У нас нет времени, – заметила Эрна. – Операция рассчитана до секунды.

– У нас есть запас времени.

– Черт бы тебя побрал! – рявкнул Орк, перезаряжая «зунду». – Доволен?

Он понял, что толстяк не отстанет и проще сделать то, о чем он просит.

– Прекрасно, – пробормотал Бобби, просматривая снятое видео. – И не торопись выходить из фургона: после того как откроешь дверцу, замри на пару секунд – я сделаю отличный кадр.

– Это документальная съемка! – раздраженно напомнила Мегера. – Все должно быть по-настоящему.

– Поэтому мы отказались от дублеров и заставили Орка рисковать головой, – хихикнул Бобби. – И еще одна просьба: постарайся обойтись без нецензурных выражений.

– Я думала, они придают съемке достоверности, – вновь влезла в разговор девушка.

– Не достоверности, а пошлости, – поправил ее толстяк. – Крепкие словечки возбуждают лишь изнеженных городских мальчиков, которым не хватает мужественности. А нас смотрят миллионы нормальных людей.

– Не могу с тобой согласиться, – протянула Мегера.

– И еще нецензурщина привлекает девочек, которые воображают, что знают, как должны себя вести мужественные мальчики.

– Когда мы встретимся, я оторву тебе голову, – пообещала девушка.

Привести угрозу в исполнение немедленно она не могла,

поскольку сидела в фургоне, а хитрый толстяк следил за происходящим из отеля.

– Орк, в бытность военным часто приходилось ругаться? – осведомился Челленджер.

– Бывало.

– Часто или нет?

– Если интересует, разговаривают ли в армии матом, то нет, скорее нет. Но без крепких словечек обходятся редко.

– Вот видишь.

– Вот видишь.

Каждый из спорщиков считал, что Орк подтвердил его правоту.

А потом Эрна сказала:

– Начали.

Бен распахнул заднюю дверцу, на пару секунд замер, присев на корточки и положив «зунду» на бедро, после чего спрыгнул на землю и быстрым шагом направился к забору.

///

– Вы можете сказать, что происходит? – жестко и очень, очень недовольно поинтересовался Кастор Лукас Фредерик Розен III у вошедшего в кабинет Захара.

И надо отдать должное, президент «Clisanto» имел все основания для раздражения: его, человека, мягко говоря, не последнего, а если называть вещи своими именами – одного из мировых лидеров, перехватили по дороге из клуба офицеры GS и попросили срочно явиться в научный центр. Просьбу, больше напоминающую приказ, пришлось исполнить: Розен подчинился, прибыл в центр и вот уже пятнадцать минут – целых пятнадцать минут! – сидел в своем кабинете, не получая никаких объяснений и лишенный возможности с кем-либо связаться.

– Что происходит?!

– Господин Розен, сэр, я приношу извинения за действия наших сотрудников, но все было сделано только для того, чтобы сохранить тайну, – вежливо произнес Захар, вытягиваясь перед президентом «Clisanto» по стойке «смирно». – Нам стало известно, что Орк планирует нападение на центр…

– И вы привезли меня сюда?! – взвизгнул Розен.

– Вы в полной безопасности.

– Здесь есть бункер! Отведите меня в бункер! Немедленно!

Захар вздохнул, покачал головой и подумал, что, не будь среди сильных мира людей, похожих на A2, их бы следовало всех утопить и заменить новыми.

– Мистер Розен, сэр, вам ничего не грозит, – терпеливо повторил Захар, когда президент «Clisanto» перестал визжать. –

Лично вас охраняют десять лучших спецов GS.

– Арестуйте Орка!

– Обязательно, – пообещал Захар. – Для этого мы сюда приехали. А вы прокомментируете арест и дадите ободряющий комментарий репортерам.

– Какой комментарий? – растерялся Розен.

– Я переслал вам текст.

Президент открыл файл, быстро просмотрел короткое выступление и довольно хмыкнул:

– Я выгляжу героем.

– Теперь вы понимаете, для чего мы попросили вас приехать?

– Теперь – да, – Розен потер руки. – Править можно?

– Безусловно.

– Позовите, когда будет нужно выйти к журналистам.

– Да, сэр.

Захар закрыл за собой дверь и посмотрел на подошедшего помощника, одного из спецов Оперативного отдела.

– Остальных привезли?

– Десять минут назад.

Сотрудники ударной группы доставили в центр всех, кто был занят в проекте «suMpa», но доставили тайно: несколько микроавтобусов с тонированными стеклами проехали в подземный паркинг, после чего сотрудникам велели переодеться в рабочую одежду, собраться в конференц-зале минус второго этажа и ждать.

Чего именно ждать, не объяснили, а затевать ссору с вооруженными офицерами GS никто не рискнул.

///

Научный центр «Clisanto» располагался в пятиэтажном здании, окруженном невысоким, всего в пару метров, забором из металлической сетки, и казалось, что добраться до него, а значит – до его секретов, не составит никакого труда. Однако в действительности здание было куда больше и защищалось на высочайшем уровне. В полном соответствии с требованиями федеральных законов «Об организации опасных научных исследований». Пять видимых этажей были «вершиной айсберга», основные помещения и лаборатории «Clisanto» размещались на десяти подземных уровнях, а попасть на них можно было с помощью всего лишь двух лифтов, находящихся под постоянным контролем вооруженных охранников. Что же касается прилегающей территории, она полностью просматривалась дронами и стационарными видеокамерами.

– Я не смогу взломать «Clisanto», – честно сказала Мегера. – В ней два контура безопасности, а если падают оба – управление

автоматически перехватывает калифорнийский филиал GS.

– Но у тебя есть план.

– Разумеется, – с достоинством ответила девушка. – Я взломаю связь «Clisanto» с GS и стану сама генерировать рапорты о том, что в лаборатории все в полном порядке. Затем отключу подачу энергии, перехвачу управление резервным генератором и подам напряжение только туда, куда нам надо.

– Звучит неплохо, – одобрил Орк.

– Останется охрана.

– С охраной я разберусь.

– И еще нюанс: пароль, который сопровождает рапорты, меняется каждые двадцать минут, мне потребуется не менее шестидесяти секунд, чтобы его взломать, так что ты будешь действовать в условиях ограниченного времени.

– Главное, чтобы нужные двери открылись.

– Они откроются, – пообещала Мегера. – Даю слово.

Когда же девушка произнесла: «Начали», Орк понял, что взлом пароля идет в запланированном режиме. Вышел из фургона, припаркованного за границей обзора расположенных по периметру датчиков и видеокамер «Clisanto», и направился к ограде.

– Девятнадцать минут, милый, – произнесла Эрна, она разобралась с паролем и отправила первый фальшивый рапорт в GS.

Бен на ходу достал ножницы по металлу, проделал в сетчатом заборе проход и побежал к зданию.

– Восемнадцать минут.

Он добрался до неприметной двери, помеченной надписью «Только для сотрудников Службы безопасности», надавил на ручку – замок щелкнул, открываясь, – и оказался в длинном узком коридоре, наполненном синеватым светом ламп аварийного освещения.

– Прекрасные декорации, – пробормотал Бобби.

– Идиот, – очень тихо прокомментировала Эрна.

– Я все слышу!

– Надеюсь.

Лифтовый холл защищали два сидящих за пуленепробиваемым стеклом охранника. Они тщательно проверяли тех, кто собирался спуститься на нижние уровни, но глубокой ночью, естественно, расслабились, а когда отключилось электричество – растерялись. Бронированная будка охранников была оснащена бойницами, через которые они могли открыть огонь по нарушителю, но вступать в бессмысленную перестрелку Орк не собирался и рискнул проскочить холл на эффекте

внезапности.

– Давай, – прошептал он, оказавшись за углом.

Эрна резко включила яркий свет и одновременно открыла ближайший лифт, в который и влетел Бен, на несколько мгновений опередив ослепленных сторожей – пули пробили захлопнувшиеся дверцы после того, как кабина пришла в движение.

– Пятнадцать минут.

«Все нижние этажи находятся в зоне outG, – предупредила девушка во время инструктажа. – Там действует внутренняя сеть, но влезть в нее я не смогу. Внизу ты будешь один». – «Двери?» – «Они все откроются, милый, а лифт будет тебя ждать».

Интересующая Орка лаборатория размещалась на минус седьмом уровне. Если верить схеме, круглосуточного поста охраны на нем не было, но когда дверцы распахнулись, Бен все равно был готов к открытию огня и, лишь убедившись, что вокруг царит тишина, поставил «зунду» на предохранитель и закинул за спину. И посмотрел на сопровождающий его дрон Челленджера.

– Четырнадцать минут, – сообщил дрон голосом Эрны. И, кажется, подмигнул видеокамерой.

– Черт бы тебя побрал, Бобби, – пробормотал Орк.

Внизу оказалось скучно: подраться не с кем, побродить некогда, заглянуть в большинство помещений нельзя, – соваться в зоны, где шли работы с вирусами, Бен не собирался. Он быстро добрался до рабочего кабинета руководителя проекта «suMpa» – именно так значилось на табличке, вскрыл довольно простой сейф, вытащил рабочую станцию и положил в рюкзак. Огляделся. Продемонстрировал большой палец любопытному дрону и направился к лифту, размышляя о том, что при наличии квалифицированного хакера роль профессионального спеца в современном мире сводится к «подай-принеси» и «сделай то, что пока не умеют дроны».

«И по большому счету, вместо меня в подвал мог отправиться любой мальчишка. Любой житель нового мира – неопытный и даже не обязательно грамотный. Грамотным должен быть оператор, один на сотню, а то и на тысячу. Остальным достаточно знать, когда на какую кнопку нажать…»

Орк вошел в лифт и нажал на кнопку первого этажа.

Охранников из холла он не опасался: дроны должны были заблокировать бойницы, и они это сделали.

– Четыре минуты, – сообщила Мегера, когда дверцы лифта распахнулись. – Милый, у тебя все в порядке?

– Да, – скупо ответил Орк.

– Прекрасно…

И в этот миг заверещала сирена.

– Кто объявил тревогу?

– Они изменили протокол, – хладнокровно сообщила Эрна. – Теперь пароль меняется каждые пятнадцать минут. Агенты GS появятся через четыре минуты, полицейские – через две. Мы уезжаем.

– Что делать мне?

– Вариант «В».

– Повеселимся! – рассмеялся Бобби.

– Понял, – Орк взял «зунду» на изготовку и направился в центральный лифтовый холл.

– Система оценивает ситуацию, – Мегера передала управление фургоном роботу и вернулась к своим обязанностям. – Через двадцать секунд она сообразит, что случилось, и освободит запертых охранников.

– Лучше бы она этого не делала, – проворчал Бен.

– Одновременно поднимутся в воздух дроны.

– Грядет воздушный бой, а у меня чертовски мало аппаратов, – заволновался Челленджер.

– Приятно, что тебя волнует исключительно съемка.

– Это мой бизнес, приятель, за это вы меня любите.

– Лучше поговорим обо мне.

– Ты у нас главная звезда.

А в следующий миг пришлось стрелять.

Орк думал, что первыми в огневой контакт войдут дроны, но ошибся: увидел охранников одновременно с беспилотниками и надавил на спусковой крючок, дав длинную очередь поверх голов и заставив сторожей броситься на пол.

– Мы никому не хотим причинить вред! – громко объявил один из дронов Орка. – Не поднимайтесь, не оказывайте сопротивления, и никто не пострадает! Внимание! Мы никому не хотим причинить вред!

Окажись в большом холле только люди, дело скорее всего закончилось бы миром, охранники сражаться не собирались, но появившиеся дроны «Clisanto» открыли огонь, и стражникам пришлось их поддержать. Большой холл превратился в зону полноценного воздушного боя, о котором мечтал Челленджер: дроны стремительно летали по помещению, поливая друг друга из пулеметов, а охранники в меру сил поддерживали их с пола, изображая наземное ПВО. Что же касается Орка, он успел преодолеть большую часть пути до лифтов – вдоль стены, боком, держа на прицеле увлеченных воздушным побоищем стражников, но в тот момент, когда ему оставалось пройти шагов пять, не больше, один из охранников обратил на него внимание:

– Стоять!

И тогда Орк врезал из «зунды», сделав все, чтобы пули вновь прошли над головами и заставили стражников остыть. Но заканчивая очередь, понял, что двоих парней зацепил рикошетом.

– Черт! Черт! – Бен вкатился в лифт и нажал кнопку последнего этажа. – Черт!

Он не хотел атаковать людей.

– Ты их предупреждал, – заметил Бобби.

– Я в порядке, – Орк выругался и пнул ногой стенку лифта. – Черт!

Прикрывавшие его дроны – те, которые не были сбиты, – вылетели через разбитые окна большого холла и помчались прочь.

– У тебя двадцать секунд, – спокойно сообщила Мегера. – Не успеешь – тебя скорее всего возьмут.

Она следила за приближающимися беспилотниками GS и давала предельно точный расчет ситуации.

– Успею. – Охранников на последнем этаже не было, поэтому Орк не церемонился: выбил дверь выстрелом из подствольного гранатомета, выбежал на крышу и огляделся: – На месте!

– Прямо над тобой.

Бен задрал голову и улыбнулся, увидев снижающийся десантный дрон.

– Оставь внешнее управление.

– Не хочешь садиться за руль?

– Выпил немного, а полицейские сегодня строгие.

В действительности Орк плохо ориентировался на местности и не собирался терять драгоценные секунды на изучение маршрута.

– Пристегнись, милый, – произнесла Мегера, убедившись, что Бен уселся в кресло пилота. – Будет быстро.

И резко подняла дрон в воздух.

///

– Он покинул здание, – доложил помощник.

– Вы знаете, что делать, – отозвался Захар. – Работаем.

И открыл дверь в кабинет Кастора Лукаса Фредерика Розена III.

– Пора идти к журналистам? – поинтересовался президент «Clisanto», и эти слова оказались последними в его жизни.

Захар вскинул пистолет, прострелил Розену голову и тут же вышел.

А внизу, на минус втором этаже, в конференц-зале спецы из отряда «Sputnik» хладнокровно устраняли всех, кто мог пролить свет на проект «suMpa».

* * *

Нью-Йорк, Сан-Франциско Санта-Клара, Сан-Хосе ar/G

Традиционно «Iris Inc.» проводила презентации в октябре, давая возможность бесчисленным партнерам, производителям приложений и устройств, собрать неплохую жатву в рождественские и новогодние праздники. Однако на этот раз традиция была нарушена, причем самым интригующим образом. Во-первых, случился неожиданный перенос с октября на август, о чем было объявлено за две недели до события. Во-вторых, всего через три дня после объявления «Iris Inc.» выпустила официальный релиз, анонсировав запуск новейшей OS «Elysium» – «потрясающе мощной и потрясающе быстрой». А учитывая, что «Elysium» должна была стать всего лишь третьей OS в истории ar/G, интерес к презентации подскочил до невиданных высот. Бесчисленные пользователи Сети, то есть все население Земли, бурно обсуждали, чем собирается удивить «Iris Inc.». Все новостные ленты, даже те, которые обычно не выходили за рамки узкой специализации, вроде послеродового восстановления идеальной фигуры, наполнились «экспертными» и «аналитическими» статьями о предстоящем действе. Презентацию ждали с таким же нетерпением, как финал Чемпионата мира по футболу, и неудивительно, что McEnery Convention Center оказался забит до отказа. Съехались фанаты, им отдали задние ряды балкона и всю прилегающую территорию. Съехалась пресса: комментировать знаковые события по Сети вновь стало считаться дурным тоном, и каждое уважающее себя издание стремилось протолкнуть на мероприятие собственного корреспондента. Съехались эксперты, умудрившиеся получить приглашения, и, разумеется, боссы и политики, желающие и посмотреть на новинку, и потусоваться на вечеринке, которыми славилась «Iris Inc.». Но, несмотря на обилие важных, очень важных и наиважнейших персон, за кулисы, в небольшую комнату рядом со сценой, были допущены только избранные: расслабленный A2, нервничающий Паркер, демонстративно сдержанный Арчер и Лариса Томази в открытом, насколько позволяли приличия, вечернем платье. В углу примостился незаметный, несмотря на грандиозные размеры, Гуннарсон.

– Сегодня большой день, друзья, – задумчиво протянул Феллер. – Мир изменится. – Короткая пауза. – Мы его изменим.

– Хочешь сказать, что совсем не волнуешься? – сухо спросил Арчер.

– Волнуюсь, конечно, – не стал скрывать Феллер. – Я ждал этого момента несколько лет и теперь, когда до рая остался всего один шаг, могу себе позволить немного понервничать.

– Как раз теперь ты должен быть спокоен и собран.

– Я волнуюсь для тонуса, чтобы не забыть, насколько важный наступил день.

– Тогда, может, шампанского? – поинтересовалась Лариса. – Для тонуса. Ну и чтобы снять волнение.

– Я бы выпил, – подумав, согласился Арчер.

– Шампанское оставим для праздника, – качнул головой Феллер. – Давайте дождемся конца презентации.

– Ты чего-то опасаешься?

– Я суеверный.

– Не помню за тобой такого.

– Я стал суеверным ненадолго, только до конца презентации, – A2 повернулся к Паркеру: – Как ты?

– Волнуюсь.

Несколько секунд Феллер пристально смотрел на старого друга, затем поднялся – Филип тоже встал со стула, – взял его за узкие плечи, тряхнул и громко сказал:

– Мы это сделаем.

– Да! – отозвался Паркер. – Мы уже это сделали.

– Мы запустили «Elysium»!

– Мы изменили мир.

– Так пойди и покажи им!

– И покажу!

– И покажи!

У Паркера вспыхнули глаза:

– Я сделаю!

Он резко развернулся и выбежал из комнаты.

– Я как будто попала в раздевалку перед футбольным финалом, – хмыкнула Томази, разглядывая подбадривающих друг друга мужчин.

– Приятные воспоминания? – тут же поинтересовался Арчер.

– Приятными они становятся после, в раздевалке победителей, – объяснила Лариса. И не удержалась от шпильки: – Уверена, ты, как и я, знаешь, каково это.

Арчер поперхнулся.

///

– Сколько? – переспросила изумленная Мегера.

– Тридцать семь процентов, – невозмутимо повторил Бобби, не отрывая взгляд от коммуникатора.

– И мы их возьмем?

– Обязательно.

Девушка повернулась к Орку:

– Представляешь?! Тридцать семь процентов!

Поспать в эту ночь им не удалось. Из Санта-Клары они

отправились в Сан-Франциско, всего на несколько минут опередив перекрывших шоссе полицейских. По дороге сменили машину, бросив фургон и все снаряжение, включая дроны, и въехали в город, как добропорядочные граждане, но почти сразу отправились в outG, в небольшой, но глубокий бункер, давно заброшенный военными. Там Орк немного отдохнул, но заснуть не смог, а выйдя в главный зал, узнал о том, что видеозапись готова и они могут взять…

– Целых тридцать семь процентов! – повторила обрадованная девушка.

Бен сразу понял, что скрывается за цифрами, но, видя возбуждение Эрны, решил подыграть и наморщил лоб:

– Я догадываюсь, что у нас все хорошо, но ты не могла бы разъяснить причину своего восторга?

И девушка схватила его за руку:

– Презентация еще не началась, а к трансляции уже подключились тридцать семь процентов зарегистрированных пользователей ar/G! То есть к началу презентации мы можем выйти на сорок процентов, а если учесть, что многие будут смотреть трансляцию на больших коммуникаторах, трафик может достичь пятидесяти процентов. Это невероятно!

– Потрясающий охват, – добавил толстяк.

– Очень большой?

– Я ведь сказал: потрясающий, – повторил определение Бобби. – Но самое главное, что с помощью outG мы сможем взять его целиком. – Челленджер оторвался от монитора и подмигнул Орку: – Есть реальная возможность прославиться.

– Жаль, что не получится выступить в прямом эфире, – вздохнул Бен.

– Прямой эфир сразу вырубят, – ответил толстяк, возвращаясь к коммуникатору. – Только запись, которую мы уже разослали во все узлы…

– Все будет хорошо, – прошептала Мегера, прижимаясь к Орку. – Я верю.

– Я тоже. – Он повернулся и нежно провел рукой по щеке девушки.

– Начинается, – сообщил Бобби и шумно выдохнул.

///

Карифа открыла дверь в кабинет Митчелла и сразу же увидела на экране гигантского настенного коммуникатора известный всему миру логотип «Iris Inc.» – заставка говорила о том, что объявлено начало трансляции.

«Проклятье!»

Оставалась надежда, что удастся проскользнуть

незамеченной, но она погибла через секунду:

– Заместитель Амин! – громко произнес Митчелл, специально убрав громкость коммуникатора до минимума. – Мир терпеливо ждал вашего появления, но потом президент «Iris Inc.» сдался и решил начать без вас.

Присутствующие заулыбались.

– Прошу прощения, директор, спешила, как могла, – виноватым, насколько получилось, тоном произнесла Карифа.

– Ваш кабинет совсем рядом, заместитель Амин.

– Мне нужно было привести себя в порядок.

– Чем же вы занимались?

– Готовилась к просмотру трансляции и увлеклась.

Ответ получился несколько дерзким, поэтому улыбки исчезли, однако раздувать скандал директор GS не стал.

– Мы вернемся к разговору позже, – пообещал Митчелл. Затем кивнул на единственный оставшийся незанятым стул – самый дальний, рядом с Родригес, и повысил голос: – Господа, я пригласил вас на совместный просмотр презентации «Iris Inc.» по той причине, что она закончится сенсацией. Я не уполномочен раскрывать известные мне детали до их официального обнародования, но обещаю: даже вы, люди, много что повидавшие, будете удивлены. Сегодня Филип Паркер объявит наступление новой эры. И это не просто слова…

Изумленных возгласов не последовало, впрочем, Митчелл их не ожидал. В кабинете собрались только высшие офицеры GS: первый заместитель Амин, еще три заместителя директора и все главы отделов, кроме Карсона, который отправился в подвергшийся атаке научный центр «Clisanto».

– Смотрите внимательно, господа, – закончил Митчелл. – И готовьтесь к большой работе.

Заставка исчезла, и на сцену McEnery Convention Center под бешеные аплодисменты вышел Филип Паркер.

///

– Всем привет! – произнес Паркер в своей обычной, знакомой всему миру неуверенной манере.

Зал ответил ревом. Кричали, разумеется, оккупировавшие балкон фанаты, но создавалось впечатление, что шумят все, и на две минуты трансляция превратилась в демонстрацию уважения от дорогих гостей и почитания от фанатов.

– Я рад вас видеть! – Филип улыбнулся и махнул рукой.

Зал ответил радостными криками.

– Я знаю, вы ждете чего-то особенного, и не разочарую!

Крики.

– «Iris Inc.» вас не разочарует!

Крики.

– Мы создадим новый мир!

Великолепная акустика зала вкупе с профессионализмом режиссера привели к потрясающим результатам: фанаты еще продолжали бесноваться, встречая каждое слово Паркера безумными воплями, но в трансляцию их голоса проходили в виде едва различимого фона, а вся звуковая дорожка была отдана разогнавшемуся Филипу.

– Мы работали над новой OS три года. Мы учли все недочеты предыдущей платформы и все ваши пожелания. Мы сделали нашу систему быстрой, мощной и реалистичной настолько, насколько это вообще возможно! Мы сделали для вас идеальную операционную систему, имя которой – «Elysium»!

Паркер повернулся к огромному экрану за своей спиной и замер с вытянутой рукой. И все замерли. Весь мир замер и замолчал, изумленно разглядывая надпись:

OS «suMpa»

Украшенную известным всей планете логотипом «Iris Inc.».

///

Через несколько секунд надпись закрутилась, обратившись земным шаром и оказавшись на ладони сидящего в кресле Орка. И Земля ахнула. Не та Земля, изображение которой лежало на руке самого разыскиваемого преступника планеты, а настоящая – в это мгновение трафик скакнул до невероятных семидесяти процентов.

– Меня зовут Орк, и я такой же, как вы, – негромко произнес Бен, задумчиво разглядывая устроившийся на его ладони земной шар. – И сегодня я расскажу об операционной системе «suMpa», которую вам грузят принудительным обновлением. В каждую вашу голову, орки, в каждую. А самое смешное, что подавляющее большинство из вас уже сидит на новой OS, и в чипе лишь поменяется бирка, отправляя вас в новый мир, который весьма далек от обещанного рая, то есть от понятия «Elysium». И поэтому я назвал нашу новую OS «suMpa». Теперь, когда это слово застрянет в каждой башке, вы точно его не забудете. Вы не должны его забывать, орки, потому что «suMpa» – это ваша реальность.

Бен помолчал.

– Времени у нас немного, поэтому сразу перейдем к делу. Моя прошлая история закончилась на том, как я уселся в десантный дрон и отправился к Воронежскому кратеру. Видео, на которое вы сейчас таращитесь, сделано с помощью приложения «GeniusM», позволяющего смотреть сквозь любые «обложки». Даже сквозь те, которые наведены с помощью самых современных

средств.

Тем временем на экране появилось изображение снятого с высоты птичьего полета города. Разгромленного города. Оператор сознательно взял в кадр несколько приметных зданий, по которым можно было определить, что это действительно Воронеж, однако в остальном известное всей планете место катастрофы ничем себя не напоминало.

– Смотрите, орки, смотрите внимательно и спрашивайте у тех, кто понимает: пусть они объяснят, что именно вы видите, – негромко произнес Бен. – А тем из вас, кому не у кого спрашивать, расскажу я: перед вами последствия орбитальной бомбардировки, орки, вы видите город, стертый с лица земли современными боевыми спутниками. Ну как, похоже на «Elysium»?

Мир промолчал. И не только потому, что Орк не мог услышать ответ, – мир был слишком ошарашен.

– Метеорит – это выдумка, орки, все, что нам показывали до сих пор, было нарисовано: и разрушения, и Воронежский кратер. Все, что мы знали, оказалось ложью, а поняв это, я сразу задумался о suMpa. О том, почему всех заразившихся отправляют в лаборатории «Clisanto» и только туда. Нет ли связи между отсутствием метеорита и тем, что только этой корпорации разрешены работы над вирусом? За ответом я отправился в научный центр «Clisanto», расположенный в Санта-Кларе…

///

– Что происходит? – рявкнул А2, как только на мониторе появилось растерянное лицо режиссера трансляции.

– Нас взломали…

– Что?

– Что?!

– Что?!!

Феллер, Арчер и Томази выкрикнули вопрос одновременно, поэтому получилось очень громко. И растерянность на лице режиссера сменилась страхом.

– Они оседлали наш трафик…

– Сорок процентов, – простонал Арчер.

– Семьдесят четыре, – убито поправил его режиссер. – Как только стало известно, что Орк влез в трансляцию, трафик подскочил и продолжает расти.

– Уберите его немедленно! – взвизгнула Лариса.

– Мы не можем!

– Прервите трансляцию!

– Мы взломаны, – напомнил режиссер. – Мы уже прервали трансляцию, но сигнал продолжает распространяться. Нашим людям нужно несколько минут, чтобы понять, как они это

устроили, и все исправить.

И все это время, все эти драгоценные минуты, жители Земли будут слушать Орка.

– И мы ничего не можем сделать? – убито спросил Феллер.

– Ничего, – дрожащим голосом ответил режиссер. – Только смотреть.

A2 подошел к стоящему в углу бару и налил себе виски. На четыре пальца.

///

– Смотрите внимательно, орки, смотрите и запоминайте, потому что скоро вам начнут врать, что все это – постановка, – проникновенно произнес Орк. – Многие из вас… даже не многие, а почти все поверят или заставят себя поверить этой лжи, и я не стану винить вас за это. Я прошу немного: смотрите сейчас, орки, смотрите на то, что я увидел в научном центре «Clisanto». Посмотрите, а потом снова поверьте привычной лжи.

На экране появилась лаборатория: герметичные отсеки, рабочие столы, шкафы, приборы, компьютеры, затем камера «выехала» в короткий, заканчивающийся тупиком коридор, в который выходили металлические двери камер – три слева, три справа.

– В каждой камере находится по одному олдбагу, – угрюмо сообщил Орк, и видео немедленно подтвердило его слова: дрон подлетел к ближайшей двери и направил объектив в «глазок». – Слева – еще нормальные, справа – взорвавшиеся. Скажу честно: я растерялся, я не знал, как реагировать на увиденное и что делать с людьми, которых «Clisanto» превратила в подопытных крыс. Но через пару секунд все встало на свои места.

Из-за кадра послышался голос: «Иди сюда», камера переместилась к компьютеру, который запустил невидимый помощник Орка.

– Все документы, которые мы вытащили из компьютеров, уже выложены в открытый доступ, – сообщил Бен. – Их будут уничтожать, стирать из ar/G, за них будут назначать большие тюремные сроки, поскольку речь идет о секретных документах, и далеко не все вы, орки, решитесь ознакомиться с ними, и я не стану винить вас за это. Я прошу немного: смотрите сейчас.

Снова голос за кадром: «Господи, Орк, это же они… Они!»

– В документах, которые выложены в ar/G, вы найдете доказательства того, что история с метеоритом – выдумка от первого до последнего слова, а вирус suMpa разработан в «Clisanto». Именно этот людоедский проект называется «Elysium», а не красивая операционная система от «Iris Inc.». Они хотели построить рай для себя, хотели жить в бесконечной череде

удовольствий, окруженными молодыми, задорными, красивыми людьми, и предаваться всем наслаждениям, которые способны выдумать. Но они проиграли битву самой Природе. Вирус мутировал.

Зрители вновь перенеслись в знакомый коридор, через «глазок» заглянули в последнюю камеру и увидели сидящего в ней Алого.

– Самые страшные подозрения оправдались: перед вами – следующая стадия suMpa. И от этой версии вируса у правительства вакцины нет.

В зале раздались крики ужаса.

– Я думал, «Clisanto» прячет от нас лекарство, а в действительности они прятали от нас болезнь, – повысил голос Бен. – Они придумали вирус! Они заразили нас. Они наблюдали, как умирают наши отцы и матери, как озверевшие банды убивают беззащитных стариков, как правительство отнимает право на нормальную жизнь у тех, кому исполнилось больше сорока двух лет… Они виноваты в страшном, бесчеловечном заговоре, и я…

Орк помолчал, глядя на притихший зал, и очень медленно продолжил:

– Я не горжусь тем, что сделал. Я знаю, что стал преступником, настоящим преступником, а не тем, кем меня объявили. Но в тот момент я не мог поступить иначе… – Он выдержал короткую паузу, и почти все зрители поняли, что услышат дальше. – В научном центре находились люди, ученые. Я думаю, мутация и появление Алых напугали создателей вируса, они поняли, какого джинна выпустили из бутылки, и страх заставил сотрудников «Clisanto» работать не покладая рук и задерживаться допоздна. Когда я пришел, они были там… я их увидел… и я их убил. – Орк посмотрел на земной шар, который по-прежнему переливался голубым на его ладони, вздохнул и закончил: – Я не мог позволить этим сволочам жить.

///

Кадры из Научного центра «Clisanto» потрясали: кровь, трупы и снова кровь… Мертвые охранники в главном холле, мертвые сотрудники на рабочих местах, но больше всего трупов оказалось в конференц-зале. Судя по всему, работавшие над вирусом ученые проводили «мозговой штурм» и, собравшись вместе, облегчили Орку задачу. Пол конференц-зала был залит кровью, но это ужасное обстоятельство не сильно бросалось в глаза, поскольку его покрывал слой мертвых людей.

– Боже, это Розен! – пробормотал ошарашенный Митчелл, когда видеокамера задержалась на мужчине в кресле. Голова несчастного была прострелена и запрокинута назад, но оператор

заставил дрона приблизиться, чтобы крупно показать лицо. – Орк убил одного из стратегических инвесторов!

Смерть президента «Clisanto» произвела на старших офицеров GS сильное впечатление. В кабинете воцарилась тишина, и, воспользовавшись ею, Карифа произнесла:

– Как думаете, Орк не собирается взорвать центр?

– Почему вы спросили, заместитель Амин? – нахмурился Митчелл.

– В центре находится Карсон, нужно позвонить и предупредить его.

– Полагаю, Руперт смотрит трансляцию.

– А если нет?

Митчелл поколебался, но кивнул, показывая, что Карифа может выйти из кабинета и связаться с начальником Оперативного отдела.

///

– Меня зовут Кастор Лукас Фредерик Розен III, – жалко произнес сидящий в кресле мужчина. – Пожалуйста, не убивайте…

Дорогой костюм, дорогие часы, идеальная прическа – мужчина должен был выглядеть образцовым хозяином жизни, человеком, чье второе имя звучало как «Успех», однако сейчас он был слишком напуган.

– Начни сначала, – жестко велел Орк.

– Меня зовут Кастор Лукас Фредерик Розен III, – послушно повторил мужчина. – Я – президент «Clisanto», и я… – Из его глаз потекли слезы. – Мы этого не хотели… мы разрабатывали suMpa по заказу правительства, и я… он… – Кастор всхлипнул. – Во всем виноват сбой компьютерной системы… боевой спутник ударил по чертову русскому городу, а какой-то умник решил скрыть инцидент, наврав людям о метеорите.

– Ты врешь! – рявкнул Бен. – Такую сложную интригу невозможно придумать за пару часов. Требуются месяцы подготовки. – Он угрожающе навис над Кастором. – Кто отдал приказ уничтожить русский город?

– Не знаю, – затряс головой Розен III. – Я тоже подумал, что удар по Воронежу был запланирован, но я не рискнул задать этот вопрос. Кто будет спрашивать людей, которые убили миллион человек?

И мир мысленно согласился с перепуганным мужчиной.

– Ты промолчал даже после того, как они велели использовать suMpa?

– Да, – Кастор опустил голову. – Это не было моим решением. Мне приказали…

– Кто приказал?

– Я скажу! Я все скажу! Вся информация есть в моем компьютере!

Запись прервалась.

Несколько секунд Орк молчал, позволяя зрителям переварить услышанное, а затем негромко продолжил:

– Документы неопровержимо доказывают, что в заговоре участвовала не только «Clisanto», но и GS, и правительства нескольких стран, что вызывает во мне гнев и ярость. Люди, призванные служить и защищать, предали нас. Люди, призванные служить и защищать, убивали нас, орки, и я обвиняю директора Митчелла и всех старших офицеров GS в предательстве и заговоре, – Орк поднялся на ноги и сдавил земной шар, который до сих пор лежал в его руке. – Я обвиняю директора Митчелла, старших офицеров GS и их соучастников в заговоре с целью организации массового убийства и приговариваю их к смерти!

///

Звонить Карсону Карифа, разумеется, не собиралась.

Выйдя из кабинета, она тут же открыла в одном из окон наноэкрана трансляцию Орка, дождалась условной фразы, увидела вышедшую из кабинета Родригес, выхватила пистолет и открыла огонь по секретарю и телохранителю Митчелла.

Перед выходом Родригес активировала заложенную в кабинете директора GS бомбу и, заблокировав двери, отошла в сторону. На всякий случай. Хотя точно знала, что ей ничего не грозит, поскольку помещение минировали высококлассные специалисты Оперативного отдела, настоящие мастера своего дела.

Взрывов было два. Оба – направленные. Первый вынес окна кабинета, а второй вышвырнул в получившиеся проемы все, что находилось внутри: и людей, и мебель.

В течение нескольких секунд в небоскребе GS прозвучало еще несколько взрывов, и во время последнего из них Родригес хладнокровно выстрелила Карифе в спину. А когда девушка упала – в голову.

Затем подошла к столу секретаря, запустила общую связь и твердым, но слегка срывающимся, что было естественно в столь сложных обстоятельствах, голосом произнесла:

– Говорит начальник Отдела внутренней безопасности. Директор Митчелл убит в результате террористической атаки. Есть ли в здании человек старше меня по должности? – выдержала короткую паузу, поскольку хорошо знала ответ, но не могла не следовать протоколу, и продолжила: – Если нет, я принимаю на себя временное командование GS.

///

– Ты это сделал! – рявкнул Арчер, тыча пальцем в Феллера. – Не знаю как, но это был ты. Ты! Зачем?

– Не дергайся, все идет по плану, – ответил А2, после чего поставил стакан с виски на стол – он не сделал из него даже маленького глотка – и перевел взгляд на Ларису.

Лариса осталась невозмутима.

– По какому плану? – изумленно спросил Арчер, который ожидал, что Феллер начнет выкручиваться и отнекиваться. – По какому, мать твою, плану?

Ярость мешала Арчеру мыслить связно, в противном случае он бы наверняка сообразил, что А2 мог признаться в заговоре, лишь полностью контролируя происходящее. Имея на руках все козыри. Если бы не ярость, Арчер наверняка попытался бы сбежать и не стал бы вступать в бессмысленный разговор.

– Ты нас предал!

– Мы все понимали, что я буду стараться вас предать и перехватить управление проектом, – хладнокровно ответил А2, продолжая смотреть на Ларису. – Но вам казалось, что вы связали мне руки.

– Ты должен запустить «Elysium»!

– Забудь это название, отныне миром правит «suMpa».

– Ты за это заплатишь.

– Кому?

– Всем нам. Всем инвесторам!

Лариса качнула головой, но промолчала. А2 улыбнулся.

– Всем вам Алым?

– Что? – не понял Арчер.

– Посмотри на себя, – повторил Феллер. – Ты ведь болен.

– Боже… – прошептала Лариса, машинально делая шаг назад. В следующий миг она вновь отыскала взглядом глаза А2, закусила губу и покачала головой. Феллер едва заметно улыбнулся. Он, в отличие от Томази, на Арчера не смотрел, он знал, что происходит с инвестором.

– Нет! – Арчер уставился на стремительно краснеющие руки. – Нет! Нет!! НЕТ!!!

– От кого ты ухитрился подхватить suMpa, старый негодник?

Кожа инвестора приобрела ставший знаменитым оттенок, ногти стали оранжевыми, а глаза залила мерцающая ртуть.

– Не могу сказать, что я удивлен, – Феллер оставил издевательский тон, стал жестким, почти злым, но по-прежнему смотрел на Ларису и только на нее. – И уж тем более не могу сказать, что я расстроен. Мне кажется, ты получил то, что заслужил.

– Сдохни! – Арчер бросился на A2. – Ты сдохнешь первым!

Нападение получилось резким и неожиданным, и только поэтому A2 не сумел подготовиться. Арчер ударил его в бок, сбил с ног, отправив на пол, навалился и принялся душить. Феллер захрипел. Арчер понимал, что живым ему не выбраться, и отчаяние удесятерило его силы.

– Сдохни! Сдохни!

Лариса вскрикнула и отступила вновь.

Незаметный до сих пор Гуннарсон мягко подошел к дерущимся, на ходу вынимая из кобуры пистолет и выстрелил Арчеру в затылок.

На стену брызнуло красное. Лариса вскрикнула еще раз. A2 поднялся, покрутил головой и недовольно осведомился:

– Почему так долго?

– Извините, сэр, – смутился здоровяк, убирая пистолет. – Спешил, как мог.

И покосился на отошедшую к стене Томази.

– Все в порядке, Гунни, – успокоил телохранителя A2 и подал Ларисе руку. – Девушка со мной.

Здоровяк склонил голову.

– Я всегда говорила, что ты – самый умный из нас, – произнесла Лариса, без колебаний беря предложенное. – А они верили, что сумеют тебя обмануть.

– Жадность и глупость губили и не такие империи, – пожал плечами Феллер.

– Империя погублена? – очень тихо спросила Томази.

– Да здравствует новая, – рассмеялся A2.

///

– Я понятия не имею, что будет дальше, орки, но знаю точно: я добрался далеко не до всех участников заговора, – размеренно продолжил сидящий в кресле Бен. Изображение подернулось рябью: судя по всему, программисты ar/G добивали последние узлы, через которые шла трансляция, и времени осталось чуть. Однако Бен говорил спокойно и размеренно. – Я продолжу их искать и наказывать: как преступник или как честный человек, один или с вашей помощью, до последнего вздоха, когда бы он ни настал. Я буду искать людей, которые погрузили наш мир в suMpa, и буду их убивать. А вы решайте, прав я или нет.

Трансляция оборвалась.

Орк медленно повернулся к Мегере и очень тихо произнес:

– Но ведь я ничего этого не говорил.

data set quaternary PUNICEUS INTOLERABIS [22]

США, Сан-Франциско август 2029

Орк медленно повернулся к Мегере и очень тихо произнес:

– Но ведь я ничего этого не говорил.

И грустно улыбнулся, когда понял, что отвечать никто не собирается. Его верные спутники, толстый борец с системой и любимая женщина, начали медленно рассыпаться на пиксели, исчезая из убежища, подобно призракам… Которыми они, собственно, и были, во всяком случае – сейчас. Ведь «обложке» нужна подложка, что-то осязаемое, покрытая наноботами поверхность, а Мегера и Челленджер были попросту нарисованы. Видимо, живые люди покинули убежище, пока он дремал.

– Эрна…

Девушка промолчала, да и не смогла бы ничего ответить, потому что в этот момент от нее оставалась лишь стайка разрозненных фрагментов, но Орк был уверен, на сто процентов уверен, что на глазах любимой выступили слезы. Горькие слезы. Будто, распадаясь на части, Мегера и в самом деле испытывала жуткую боль.

– Эрна…

Нет, исчезла. Образ девушки растаял, вызвав не ярость и даже не обиду – только легкую грусть. Сентябрьское настроение, когда солнце еще горячо, дни манят теплом, но ты понимаешь, что зима рядом.

– Эрна…

А еще через мгновение в убежище вошли рослые парни в полных боевых комплектах, с «глухарями» на головах и эмблемами GS. Вошли быстро, но уверенно, без суеты, профессионально прикрывая друг друга и держа «зунды» так, чтобы сектора обстрела захватили все помещение. Вошли, готовые убивать, но не убили. При виде сидящего Орка командир отряда на мгновение замер, а когда понял, что Бен не собирается сопротивляться, сделал успокаивающий жест рукой, забросил «зунду» за спину, подошел и снял шлем:

– Если не ошибаюсь, полковник Орсон?

– Совершенно верно, – подтвердил Орк, разглядывая свои руки. – Я выгляжу не совсем так, как при выходе в отставку, но даю слово, что это я.

– Меня зовут Руперт Карсон, я возглавляю Оперативный отдел GS, – офицер помолчал. – Хочу сказать, сэр, что мы знаем о ваших заслугах перед страной и из уважения не хотели бы применять силу.

– Не придется, – Орк откинул полу короткой куртки. – При мне только пистолет. Остальное оружие в соседней комнате.

Карсон кивнул, вытащил из кобуры Орка пистолет, передал помощнику и вновь обратился к Орку:

– Если дадите слово, что не попытаетесь бежать, мы не станем надевать на вас наручники, сэр. Под мою ответственность.

– Вы серьезно? – изумленный Орк поднял голову и впервые посмотрел в глаза тому, кто пришел его арестовывать. И увидел… себя: опытного, много чего повидавшего спеца, знающего, каково быть солдатом. Увидел себя, только стоящего на другой стороне. Увидел себя и понял, что слова об уважении не были ложью.

Пауза затянулась, поэтому Карсон счел нужным добавить:

– Вы – офицер, и я не хочу видеть вас скованным до решения суда. Просто дайте слово.

– Мое слово, – твердо сказал Орк.

– Благодарю вас, полковник, и прошу следовать за мной.

* * *

McEnery Convention Center США, Сан-Хосе август 2029

– Алые – твой проект, – очень тихо сказала Лариса.

– Да, – коротко подтвердил A2, поправляя воротник рубашки. – Все они и каждый в отдельности. Я вывел suMpa на новый уровень.

– Зачем?

– Чтобы снести стратегических инвесторов, – пожал плечами Феллер. После чего подошел к зеркалу и внимательно оглядел шею, изучая оставленные Арчером следы. – Они были абсолютно правы, не доверяя мне.

– Но почему?

– Потому что я считаю проект «Elysium» гибельным для цивилизации.

– А проект «Алые»? – нервно спросила женщина.

– Он нас взбодрит, – ответил A2, раскуривая самокрутку. А раскурив – вставил в рот бледной как смерть Томази и похлопал женщину по щеке: – Ты все увидишь.

Гуннарсон вернулся в угол и вновь стал невидимым, а мертвый Арчер остался мертвым. И Алым: красная кожа, оранжевые ногти, залитые мерцающей ртутью глаза… Гуннарсон не стал их закрывать, и мертвый Арчер таращился в потолок.

Пугая Ларису до полусмерти.

Но она держалась.

– Сколько их будет? – спросила она и закашлялась – табак оказался ароматным, но невозможно крепким.

– Очень много.

– Тысячи?

– Миллионы, – хладнокровно рассказал Феллер, глубоко затягиваясь самокруткой. – Мощности нового оборудования ar/G

и возможности OS «suMpa» гарантируют бесперебойную работу любого количества «обложек». Мы выбираем объект, и – раз! – на Земле на одного Алого больше.

– Ты не сможешь контролировать настолько большое количество объектов: Алых начнут вскрывать в поисках вируса…

– Пусть вскрывают: вирус в них есть, он есть в каждом из нас, – рассмеялся А2. – Лариса, ты забыла, что мы распространили безвредный спящий вирус еще до запуска suMpa. Он незаметен, он выглядит безобидным – но он есть. Его попытаются вскрыть, но не смогут, потому что в «Clisanto» работали великолепные специалисты, настоящие мастера своего дела. У моего друга Кастора хватало тараканов в голове, но в своей области он продвинулся так же далеко, как я с «Iris Inc.» – в своей. Я попросил Кастора разработать невскрываемый вирус, и он это сделал, – Феллер помолчал. – Жаль, что он умер.

И они не сговариваясь посмотрели на Арчера.

– Кого ты еще убил? – поинтересовалась Лариса, изо всех сил стараясь «держать» голос. И затушила самокрутку прямо о столешницу.

– Всех инвесторов старше сорока двух лет, – ответил А2. – Но не убил, а превратил в Алых, а там уж как кривая вывезет… Специалистов я отправил к дяде Солу, Андерсону, Полуцци, дуракам Райвушам и тем, кто стоял ближе всех к проекту «Elysium». Но самое интересное, что винить в их гибели станут не меня, а Орка.

– Мне сорок три, а я не покраснела, – с вызовом произнесла Томази. – И я стояла очень близко к проекту «Elysium».

– Я всегда питал к тебе слабость.

– Только не ври, – поморщилась Лариса. – То, что мы с тобой когда-то переспали, не делает нас ни друзьями, ни даже знакомыми. Чего тебе нужно?

– Я – Цезарь, – ответил А2. – Я разгромил республику стратегических инвесторов, но обретенная власть слишком велика для одного человека. Я ищу тех, кто пойдет со мной, тех, кто не позволит системе обвалиться и продолжит руководить мировой экономикой, тех, кто будет сидеть за одним столом со мной. Но стол не будет круглым.

– Мы больше не равны, – поняла Лариса.

– Никогда, – подтвердил Феллер.

И они вновь посмотрели на мертвого Арчера.

* * *

***NBC News**: Вторая Вспышка стала настоящим кошмаром! Ее уже назвали Алой, как тех, в кого начали превращаться олдбаги под действием вируса. Эти чудовища столь же омерзительны*

снаружи, как и внутри, и нет сомнений, что их единственная цель – полное уничтожение человечества…

***Xinhua**: Мутация suMpa показывает, что государства Земли обязаны как можно скорее отказаться от всех видов биологического оружия, последовательным сторонником чего всегда выступала Китайская Народная Республика…*

***ABC News**: Сразу после Алой Вспышки в Лос-Анджелесе начались уличные бои. В настоящий момент объединенные силы Алых, среди которых оказались преимущественно члены афроамериканских преступных группировок, теснят испаноязычные отряды и полицию и уже захватили Голливудские холмы. Военные направили в зону боев две эскадрильи беспилотников, а к вечеру ожидается прибытие передовых частей Национальной гвардии…*

***RBK**: Никто не удивился обилию алых чертей среди руководства…*

***CNN**: Разгромив научный центр «Clisanto», Орк лишил человечество надежд на быстрое создание вакцины…*

***Deutsche Welle**: Не слишком ли много алых чудовищ окопалось в Силезии и Померании? Не пора ли очистить эти земли?*

***Ciliophora Project**: Может показаться странным, но русские власти заранее приготовили концентрационные лагеря и теперь бросают в них всех подряд: и Алых, и олдбагов, и обычных молодых людей, например тех, кто осмелился косо посмотреть на полицейского…*

***RT**: Пресс-секретарь президента опроверг слухи о создании концентрационных лагерей для Алых и других граждан…*

***BBC**: Правительство Шотландии объявило о безусловной независимости. Лидер партии «Свободные холмы», провозгласивший себя временным премьер-министром, заявил: «После того как Виндзоры показали свои истинные лица, мы не хотим и не можем оставаться под властью короны…»*

***EURONews**: На улицах Лондона зафиксированы столкновения с применением тяжелой бронетехники. Мародеры не отступают и обещают добраться до самых богатых районов уже этой ночью. Правительственные войска гарантируют гражданам безопасность, но требуют соблюдать комендантский час…*

***France24**: Главное для нас – не превратиться в Лондон…*

***FakeNews Corp.**: Лувр полностью разграблен. По нашим данным, спасти удалось лишь несколько самых знаменитых шедевров, в числе которых, к счастью, оказалась «Джоконда» Леонардо да Винчи…*

#FakeNewsVideo

– Люди, опомнитесь, это же Нью-Йорк! – Бобби Челленджер не сумел сдержать эмоции и закричал, увидев снятые на улицах

Статен-Айленда кадры, закричал от ужаса и растерянности: – Что вы делаете, люди?!

Бобби многое повидал и на экране, и в жизни. Видел смерти, видел разрушения: последствия природных катастроф и военных действий, видел оставшихся без родителей детей, покалеченных, умирающих от голода, видел, как наемники сжигали деревни со всеми жителями. Но только видео из Статен-Айленда заставило Бобби закричать от боли.

Потому что горел его город. Умирали его соседи. Его граждане стреляли друг в друга.

– Люди…

Все началось с провокации: едва олдбаги стали массово взрываться в страшных тварей, «Напуганные граждане» потребовали от властей «очистить» Статен-Айленд. «Напуганных» немедленно поддержали «обычные» граждане, то есть бандиты, почуявшие возможность ограбить целый боро, и после того как власти ожидаемо ответили отказом, боевики пошли на штурм, неведомым способом ухитрились продавить Национальную гвардию и ворваться на остров.

Поняв, что защищать их никто не собирается, олдбаги взялись за оружие, и Статен-Айленд превратился в ад.

– Вы не должны были так поступать, – почти шептал Бобби, давным-давно позабывший, что должен комментировать идущую с дронов «картинку». – Вы не должны…

Впрочем, видеокадры в комментариях не нуждались: горящие дома, горящие машины, горящие люди – прямо на улицах. Одни попали под струю огнемета, другим надели автомобильную покрышку… Автоматные очереди – несмолкаемые: если затихало на одной улице, немедленно начиналась перестрелка на соседней. Боевики, гвардейцы, Алые и еще не взорвавшиеся олдбаги – все остервенелые, бешеные, вооруженные. Каждый считает себя правым и без колебаний открывает огонь.

– К счастью, на Статен-Айленде не было детей, – продолжил Бобби. – Им не пришлось страдать.

Зато остальным досталось с лихвой. Особенно олдбагам. И установленные на дронах камеры хладнокровно фиксировали творящиеся в боро ужасы.

Вот семья олдбагов, каждому лет по шестьдесят, не меньше. Старушка стала Алой, ее муж – нет и защищал жену до последнего вздоха. Он стрелял, пока не кончились патроны, а потом его выкинули из окна. Добивать не стали – просто выкинули с четвертого этажа, зная, что он не умрет сразу, будет мучиться и кричать.

Еще двух Алых привязали к желто-голубому «Крайслеру»

старой модели и потащили по улице под гогот бандитов. Далеко уехать не получилось: подоспевшие гвардейцы подорвали «Крайслер» выстрелом из гранатомета, но несчастным это не помогло.

Военный вертолет получил сразу две ракеты, завалился на крышу ближайшего дома, словно пытаясь разрубить здание винтом, и лишь потом взорвался. Катапультировавшегося пилота расстреляли в воздухе.

– Что же вы делаете? – бессмысленно повторял Бобби, впервые в жизни ненавидя правду, которую выкладывал в Сеть. – Что же вы делаете?

Манхэттен США, Нью-Йорк август 2029

– Нужно отметить, что Нью-Йорк с честью преодолел Алую Вспышку, – твердым голосом произнес ведущий выпуска новостей, уверенно глядя на зрителей. Ведущий вел себя слишком спокойно для человека и скорее всего был виртуалом, транслирующим написанный текст с нужной интонацией. – Полиция и Национальная гвардия не допустили погромов, аналогичных тем, которые возникли после Первой Вспышки, и мгновенно взяли ситуацию под контроль.

Порядок был достигнут самым простым из всех возможных способом: появляющихся Алых убивали на месте, затем приступили к уничтожению потенциальных Алых, но жертв оказалось мало, поскольку большинство олдбагов были эвакуированы. Это во-первых. Вторая же причина заключалась в том, что «Напуганные граждане» и бандиты сосредоточились на одном из городских боро.

– Проблемы возникли только в Статен-Айленде, куда, несмотря на все усилия Национальной гвардии, удалось прорваться группе радикально настроенных граждан, – с печалью продолжил диктор. – В настоящий момент военные пытаются взять Статен-Айленд под контроль, но Алые отчаянно сопротивляются, и наступление захлебнулось на линии скоростной дороги. Национальная гвардия наращивает группировку беспилотников, и наши эксперты не сомневаются, что контроль над боро будет восстановлен в течение суток.

На экране появились кадры из Статен-Айленда: горящие дома, барражирующие вертолеты и беспилотники, блокпосты и – крупно! – противостоящие гвардейцам Алые: вооруженные в основном легким оружием, но сумевшие удержать самодельные баррикады.

– Надоели новости, – угрюмо произнес Ли, отключая коммуникатор. – Везде одно и то же.

– Это глобализация, друг мой. – Сидящий в кресле

Челленджер усмехнулся и почесал живот. – Везде не может быть разное, потому что тогда получится, что где-то живут не так, как положено, а это запрещено.

– Ты тоже надоел, – поразмыслив, сообщил китаец, раскуривая трубку. – Если ненавидишь нынешнюю версию мира, то какого черта работаешь на него?

– Хочу, чтобы каждый орк наелся нынешней версией до отвращения, – благодушно сообщил толстяк и сделал большой глоток пива из тяжелой глиняной кружки. – Только так мир станет ближе…

– Ближе к чему?

– К смерти, естественно, – опередил Челленджера Марко ди Аморо. – Разве не к ней мы все идем?

– Чертов фаталист, – проворчал китаец.

– За последний год меня официально убили два раза, причем оба раза представители властей, – отозвался итальянец. – Станешь тут фаталистом.

Все то, что свершено в предсмертные мгновенья,
Божественных высот несет напечатленье,
Самоотверженность и вдохновенный труд
Пред гробовой доской не знают жалких пут.
А крик, пронзивший даль окрестностей Голгофы,
Ужасный вопль того, кто в муках в смерть вступал,
Знаменовал конец всеобщей катастрофы,
Страшней которой мир не знал[23], —
произнесла Эрна.

До сих пор она молчала, облокотившись на перила и задумчиво разглядывая панораму ночного Нью-Йорка, но неожиданно прочла стихотворение, видимо, среагировав на упоминание смерти.

И, как обычно, привлекла внимание друзей. Которые прекрасно знали, что девушка нечасто обращается к поэзии просто так, без смысла, и, как правило, подбирает те строки, которые имеют отношение к происходящему.

– Разве мы закончили катастрофу? – тихо спросил Марко. – Кажется, мы ее начали.

– Разве наше общество не было самой настоящей катастрофой? – осведомилась Мегера.

Бобби одобрительно кивнул и сделал очередной глоток пива.

– А нынешнее? – не согласился ди Аморо. – Чем оно лучше того, что было?

– Оно хуже, – вдруг сказала Эрна, и Марко изумленно присвистнул.

Бобби вновь улыбнулся, а китаец обратился в слух.

– Нынешнее общество хуже того, что было, но намного лучше того, во что его собирались превратить, – спокойно произнесла девушка. – Мы остановили катастрофу, выбрав меньшее зло.

– Идеал недостижим?

– Увы.

– Жаль.

– Таков закон.

И снова наступила тишина.

Они сидели в баре «The Press Lounge», на крыше, любуясь великолепным видом на город. Четверо друзей, знающие друг друга ни один год. Толстый Челленджер: самый старый, самый опытный, самый веселый и самый разыскиваемый. Одетый в застиранную футболку, подвернутые штаны и босиком. Молчаливый Ли Хаожень, создатель поразительно реалистичных «обложек». Он явился в бар, как на похороны: в черном костюме и белоснежной сорочке, пиджак и галстук давно снял, сорочку расстегнул, подвернул рукава, но все равно оставался самым элегантным из присутствующих. Марко ди Аморо, величайший специалист по «балалайкам», выбравший из своих дорогущих шмоток те, которые выглядели одеждой бродяги. И Мегера – как обычно красивая и скрывающая красоту. Они собрались в баре, чтобы выпить, помолчать и поговорить. И чтобы им никто не мешал. Они сидели на крыше, смотрели на город, переживающий Алую Вспышку, на барражирующие в небе вертолеты, на прожектора патрулей Национальной гвардии, прислушивались к выстрелам и не знали, как относиться к тому, что происходит вокруг. И как относиться к себе.

И еще они не знали, что будет дальше.

– Нас ведь не убьют? – тихо осведомился Ли.

– Он дал слово, – ровно ответила девушка.

– Ты это уже говорила.

– Тогда почему спрашиваешь?

– Потому что он убил всех, кто был связан с проектом.

– Не всех.

– Я правильно понимаю, что он уничтожил стратегических инвесторов? – подал голос Бобби.

– Многих, – обронила Мегера.

– Он перебил своих, он перебил тех, кто работал над проектом… – Марко щелкнул зажигалкой, собираясь раскурить сигару, но руки у него дрожали, и огонек погас. – Мы все идем к смерти.

– Им он слова не давал, – уточнила девушка.

– Даже Карифе? – прищурился Бобби.

– Она не спрашивала, – очень тихо сказала Эрна и

отвернулась.

– Карифа его любила, – вздохнул китаец. – Вот и не спрашивала.

– Больше об этом никогда не говори, – посоветовала девушка. – Вообще никогда.

Хаожень замер, потом кивнул и опустил голову.

– А я не понимаю, с чего вдруг нами овладело похоронное настроение, – громко произнес Бобби. – Только потому, что Ли притащился в черном костюме?

– Болван, – проворчал китаец.

– Мы изменили мир, друзья, это мало кому удается, – закончил толстяк.

– Мы его перевернули и сделали другим, – сообщил ди Аморо, который наконец-то раскурил сигару. Над крышей поплыл аромат прекрасного табака.

– Перевернуть мир удавалось считаным единицам, – повысил голос Челленджер. – И даже если он решит нас прикончить, мы оставим после себя совершенно другую Землю.

– Не идеальную.

– Давайте подумаем, как ее изменить, – предложил Бобби. – Время у нас есть.

Марко поперхнулся дымом и выругался, Эрна рассмеялась, Ли выплюнул на пол коктейль и поднял брови:

– Ты серьезно?

– Когда-то я поклялся ломать то, что мне не нравится, – ответил толстяк, по очереди разглядывая друзей. – И готов продолжать.

– Снова прыгать в outG? – поморщился ди Аморо.

– Думаю, он с легкостью подарит тебе тропический остров и столько золота, что даже твои праправнуки не смогут его потратить, – пожал плечами Бобби. – Но нужно ли тебе это, Марко?

– Давайте посмотрим, что будет дальше, – предложила Эрна. – И тогда примем решение.

– Я не против подождать, – кивнул Челленджер, поднимая тяжелую пивную кружку. – Но кто нам мешает поговорить об этом сейчас? Скажи, Мегера, что именно тебе не нравится в нашем новом, отнюдь не идеальном мире?

#orcVideo09

– Все вы знаете, что такое игра, и все вы играли или играете до сих пор: бросаете кости или карты, сидите перед человеком или монитором, осторожничаете или ставите на кон все и… выигрываете. Или остаетесь ни с чем, такое тоже случается – и случается намного чаще сказочных побед, легенды о которых вы,

орки, передаете из уст в уста. Все вы понимаете, о чем я говорю, но хочу напомнить, что когда-то давно игры велись ради победы и служили отражением действительности. Шахматы, го, покер, гольф – в них нужно победить, потому что в этом заключается смысл: и игры, и жизни.

На этот раз Орк обращался к миру, сидя на ступенях самого известного казино мира – Монте-Карло. Судя по теням, запись велась ранним утром, и велась недавно, о чем издевательски сообщила плашка с датой в правом нижнем углу. Самый разыскиваемый преступник планеты с удовольствием демонстрировал этому самому миру свое безусловное превосходство над полицией и GS.

– Меня зовут Бенджамин «Орк» Орсон, и я такой же, как вы. Я играл с друзьями по маленькой и несколько раз ездил в Лас-Вегас ради острых ощущений и надежды сорвать банк. Адреналина мне хватило: все вы знаете, как возбуждает наблюдение за бегущим по кругу шариком, – а вот с деньгами не сложилось. Но я проскочу несколько глав и сразу перейду к той эпохе, в которой массовые игры перестали быть отражением действительности и превратились в убийц времени.

Далеко не все из вас, орки, готовы играть, как я: раз в год, но по-настоящему; вам требуется ежедневное развлечение, чтобы скрасить то, что вы называете жизнью, чтобы запустить примитивную сетевую игрушку «на пять минут», а очнуться через два часа, с отвращением глядя на детей, клиентов или гору дел, которые мешают вам отключиться на целый день. Которые заставляют вас выпрыгивать из приятного времяпрепровождения… Обязательно – из приятного. Ежедневное одуряющее блюдо, которым вас пичкают, орки, должно быть приятным. И это блюдо – бесконечные игрушки, в которые невозможно проиграть, как бы игрок ни старался. Можно потерпеть временную неудачу, но нельзя безвозвратно потерять все. Владельцы игр заметили, что недовольный игрок уходит и уносит деньги конкурентам, туда, где выдуманный мир не даст ему оплеуху, и изменили смысл своих шапито: игры больше не учат побеждать и не требуют победы, они помогают вам оставаться довольными, орки, почесывают вас, как обожравшихся свиней, не имеющих сил подняться с дивана.

В левой руке Орка появилась круглая и явно тяжелая фишка, которую он искусно пропустил через пальцы, задумчиво наблюдая за то и дело появляющимся номиналом: 10 000 000. Десять миллионов кредитов. Для Орка фишка не имела никакого смысла, но у многих его зрителей вспыхнули глаза.

– Владельцы игр ничего не придумали, они лишь

последовали за изменившимся миром, – негромко продолжил Орк, не прекращая играть со сверхдорогой фишкой. – Мы построили неплохую цивилизацию, но застряли в ней, как мухи в меду. Мы поверили, что нам всегда будет хорошо, и не хотим ничего менять. Мы не хотим сражаться даже в играх. Мы размякли. Мы, орки, забыли привычную ярость и превратили мир в примитивную игрушку, в которой нельзя проиграть и из которой невозможно вырваться: есть крыша над головой, еда, доход, развлечения, и вам достаточно. Но вы забыли, орки, что вечны в мире только Город, который стоит, и Колесо, чья суть – изменения. И все творится в тени Пирамид. Вы думали, что ваш несовершенный рай – это вершина, но в действительности он тупик. Сытый и медленно разлагающийся. И вы разлагаетесь, орки, вы покрываетесь плесенью, обращаете в пыль и анекдот грандиозные усилия, которые прилагали предки, чтобы вы жили лучше. Но игры кончились, мир изменится, нравится вам это или нет, suMpa избавил мир от привычного уюта, и те из вас, кто не очнется, уйдут в небытие. А точнее… – Орк грустно улыбнулся и небрежно швырнул фишку в сторону. – А точнее, не выйдут из небытия.

Федеральная башня «Бендер» США, Нью-Йорк август 2029

«Кризис Алых», который стал естественным продолжением «кризиса suMpa», поставил GS в сложнейшее положение: если до сих пор агентам и полиции приходилось привычно «приводить в чувство» сорвавшихся с поводка бандитов, то массовое явление Алых заставило вести полноценные боевые действия, освобождать территории от… Нет, не от захватчиков, а от тех, кто жил в этих домах и городах, а теперь внезапно обратился в Алых чужаков. И взялся за оружие, требуя для себя таких же прав, как для всех остальных.

Власти некоторых стран провели «чистку», доведя расправу с олдбагами до логического завершения; другие территории, напротив, стали полностью «алыми» – из них изгнали тех, кто не пожелал жить рядом с изменившимися олдбагами; некоторые «алые» территории предлагали договориться, найти разумный компромисс, но таких было меньшинство – в основном лилась кровь.

И потому новый директор GS Руперт Карсон был вынужден проводить оперативные совещания с руководителями филиалов дважды в день: в шесть утра и шесть вечера, поскольку непрерывно меняющаяся обстановка требовала постоянного внимания.

– Южная Америка?

– У нас все по плану, – спокойно ответил представляющий

Рио Диего, и его коллеги из Аргентины, Чили, Колумбии и других стран поддержали товарища кивками. – Алые и им сочувствующие предпочитают уходить в джунгли, образуют анклавы на границе освоенных земель и не представляют серьезной угрозы. Полагаю, мы оставим происходящее как есть.

Традиции требовали заботиться о стариках, и с появлением вируса южноамериканцы пошли по пути техасцев, защищая своих старших и не позволяя бандитам их трогать. Инциденты, разумеется, были, но они жестоко пресекались. Несмотря на недовольство «современных» жителей мегаполисов, работа с олдбагами проводилась по «мягкому» варианту, и Южная Америка не стала для Руперта головной болью.

– Хорошо, я понял, – Карсон кивнул, показывая, что руководители могут быть свободны, и обратился к самой «горящей» зоне – Европе: – Что у вас?

– За двенадцать часов ничего не изменилось, не знаю, хорошо это или плохо, – несколько вальяжно доложил Замир Саади, руководитель французского филиала GS. – Армия расколота, общество тоже, столкновения возникают в самых неожиданных местах, но вроде серьезные инциденты остались в прошлом. Войны у нас не будет.

Английские острова были отторгнуты сразу, поскольку Алые получили на них колоссальное численное преимущество. Руперт надеялся, что острова станут магнитом для всех европейских олдбагов, однако те предпочли взяться за оружие и попытаться удержать свои территории. Но, несмотря на поддержку армии, постепенно сдавались напору «новых европейцев», среди которых оказалось намного больше молодежи. Некоторое время «старые европейцы» держались и даже переходили в контрнаступление, но постепенно преимущество в численности стало сказываться, и Алые терпели одно поражение за другим, уступая Европу новым хозяевам.

– Скорее всего, мы с испанцами образуем Федерацию, – рассказал Саади, и представляющий Мадрид Мунир Ферер коротко кивнул. – Балканы так и останутся под Албанией, а за Германию и Скандинавию будет драка, но внутренняя, чисто этнические разборки. Албанцы, правда, нацелились на Швейцарию, но я не хочу отдавать им этот лакомый кусок.

– Не хочешь – не отдавай, – кивнул Карсон. – А что с Алыми?

– Алые останутся только у победителей, – пожал плечами француз. – А кто победит, уже ясно.

«Алые останутся у победителей…» До тех пор, пока не возникали проблемы, своих стариков старались не бросать. «Чужие» или «ничейные» зоны олдбагов уничтожали охотно, а

своих берегли, цепляясь за старые традиции и правила, в городах меньше, но все равно пока цеплялись, наивно надеясь обхитрить накатывающийся на цивилизацию каток нового мира.

– Пусть остаются, – пожал плечами Карсон. – Рано или поздно они об этом пожалеют.

И перевел взгляд на руководителей американских филиалов.

* * *

***The Washington Post**: Если верить правительству, Алая Вспышка идет на убыль, и власти постепенно восстанавливают контроль над происходящим. Но если верить своим глазам, то ситуация перестает казаться радужной. Алые ушли только оттуда, где правительственные войска сумели окружить и жестоко разбомбить их анклавы, как это получилось в Статен-Айленде. А вот Вирджиния оказалась под властью Алых полностью, включая военно-морскую базу в Норфолке, и никто не знает, чем это может грозить, учитывая, что на базе есть хранилище ядерных зарядов…*

***CNN**: Найдена фишка Орка! После обнародования очередного обращения самого известного преступника планеты множество людей бросились в Монте-Карло в надежде отыскать драгоценную фишку, которую Орк небрежно бросил в кусты. Как сообщается, полиция Монте-Карло сумела пресечь возникшие беспорядки, подвергнув превентивному аресту около тридцати человек. Что же касается фишки, она была обнаружена домохозяйкой Халидой Томпсон из Бирмингема. Казино уже подтвердило подлинность фишки и обязалось выплатить счастливой Халиде ее номинал…*

***FOX News**: Пророк Джелимо Ндереба, основатель Церкви Божественной Молодости, объявил о начале Крестового похода против олдбагов, призывая сторонников избавляться от всех, кто несет потенциальную угрозу. Есть сведения, что вчера вечером вооруженные отряды Церкви Божественной Молодости вторглись в Огайо, однако официального подтверждения начала боевых действий пока нет…*

***RT**: Особенно трагическая ситуация сложилась в Пакистане и Зимбабве…*

***EURONews**: Румынские власти официально объявили, что не примут беженцев из Богемии и Померании…*

***Xinhua**: В 2029 году Китайская Народная Республика сохранит почетный титул Первой экономики планеты…*

***Ciliophora Project**: Нет никаких сомнений, что Алые, пожирающие валяющиеся на улицах русских городов трупы, представляют собой реинкарнацию красных комиссаров, создавших безжалостный ГУЛАГ…*

***FakeNews Corp.**: Мегаполисы пустеют. Как отмечают*

наблюдатели, после принудительного переселения олдбагов в эвакуационные зоны население самых больших городов планеты изрядно сократилось…

#FakeNewsVideo

– Вы слышите военный оркестр? Да, друзья, военный оркестр: трубы, барабаны, дирижер, мундиры… Красные мундиры Королевской гвардии! А над мундирами, но под медвежьими шапками – красные лица Алых!

Этот репортаж Бобби Челленджер вел из Лондона, показывая изумленным зрителям самое необычное событие Алой Вспышки. Его дроны вертелись над чистеньким, словно нарисованным, Лондоном, стараясь не упустить ни одной детали торжества.

– Англичане сумели меня удивить, – признался толстяк, выводя на мониторы марширующих гвардейцев. – Сегодняшний день король объявил праздничным: Днем Алого Преображения – и проводит церемонию с поистине имперским размахом.

Король тоже попал в кадр: он ехал в открытой карете, важно приветствуя толпящихся вдоль дороги подданных, однако в первую очередь дроны Челленджера выхватывали военных и музыкантов, всадников и пехотинцев, яркие штандарты и не менее яркие мундиры.

Первое в истории человечества королевство Алых праздновало становление. И когда в своей речи король Чарльз провозгласил появление у берегов Европы Острова Свободы, Бобби, как ни странно, не сопроводил его ожидаемым саркастическим замечанием. Он помолчал, а затем негромко и очень серьезно сказал:

– Я не знаю, как получилось, что все старшие Виндзоры оказались Алыми, не знаю, как им удалось удержать власть, но я точно знаю, что Остров Свободы Европе необходим и тысячи людей будут обязаны королевской семье жизнью.

Эвакуационная зона «Техас Хилл» США, Техас август 2029

Алая Вспышка прошла в Техас Хилл незаметно. Ни один из находящихся в эвакуационной зоне олдбагов не заразился, не превратился в монстра, и о навалившихся на планету проблемах южане узнавали из новостей да со слов побывавших в Хьюстоне и других городах друзей. А послушав, убедились, что действуют правильно и следует продолжать в том же духе: запереться в маленьком уютном мирке и ждать, когда закончится безумие suMpa.

Но запереться – не значит спрятаться. И несмотря на то что планету сотрясали сражения с Алыми, а Рейган не высовывалась из Техас Хилл, большой мир о ней не забыл. И когда однажды вечером Нэш попросил девушку явиться в офис шерифа,

красноволосая мгновенно поняла, что приближаются неприятности.

И не ошиблась.

Потому что помимо Нэша в комнате находился специальный агент Конелли, такой же невысокий, полный и лысый, каким она его помнила. Только теперь остатки волос не пребывали в беспорядке, а были аккуратно расчесаны. И сам итальянец выглядел аккуратно: спокойный, сосредоточенный, облаченный в строгий деловой костюм и галстук, он ничем не напоминал того Конелли, которого Рейган знала много лет и даже любила.

– Агент Рейган.

– Специальный агент Конелли, – улыбнулась красноволосая, без спросу усаживаясь в кресло. – Как долетели?

– Вижу, агент Рейган, вы тут неплохо устроились.

– Я тут живу.

– Но продолжаете получать жалованье в GS.

– Я здесь еще и работаю, – огрызнулась девушка.

– Знаю о вашей командировке, агент Рейган, это была шутка, – жестко произнес итальянец, но не уточнил, что именно было шуткой: его слова или ее командировка. – Вы не удивились, увидев меня.

– Я ждала посланника, – не стала врать красноволосая. – Но не думала, что им окажетесь вы, специальный агент Конелли.

– Мы решили, что мое появление ответит на массу ваших вопросов, – усмехнулся итальянец.

– Вы решили правильно, – угрюмо ответила Рейган.

Нэш, который, судя по всему, знал о предыдущих взаимоотношениях агентов, побарабанил пальцами по столешнице, но промолчал.

– Покинули Нью-Йорк, чтобы избежать расследования? – поинтересовался Конелли, давая понять, что не хочет задерживаться в Техас Хилл дольше необходимого. – А потом уехали из Далласа в эту глушь?

– Решила навестить мать.

– Правда?

– Проверьте, – предложила девушка.

– Каким образом? – слегка растерялся агент.

– Вам виднее.

Нэш хмыкнул. Конелли порозовел, но сумел продолжить спокойным тоном:

– Вы уже знаете, что случилось после того, как вы покинули Нью-Йорк, агент Рейган?

– Да, – коротко ответила красноволосая. Очень коротко, потому что боялась не удержать голос.

– Вся ваша группа погибла.

– Половина.

Шпилька не достигла цели. Во всяком случае, голос Конелли не дрогнул.

– Вы продемонстрировали удивительное везение, агент Рейган.

– А вы – удивительную предусмотрительность, специальный агент Конелли.

– Я был специальным агентом Отдела внутренних расследований задолго до того, как оказался в группе Амин.

Откровенным ответом он сумел удивить красноволосую. Девушка вздрогнула, на мгновение оказавшись совершенно беззащитной, и растерянно переспросила:

– То есть вас к нам приставили?

– Таковы правила, – развел руками итальянец. Но что это за правила, объяснять не стал. – Скажите, агент Рейган, вы знали, что Карифа Амин вступила в преступный сговор с полковником Бенджамином Орсоном, более известным как Орк?

Слово прозвучало. Узнав, что Карифу подозревают в подготовке и проведении знаменитого террористического акта в штаб-квартире GS, Рейган сразу поняла, что их группу сделают крайней. И укрепилась в этой мысли, после того как в новостях рассказали, что Захара убили во время нападения на исследовательский центр «Clisanto». Причем убили доблестные охранники центра, а Захар якобы сопровождал террористов. Узнав все это, Рейган подумала уйти в горы, но в мире ar/G спрятаться невозможно, и она осталась ждать посланника.

Что же касается признания итальянца, оно ясно показало, что группу Амин не просто решили сделать крайней – ее целенаправленно вели на заклание.

– Мне повторить вопрос, агент Рейган? – почти равнодушно осведомился Конелли.

– Как я должна ответить? – через силу спросила девушка.

И по глазам итальянца поняла, что угадала с вопросом.

– Вы должны подтвердить, что узнали о преступном сговоре заместителя директора Амин с полковником Бенджамином Орсоном, более известным как Орк, но в силу ваших взаимоотношений с Карифой не нашли в себе силы доложить о преступлении и предпочли уехать. Федеральный судья Баденхаузер рассмотрел ваше признание и счел возможным не привлекать вас к ответственности. Вы оправданы, агент Рейган. Вы уволены из GS, но, насколько мне известно, техасские рейнджеры не против видеть вас в своих рядах.

Красноволосая посмотрела на Нэша, тот едва заметно кивнул.

– Это очень щедрое предложение, агент Рейган, – продолжил Конелли. – Если хотите знать мое мнение: я не ожидал, что он его сделает.

Они не назвали имя во время разговора, но оба прекрасно знали, о ком идет речь. Нэш, скорее всего, так и не понял, кого имеют в виду собеседники, но благоразумно промолчал.

– Он как-нибудь объяснил свою щедрость?

– Он сказал, что любовь должна быть вознаграждена. Ему понравилось, что вы не предали свою любовь, агент Рейган.

– А он? – не удержалась красноволосая.

– Вам лучше не задаваться этим вопросом, – тихо ответил Конелли. – Никогда.

Девушка глубоко вздохнула, кивнула, показывая, что приняла совет итальянца, и поинтересовалась:

– Что будет, если я откажусь?

– Мы уничтожим Техас Хилл.

– Направите сюда войска?

– Ударим со спутников и сожжем все к чертовой матери.

– У него есть такая власть?

– У него абсолютная власть, агент Рейган, – подтвердил Конелли. – Странно, что вы этого до сих пор не поняли.

– А вдруг я спасусь? – прищурилась красноволосая.

– Ему безразлично, – пожал плечами итальянец. – Главное, вы станете причиной смерти тысяч людей.

Нэш поднял брови, но было видно, что он не верит в последний вопрос девушки и знает, как она поступит.

– Считайте, что я подписала, – выдохнула красноволосая, отворачиваясь, чтобы Конелли не увидел выступившие на глазах слезы. – Это все?

– Есть еще одно требование, агент Рейган…

– Вы говорили, что других условий не будет! – воскликнул Нэш.

– Это не другое условие, а подпись, – объяснил Конелли, абсолютно не встревоженный громким и явно угрожающим возгласом Нэша. – Он не доверяет электронным автографам и хочет получить нечто существенное. – Итальянец достал из портфеля деревянную шкатулку и подвинул красноволосой. – Прошу.

Девушка откинула крышку и увидела лежащие на черном бархате короткий нож и белый платок.

– Мизинец левой руки, агент Рейган.

– Что за ерунда? – вновь вырвалось у Нэша. – Вы что, насмотрелись дрянных фильмов про японскую мафию?

– Это не ерунда, это знак, подтверждающий крепость слова, –

очень спокойно объяснила девушка, и Нэш замолчал. – Он не может меня убить, но кровь должна пролиться.

– Он знал, что вы поймете, – кивнул Конелли.

Рейган вынула из шкатулки платок, разложила его на столе, взяла нож, который оказался неимоверно острым, уверенно приложила его к пальцу, стиснула зубы и надавила.

Отрезая свое прошлое.

Навсегда.

Нэш дернул щекой, но промолчал.

– Пожалуйста, – девушка аккуратно завернула отрезанный мизинец в тряпицу, вместе с ножом вернула в шкатулку и подвинула агенту.

– Всего доброго, агент Рейган, – с легкой грустью в голосе произнес Конелли. – Уверен, мы больше не увидимся.

* * *

***CNN**: Сенсация! Президент согласился с доводами Главного судьи Верховного Суда США и объявил о добровольной отставке! Теперь среди высших должностных лиц государства не будет ни одного олдбага! Новые выборы назначены на…*

***The Washington Post**: Будем откровенны: выдвигать на пост Президента олдбага можно только в том случае, если вы рассчитываете на разгромное поражение. По нашим данным, во внутреннем рейтинге республиканцев лидирует тридцатилетний сенатор от Калифорнии Луис Родригез, способный консолидировать «испанский пояс», что же касается демократов, то их кандидатом скорее всего станет бывший губернатор Вирджинии Мпундо Чомбе, изгнанная из штата Алыми…*

***REUTERS**: Неназванный источник в GS сообщает, что оперативные сотрудники вышли на след полковника Бенджамина Орсона, известного всему миру под псевдонимом Орк…*

***The New York Times**: Сенсация! Министр обороны взял на себя всю ответственность за распространение вируса suMpa! По его словам, в заговоре принимали участие он сам, директор GS Арнольд Митчелл и президент «Clisanto» Кастор Лукас Фредерик Розен III. Если верить министру, Президент не знал и даже не догадывался о том, что боевой вирус suMpa был разработан «Clisanto» по заказу министерства обороны. Что же касается уничтожения Воронежа, оно произошло случайно и было замаскировано под метеоритную атаку по взаимному согласию сторон…*

***NBC News**: Срочное сообщение! Полковник Бенджамин Орсон оказал сопротивление при аресте, был тяжело ранен и в настоящее время доставлен в военный госпиталь…*

***CBS**: Неужели Президент ни о чем не догадывался? Поскольку доказательства его вины отсутствуют, мы можем опираться*

лишь на слова министра обороны…

***AP**: Поступают противоречивые сообщения о состоянии полковника Орсона. Ясно одно: самый известный человек современности пребывает между жизнью и смертью…*

***Xinhua**: Китайская Народная Республика решит проблему Алых в течение недели…*

***Bloomberg**: Филип Паркер заявил, что «Iris Inc.» не видит необходимости в возвращении к прежнему названию OS. «Мы приняли решение сохранить для глобальной операционной системы то название, которое вольно или невольно дал ей Орк: OS «suMpa». Мы считаем, что не имеем права забывать о трагических событиях, через которые пришлось пройти цивилизации…»*

***Ciliophora Project**: Давайте пересчитаем города, которые были стерты с лица Земли русскими…*

***FakeNews Corp.**: Кому-нибудь, кроме нас, интересна правда о том, что происходит?*

#FakeNewsVideo

– Эй, дрон, ты правда из FakeNews? – спросил один из трех стоящих в вонючем переулке парней.

Все они были молодыми, мускулистыми и вооруженными, а лица прятали под настоящими, а не нарисованными масками.

– Вы сказали, что я смогу сделать интересный репортаж, – спокойно ответил Бобби.

– Я спрашивал не об этом, – возмутился парень. – Отвечай на вопрос!

– Спокойно, – урезонил вспыльчивого друга обладатель компактного автомата «хеклер-кох». Двое остальных парней были вооружены дробовиками. – Я по голосу слышу, что это Челленджер.

– Голос можно подделать.

– Зачем?

– Чтобы нас арестовать.

Автоматчик покачал головой и повернулся к дрону:

– Ты еще здесь?

– Нет, улетел.

– Извини моего друга – он немного нервный.

– Я уже обо всем забыл.

– Мы тебя позвали, чтобы показать всему миру придуманный нами способ отлова Алых. Наш способ должны увидеть все, а у тебя крутой трафик.

– Один из лучших, – скромно подтвердил Челленджер.

– Будет круто, если все увидят, как мы обходимся с Алыми.

– Они убили моего брата, – сообщил вспыльчивый.

– Поэтому он такой нервный, – вернул себе слово автоматчик.

– Ты нас снимаешь?

– Да.

Автоматчик вскинул подбородок и с пафосом рассказал:

– Все знают, что Алые недоверчивы и не подпускают к себе людей. Алые нападают исподтишка и первыми стреляют, если подойдешь к их убежищу, но мы нашли способ разобраться с проклятыми чертями!

Взгляды парней устремились «внутрь», как это бывает, когда люди сосредотачиваются на наноэкране, и через несколько секунд на них появились «обложки» Алых: красная кожа, черные круги вокруг глаз, безгубые рты, оранжевые ногти… «Обложки» были невысокого качества, явно сделанные на дешевых craft(art), но издалека парней можно было с легкостью принять за настоящих Алых.

– Мы не можем воспроизвести мерцающую ртуть в глазах, поэтому наденем темные очки, – сообщил автоматчик. – А отсутствие красных цифр никто не заметит.

– Зачем вы это делаете? – очень тихо спросил Бобби.

– В том доме засели Алые, – автоматчик мотнул головой в сторону трехэтажного здания. – Они подпускают только своих, а мы теперь как бы свои.

Вспыльчивый захохотал и потряс над головой дробовиком:

– Убьем их всех!

– У тебя будет отличный репортаж, – пообещал автоматчик.

И они неспешно, поскольку среди Алых чаще попадались пожилые, направились к дому. Остановились шагах в тридцати, ответили, подтвердив, что являются олдбагами, вошли внутрь и сразу открыли огонь, беспощадно уничтожая прятавшихся в доме стариков. Изумленных. Не ожидавших подвоха.

И все, что мог сделать Челленджер, – это вызвать за кадром полицию, сообщив, что группа Алых истребляет невинных граждан, и показать в эфире, как специальный отряд расстреливает не успевших ничего понять парней…

Форт Кэмпбелл США, Кентукк август 2029

– Это была мясорубка, сэр, – мрачно рассказал майор Шелдон, глядя генералу Стюарту в глаза. – Боевые действия заключались в том, что олдбаги сопротивлялись. Отчаянно, жестоко? Да, отчаянно и жестоко. Но после того, как мы подтянули резервы, их шансы упали до нуля. Мы вырезали Статен-Айленд, сэр… полностью.

– Они подняли мятеж, – глухо отозвался старик.

– Они защищались.

– Они должны были сдаться.

– Вы не хуже меня знаете, сэр, как это бывает, – вздохнул

Шелдон. – Когда на территории действуют три силы, причем две из них представляют собой плохо организованные нерегулярные отряды, люди предпочтут прятаться или защищаться.

– Вы могли не стрелять в олдбагов, Дакота, над каждой старой башкой краснеют цифры suMpa.

– Мы стреляли только в ответ, – рассказал Шелдон. – Однако отвечать пришлось часто. Слишком часто…

Майор замолчал, но когда Стюарт решил, что продолжения не будет, и открыл рот, чтобы утешить подчиненного, неожиданно вернул себе слово:

– Вы видели, как горит дом под «обложкой», сэр? Очень странное впечатление: пламя есть, а красивенький, нарядный фасад никак на него не реагирует, остается целым, не идет пузырями краска, не отваливается штукатурка, не лопаются стекла. Пламя есть, а дому хоть бы хны. И лишь когда начинают погибать наноботы, перед глазами проступает правда: и пузырящаяся краска, и лопнувшие стекла… А крики тех, кого бандиты заперли внутри, слышны с самого начала.

Шелдон залпом допил остававшийся в стакане виски.

Отправляясь в Нью-Йорк, Дакота думал, что придется работать точечно, против наиболее дерзких отрядов «Напуганных граждан», крушить их на подходах к боро олдбагов, чтобы не допустить столкновений. Думал, что станет спасателем, а оказался в эпицентре ада, в который обратился Статен-Айленд после прорыва, оставался в нем три дня и своими глазами видел ужасы, которые не рискнул показать даже славящийся жесткими репортажами Бобби Челленджер.

После восстановления порядка Шелдон вернулся на базу и сразу отправился к Стюарту. Поговорить. А из кабинета генерала собирался в бар – напиться.

– Алые выглядят ужасно, сэр. Внешне – настоящие твари, уродливые монстры, вызывающие неприязнь и отвращение. Они совсем не похожи на людей, но я не могу отделаться от ощущения, что это люди. Они ведут себя, как люди: помогают друг другу, заботятся, спасают и жертвуют собой. Я видел Алого, который пошел на смерть, чтобы его друзья и родственники сумели выбраться из окружения. И еще я видел солдата, который застрелил пытавшегося сдаться Алого, я видел отвращение, которое было написано на лице солдата, я видел…

Стюарт молча добавил виски в стаканы.

– Это отвращение было вызвано одним-единственным фактом: тем, как выглядел Алый. Окажись на его месте обычный старик, солдат помог бы ему, защитил, потребовалось бы – прикрыл собой… Я знаю этого солдата и уверен, что он поступил

бы именно так. Но внешний вид Алого заставил парня надавить на спусковой крючок. И я… – Дакота опустил голову. – Я отвернулся, сэр.

– Что у них внутри? – вдруг спросил Стюарт.

– Извините? – Шелдон непонимающе посмотрел на генерала.

– Что у них внутри? – повторил старик. – Неужели ты не поинтересовался, что прячется под красной шкурой?

– Врачи сказали, что внутри Алые ничем не отличаются от людей, – ответил Дакота. – Анатомия абсолютно идентична обычной, человеческой, видимо, вирус ее не затрагивает.

– Интересно, да? – улыбнулся Стюарт.

– Что именно? – не понял майор.

Вместо ответа генерал поднял стакан, отсалютовал Шелдону, сделал глоток и совсем тихо, как будто в экранированном кабинете их мог кто-то подслушать, произнес:

– Нужно заканчивать это дерьмо.

– Но как, сэр? – растерялся Дакота.

– В первую очередь необходимо отыскать Орка, он явно знает больше, чем уже сказал, – произнес Стюарт, и Шелдон понял, что генерал не изобретает план «на ходу», а продумал его давным-давно. – Нужно найти Орка, послушать, что он скажет, и решить, что делать дальше. Это нужно сделать, потому что я не хочу, чтобы мои парни продолжали убивать стариков. И многие офицеры, с которыми я общаюсь, думают так же. Мы слишком долго были инструментом, пора разобраться, какие задачи решают с нашей помощью.

– Согласен, сэр, разобраться пора, – медленно ответил Шелдон. – Но ведь полковника подстрелили и держат под охраной в Калифорнии.

– Мы ведь говорим об Орке, – улыбнулся Стюарт. – Уверен, он что-нибудь придумает.

* * *

***CNN**: Это казалось невозможным, но это случилось: Орк совершил побег! По непроверенным пока данным, кто-то из охранников военно-медицинского центра оказался тайным сторонником самого известного преступника планеты…*

***REUTERS**: Европейский союз согласен передать Алым все Британские острова и принять эвакуирующихся людей, однако представители монархии требуют добавить к списку «алых» территорий Скандинавский полуостров, угрожая в противном случае поднять восстание на всей территории Европы…*

***BBC**: Директор GS Руперт Карсон пообещал приложить все силы для поимки полковника Орсона, преступника и террориста, бежавшего из военно-медицинского центра в Сан-Диего два дня*

назад…

***France24**: Необходимо помочь Ирландии в борьбе с Алыми колонизаторами…*

***Xinhua**: Нынешние правители Европы слишком сильно увлечены историей Средневековья…*

***Ciliophora Project**: Мы всегда говорили, что алый – истинный цвет России, и радостно приветствуем тех, кто, не жалея себя, борется с проявлениями имперского мышления…*

***FakeNews Corp.**: Теперь, когда Орк вновь на свободе, скучно не будет…*

* * *

Манхэттен США, Нью-Йорк август 2029

Город успокоился и стал таким же красивым, как до Вспышки и даже до Вспышек: и до Первой, и до Алой. Стал чистеньким, аккуратным, очень уютным. Стал деловым, чванливым и ярким. Стал тем Нью-Йорком, который воспевали поэты, Яблоком, в которое стремятся люди со всего мира.

Чтобы забраться в него и стать похожим на счастливого червя.

Нью-Йорк стал большой рождественской открыткой, несмотря на то, что до декабря оставалось несколько месяцев: прекрасные дома, блестящие автомобили, в основном дорогие, улыбающиеся или погруженные в себя люди. Красивые люди, на чьих лицах нет ни тени хмурости или уныния, на чьих прекрасных телах изящно смотрятся дорогие и красивые одежды. Или прикольные «обложки», вызывающие у красивых окружающих людей добрые улыбки: гномы, эльфы, мультяшные красавицы, супергерои…

Нью-Йорк снова стал столицей мира. Нового мира, которому важно выглядеть, а не быть.

И Орк смотрел на город отчужденно.

Не видя смысла в ложной красоте.

И не стал прогуливаться, как обязательно делал раньше, до того, как узнал, насколько сильно влияют на облик города трудолюбивые наноботы. Не стал прогуливаться, потому что открытки можно посмотреть, сидя в удобном кресле.

Бен прилетел в JFK поздно вечером и сразу отправился в бар «The Press Lounge», в заведение, которое несколько дней назад было выкуплено у хозяев и с тех пор закрыто для посетителей; на крышу, с которой открывался превосходный вид на город и на которую новые хозяева выставили рояль. Чтобы в тихий час заката наигрывать бессмертную «New York, New York», наблюдая за тем, как над высоченными домами одна за другой появляются прекрасные звезды…

– Слишком красивое небо, – негромко произнес Орк. –

Неужели его тоже обрабатывают наноботами?

– Не думаю, что все настолько плохо, – отозвалась Мегера, замедляя темп, но продолжая наигрывать мелодию.

– Почему нет?

– Должно же в этом чертовом мире остаться хоть что-то настоящее.

– Других вариантов, кроме неба, нет?

– Предложи, – почти равнодушно сказала девушка.

Она избегала смотреть Орку в глаза. И вообще: избегала смотреть на него, сосредоточившись на клавишах. Хотя было понятно, что «New York, New York» Эрна способна сыграть с закрытыми глазами.

– Чувства, – со спокойствием, которого в действительности не испытывал, ответил Орк. – Чувства нельзя обработать наноботами и скрыть под «обложкой».

– Люди справляются, – обронила Мегера.

И впервые сфальшивила. Правда, мгновенно поправилась, продолжила наигрывать мелодию, но сбилась. Сбилась, когда Орк заговорил о чувствах, обвинив ее…

– Он сказал, что ты сам обо всем догадался, – сменила тему девушка. – Он сказал, ты сам понял, что я тебя обманываю.

– Да, – коротко подтвердил Бен.

– Как?

– Нашел стихотворение, которое ты декламировала в Риме, и прочитал до конца.

И в этот безысходный час,
Когда последний свет погас
На дне молчанья и забвенья,
И древний Рим исчез во мгле,
Свершалось преосуществленье
Всемирной власти на земле:
Орлиная разжалась лапа
И выпал мир.
И принял Папа
Державу и престол воздвиг.
И новый Рим процвел – велик
И необъятен, как стихия.
Так семя, дабы прорасти,
Должно истлеть…[24]

– Я не верю, что ты обо всем догадался, лишь прочитав стихотворение. – Эрна выдержала короткую паузу. – Говори правду.

– Я всегда говорил тебе правду.

– И перестань вести себя, как ребенок.

Бен тихо выдохнул, покрутил головой, словно удивляясь собственной выдержке, и спокойным голосом продолжил:

– Ты прятала лицо под «обложками» до тех пор, пока не установила мне «GeniusM», меняла цвет глаз и волос, называла себя разными именами, но если ты надеялась, что я не пойму, что сплю с одной женщиной, ты, получается, считала меня полным имбецилом.

– Спасибо, Орк, – мягко улыбнулась девушка. – Мне приятно слышать эти слова, я рада, что не сумела тебя обмануть. И прости: я должна была притвориться Беатрис, чтобы подготовить тебя к появлению Мегеры.

– Когда ты явилась в первый раз, тебя звали Келли.

Эрна вздрогнула, прекратила играть, но по-прежнему смотрела на клавиши. Через секунду спросила:

– Ты и об этом догадался?

– Я не догадывался, я вспомнил, как вела себя Келли в постели, вспомнил ее манеру говорить и выстраивать фразы. Я подметил все это в Беатрис, а потом, когда она так вовремя «погибла», услышал те же интонации от тебя.

– И остался со мной?

– Если женщина врет, это еще не повод от нее бежать.

– Тебе некуда было бежать!

– Я мог бы свернуть тебе шею и начать все заново.

– Что же тебе помешало?

– Твои слова, твои глаза, твоя манера задумываться на ходу, твоя улыбка, – Орк помолчал. – Как же тебя все-таки зовут?

И вот тогда она подняла голову и, глядя мужчине в глаза, отчеканила:

– Эрна Феллер.

Не умоляя о пощаде. Абсолютно спокойно ожидая решения Бена.

– Кто ты ему? Дочь?

– Племянница.

– Я слышал, семья Феллера погибла.

– Во время цунами, – подтвердила Мегера. – Эта катастрофа разорвала его мир и, кажется, окончательно свела с ума. До цунами А2 жил ради дочери, после – всегда искал смерти и всегда ее избегал. Он ведь фартовый, умный и очень сильный, очень… Он настолько сильный, что сумел спастись во время цунами, и это, это… Это невероятно. А2 неистово силен, а когда ему не хватает – берет из своей воли, она у него железная, и делается еще сильнее, в десять раз сильнее – и всегда добивается того, чего хочет. – По губам Эрны скользнула грустная улыбка. – Во время цунами А2 сотворил чудо: спасся сам и вытащил меня,

сам захлебывался, а меня держал, тянул, готов был пойти на все, потому что думал… – На глазах Мегеры выступили слезы. – А2 думал, что спасает дочь. Мы с Анной очень похожи… были очень похожи, и я… Я никогда не забуду, как он посмотрел на меня, когда вытащил и понял, что ошибся. Не забуду, как он выл, сидя перед океаном. Никогда… А потом, когда нас отыскали его люди, мы договорились, что я исчезну. Скажусь мертвой.

– Почему?! – изумился Орк.

– Он не мог меня видеть, – Эрна вытерла слезы, которых не стеснялась. – На самом деле это к лучшему: я всегда была черной овцой в нашей не очень большой, но очень древней семье и с радостью вырвалась из круга инвесторов.

– Он тебя выгнал, а ты ему помогаешь?

– А2 прекрасно разбирается в стратегических инвестициях и современных технологиях, но в первую очередь он великий психолог, – ответила девушка. – Я высоко поднялась в outG, и когда он обратился за помощью, не смогла отказать. Мне нужно было попросить прощения, нужно было отдать ему хотя бы часть того, что он отдал мне.

– И ты предала меня?

Мегера слабо улыбнулась:

– Ты ведь понимаешь, что должен был умереть?

– Еще в апреле, – вдруг сказал Орк, и получилось нечто вроде шутки.

А потом они замолчали, потому что одновременно вспомнили слова, которые Мегера сказала, когда он в прошлый раз пошутил насчет смерти, и поняли, что не хотят продолжать пикировку. Даже в шутку.

Она прикоснулась к клавишам, но не нажала на них.

Он помялся, переступив с ноги на ногу.

Она знала, что он не уйдет.

Он знал, что она это знает.

И оба знали, что больше не расстанутся. Никогда не расстанутся.

– Что собираешься делать теперь? – поинтересовался Орк.

– Не знаю, что хочу делать, но твердо знаю, как хочу делать, – ответила Эрна. – Я хочу, чтобы мы всегда решали вместе: бежать или возглавить корпорацию, начать войну или договориться, поселиться в Нью-Йорке или Коста-Рике… Я хочу, чтобы мы с тобой всегда и все решали вместе. Ты и я. Потому что я…

Орк подошел и нежно взял в ладони лицо Мегеры.

– Потому что ты – моя женщина?

И увидел на ее губах обожаемую тень улыбки.

– Нет, дурачок, – прошептала Эрна, глядя мужчине в глаза. –

Потому что я тебя люблю.

#orcVideo23

– Меня зовут Бенджамин «Орк» Орсон, и я такой же, как вы, орки, абсолютно такой же. Я вижу то, что видите вы. Я смеюсь над тем, над чем смеетесь вы. Я играю, выпиваю, делаю ставки, люблю, ненавижу… Я – это вы, орки, но таких, как я, мало, потому что я знаю, что живу во лжи. И мне не все равно.

Эту запись сделали на каменистом пляже: Бен стоял на линии прибоя – без обуви, но не подвернув брюки, и смотрел то на горизонт, то в камеру, причем в камеру – редко. Смотрел на закат, и зрители смотрели вместе с ним, наблюдая за медленно уходящим солнцем.

– Что для вас ложь, орки? Хороший способ получить прибыль? Или наставить кому-то рога? Или обида, когда рога наставляют вам? Вас никогда не интересовала правда, орки, вы всегда предпочитали ей спокойствие, предпочитали закрывать глаза на то, что способно разрушить приятный, уютный мирок. Вы миритесь с обманом в отношениях с женой и с властью, слушаете только тех, кто говорит то, что вы хотите услышать, и ничто не способно поколебать ваш консерватизм. Я искренне верил, что глобальная Сеть станет вехой в развитии цивилизации, ведь с ее помощью можно без труда добраться до любой информации, но вы обленились настолько, что перестали нажимать на кнопки, и пока вы спали, Сеть превратили в механизм порабощения… Как было задумано изначально. – Орк помолчал и грустно добавил: – А ведь у вас был шанс.

Поднял плоский камень и пустил его по плоскому, как стол, абсолютно спокойному морю. И Бобби позволил зрителям сосчитать количество прыжков – их оказалось девять.

– Когда-то ложь считалась грехом, но вы придали ей статус закона, одного из фундаментальных законов общества. Вы забыли, что грех остается грехом, в какую упаковку его ни прячь, а главное, вы забыли, что в начале было Слово, и искажая Слово, вы искажаете саму жизнь. Ложь не может быть фундаментом, орки, в ней нет ни крепости, ни надежности. Суть лжи – искажение, и мир, на ней воздвигнутый, уйдет в небытие. Он станет для вас небытием, орки, фантастически привлекательным и абсолютно ненастоящим. Но вам все равно.

Солнце почти скрылось, тьма наступала с моря, жадно разрушая реальность дня, но Орк пока еще был виден отчетливо. И по-прежнему почти не смотрел в камеру.

– Желать казаться лучше, чем есть, – в природе человека, и эту маленькую слабость нужно принимать. Иногда она помогает, ведь, пыжась казаться лучше, некоторые и в самом деле начинают

меняться. Но в подавляющем большинстве случаев вы, орки, хотите обрести желаемое без усилий и пускаете пыль в глаза, не задумываясь о будущем. Вы покупали машины, которые вам не по карману, шубы, которые не были вам нужны, и гаджеты, которые устаревали через год. Фотографии ваших самодовольных улыбальников заполоняли социальные сети, и ваша глупость позволяла крутиться колесам экономики потребления. Но рано или поздно любая кредитная история подходит к концу, настает время платить по счетам, и вы оказались банкротами, орки, вы все. Однажды экономика рухнула, но вы этого не заметили, потому что к этому моменту ее перевели на другие рельсы. Мы стали не быть, а казаться. Каждый получил то, что хотел, и даже немного больше, и каждый убедил себя, что между быть и казаться не такая уж большая разница. Точнее, что ее нет вовсе.

На последних словах Орк повернулся и медленно пошел на глубину, словно надеясь догнать и спасти тонущее солнце, вытащить его из наступившей тьмы и заставить вновь засиять, окутывая планету ярким светом.

– Вы так долго спали, орки, что не заметили, как изменился наш чертов мир. Он стал настолько другим, что вы перестали его понимать и, чтобы не сойти с ума, считаете прежним. Но как понять мир, если все вокруг – ложь? За что зацепиться, где найти точку опоры для рычага, который все перевернет? И нужна ли вам эта опора? Ведь вы хотите, чтобы все осталось как есть, не так ли?

Орк остановился в месте, где вода доходила ему до груди и задумчиво провел по ней рукой.

– Выбрав ложь, вы следуете по ее пути, цепляетесь за нее в жалкой попытке удержаться, соскальзываете, громоздите следующую, еще более чудовищную ложь и с ужасом наблюдаете за тем, как все вокруг обращается в прах. И тогда вы говорите: «Будет так» и соглашаетесь жить в небытии. Соглашаетесь жить в мире, в котором нельзя доверять своим глазам, но который настолько красив, что вам становится все равно. Ложь сделалась вашим проклятием, орки, но вам все равно, вам абсолютно все равно, потому что вы сделали проклятие законом.

Орк улыбнулся и мягко нырнул, скрывшись под темной водой.

А за ним последовало Солнце.

Военно-медицинский центр США, Сан-Диего август 2029

Палата была просторной, вмещала в себя не только стандартную больничную кровать, но и «уголок для посетителей» с двумя креслами, небольшим диваном, столиком, книжным шкафом и мини-баром, заботливо пополняемым по мере необходимости. Большая ванная комната, рядом с ней – большая

гардеробная. Скорее всего, апартаменты предназначались для старших офицеров, но сейчас были отданы в полное распоряжение Орка, превратившись в странную смесь больничной палаты, гостиничного номера и тюремной камеры. Окна без решеток, но створки не открываются, а стекло бронированное, не всякая противотанковая ракета возьмет; двери металлические, всегда блокированы, в коридоре два охранника; активная система РЭБ «гасит» любую связь и любые автономные устройства, скрывая правду о самом известном преступнике планеты. Вся информация – только из официальных новостей, в которых говорится, что полковник Бенджамин Орсон пребывает между жизнью и смертью.

– Как будто кот Шредингера, да? – рассмеялся А2, разваливаясь в кресле. – Никто не знает, что с тобой происходит.

– Ты знаешь, – заметил Орк, устраиваясь напротив.

– Да, я знаю.

Несколько секунд мужчины пристально смотрели друг другу в глаза, после чего А2 произнес:

– Меня зовут Александр Адам Феллер. Помимо всего прочего, я владею компанией «Iris Inc.».

– Прежде чем мы заговорим о том, ради чего ты явился, я хочу знать, почему Эрна меня избегает?

А2 вздрогнул.

– Кто такая Эрна?

Орк поморщился:

– Пожалуйста, не оскорбляй меня. Я знаю, ты считаешь меня не очень умным человеком, но… Не настолько же.

Еще одна короткая пауза, во время которой удивленный Феллер просчитывал возможные варианты развития разговора, выбрал оптимальный и очень серьезно ответил:

– Эрна боится.

– Я ее не трону.

– Она не этого боится, тупая ты обезьяна, – прежним, непривычным для себя серьезным тоном, к которому крайне редко обращался, продолжил А2. – Эрна боится, что твоя любовь к ней превратилась в ненависть.

– Нет! – машинально сказал Орк. Тут же отшатнулся, признав, что продемонстрировал слабость, но Феллер никак на это не среагировал. Феллер продолжил смотреть на Орка, и тот криво усмехнулся: – В том числе ты пришел узнать, как я к ней отношусь…

– Я не самый простой человек на Земле и, разумеется, не самый хороший, но Эрне я желаю только добра, – А2 потер бороду. – Ты под мое определение добра не попадаешь никак, но

она тебя любит, уж не знаю за что, и я не собираюсь мешать.

Они снова помолчали, а затем Феллер сказал:

– Угости меня виски, в баре должен быть очень хороший.

И Орк подчинился, потому что, в конце концов, он был хозяином, а виски действительно был великолепен. Да и настало время выпить.

– Зачем я понадобился? – спросил Бен, сделав первый глоток. – Ведь ты можешь нарисовать все, что пожелаешь, создать виртуальную личность любого уровня и превратить ее в фигуру планетарного масштаба. Зачем понадобился я?

– Орки съедят любую ложь, а инвесторы – нет, на них работала GS, на них работали все спецслужбы мира, и они без труда вскрыли бы виртуала, – объяснил А2, задумчиво разглядывая стакан на просвет. – Тот факт, что я их обманул, не говорит о том, что стратегические инвесторы идиоты, – просто я оказался умнее. И в своей игре я должен был опираться на настоящего человека, не имеющего ко мне никакого отношения: на человека сильного, упрямого, с подтвержденной историей, которая вызовет сочувствие орков. На человека, из которого, как ты правильно выразился, я смог бы вылепить фигуру планетарного масштаба.

– Как же я попал в поле зрения?

– Случайно, – ответил Феллер, глядя Бену в глаза. – Можешь не верить, но я даю слово, что Сара погибла случайно. И только затем мои скауты наткнулись на тебя, и ты подошел по всем параметрам.

– Значит, это ты уничтожил мою семью?

А2 неопределенно пожал плечами и сделал глоток виски.

Для человека, который разрушил мир и убил миллионы человек, смерть одной женщины не являлась чем-то важным, но при этом… При этом Орк неожиданно понял, что не считает сидящего напротив мужчину чудовищем. В А2 не было ненависти, агрессии, садистского желания убивать – не было ничего, кроме космически холодного безразличия и абсолютной уверенности в собственной правоте.

Перед Орком сидел фанатик.

– Почему меня не убили? Я сыграл свою роль и должен был погибнуть в бою с властями.

– Эрна попросила не трогать, – честно ответил Феллер. – Хотя, конечно, имело смысл свернуть тебе шею.

– Чтобы замести следы?

– Я не преступник, – веско произнес А2. – Я строю новый мир, и миф, который станет его фундаментом, должен быть безупречен.

И эти слова, произнесенные спокойным, чуточку отстраненным тоном абсолютно убежденного в своей правоте человека, взорвали Бена.

– Новый мир?! – почти выкрикнул он. – Ты обрушил все, что еще держалось, создал хаос и развязал войны по всей планете. Ты превратил стариков в добычу, ты…

– А чем это должно было закончиться?

И негромкий вопрос стал иголкой, которой Феллер лопнул надутый до последнего предела шар Бенджамина.

– Что закончиться? – глупо спросил Орк.

– Предыдущая версия цивилизации, – ответил А2, позабыв посмеяться над недогадливостью собеседника. – Или ты думаешь, мы с Паркером случайно совершили открытие? Работа над созданием наноэкрана велась целенаправленно с того самого момента, как стало понятно, что smartverre не обеспечивают требуемый инвесторам уровень контроля. Я поставил на Паркера, Арчер – на другую лабораторию, дядя Сол – на третью, но мы с Филипом пришли к финишу первыми, поэтому появилась «Iris Inc.». И другой корпорации не будет.

– Почему? – вырвалось у Бена. – Вдруг кто-то из инвесторов разработал систему, которая превзойдет открытия «Iris Inc.»?

Несколько секунд Феллер смотрел на Орсона, как на таракана, который неожиданно заговорил, после чего поинтересовался:

– Ты когда-нибудь слышал о Теории опережающих технологий? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Византия начиналась тяжело, но появились катафракты, и империя надолго стала грозой соседей. В XIX веке китайцев было чудовищно много, но англичане привезли пулеметы, с помощью которых в буквальном смысле слова усеивали поля сражений мертвыми телами. Сербские сепаратисты могут сколь угодно кичиться своей доблестью, но неядерный удар с современного спутника способен создать кратер на месте любой горы, и этот факт удерживает их от необдуманных действий. Опережающие технологии гарантируют успех, но требуют колоссальных вложений. Я взял у инвесторов гигантские даже по их меркам деньги и обеспечил «Iris Inc.» непреодолимый технологический отрыв от конкурентов. – Он улыбнулся. – Раньше властители собирали земли, теперь – технологии. Именно из них я построю будущее.

– И каким оно будет?

– Не таким, как сейчас.

– А… – Орк хотел спросить о чем-то другом, но мысль насчет технологий не отпускала. – А что будет, если вдруг явится гений и взломает тебя?

– Где гений получит образование? – с неподдельным интересом осведомился Феллер. – Современная наука давно превратилась в разновидность магии. Например, для того чтобы хотя бы в общих чертах понимать, о чем говорит Паркер, нужно учиться не менее пятнадцати лет. Оглянись вокруг: много ты знаешь таких людей? Современные «программисты» работают по шаблонам, складывают домики из кубиков, которые мы им подсовываем, и уверены, что ведут цивилизацию вперед. Все их «прорывные» стартапы – это возня в песочнице. Люди, способные осознать колоссальные возможности OS «suMpa», я уж не говорю о том, чтобы превзойти их, должны учиться этому годами, а доступ к знаниям мы контролируем давно и плотно, ведь в знаниях – залог нашего превосходства. Так что нет, друг мой, я не боюсь, что однажды чертиком из коробочки выскочит гений и взломает меня. Такое попросту невозможно.

Эта фраза стала самой страшной из всех, что услышал Орк от Феллера.

– Таким ты хочешь сделать будущее? Кастовое общество, в котором судьба любого человека определена еще до его рождения?

– Это не мой замысел, – A2 грустно улыбнулся. – Я прекрасно понимаю твое сложное отношение ко мне, но я не «черный властелин», а меньшее зло. Абсолютная власть требовалась инвесторам для создания рая – рая для них и их детей. Проект «Elysium» должен был поглотить мир, окончательно превратить планету в собственность элиты, правящей небольшим количеством вечно молодых и абсолютно послушных подданных. Потребление ресурсов снизится. Экология восстановится. Воцарятся благоденствие и покой. Им казалось, что проект «Elysium» вознесет цивилизацию на вершину, но я решил, что он станет тупиком. И начал войну.

– Ты убил миллионы людей!

– Они были обречены, – пожал плечами Феллер. – Зато остальные остались свободными.

– Свободными от чего?

– Просто: свободными, потому что свобода – это абсолют.

И снова – непробиваемая убежденность в правоте. Но не слепая вера в выдуманную догму, а четкое и неукоснительное следование хладнокровно разработанной концепции.

– Что дальше? – устало спросил Орк.

И услышал неожиданно искренний ответ.

– Я хочу к звездам, – тихо сказал Феллер, глядя на собеседника через стакан. – Я хочу в дальний космос. Хочу своими глазами увидеть то, о чем мечтал, читая в детстве книги.

Я хочу…

– Нарисуй, – предложил Бен. И, прежде чем A2 ответил, с жаркой издевкой продолжил: – Твоя власть абсолютна, ты можешь хоть завтра организовать прилет инопланетян, увидеть их и даже потрогать, ты… – Орк прищурился. – Ты построил мир, покоящийся на идеальной системе обмана, но откуда ты знаешь, что видишь действительность, а не реальность? Не получится ли так, что незаметный клерк из «Iris Inc.» транслирует на твой наноэкран то, что считает нужным?

– Не получится, – качнул головой Феллер и принялся сворачивать самокрутку.

– Откуда ты знаешь?

– Я не подключен.

– Что?! – изумленно воскликнул Орк.

– Правильный дилер свой товар не пользует, – рассмеялся A2, весьма довольный произведенным эффектом. Щелкнул зажигалкой и глубоко затянулся. – Думал, ты знаешь эту нехитрую истину.

– Но как это возможно? – Бен был настолько ошарашен, что не среагировал на то, что A2 курит запрещенный табак. – Тебе бы не позволили остаться без чипа.

– Молодец, все понял верно: мне бы действительно не позволили, – подтвердил Феллер, весьма довольный произведенным эффектом. – Не будь я подключен, мне бы не доверили проект «Elysium», вот и приходится таскать эти чертовы виртуальные smartverre. – Феллер прикоснулся к виску, словно потрогав дужку очков. – Они незаметны, но они есть, обеспечивают мне постоянное подключение к ar/G и, как следствие, отсутствие подозрений со стороны инвесторов. Прекрасная технология, у которой всего один недостаток: smartverre можно снять в любой момент. – Еще одна пауза. – Наверное, я последний на Земле человек, который может видеть правду, но при этом, поверь: увидеть правду и понять, что видишь правду, не всегда одно и то же. Многие не замечают и не понимают истины, которая лежит у их ног.

– Выступления! – догадался Орк, чувствуя себя последним идиотом.

– Идеи и тексты, которые тебе подбрасывали Мегера и Бобби, идеи и тексты, которые вы обсуждали и которые ты правил, а потом излагал на камеру, – все они были моими. А некоторые выступления я даже сам записал, сидя перед камерой в твоей «обложке», – A2 поставил опустевший стакан на стол и подвинул к Орку, показывая, что следует добавить. – Как тебе такая правда, Бен? Каково знать, что ты – мое произведение?

– Ты и есть Орк, – убито прошептал Орсон.

– Но с этого момента наши пути разойдутся, – пообещал А2. Он затянулся последний раз и бросил окурок в больничный стакан с водой. – Теперь ты полностью станешь самим собой и сможешь делать все, что пожелаешь. Даю слово.

– А если я начну войну против твоего мира?

– Ты должен начать войну против моего мира, – резко ответил Феллер и тем окончательно поставил Орка в тупик.

– Почему?

– Потому что должен! – Впервые с начала разговора А2 показал чувства. Швырнул Бену в лицо настоящие эмоции. – Сейчас между орками и самой страшной, самой устойчивой диктатурой в истории цивилизации стою только я. Только мое нежелание владеть миром! Я добью стратегических инвесторов, присвою их богатства и начну строить будущее. А ты придумай, как заставить орков вернуться в действительность. Придумай, как сломать этот чертов мир! Объясни оркам, что ложь, в которой они согласны жить, способна привести их только в «Elysium». У тебя для этого есть все: сила, упрямство, ненависть ко мне и Эрна, которая тебя ждет и готова идти хоть на край света. – А2 поднялся, постоял, глядя на изумленного собеседника, затем снял с шеи черную веревочку, на которой висела серебряная монета, и вложил ее в руку Орка. – Если талисман останется у меня, ты точно ничего не сможешь сделать.

Улыбнулся и исчез.

Стал невидимым, запретив наноэкрану Бена себя видеть.

Абсолютный властелин.

Мы крайне редко задумываемся над тем, в каком чудесном мире живем.

Мы придумали уникальную цивилизацию, основанную на лжи и являющую собой ложь, и предложили ее людям. И люди приняли цивилизацию лжи, согласившись видеть только то, что красиво и приятно глазу. Люди так сильно захотели жить в кино, что согласились стать ненастоящими. Выбрали небытие, обозвав его реальностью. А самое страшное заключается в том, что этот песочный замок продержится много дольше иных крепостей, потому что его обитатели будут цепляться за ложь до последней возможности, до последнего вздоха. Потому что его обитатели, кем бы они ни были, на какой бы ступеньке ни стояли, живут в раю. Каждый – в своем собственном. Каждый видит себя таким, каким хочет, ездит на той машине, на какой хочет, и ест то, что хочет.

Каждому достался свой «Elysium».

– Но это же страшно, – сказала моя женщина, когда я

поделился с ней этими мыслями.

– Поэтому мир должен измениться, – твердо ответил я.

– Снова? – вздохнула моя женщина.

– Всегда. Колесо не сделало круг и замерло на середине изменений. Мы должны провести наш мир через suMpa и вернуть ему то, чего лишили: действительности. Иллюзия рая оказалась тяжким испытанием, но мы должны отказаться от нее, чтобы идти дальше.

– К звездам?

– К звездам, – подтвердил я.

И она ни на секунду не усомнилась, что я смогу.

Прижалась к моему плечу, улыбнулась и тихо спросила:

– Обещаешь ответить честно?

– Я никогда тебе не лгал.

Она об этом знала и поблагодарила меня поцелуем. А затем спросила:

– Не могу поверить, что ты готов добровольно отказаться от абсолютной власти. Зачем ты разрешил им сражаться? Меняй мир сам, ты сможешь.

– Смог бы, – поправил я свою женщину. – Но не хочу.

– Почему?

– Слышала о таком понятии: тщетность?

– Разумеется.

– А я его познал.

Моя женщина вздрогнула, поднялась на локтях и вопросительно посмотрела мне в глаза. Не ответить на этот взгляд не было никакой возможности.

– Три года назад я поставил перед научным центром «Iris Inc.» задачу разработать следующее поколение наноэкранов: с биологически активной компонентой, включающей структуру DNA, которая позволила бы родителям передавать данные о наноэкране потомству, а самим устройствам – расти вместе с глазом.

– Ты хотел, чтобы люди рождались с наноэкранами? – прошептала она.

– Да.

– А следующий этап?

Я люблю ее не только за красоту, но и за ум. Она не стала тратить время на ненужные вопросы, а сразу поняла, что должен быть следующий шаг. И, возможно, поняла, каким я планировал следующий шаг.

– Затем должна была последовать замена «балалаек» на биочипы и полное переформатирование структуры Сети с переходом на иной способ связи.

– Грандиозно.

– К сожалению, не получилось, – не стал скрывать я. – Через два года исследований Паркер доложил, что все мною задуманное уже реализовано: и наноэкран с нужной биологической компонентой, и, возможно, иной способ связи. Причем реализовано на более высоком уровне, чем тот, который способна обеспечить «Iris Inc.». То, о чем я мечтал, давным-давно сотворил кто-то другой.

– Кто?

Я пожал плечами, приподнялся и стал сворачивать самокрутку.

– Не знаю. И надеюсь, что система управления утеряна или не работает. Мне было горько осознавать себя марионеткой. Поэтому я хочу к звездам: надеюсь отыскать того, кто меня опередил, и поболтать о разном.

И тогда Карифа вновь меня поцеловала. И крепко прижалась ко мне, выказывая и абсолютное доверие, и абсолютную любовь, и абсолютную уверенность в том, что я смогу.

А когда в тебя верит женщина, понятие «невозможное» исчезает…

Из дневника Бенджамина «Орка» Орсона

#orcVideo36

Тысячи лет вы бежали от действительности в попытках отыскать рай, хоть настоящий, хоть выдуманный, существующий лишь в мечтах и воображении. Несчастные бедняки стремились избавиться от опостылевшей безнадеги безрадостного существования, пресыщенные богачи – в поисках новых развлечений и запретных удовольствий, подразумевая под раем пространство необузданной вседозволенности. Тысячи лет, орки, тысячи лет… Вдумайтесь. А лучше – попытайтесь представить бесконечные годы, в течение которых создавались и рушились империи, открывались континенты, возникали великие религии и научные теории. История человечества причудлива, как свадебный наряд индийской принцессы; каждый год неповторим, как снежинка, но одно оставалось постоянным: ваше недовольство имеющимся. И я не виню вас, орки, ведь вы всегда имели меньше, чем хотели. С одной стороны, это хорошо, потому что жажда большего подняла нашу цивилизацию на высочайший пик. С другой стороны, далеко не все из вас готовы пахать ради достижения поставленной цели, а многие опускают руки после первой же неудачи. Далеко не все из вас бойцы, орки, далеко не все. И те, кто не мог или не хотел сражаться, выбирали мир грез, создавая рай в мечтах или воображении, откладывая бой на потом, и никогда в него не вступая. Одни честно расписывались в собственной слабости, другие убеждали себя и окружающих, что у

них впереди масса времени. Ведь не все из вас бойцы, орки, пусть даже почти все вы носите бороды… следуя моде. Наркотики, алкоголь, сладкие сказки – вы пробовали все, орки, останавливаясь на том, что вам по душе, или сходили с ума: кто-то – от пресыщенности, кто-то – от неудовлетворенности. Вы мечтали об идеале здесь и сейчас, зверели, не получая желаемого, бунтовали, пуская реки крови, и однажды убедили пастухов бросить вам кость. Не самую вкусную, но достаточную, чтобы занять ваши клыки: вам дали иллюзию прав, безбедное существование и надежду на Великий Шанс. И вам начали рассказывать, как хорошо вы живете, лили в уши дерьмо и год за годом вырезали тех, кто задавал неудобные вопросы, приучая безусловно доверять услышанному. Возможности современных медиа колоссальны и скоро, очень скоро по историческим меркам, вы обратились в стадо. Но несмотря на усилия пропагандистов, система управления оказалась неидеальной, ведь как бы сильно вы ни верили пропагандистам, своим глазам вы доверяли больше и замечали рассогласование между выдумкой и действительностью. То, что вы слышали, не всегда соответствовало тому, что вы видели. И поэтому работа продолжилась. Дерзкая работа, призванная совместить выдумку с действительностью, чтобы создать уникальную, абсолютно ненастоящую реальность. Чтобы создать то, что вы называете ar/G, чтобы создать ваш мир, орки, которому я дал имя…

suMpa

язык: тагальский

часть речи: существительное

значение: проклятие

Примечания

1

Гуффи и Плуто – собаки из анимационных произведений The Walt Disney Company.

(обратно)

2

ar/G – глобальная мобильная сеть. AR (Augmented Reality) – дополненная реальность.

(обратно)

3

Железо побежденное *(лат.)*.

(обратно)

4

Огюст Барбье. Гимн смерти.

(обратно)

5

GS (Global Service) – всемирная служба безопасности.

(обратно)

6

«Обложка» *(сленг.)* – визуальная мобильная оболочка, видимая в сети ar/G.

(обратно)

7

Craft(art) – общее название приложений, позволяющих конструировать мобильные оболочки.

(обратно)

8

DNA – ДНК.

(обратно)

9

«Балалайка» *(сленг.)* – общее название вживляемых чипов, возникшее из-за их треугольной формы.

(обратно)

10

РЭБ – радиоэлектронная борьба.

(обратно)

11

Олдбаг – от oldbug, сленговое выражение, появившееся после Воронежского метеорита и обозначающее всех людей в возрасте suMpa, то есть от сорока двух лет и старше.

(обратно)

12

WHO – ВОЗ, Всемирная организация здравоохранения.

(обратно)

13

OS (Operating System) – операционная система.

(обратно)

14

JFK – аэропорт Нью-Йорка.

(обратно)

15

Кротоне – провинция Италии.

(обратно)

16

NYPD – департамент полиции Нью-Йорка.

(обратно)

17

GA – Grand Auto.

(обратно)

18

Кремний квантовый *(лат.)*.
(обратно)
19
Ртуть мерцающая *(лат.)*.
(обратно)
20
Максимилиан Волошин. Преосуществление.
(обратно)
21
Боро – административный район города Нью-Йорк.
(обратно)
22
Невыносимо алый *(лат.)*.
(обратно)
23
Огюст Барбье. Гимн смерти.
(обратно)
24